

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Петар II Петрович Негош
– митрополит, реформатор, поэт

200 лет со дня рождения

Серия "Slavica et Rossica"

Серия “Slavica et Rossica”

Публикация осуществлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 13-04-14023)

Редколлегия: *С. И. Данченко*, доктор исторических наук,
Ю. А. Созина, кандидат филологических наук (отв. ред.),
Н. Г. Струнина,
Н. В. Шведова, кандидат филологических наук.
Рецензенты: *Л. К. Гаврюшина*, кандидат филологических наук,
А. Г. Шешкен, доктор филологических наук.

**Петар II Петрович Негош – митрополит, реформатор, поэт:
200 лет со дня рождения / Отв. редактор Ю.А. Созина. — М.:
ИСл РАН, 2013. — 420 с.**

Настоящий труд, созданный к одноименной международной научной конференции (Москва, 12–13 ноября 2013 г.), является подведением итогов изучения историками и литературоведами многогранной деятельности и наследия Негоша, его связей с Россией и русской культурой, а также отражением современного как научного, так и личного восприятия одной из крупнейших фигур, рожденных славянским миром, гения мирового масштаба.

ISBN-10 5-7576-0286-4
ISBN-13 978-5-7576-0286-8

© ИСл РАН, 2013
© Авторы, 2013
© ООО «Центр книги Рудомино», оформление, 2013

От редколлегии

Петар (Пётр) II Петрович Негош (1813–1851) – выдающийся государственный деятель, правитель Черногории с 1830 г., еще при жизни прославившийся как крупнейший поэт своего народа. В основе его творчества лежит глубокая связь с народной песенной традицией, а политики – столь же глубокая уверенность в жизненной необходимости для Черногории, отстаивающей свою независимость, ориентации на Россию.

Настоящая книга изначально задумывалась как сборник материалов к международной научной конференции, приуроченной к 200-летию юбилею Негоша. Однако результат превзошел самые смелые ожидания. Это полноценный коллективный труд, впервые в отечественной славистике представляющий личность и наследие Негоша максимально многогранно, с различных точек зрения, с использованием новейших достижений исторической и филологической наук. Проект объединил усилия исследователей государственной деятельности и творчества Негоша из разных уголков России (Москва, Калининград, Нижний Новгород, Самара, Санкт-Петербург) и из-за рубежа (Сербия и Черногория). Здесь представлены все поколения ученых, а потому книгу отличают и основательность, и дерзновенность.

Книга состоит из трех частей: исторической, филологической и литературной. Последняя, содержащая стихи и прозу, навеянные легендарным образом, особенно ценна для понимания значения Негоша в наше время – как одного из надежных мостов, объединяющих народы.

В любом собрании разноликих работ на общую тему неизбежны повторы – редколлегией было принято решение не пытаться их избегать, поскольку упоминание одних и тех

же реалий зачастую необходимы авторам для прояснения собственной позиции. В этом смысле каждая из статей является самодостаточной. Были оставлены нетронутыми и разнообразными варианты написания полного имени Негоша, сосуществующие в современной русской традиции, поскольку редколлегия признает право каждого называть своего героя тем именем, которое отзывается в его сердце. Однако на титуле книги дан вариант, зафиксированный в фундаментальном академическом научном труде «История литератур западных и южных славян» (Т. П. М., 1997). По этому же источнику унифицированы некоторые названия произведений Негоша.

Редколлегия искренне благодарит всех тех, кто поддержал настоящий проект и сделал возможным издание книги. Прежде всего авторов, которые, не смотря на заявленный скромный формат, прислали глубокие и основательные работы, но также и тех, кто, ограничившись форматом тезисов, добавил к общей картине оригинальные штрихи. Особая признательность рецензентам и переводчикам за их самоотверженный труд, а также издателям, избавившим устройств от многих хлопот и технических трудностей, – Евгению Николаевичу Резниченко и Павлу Николаевичу Морозову. И, конечно, экспертам Российского гуманитарного научного фонда, чьи имена нам не известны, по достоинству оценившим целесообразность и научную значимость замысла, тем самым обеспечив ему надежную финансовую поддержку.

В основе всего – цельная фигура самого Негоша, сила духа которого до сих пор помогает сохранять веру в Великое Предназначение.

I.

Н. И. Хитрова

Митрополит Петр II Петрович Негош и Россия

Петр II Петрович Негош (1813–1851), черногорский правитель-реформатор и крупнейший поэт, сыграл большую роль в укреплении в Черногории централизованной власти, создании государственных органов в центре и на местах и развитии просвещения¹.

Во время правления Петра II Петровича Негоша значительная часть территории Балкан находилась под властью Османской империи. Среди славянских стран Черногория первая отказалась признавать верховную султанскую власть. Но Порта рассматривала ее частью своей империи и не прекращала попыток утвердить здесь свое господство. Западные державы, в особенности Великобритания и Австрия, придерживались политики статус-кво в Османской империи. Только одна Россия, под покровительством которой находилась Черногория, выступала в ее защиту и оказывала ей дипломатическую и финансовую поддержку. На протяжении длительного времени между двумя славянскими государствами существовали традиционные связи – политические и культурные. Петр II Негош, придя к власти, продолжил политику ориентации на Россию.

Черногория являлась небольшой горной страной, зажатой между двумя могущественными державами: на севере ей преграждала путь к Адриатическому морю Австрия, поэтому для совершения торговых сделок черногорцы по труднопроходимым тропам поднимались в Боку Которскую – в Котор и другие города. На юге ее теснила Турция, захватившая

плодородные земли, что привело к почти полной изоляции от внешнего мира. Население с трудом могло прокормиться в горной местности на крохотных участках земли. Голод был частым явлением. Тогда черногорцы покидали страну, уезжая чаще всего в Сербию или Россию. Ближайшими соседями было население Герцеговинского и Шкодринского санджаков – православные сербы и албанцы-мусульмане, которые стали переселяться сюда во время османского господства. Среди славян были также мусульмане, предки которых приняли ислам. В основном это были землевладельцы, перешедшие в мусульманство, чтобы сохранить свои земельные владения.

Неопределенность государственного статуса Черногории и отсутствие юридически оформленной пограничной линии приводили к частым кровопролитным конфликтам, которые зачастую происходили из-за земельных владений. Каждый клочок обрабатываемой черногорцами земли мог дать повод для распрей, поэтому им приходилось «пахать с ружьем за плечами». Все черногорцы должны были владеть оружием. В результате такой жизни только 2/5 населения умирало своей смертью, а остальные погибали на поле боя или умирали от ран².

Правитель Черногории – митрополит – из-за безбрачия не мог иметь детей и передавать власть по прямой линии, поэтому еще при жизни он был должен позаботиться о своем преемнике. В качестве такового назначался его племянник.

1 (13) ноября 1813 г. в небольшом черногорском селе Негуши в семье Томо Маркова родился мальчик, который при крещении получил имя Радивой (сокращенное Раде). Однако он не сразу стал наследником престола. Митрополит Петр I Петрович избрал своим преемником племянника Георгия Петровича. Но тот после окончания образования в России предпочел поступить на военную службу

в русскую армию. Тогда митрополит обратил внимание на другого племянника – Радивоя, назначив его своим наследником. Будущий черногорский правитель провел раннее детство в родном селении (до 10 лет). Как каждый крестьянский мальчик, он пас скот. Тогда он впервые услышал народные песни и гадания, которые горячо любил. В них воспевалось героическое прошлое черногорцев, что находило восторженный отклик в душе впечатлительного ребенка. Многие песни он знал наизусть и сам пел³.

Раде начал изучать грамоту в Цетинском монастыре, куда его пригласил дядя. Но обнаружив у мальчика способности, он направил его для продолжения учебы к монаху Иосифу Троповичу в монастырь Савина, в Боке Которской, которая тогда находилась в составе Австрии. В конце 1827 г. он вернулся в Цетинье. В дальнейшем его учителем и воспитателем митрополит Петр I назначил своего секретаря, известного сербского поэта Симу Милутиновича Сарайлия (уроженца Боснии), патриотические песни которого пользовались большой популярностью среди сербского народа. Сима Милутинович не мог дать ученику фундаментального образования, но общение с ним пробудило у юноши жажду знаний и любовь к литературе. Зачастую их уроки проходили не в душном помещении, а во время прогулок под открытым небом. В дальнейшем Раде постоянно трудился над углублением своего образования, собрал большую библиотеку, а овладев русским языком, читал труды классиков и даже сам перевел на сербский язык несколько отрывков из «Слова о полку Игореве». Под влиянием Симы Милутиновича он стал сочинять собственные стихи. В дальнейшем он скажет учителю: «Я тебе многим обязан» и посвятит «сербскому певчию», как он его назвал, «Луч микрокосма» (1845)⁴.

После смерти митрополита Петра I Петровича 19 (31) октября 1830 г. скупщина старейшин, подтвердив

его завещание, признала Радивоя законным наследником престола. Он принял монашеский постриг, был наречен именем Петр и затем посвящен в сан архимандрита. На плечи 17-летнего юноши легли тяжелые и ответственные обязанности правителя Черногории.

Петр II Петрович Негош начал правление с активизации внешней политики страны. В 1831–1832 гг. Черногория предпринимает две неудавшиеся попытки овладеть Подгорицей, что вызвало недовольство российского правительства, которое советовало Черногории соблюдать мирные отношения с соседями. Впоследствии, после ссоры с Й. Вукотичем, Петр II возложил на него ответственность за организацию вооруженного нападения на Подгорицу и потребовал вернуть в государственную казну взятые там деньги.

В дальнейшем в своей внешнеполитической деятельности Петр II стал придерживаться принципа сохранения мирных отношений с соседними государствами – османским и австрийским, как это советовала Россия, и о чем постоянно напоминал ее вице-консул Й. Гагич. Тем более, что несоблюдение мирных отношений было чревато для Черногории прекращением выплаты ей Россией государственной субсидии.

Молодому правителю предстояло продолжить реформаторскую деятельность его предшественника. Впоследствии он скажет: «Черногория представляла жалостное позорище⁵ междоусобия и всякого рода несогласий; сильный грабил бессильного, племя с племенем сражалось, и не было и не существовало спокойствия, право сильного торжествовало»⁶. Необходимо было укрепить государственную власть и навести в стране порядок: искоренить племенные междоусобицы и кровную месть, уносящие многие человеческие жизни.

В таких трудных условиях Петр II Негош приступил к реформированию государственного управления⁷. При проведении реформ он встретил сопротивление влиятельных

старейшин, выступивших против укрепления им централизованной власти. Оппозицию возглавлял губернатор (гувернадур) Вуко Радонич, пользовавшийся поддержкой Австрии. Он стремился сосредоточить в своих руках всю власть, сведя функции владыки к исполнению духовных дел. В конечном итоге в этом соперничестве одержал верх Петр II Петрович.

Юный, пока еще не приобретший опыт правитель нуждался в поддержке. Он решил вызвать из России Ивана Вукотича, которому покойный митрополит Петр I поручил представлять там интересы Черногории. В Петербурге Вукотич в своих обращениях к правительству пытался привлечь внимание к бедственному положению черногорского народа и оказанию ему помощи. В ответ на эти обращения в высоких инстанциях было решено выплатить задолженность по государственной субсидии за 1807–1825 гг. Для этого необходимо было изыскать довольно крупную сумму – 17 тыс. дукатов (червонцев). Сначала было выплачено 7200 червонцев – из денег, полученных в счет контрибуции от Турции. Эти средства были отправлены с И. Вукотичем, которому поручалось осуществлять контроль над их расходованием. Остальная задолженность была также впоследствии ликвидирована.

Во избежание подозрений со стороны австрийских властей, они были предупреждены о том, что деньги направляются в благотворительных целях. В августе 1831 г. И. Вукотич вместе со своим племянником М. Вучичевичем вернулся на родину⁸. Благодаря полученным из России денежным средствам Петр II смог приступить к созданию государственного аппарата. Первое время И. Вукотич и М. Вучичевич оказывали владыке поддержку в его реформаторской деятельности. Они содействовали созданию органов государственной власти, развитию просвещения и приняли участие в подавлении оппозиционного движения и ликвидации

института губернаторской власти. Губернатор Вуко Радонич, в связи с обнаружившимися связями его с Австрией, был лишен своего звания и прав. Однако на этом он не успокоился, а продолжал плести интриги в борьбе за возвращение власти. В дальнейшем, в 1832 г., вместе с семьей он был изгнан из Черногории. Таким образом, в Черногории был положен конец длительному правлению губернаторов.

В 1831 г. был учрежден Сенат (по-видимому, по примеру России) – высший административно-судебный орган. Его председателем или президентом, как называли его в Черногории, был избран И. Вукотич. Были также сформированы первые судебно-полицейские органы, гвардия и «перяники» (стража). Для управления племенами назначались капитаны. Все чиновники получали жалование из средств государственной субсидии. Новые органы государственной власти позволили Петру II поддерживать в стране порядок.

Но вскоре возвращение двух влиятельных черногорцев обернулось для правителя Черногории большой проблемой. Вукотич, преувеличив личные заслуги, решил узурпировать власть, используя свое положение в качестве председателя Сената. Однако его честолюбивые замыслы потерпели крах.

Введение трехстепенного налогообложения в стране не могло покрыть предстоящих расходов на содержание государственных органов, и черногорский правитель решил отправиться за материальной помощью в Россию, тем более что ему предстояло посвящение в духовный сан. При этом он надеялся, что русская поддержка укрепит его власть в Черногории.

В июле 1833 г. Петр II Негош выехал в Петербург. В Вене он получил у российского посла при австрийском дворе Д. П. Татищева паспорт и рекомендацию, в которой указывалось, что «твердое и справедливое» правление молодого архиерея обеспечило ему доверие народа, что является «достаточным для царского решения о посвящении его

в сан владыки и даст ему возможность вершить власть с еще большим успехом⁹.

1 августа 1833 г. Петр II Негош прибыл в Петербург, где в официальных кругах ожидали его приезда. Его поселили в Александровской лавре. Оказанный ему прием превзошел все его ожидания. Наставником Негоша был назначен А. Н. Голицын, а в его отсутствие – директор Азиатского департамента К. К. Родофиникин и обер-прокурор Св. Синода С. Д. Нечаев. Первым делом он отправился в министерство иностранных дел, где был принят вице-канцлером К. В. Несельроде. Николай I и Синод согласились на посвящение его в епископы, несмотря на «юный», 20-летний возраст. Для столь знаменательного события Синод приобрел для Негоша облачение, панагию и крест.

6 (18) августа 1833 г. в Преображенском соборе в торжественной обстановке состоялась церемония посвящения его в епископы, в присутствии императора, сановников и высшего духовенства. Петр II Петрович стал первым черноморским владыкой, получившим посвящение в России. В дальнейшем в знак уважения русской церкви к «древности сей епархии», обширности паствы и соединения в его руках духовной и светской власти и в доказательство любви к «принявшему от нее поставление свое архипастырю» по предложению Николая I Св. Синод возвел молодого епископа в сан архиепископа¹⁰.

Первая встреча с царем была обставлена самым торжественным образом. Для поездки в Зимний дворец на аудиенцию к Николаю I была арендована карета с четверкой лошадей и сопровождением лакея. Когда Петр II вошел, то Николай I, будучи очень высокого роста (2 м 4 см), увидев его, удивленно воскликнул: «О, Вы выше меня!». Не растерявшись, Негош ответил: «Только Бог выше русского царя».

Во время аудиенции владыке внушали мысль о необходимости поддерживать добрососедские отношения

с Османской и Австрийской державами. Согласно Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г. России удалось закрепить преобладающее влияние в Турции, и она не желала нанести ущерба своим интересам в империи. Что касается Австрии, то заключение Мюнхенгрецкой конвенции с сохранением статус-кво на Балканском полуострове и Ближнем Востоке обязывало Россию направлять Черногорию на проведение миролюбивой политики. Сохранением мира на границах российское правительство обуславливало выплату ей государственной субсидии.

Проведение мирной политики лишало Черногорию возможности активизировать действия по реализации внешнеполитической программы по присоединению плодородных земель за счет освобождения находящегося под османской властью славянского населения. Решение этого вопроса было отложено до лучших времен, тем более что реформирование государственного устройства поглощало много сил.

Петр II пробыл в столице России несколько месяцев. Город на Неве с ее гранитными берегами, величественные храмы и дворцы восхитили поэта. Он с восторгом писал Вуку Караджичу о его «дивном виде и прекрасных зданиях», называя Петербург «одной из красивейших столиц»¹¹.

Н. И. Греч – редактор «Северной пчелы» и «Сына отечества» – ввел его в петербургское общество. Молодой, мужественный красавец пользовался огромным успехом в светском обществе. В частных домах, где приходилось бывать Негошу, он знакомил русскую публику с сербскими народными обычаями и песнями. В результате этого черногорский поэт расширил свои личные связи и завел много друзей. Пребывание в Петербурге он использовал также для углубления своих знаний по литературе и русскому языку. Чтобы быть в курсе выходящих в России изданий, впоследствии он подписался на журнал «Библиотека для чтения».

С первого же знакомства владыка внушал уважение и привязанность к себе. Тот же, кто узнавал его ближе, не мог остаться равнодушным к нему. «Прекрасной наружности, роста очень высокого, даже между черногорцами, с выражением умным, глазами более задумчивыми, чем блестящими, он имел манеры чрезвычайно приятные» – таким видели его современники¹².

Однажды в Петербурге к Негошу подошел незнакомец и вручил ему пакет. В нем оказалась 1 тыс. банковских билетов без указания имени жертвователя. После этого владыка долгое время пытался найти благодетеля, чтобы выразить свою благодарность, и только накануне отъезда узнал, что это была графиня А. А. Орлова-Чесменская, дочь графа А. Г. Орлова, командовавшего в Средиземноморье сухопутно-морскими силами во время войны России с Турцией 1768–1774 гг. Графиня отеклась от мирской жизни и, став монахиней, прослыла благотворительницей. Вероятно, в память об отце, который поддерживал связи с черногорцами, она решила пожертвовать эти деньги. Петр II в обращении к графине, называя ее «покровительницей православия и единоплеменных славян», благодарил за столь щедрый дар¹³.

Пребывание в Петербурге заканчивалось. Негош решил возвратиться в Черногорию не обычным сухопутным путем, а сначала проехать морем до Любека и затем по суше направиться через Вену в Триест. К. В. Нессельроде распорядился, чтобы для него были подготовлены рекомендации дипломатическим представительствам России в городах, через которые он будет проезжать, с целью оказания ему содействия. Петр II просил отправить свой багаж в Кронштадт. Его багаж состоял из 600 тюков. Одних только книг было 11 сундуков. Оттуда он выехал в Любек и благополучно добрался до Триеста. А там совсем близко была Черногория¹⁴.

В декабре 1833 г. владыка вернулся домой. Результатом его поездки явилось укрепление политических отношений с Россией и расширение личных контактов. Он установил переписку со многими официальными лицами, с которыми познакомился в Петербурге. Русская поддержка во многом способствовала укреплению его позиций в стране, в которой был очень высок престиж России.

В России Петр II увидел, насколько храбрость черногорского населения превосходит его образованность. Горячо любя свою родину, он надеялся видеть ее «процветающей на поприще просвещения и науки, чтобы ее верные сыны могли бы обороняться не только оружием, но и пером разумным». По возвращении в Черногорию Петр II прилагает немало усилий для развития просвещения. Из России он вывез не только иконы, но и книги.

В 1834 г. в Черногории была открыта первая светская школа. Затем Негош возобновил издательскую деятельность, основав в Цетинье типографию, в которой работал приехавший из России книгопечатник Михаил Петров. Он также обучал своему делу черногорцев. Кроме учебников в типографии было напечатано сочинение Вука Караджича «Народные пословицы», и стал издаваться научно-популярный альманах «Грлица» (1835–1839) под редакцией Д. Медаковича. Теперь наряду с другими черногорскими изданиями Петр II мог печатать свои произведения на родине. В этой типографии вышли его первые поэтические сочинения «Лекарство против ярости турецкой» («Лијек ярости турске», 1834 г.) и «Отшельник цетинский» («Пустиняк цетински», 1834 г.)¹⁵.

За время отсутствия Негоша в стране значительно ухудшилось политическое положение. Стала набирать силы оппозиция, что свидетельствовало пока еще о слабости власти владыки. После его возвращения из Петербурга И. Вукотич, узнав об оказанном ему в России приеме, понял, что потерпел

поражение в борьбе за власть. В 1834 г. он, а затем и его племянник, покинули страну. После их отъезда Петр II Петрович становится единственным правителем Черногории.

Однако И. Вукотич не смирился с поражением. Он стал направлять доносы в Петербург, распространяя клеветнические слухи о владыке и его деятельности, стремясь создать среди правящих кругов России негативное мнение о нем. При этом Вукотич пользовался поддержкой своего племянника, который был близок с чиновниками министерства иностранных дел России, а главное – пользовался доверием директора Азиатского департамента К. К. Родофиникина, в обязанности которого входил надзор за русско-черногорскими отношениями. Тем самым они готовили почву для устранения Петра II и захвата власти в Черногории.

Клеветнические обвинения Вукотича сводились к следующему: якобы Петр II заложил у австрийских банкиров монастырь Маине и драгоценную церковную утварь Цетинского монастыря. На него также возлагалась вина за возникновение пограничных и межплеменных конфликтов и расходование субсидии не по назначению. Ложью являлось и то, что Петр II и род Петровичей не пользуются поддержкой народа, а также измышления о связях Негоша с австрийскими властями. Все эти несправедливые обвинения сыграли негативную роль в возникновении недоверия к черногорскому правителю и оказали влияние на решение вопроса о его новой поездке в Петербург.

Петру II было известно о затевавшихся против него интригах. Стремясь защитить свою честь, он обращался к Й. Гагичу, К. К. Родофиникину и др. с разоблачением клеветнических доносов Вукотича. Однако те не захотели вникать во внутренние проблемы Черногории¹⁶.

Государственные дела поглощали почти все силы Петра II, но, будучи талантливым поэтом, он находил время для

поэтического творчества. Патриотическая тематика стала занимать значительное место в его поэзии. Основное внимание он уделял освободительной борьбе черногорцев, их мужеству и отваге, проявленным в сражениях с османскими поработителями. Источником для поэта был героический черногорский и сербский эпос. Воспев в своих стихах освободительную борьбу черногорцев и их жертвы во имя достижения свободы, Негош тем самым отразил чаяния всех поработенных славян. Поэтому его творчество имело огромное значение для культурного развития всех югославянских народов. Значение и оригинальность поэзии Негоша состоит также в неразрывном единстве правды жизни с общечеловеческими ценностями.

Весьма плодотворными были 1833–1837 годы, когда поэт опубликовал первый сборник «Отшельник цетинский». Затем он подготовил героический сборник «Зеркало сербское» («Огледало Србско», опубликован в 1846 г.) и посвятил его А. С. Пушкину, поэзию которого высоко ценил. В его честь он написал также стихотворение «Тени Пушкина» («Сјени Пушкина»), которое открывает «Зеркало сербское». В нем Негош назвал русского поэта «счастливым певцом великого народа». В сборник вошли народные песни об освободительных боях черногорцев и сербов, дополненные стихотворениями самого поэта. В своем поэтическом творчестве Негош прошел сложную эволюцию. Русский славист П. А. Лавров называет раннего Негоша романтиком. С этим согласился другой русский славист – П. А. Ровинский. Вместе с тем они отметили также влияние классицизма¹⁷.

В 1835 г. Негош завершает написание «Свободиады» (опубликована только в 1854 г.). В ней девять песен посвящены освободительной борьбе черногорского народа. Хронологически они охватывают период со времени правления

митрополита Данилы в начале XVIII в. до одержанной черногорцами совместно с брдянами победы над войсками Махмуда-паши Бушати в 1796 г. и провозглашения независимости Черногории. В «Свободиаде» нашла отражение тема русского-черногорского боевого союза. Последнюю, десятую песню завершает совместное выступление отряда черногорцев под предводительством митрополита Петра I и русского экспедиционного корпуса против наполеоновских войск в Далмации в 1806 г.

Свою героическую поэму автор намеревался посвятить цесаревичу Александру Николаевичу, будущему русскому царю Александру II, но она пролежала в МИД России в ожидании разрешения на это посвящение и была опубликована в Земуне только после смерти поэта.

Немалое место в своем творчестве Негош отводил России. Еще в юношеском возрасте он написал стихотворение «Бой русских с турками в 1828 году», которое вскоре стало народной песней. Впоследствии оно вышло под названием «Новая песня черногорцев о войне русских и турок, начатой в 1828 году». Хотя Россия в этой войне преследовала свои цели, ее победы способствовали распаду Османской империи, поэтому они имели широкий отклик на Балканах. Стихотворение поэта проникнуто русофильством. Он прославляет русские победы и радуется поражениям Турции.

В отличие от двух патриотических сборников, «Отшельник цетинский» был создан под впечатлением поездки Негоша в Россию. Радушный прием в Петербурге оставил в душе владыки благодарные воспоминания. Могущество Российской империи и ее успехи в развитии просвещения вызвали у него восторженные чувства. Негош включил в сборник несколько панегирических стихотворений: оды в честь царя Николая I, цесаревича Александра Николаевича и русских вельмож – А. Н. Голицына, С. Д. Нечаева и др.

Николая I он представляет как защитника и опору славян. В сборнике было опубликовано также несколько стихотворений, посвященных друзьям владыки – Вуку Караджичу, Я. Н. Озерецковскому, Милораду Медаковичу, Любомиру Ненадовичу и др.

Именно с Россией связывал Негош свои надежды на освобождение славян. В стихотворении «Река Нева, зеркало души человеческой», вошедшем в «Отшельник цетинский», поэт пишет об этой русской реке, как о «гордости славян». Для него Нева – это «сердце славянского племени», настоящий источник веры православной. В этом отношении примечательно его обращение: «О, Нева, век бы тебе течь со славой, чтобы тобою гордились народы – твой храбрый рус и братья славяне». В сборник включено также стихотворение «Орел и петух», в котором в виде аллегии представлена война 1812 г. между Россией и Францией. Автор прославляет победу русских войск над Наполеоном. Орел символизирует Россию, петух – наполеоновскую Францию.

Следует отметить, что по пристрастию к греческой мифологии и способу поэтического выражения в его панегирических одах, помещенных в «Отшельнике цетинском», наблюдается влияние поэзии Г. Р. Державина. Помимо этого сборника влияние классицизма заметно и в некоторых стихотворениях «Свободиады» и «Луча микрокосма». Но как поэт, Негош не ограничивался подражанием. Это был человек с широким кругозором, хорошо знающий произведения русской и западной классики, что дало ему возможность подняться над узостью классицизма и достигнуть новых художественных высот¹⁸. Поэтические заслуги Негоша были отмечены еще при его жизни. Он был избран почетным членом «Общества сербской словесности» и «Общества истории и древностей российских» при Московском и Одесском университетах.

Между тем на границах Черногории по-прежнему было неспокойно. В середине 1830-х годов участились пограничные конфликты из-за спорного статуса округа Грахово – важного военно-стратегического пункта, служившего ключом к «сердцу Черногории – Катунской нахии». В Грахово многие жители были связаны с черногорцами кровно-родственными связями и издавна вели с ними оживленный торговый обмен. Поэтому естественно, что во время вражеских набегов на помощь населению приходили черногорцы.

Наиболее опасным противником был визирь Шкодринского санджака Осман-паша Скопляк, который потворствовал грабительским набегам мусульман. Петр II Негош возмущался, что свободных людей берут в плен и уводят в рабство. При этом он повторял: «Это не вымысел»¹⁹.

Постоянные вооруженные конфликты на черногорских границах вызывали озабоченность российского вице-консула Й. Гагича, который сообщал о них вице-канцлеру К. В. Нессельроде, опасавшемуся, что они нанесут урон союзническим отношениям России с Османской империей. В свою очередь это отрицательно сказывалось на его отношении к черногорскому правителю. Для прекращения пограничных столкновений Петр II пытался договориться с герцеговинским визирем. 10 февраля 1834 г. был заключен трактат о мире с Герцеговиной, но не прошло и 20 дней, как он был нарушен, мусульмане вторглись в Черногорию. Во время схватки они отрубили головы пяти черногорцам и угнали много скота. Владька был возмущен, что герцеговинский визирь «охотно принял этот бесчеловечный подарок». Таким образом, мир с Герцеговиной был нарушен, а с Северной Албанией не было даже надежды на его заключение²⁰.

В 1836 г. положение в Черногории еще больше ухудшилось из-за неурожая. Отсутствие денежных средств снова грозило крахом реформ. Петр II решил отправиться

в Россию в надежде на личную встречу с Николаем I. Он подал ему прошение об увеличении государственной субсидии или об оказании содействия в расширении черногорской территории за счет плодородных земель Зеты, захваченных в былое время турками. Петр II Негош объяснял свои просьбы ростом населения и невозможностью его прокормить. В качестве крайней меры он просил разрешить переселение черногорцев в Россию.

На этот раз российские правящие круги не захотели принимать владыку. К. В. Нессельроде опасался вызвать недовольство Порты, болезненно воспринимавшей контакты Негоша с Россией. Помимо этого непрерывные пограничные конфликты вызывали ее недовольство.

В начале октября 1836 г. владыка уведомил Й. Гагича о своем намерении в ноябре отправиться в Петербург. После получения сообщения об этом К. В. Нессельроде направил советнику российского посольства в Вене князю А. М. Горчакову распоряжение о необходимости «отклонить» Петра II от поездки в Россию, убедив его вернуться «к своей пастве и блюсти за оною». Следуя инструкции, Горчаков передал это пожелание владыке и, отказав ему в выдаче визы, выделил деньги на обратный проезд в Черногорию²¹.

Негош решил на некоторое время задержаться в Вене в ожидании ответа царя на свое прошение. За ним был установлен негласный надзор со стороны австрийского правительства и российского посольства. Горчаков поручил его подполковнику корпуса жандармов при российском посольстве Я. Н. Озерецковскому, который должен был приобрести доверие и расположение владыки, стараясь по возможности «вникать в его намерения и мысли». Озерецковский стал регулярно посылать в высшие инстанции информацию обо всех действиях черногорского правителя.

Образованный русский офицер и одаренный публицист, Озерцовский с пониманием отнесся к проблемам правителя такой самобытной страны, как Черногория. С момента первой встречи с владыкой он проникся глубокой симпатией к нему и поддержал его обращение об увеличении субсидии, считая, что для проведения реформ он действительно нуждается в деньгах. Но Озерцовский не сразу оценил значение предпринимаемых реформ, считая, что надо было начинать с открытия народного училища. Только позднее, уже будучи в Черногории, он понял, что без наведения в ней порядка ничего нельзя достигнуть, и стал всецело поддерживать черногорского правителя в его реформаторской деятельности. По поводу распространяемых Вукотичем измышлений Озерцовский сказал: «Не имею случая подтвердить ни одного из прежних слухов». И далее добавил: «Один верен, что он молод»²².

Между тем в МИД России окончательно решили о необходимости возвращения владыки в Черногорию. 12 января 1837 г. в письме Петру II (которое ему лично вручили) Нессельроде сообщил об «отклонении» основных его ходатайств. Относительно присоединения Верхней Зеты было сказано, что «сие совершенно выходит из круга вещей возможных». Вице-канцлер решил, что достаточно ходатайства России перед Портой о поселении избыточного черногорского населения на территории Османской империи или разрешения на свободный пропуск его в Россию.

Получив отказ в финансовой помощи, Петр II был очень расстроен. Озерцовский заметил, что владыка после приезда в Вену и теперь – это два совершенно разных человека. В раздражении он заявил, что больше не обратится за помощью к России. Петр II понял, что «не может предстать перед народом, будучи не в состоянии сообщить о каком-либо удовлетворительном результате», ибо авторитет его

будет уничтожен. Вместо возвращения на родину он решил совершить путешествие по Италии, Германии и даже посетить Париж. По его словам, он не может вернуться в Черногорию: «Что я скажу черногорцам?»²³.

Появление владыки в Париже могло вызвать негативные толки о России, под покровительством которой с давних времен находилась Черногория. Среди дипломатических кругов в Вене возникло опасение, что владыка может попасть во Францию под влияние революционных идей. Подобные опасения высказал и австрийский канцлер Меттерних, заявив, что молодой черногорский правитель «легко станет игрушкой в руках революционной партии, дабы взбудоражить Восток». Так ли это, узнать не пришлось. Чтобы не потерять влияние в Черногории в случае ее переориентации на Францию, Николай I и К. В. Нессельроде были вынуждены изменить свое отношение к поездке владыки в Петербург²⁴.

Российское правительство не желало лишаться своего союзника. После того, как Петр II оформил паспорт во французском посольстве в Вене, он заявил о своем решении отправиться в Париж. Тогда Горчаков выдал ему паспорт для поездки в Россию, полагая, что «в наших интересах будет лучше, если он займет время путешествием в Россию, нежели пребыванием во французской столице». 7 (19) февраля 1837 г. владыка выехал в Россию. Но Николай I выдвинул условие, чтобы по пути в столицу Негош сделал остановку в Пскове. Как раз накануне его приезда было получено донесение И. Вукотича. В особенности обеспокоило Николая I утверждение, что владыка «возбудил ненависть и омерзение целого народа» и своими действиями вызвал междоусобную войну. В ответ МИД срочно направил в Черногорию Й. Гагича с целью «разведать положение в стране»²⁵.

Для встречи Петра II был направлен капитан корпуса жандармов Федор Ракеев, который должен был сопровождать его в Псков. Ракеев встретил Негоша на станции Луга. После объяснения сути дела владыка ответил: «Повинуюсь всегда священной воле государя».

Петр II прибыл в Псков 23 февраля 1837 г. Его встретил сам псковский губернатор А. Н. Пещуров. Сначала его поселили в Псковском подворье, но затем переместили в специально арендуемый частный дом. А. Н. Пещурову и Ф. Ракееву предписывалось обеспечить достойное пребывание Негоша в городе. Капитан Ракеев объяснил ему причину задержки – аудиенция у императора была отложена, из-за дошедших слухов, до тех пор, пока «не рассеется тьма и не просветится истина». В ответ Петр II заявил: «Я чувствую себя совершенно правым против доносов и клеветы»²⁶. Но он был оскорблен тем, что в МИД поверили ложным доносам.

Свободное время Негоша было заполнено приемами и визитами местных чиновников и жителей. А. Н. Пещуров был дядей графа А. М. Горчакова – лицейского товарища А. С. Пушкина. Вероятно, среди его посетителей были почитатели поэта. Не исключено, что Негош посетил Святогорский монастырь и могилу Пушкина. После похорон поэта прошло совсем немного времени. Возможно, ему удалось узнать подробности о его трагической гибели. Впоследствии в посвященном ему стихотворении «Тени Пушкина» в заключительных строках есть упоминание о «земном священном прахе певца великого народа». Существует предположение, что Негош, будучи в Михайловском, заказал отслужить панихиду на сорок дней после смерти поэта. Вместе с тем он решил использовать пребывание в Пскове для углубленного изучения французского языка, а после возвращения домой стал брать уроки у учителя-француза.

Между тем вынужденное пребывание владыки в Пскове продолжалось. В Петербурге все еще не был решен вопрос о черногорском правителе. От Гагича не поступало никаких сообщений. Тогда Нессельроде решил направить в Псков К. К. Родофиникина, поручив ему в личной беседе с Негошем «узнать истину». Ранее, ознакомившись с донесением И. Вукотича, Родофиникин заметил, что полученные сведения «кажутся довольно неправдоподобными». Но в МИД хотели удостовериться в этом.

В Псков Родофиникин приехал 22 марта. После встречи с Петром II он представил подробный отчет, в котором доложил о ложности выдвинутых против него обвинений. После этого Николай I принял решение о возможности приезда владыки в Петербург.

Петр II прибыл в столицу 18 мая 1837 г. и пробыл там 35 дней. В день его приезда было получено последнее донесение Гагича, которое решило исход дела. Вице-консул, не всегда лестно отзывавшийся о Негоше, на этот раз сообщил, что «народ претерпевает большую нужду», но имеет доверие к своему владыке. Он также признал, что «теперь, как никогда, нужно присутствие владыки в Черногории», и народ с нетерпением его ожидает. На основании полученной информации МИД пришел к заключению, что только Петр II Петрович имеет право быть правителем Черногории, а его ошибки объясняются молодостью и неопытностью. Было также принято во внимание то, что его право на престол основывается на завещании, согласно которому он был признан наследником митрополита Петра I Петровича, и как правитель заботится прежде всего о благе страны, являясь человеком просвещенным и одаренным природным умом²⁷.

Спустя несколько дней после приезда Негоша состоялась его аудиенция у царя – 24 мая 1837 г. Было принято во внимание, что в случае отказа ему в денежной помощи,

владыка сможет найти ее в другом государстве. Николай I назначил Черногории новую субсидию – 8 тыс. червонцев (80 тыс. рублей) с сохранением старой в 1 тысячу. Но согласившись на увеличение субсидии, царь решил направить в Черногорию с особым поручением чиновника, «полезного своею опытностью для устройства черногорского народа». Выбор пал на Я. Н. Озерецковского, успешно справившегося с поручением в Вене.

Вскоре Петр II выехал в Любек, а затем через Варшаву и Вену в Черногорию. Его сопровождали Г. Петрович, Д. Милакович и слуга Давидович. Деньги в счет субсидии были уже отправлены в посольство в Вене, где их должен был получить Озерецковский. Субсидию было решено высылать частями. Предполагалось ее расходовать исключительно на «упрочение благосостояния народа». В обязанности Озерецковского помимо доставки субсидии входило осуществление «надзора» за правильным ее расходованием и «подача советов относительно благоустройства страны». Вместе с тем русский представитель должен был «отклонять владыку от всяких неприятных действий против турок». И, наконец, необходимо было воспользоваться пребыванием в Черногории, чтобы собрать сведения «о сей стране, доселе во всех отношениях малоизвестной»²⁸.

25 июня 1837 г. Я. Н. Озерецковский выехал из Вены в Триест, где присоединился к владыке. Затем они вместе отправились в Черногорию. Проездом в Которе их ожидала теплая встреча. Петр II был встречен множеством своих горцев «с удивительною радостью». Черногорцы «не могут, кажется, на него насмотреться и толпятся у его дома», – вспоминал Озерецковский. Он слышал одни только «похвальные отзывы» о владыке: все в один голос заявляли «о его уме, доброте и обходительности». В Цетинье они прибыли в середине августа. Там Озерецковский вручил Петру II треть субсидии – 26 тыс. рублей.

По возвращении правитель первым делом созвал Народную скупщину из представителей всех нахий, которая состоялась 23 августа (3 сентября) 1837 г. На скупщине он сообщил о предстоящих преобразованиях государственного управления, а также о финансовой поддержке России в их реализации, на продолжение которой можно рассчитывать только в том случае, если черногорцы будут жить «в мире и согласии» с соседями.

В Черногории, ознакомившись с местными условиями, Озерецковский оценил значение предпринимаемых реформ. Между ним и Петром II установилось полное взаимопонимание. Русский представитель, относившийся с одобрением к реформаторской деятельности молодого правителя, старался по мере сил оказать ему поддержку. Перед отъездом Озерецковского в Россию, Петр II заявил, что решил не отступать «от его мудрых советов»²⁹.

Полученные денежные средства позволили Негошу продолжить реформы. Он преобразовал Сенат, который стал полностью подчиняться правителю. Была увеличена численность перяников и расширена гвардия, что позволило принять меры по наведению порядка и соблюдению законности. С созданием государственного управления возникло больше возможностей для ликвидации сепаратистских тенденций в пограничных областях – Црмницкой, Лешанской, Риекской нахиях и Брде, где они наиболее сильно сохранялись.

Проведение реформ проходило в упорной борьбе с оппозицией старейшин, которые отчаянно сопротивлялись лишению их былых привилегий. Негошу пришлось подавлять сопротивление оппозиции, хотя это и не способствовало росту его популярности. Однако он был вынужден пойти на это. Он восклицал: «...отнимите у меня право во имя укрепления государственной власти казнить злых возмутителей,

и я не в состоянии буду стоять владыкою черногорским! Душа моя не терпит безначалия»³⁰.

В результате проведенных преобразований Петр II сосредоточил в своих руках огромную власть. Как отмечал П. А. Ровинский, он занимал положение в стране «почти абсолютного монарха». Таким образом, была заложена основа монархического режима во главе с династией Петровичей-Негошей. В ходе радикальной ломки старых общественных отношений удалось нанести удар по племенному сепаратизму и укрепить государственную власть, заставив всех граждан соблюдать законы. А это сделало возможным принять решительные меры по ликвидации кровной мести, которая к концу правления Петра II перестала быть массовым явлением. Тем самым был открыт путь развитию в стране новых общественных отношений. Сам владыка с гордостью говорил: «Я уничтожил это варварство, водворил мир и тишину, обеспечил жизнь и достояние каждого».

1837 год явился переломным в развитии черногорско-русских отношений. С этого времени, несмотря на экономическую неразвитость и небольшие территориальные размеры, Черногория становится важной точкой опоры русской политики на Балканах, ввиду ее военно-стратегического положения на полуострове.

Значение Черногории в русской политике в балканском регионе еще более усилилось в связи с ослаблением позиций России в Сербии, где начали укреплять свое влияние Великобритания и Австрия. В свою очередь поддержка России – дипломатическая и материальная – являлась важнейшим фактором в дальнейшем развитии черногорской государственности. Большое значение для Черногории имела и помощь России в неурожайные годы. Так, в 1838 г., в ответ на обращение Петра II, Россия согласилась предоставить безвозмездно денежные средства для создания запаса

зерна на случай неурожая. В стране были открыты государственные магазины, из которых в голодные годы население снабжалось хлебом. Русская помощь зерном помогла черногорскому народу пережить страшный голод в 1846 г.³¹

После отъезда из Черногории Я. Н. Озерецковский сообщил в МИД о возможном наличии на ее территории золотосодержащих залежей. Согласно преданию, в селении Златица во время римского господства добывалось золото. Петербургский кабинет решил помочь в налаживании добычи и предоставил с этой целью 16 тыс. рублей. В ответ на обращение Петра II о содействии в Черногорию был направлен для проведения геологоразведывательных работ горный инженер капитан Е. П. Ковалевский. Он приехал в Черногорию 2 июня 1838 г. в разгар реформаторской деятельности Петра II. Молодой инженер и 25-летний владыка быстро нашли общий язык и подружились. Их дружба продолжалась и после возвращения Ковалевского на родину. Он объехал всю страну. И хотя россыпей золота ему обнаружить не удалось, в Черногории он сделал много полезного – нашел железный колчедан и помог черногорцам наладить производство пороха, крайне им необходимого.

Со всею пылкостью молодости русский инженер старался вникнуть в жизнь черногорцев, ему были близки их интересы, а их бедствия сокрушали его. Но особенно Ковалевский восхищался поэтическим даром Негоша. Он говорил, что владыка родился поэтом, а изучение родного языка и народных преданий подготовило его к поэтическому творчеству.

Во время поездок по стране Ковалевский заметил, что в пограничных областях черногорцы вынуждены день и ночь стоять на страже и спрашивал: «Когда же думать о земледелии, требующем терпения и труда, не говоря об искусствах?» Собранный им богатый фактический материал

Ковалевский изложил в книге «Четыре месяца в Черногории» (СПб, 1841). В ней основное внимание уделено борьбе черногорцев за независимость. С особой теплотой он отзывался о их мужестве, воинском долге, патриотизме, а также о любви к России и русскому народу³².

Укрепление политических отношений России и Черногории способствовало развитию их культурных связей. Этому благоприятствовало также зарождение в России научного славяноведения и учреждение в университетах соответствующих кафедр. Русские ученые и общественные деятели стали посещать Черногорию и по возвращении на родину делились своими впечатлениями. Эту славянскую страну посетили слависты П. И. Прейс, И. И. Срезневский, Ф. В. Чижов, А. Н. Попов и другие ученые. Срезневский совершил в 1841 г. путешествие по стране, откуда отправлял интересные письма своей матери. Русский ученый отправился из Цетинье в Котор в обществе Негоша и Прейса. Они побывали в доме, где родился сам поэт, который произвел самое лучшее впечатление на Срезневского. По его словам, Негош был очень «обходителен, умен в разговоре», а во всех его словах была видна «любовь к народу». Владыка покорила и Чижова, который писал, что «одним видом и осанкою» он внушал к себе уважение³³.

Во внешней политике Петр II продолжал добиваться укрепления независимости Черногории и поддержания добрососедских отношений. Он требовал, чтобы черногорцы сохраняли мир, и запрещал совершать вторжения на османскую и австрийскую территории, хотя в качестве зачинщиков пограничных конфликтов продолжали выступать османские власти. Для установления спокойствия на границах требовалось разграничение с Турцией и Австрией и утверждение пограничной линии, поэтому, возвратясь из России, Негош решил заняться формированием границ.

Конец 30-х – начало 40-х годов XIX в. были временем успешных дипломатических действий Петра II. При этом он проявил себя как мудрый политик и тонкий дипломат, начав переговоры с обращения к Порте и используя установившиеся союзные отношения России с Турцией. В 1837 г. в Вене он проездом посетил турецкое посольство, где во время беседы с послом Ферик-пашой обратил его внимание на грабительские набеги мусульман на Черногорию. Посол обещал помочь в установлении мирных отношений на границе³⁴. Вернувшись в Черногорию, Петр II продолжил переговоры непосредственно с наместниками Герцеговины и Северной Албании. Оба визиря – Али-паша Ризванбегович и Осман-паша Скопляк – были славянами, принявшими ислам. Владыка стремился пробудить в них чувство славянского родства, считая этническую принадлежность важным связующим моментом. Он призвал не забывать о своих славянских корнях. «Мы одним молоком вскормлены и в одной колыбели качались», – говорил Негош³⁵.

Но переговоры с Осман-пашой Скопляк потерпели неудачу – тот отверг «с презрением предложение о мире». В отличие от него герцеговинский и боснийский визиря оказались уступчивыми. В октябре 1838 г. Петр II заключил соглашение с Боснией и Герцеговиной, регулировавшее положение Грахова, из-за которого продолжались частые пограничные столкновения. Соглашением определялись управление Граховом (права на него были поделены между обеими сторонами) и порядок уплаты налогов. При этом у Петра II сложились доброжелательные отношения, хотя и не сразу, с герцеговинским визирем Али-пашой Ризванбеговичем. В сентябре 1842 г. они подписали в Дубровнике договор, по которому определялись границы с Герцеговиной. В нем впервые Черногория называлась «независимой областью». Этот договор важен в том отношении, что

косвенным путем в нем признавалась независимость Черногории. После этого черногорский правитель и герцеговинский визирь стали побратимами. Возникшая между ними деловая переписка позволила разрешать многие конфликтные вопросы. Али-паша лестно отзывался о владыке и называл его «первым баном от Косова», тем самым как бы утверждая, что со времени Косовской битвы 1389 г. сербский народ не имел подобного правителя³⁶.

Следующим шагом, предпринятым Петром II по формированию границ, явилось разграничение с Австрией, но в самом начале при проведении демаркационных работ внезапно разразился конфликт, готовый вылиться в военные действия с Австрией, к которым могла присоединиться и Турция. Петр II понимал, что начинать войну было делом опасным. Тогда он решил прибегнуть к посредничеству Е. П. Ковалевского, который еще находился в Черногории. Согласно инструкции МИД, российский представитель должен был воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны. Но Ковалевский полагал, что не может оставить владыку, когда дело касается жизни тысяч людей. Петр II был тронут, что в трудную минуту Россия в лице ее представителя не отвернулась от него. По его просьбе Ковалевский отправился на место предстоящих военных действий и сумел убедить противника не начинать войну. С подписанием мирного соглашения инцидент был исчерпан³⁷.

В дальнейшем для участия в демаркационной комиссии из России был направлен специальный представитель – консул в Орсове А. В. Чевкин. При разрешении спорных земельных вопросов он защищал интересы Черногории, за что заслужил одобрение Петра II. Споры удалось разрешать благодаря денежной компенсации, предоставляемой Австрией. Но Майне и Станевичи пришлось продать, что еще

более удалило для черногорцев выход к морю. Таким образом, формирование границы между Австрией и Черногорией, проводившееся в 1839–1841 гг. при посредничестве России, но без участия Турции, завершилось подписанием двух, по сути дела, международных актов, что способствовало укреплению фактически независимого положения Черногории и росту престижа Петра II Петровича не только среди балканских народов, но и в Европе. Успешная государственная деятельность Петра II вызвала также положительную оценку правительства Николая I, которое с удовлетворением встретило успешное окончание разграничения с Австрией и отметило заслуги Негоша награждением его орденом св. Анны I степени³⁸.

Успешная реформаторская деятельность Петра II по преобразованию государственного строя Черногории и установлению порядка и соблюдения законности, а также формирование границ Черногории явились значительным результатом его правления, потребовав от него проявления многих усилий и самоотверженности. В итоге Черногория приобрела совершенно иной государственный облик. Проведенные преобразования подготовили почву для перехода страны к светской форме правления. Дальнейшим шагом явилось провозглашение в 1852 г. Черногории княжеством, совершенное наследником Петра II – Дániлой Петровичем.

Несмотря на укрепление государственной власти в Черногории, Порты продолжала упорствовать в сохранении своей власти над ней. В особенности агрессивно был настроен шkodринский визирь Осман-паша. Враждебные отношения с Северной Албанией еще больше усилились после захвата албанцами двух небольших островов на Скадарском озере – Лесендры и Вранины, которые имели для Черногории большое военно-стратегическое значение. Кроме того, проживавшее там население получало скромные доходы с рыбной ловли.

Осенью 1843 г. Осман-паша во главе многочисленного войска совершил нападение на небольшой черногорский отряд, находившийся на одном из островов. Несмотря на отчаянное сопротивление, черногорцы не смогли дать отпор из-за своей малочисленности. Петр II стал добиваться возвращения островов, надеясь на поддержку России. Требуя ухода турецких войск, Россия выступила с демаршем в Стамбуле. Затем она стала действовать в согласии с Австрией. Петр II выехал в Вену в надежде продвинуть решение этого дела. Но разрешить вопрос дипломатическим путем оказалось невозможно. Вернуть острова Черногории удалось только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В связи с островами сложилась поговорка: в случае, если у кого-либо в Черногории безрезультатно оканчивалось задуманное дело, говорили: «Обжегся, как владыка при Лесендро».

Все эти годы, следуя советам России, Петр II сохранял мирные отношения с Турцией. В 1845 г., отмечая заслуги черногорского правителя, Св. Синод России произвел его в сан митрополита³⁹.

В 30-е годы XIX в. Негош предстает как выразитель идей югославянского национального Возрождения, просветитель и поборник братства и единства славянских народов в борьбе за свободу. Как и многие его современники – Сима Милутинович, Милорад Медакович, Вук Караджич, он воспринимал сербов и черногорцев как представителей единого сербского народа и выступал за укрепление дружеских отношений между ними и объединение. В его представлении Черногория была частью средневекового Сербского царства и в дальнейшем, сумев добиться независимости, стала «эмбрионом его возрождения». Петр II называл Черногорию «славным горным сербским племенем». В январе 1833 г. в письме к сербскому митрополиту Мелентию Павловичу он отметил, что черногорцы и сербы «одной веры,

одного языка, одной крови и совместно стремятся к единой цели». Свой первый сборник «Отшельник цетинский» Негош опубликовал с посвящением: «Серб, своему сербскому роду»⁴⁰.

Все творчество поэта проникнуто славянской солидарностью. В своих стихах и поэмах он часто называет славян братьями. Негош глубоко сочувствует угнетенному положению балканских славян. Свидетельством того, что их путь к освобождению он мыслил как революционную борьбу, является большое внимание, уделяемое им освободительной тематике. Петр II, отдавая предпочтение активной борьбе, не хотел ограничивать свои действия только дипломатическими средствами. В это время в Юго-Восточной Европе в условиях развития буржуазных отношений наблюдалось оживление национального движения. В годы, предшествующие революции 1848–1849 гг., происходит усиление межславянских связей для претворения в жизнь национально-политических программ освобождения от чужеземного гнета, что не могло не затронуть и Черногорию. Наряду с мечтами о свободе и равенстве, среди южных славян ширится чувство славянской солидарности.

Хорватия, Сербия и Черногория в одиночку не могли противостоять могущественным державам – Австрии и Турции. Поэтому среди национальных деятелей получает развитие идея образования объединенного государства южных славян.

В эти бурные годы Петр II оказался вовлеченным в водоворот происходящих событий. Являясь поборником единства славянских народов, он приветствовал иллирское движение. Как раз в это время в Хорватии в условиях формирующегося буржуазного общества получает развитие идея культурного, духовного сплочения всех южных славян, со временем приобретшая политическую тенденцию.

Эта тенденция больше всего проявилась в деятельности идеолога хорватского общественного движения Людевита Гая. Начав с реформы орфографии диалекта родного языка, он призвал хорватов к духовной консолидации. Их объединение – в литературном языке, культуре и образе мышления – должно было предшествовать политическому объединению. Именно Гаем был воссоздан образ Великой Иллирии, благодаря которому хорватское национальное движение первой половины XIX в. получило название иллиризма. Затем, объединив разрозненные идеи в политическую программу с требованием тесного союза сербов, хорватов и словенцев, Л. Гай увлек в иллирское движение многих людей. О нем «как очень умном и предприимчивом человеке» отзывался находившийся в 1837 – начале 1838 гг. в Черногории Я. Н. Озерецковский. Он говорил по поводу издания Л. Гаем литературного журнала «Заря Иллирии» («Даница Илирска» – приложение к газете «Новине Хрватске»), что само название предвосхищает его предназначение. Журнал был наполнен статьями, приводящими славян «к мысли о их прошедшей самобытности». В одной из них содержался призыв к восстанию и свободе. Естественно, что такие высказывания вызывали одобрение Негоша.

Идея борьбы за литературно-культурное объединение была близка поэту. Он устанавливает связи с деятелями иллирского движения. Когда в мае 1835 г. в «Заре Иллирии» стали появляться статьи о Черногории, Негош приобрел первые номера журнала и стал с ним сотрудничать. Он был «в тесной дружбе» с Л. Гаем, который ему открыл свои намерения и цель издания «Зари Иллирии» – «возбудить» мысль о самобытности среди славянского населения, в том числе и в австрийских пограничных войсках, сформированных из славян. Вероятно, Озерецковский узнал об этом от владыки, в том числе, якобы об обещании прийти на

помощь черногорцам, если против османской власти восстанут Черногория, Северная Албания и Герцеговина. При этом Л. Гай утверждал, что «ручается за 12 тыс. пехоты». И далее он говорил, что готов привести отряд на помощь черногорцам, если владыка даст ему знать о времени восстания.

Негош поддерживал связи также с другими деятелями иллиризма – А. Мажураничем и хорватским поэтом Станко Вразом. В 1841 г. Л. Гай и А. Мажуранич посетили Цетинье.

Большие надежды Петр II возлагал на Сербию в достижении объединения сербских земель. Он поддерживал с ней тесные связи. Многие сербы, прибывшие в Черногорию, приняли участие в развитии просвещения и налаживании школьного образования. Прежде всего, это Симо Милутинович, затем Дмитрие Милакович и др. Многолетняя дружба связывала Негоша с известным сербским просветителем и ученым Вуком Караджичем, которому впоследствии он выхлопотал пенсию у сербского князя Александра Карагеоргиевича.

Владыка поддерживал дружеские отношения и с правящим сербским князем Милошем Обреновичем, к советам которого прислушивался, хотя не всегда был с ним согласен. В отличие от осторожного Милоша, отдавшего предпочтение дипломатическим средствам достижения цели – освобождения Сербии, Петр II был сторонником активных действий. Во многом этому благоприятствовало независимое положение Черногории, в отличие от вассальной Сербии, на территории которой в крепостях оставались турецкие войска. Во второй половине 30-х годов владыка стал негативно оценивать политику Милоша, что привело к охлаждению их отношений⁴¹.

Петр II приветствовал приход к власти в Сербии Александра Карагеоргиевича (1842), с которым он связывал свои надежды на осуществление освободительной миссии. Ранее

он выдал князю Александру грамоту, подтверждающую его происхождение от Карагеоргия, и присвоил ему звание воеводы. При этом Петр II обратил его внимание на то, что «Черногория не сводная, а родная сестра Сербии».

Когда в конце 1844 г. в Белграде была создана внешнеполитическая великосербская программа, известная как «Начертание», Петр II, горячий сторонник федеративного государства, стал поддерживать эту программу сербского правительства и его объединительную миссию. Основные положения программы были разработаны министром внутренних дел Илией Гарашанином, идеологом и организатором объединительной политики Сербии⁴².

Стремясь к активной деятельности, в 1844 г. при посещении Вены Петр II установил связи с известными национальными деятелями и взял на себя обязанность привлечь к борьбе население Герцеговины и соседних стран. Он рассматривал мусульман-славян как возможных союзников в освободительном движении, поэтому стремился пробудить у них чувство солидарности. При этом Негош исходил из того, что этнические, религиозные и языковые различия не могут препятствовать совместной борьбе за освобождение и создание объединенного государства. Черногорский историк Бранко Павичевич утверждает, что этому «национально-политическому кредо» он оставался верен всю жизнь⁴³.

На 1841–1846 гг. приходится расцвет поэтического таланта Негоша. В этот период, помимо небольших стихотворений, он создал свои самые крупные произведения: «Луч микрокосма», «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый». В это время Негош, продолжая уделять основное внимание патриотической и освободительной тематике, стал проявлять интерес к религиозно-философским вопросам – космическое, божественное происхождение человека и бессмертие души, а также мироздание и космос. Свои

первые попытки в этом направлении он предпринял в 1834 г., опубликовав в сборнике «Отшельник цетинский» стихотворение «Черногорец ко всемогущему богу». Философско-рефлексивное начало присутствует и в поэме «Горный венец». В ней он рассуждает о законах мироздания, о борьбе добра и зла, о величии свободы и человеческого разума.

В 1845 г. Негош завершает философскую поэму «Луч микрокосма», которую он направил в Белград Симе Милутиновичу с просьбой о ее публикации. В посвящении своему учителю он выдвинул вопрос о судьбе человека во время жизни на Земле и после смерти и образно показал тщетность его решения. В представлении поэта человеческая душа – «искра космического света» – тяготеет к своему источнику – космосу.

Поэма состоит из шести песен. Развитие сюжета представлено в виде «полета» поэта «на корабле с распростертыми крыльями» в космическом пространстве. Его ведет бессмертная душа – «светлая идея», а затем ангел-хранитель. В центре внимания автора – борьба двух начал, Бога и Сатаны. Бог – в космосе, Негош – в Черногории основывают свою власть на законах. Оба они – созидатели, поэты, враги анархии. Бог в поэме – не только религиозное представление, но больше поэтическое перевоплощение самого поэта в личность вседержителя. И Бог, и Негош в «действительности» распространяют свет-власть: первый – во Вселенной, путем жестокого уничтожения Сатаны, второй – среди народа путем беспощадной борьбы против тех, кто сговаривается с турками и сопротивляется созданию единого славянского государства. В своих действиях оба жестоки, безжалостны, бескомпромиссны. Но при этом «Негош испытывает раздвоение личности, вынужденный жертвовать собственной индивидуальностью и призванием поэта во имя исполнения государственного долга – утверждения

абсолютистской власти в Черногории. В конечном итоге в космосе Бог побеждает Сатану, а в Негоше одерживает верх государственное начало»⁴⁴.

Обе поэмы – «Луч микрокосма» и «Горный венец» – являются высокохудожественными произведениями. В них по-разному нашли отражение взгляды Негоша и его время. Но если в философской поэме действие перенесено в космос, то в драматической оно происходит на Земле, где поэт выступает в качестве певца свободы, сторонника беспощадной борьбы за освобождение сербского народа. В отличие от П. А. Лаврова, характеризовавшего эту поэму как религиозную, написанную в подражание «Потерянному раю» английского поэта Мильтона, П. А. Ровинский причислил ее к числу философских произведений. Он отмечал существенные различия между ними. Прежде всего это относится к самой идее произведения. Если в центре внимания Мильтона – библейская легенда о грехопадении первого человека и бунте Сатаны, то Негош поставил своей задачей раскрытие сотворения мира и места в нем человека, а также столкновение Бога и Сатаны⁴⁵.

В 1846 г. Негош завершает свое лучшее и самое известное произведение – народную эпопею «Горный венец» (опубликована в Вене в 1847 г.), которую он посвятил вождю сербского народа Карагеоргию. В основу сюжета положено историческое событие – истребление потурченцев (черногорцев, принявших ислам) и их изгнание. Это событие Негош изобразил наподобие Варфоломеевской ночи, в виде так наз. «Рождественского вечера». В действительности, это спорный вопрос: происходило ли оно постепенно, в конце XVII – начале XVIII вв., или в один день? К сожалению, об этом событии сохранилось мало сведений.

В то время, почувствовав в Черногории очаг сопротивления, Порты стала грозить ей расправой и повсюду «сеять

семена раздора» – проводить усиленную исламизацию, стараясь усилить в стране межплеменные распри и покончить со свободолобивыми стремлениями черногорцев.

Истребление потурченцев приобрело форму антиосманской борьбы против турецкого режима, представителями которого выступали не только угнетатели-турки, но и потурченцы – ставленники Османской империи. В поэме «Горный венец» Негош поднял вопрос о значении и роли Черногории в антитурецком движении на Балканах⁴⁶.

Петр II, будучи духовным главой Черногории, твердо придерживался православия. Особенно большое значение православной религии он придавал в отражении османской агрессии. Свои мысли о роли православия Негош высказал в поэме «Горный венец». С конца XVII в., магометанство создавало угрозу сербской национальности. Черногорский народ, изгнав из страны потурченцев, продолжил упорную борьбу за свободу. «С буллой Коран славян убивают», – напишет впоследствии владыка об этой ожесточенной борьбе, имея в виду вооруженное противостояние черногорцев туркам и австрийцам. Негош раньше других почувствовал трагическую судьбу сербов и черногорцев, осужденных историей проливать кровь и погибать в кровавых боях с мусульманами.

Поэма Негоша, художника и мыслителя, отличается яркой самобытностью. В «Горном венце» он выступает как противник «темного царства» – Османской империи, как сторонник беспощадной борьбы за свободу черногорского народа. По словам сербского литературоведа Милорада Поповича, борьба против предателей своего народа является лейтмотивом поэмы и проходит через нее красной нитью. Но в поэме не разворачивается кровавых боев: события развиваются постепенно. Это лирико-эпическое повествование в драматической форме⁴⁷.

По ходу действия время от времени на сцену вступает хоровод (коло), символизирующий народ. Именно народ, а не владыка выступает в качестве судьи при принятии решения о расправе с предателями, что придает патриотический пафос поэме.

Почти все образы, выведенные в «Горном венце», взяты из исторического прошлого или народных преданий. Прототипом главного героя является митрополит Данило Петрович Негош (1697–1735), возглавивший антиосманскую борьбу черногорского народа. В поэме владыка Данило мыслит в исторических масштабах. Истребление предателей – это часть освободительной борьбы. Он медлит с расправой, так как знает цену человеческой жизни. Нелегко убивать братьев, хотя и изменивших своему народу. Однако освобождение от турецкого господства не может осуществиться без борьбы и жертв, поэтому в решительную минуту он принимает решение без колебаний. Помимо владыки историческими личностями являются Вук Мичунович, братья Мартиновичи и многие другие. Это герои, готовые умереть за свободу. В поэме также изображен мусульманский мир, турки и потурченцы. Негош дает им характеристику как коварным убийцам. Крест и луна – два мира: черногорцы и потурченцы. Только в одном они похожи – в героизме.

Поэма «Горный венец» – глубоко народное произведение, как по языку, так и по форме и содержанию. Воспитанный на родной поэзии, Негош мог легко слагать стихи в народном духе. В поэме широко представлена жизнь черногорцев – их обычаи, образ мышления и характер. Это явилось результатом внимательного отношения к фольклору. Поэт собирал народные изречения, предания, пословицы, поговорки и сказания о подвигах героев, поэтому фольклорные мотивы и образы органично вошли в поэму. «Горный венец» по праву является «величественной национальной песней,

гимном борьбы и надежд славянских народов на освобождение от ненавистного им османского гнета».

Большой заслугой Негоша является правдивое изображение жизни народа Черногории и специфики ее развития и существования. На реалистические черты поэмы впервые обратил внимание П. А. Лавров, хотя и дал им несколько преувеличенную оценку, причислив Негоша к художникам-реалистам. Российский литературовед Ю. Д. Беляева при анализе поэмы сделала обоснованный вывод о том, что правдивое воспроизведение Негошем картин черногорской жизни с ее местным колоритом и выведенные образы черногорцев дают возможность причислить «Горный венец» к числу произведений «с намечающейся тенденцией реалистического изображения жизни». Но сербские литературоведы – Й. Скерлич, П. Попович, М. Попович – рассматривают его творчество в рамках романтического направления»⁴⁸.

Народное поэтическое начало, присущее негошевской поэзии, широкое использование народного эпоса сближают ее с творчеством А. С. Пушкина. Его влияние заметно уже в ранних стихотворениях Негоша, но оно особенно заметно в «Горном венце». Сербский литературовед Милан Богданович указывает, что утверждение в этой поэме под воздействием Пушкина реализма проявилось, прежде всего, в изображении жизни Черногории и ее народа. Вслед за ним российский ученый А. М. Балакин, развивая эту мысль, утверждает, что больше всего влияние Пушкина проявилось в идейно-эстетической концепции поэмы и в трактовке роли народа. Далее, сопоставив «Горный венец» с драмой Пушкина «Борис Годунов», видно, что в обоих произведениях показана роль народа в решающие моменты истории страны. В драме – это значение народной поддержки, в поэме – это решающее слово в борьбе против предателей-потурченцев. В отличие от Пушкина, стоявшего на реалистических

позициях, в «Горном венце», а также в драме «Самозванец Степан Малый» Негош в значительной степени находился под влиянием романтического направления. И, наконец, Пушкина с Негошем сближает умение соотносить прошлые события с современностью. В актуальности состоит ценность его драматической поэмы «Горный венец»⁴⁹.

Свое последнее крупное произведение «Самозванец Степан Малый» Негош закончил в конце 1847 г. (опубликовано в 1851 г. в Загребе). В основу сюжета положено историческое событие – приход к власти в Черногории самозванца, выдавшего себя за русского царя Петра III. Он правил страной в 1767–1774 гг. Несмотря на драматическую форму, это произведение не является пьесой. Оно имеет свои достоинства, хотя в художественном отношении уступает двум первым поэмам. В изображении жизни Черногории в произведении преобладают реалистические черты⁵⁰.

Произведения Негоша – большой вклад в мировую литературу. Их актуальность сохраняется и в наши дни («Горный венец» переведен на немецкий язык, дважды на русский и многие другие).

Начавшееся в 1848 г. в Западной Европе революционное движение, охватив Австрийскую империю, откликнулось и на Балканах. Оно пробудило надежды митрополита на то, что выступления произойдут и в югославянских землях. Петр II горел желанием вступить в борьбу, как мечтал об этом в дореволюционные годы. Он начал свои действия с овладения Бокой Которской, население которой тяготело к Черногории. В марте 1848 г. было совершено нападение на Доброту (Австрийское Приморье). Черногорцы призывали население к выступлению против австрийской власти. По словам российского вице-консула Гагича, они опустошили весь край вплоть до Котора. В Боке Которской усилились антиавстрийские настроения⁵¹.

Когда освободительное движение перекинулось в Венгрию, многим югославянским деятелям казалось, что наступило время для реализации плана создания славянской федерации. Петр II отнесся с одобрением к выдвигаемому хорватами требованию о присоединении Далмации и Хорватии к Славонии, входивших с XII в. в состав Венгрии в виде отдельной административной единицы под названием «Королевство Хорватии, Славонии и Далмации». Затем Далмацию захватила Турция, а потом Венеция. В конце XVIII в., после крушения Венецианской республики, Далмация попала под власть Австрии (по Компоформийскому договору 1797 г.) вместе с Боккой Которской. А в 40-е годы XIX в. к ней стала проявлять интерес Италия. Видя, как та распространяет свое влияние на эту славянскую землю, у Негоша возникло опасение в возможности ее захвата. Он становится сторонником создания «Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации». При этом Петр II возлагал надежды на бана Елачича, как на лидера, способного возглавить хорватский народ. Как и другие югославянские деятели, он питал несбыточные надежды на согласие Габсбургов на образование славянской федерации и видел в ее составе Черногорию, хотя никаких предпосылок к осуществлению этого не было. План образования славянской федерации в составе Австрии был одной из политических утопий⁵².

Вместе с тем, Венгрия также не оправдала надежд хорватов на поддержку. Непримируемая позиция венгерских властей и их стремление сохранить порабощенное положение хорватов, сербов и других народов способствовали переходу хорватских национальных деятелей на сторону Австрии. Петр II тоже пришел к заключению, что Австрия – меньшее зло, чем Венгрия. Он с нетерпением ждал вступления в борьбу Сербии и в связи с ее промедлением решил во

главе черногорцев направиться туда через османскую территорию, чтобы побудить ее к действиям. Петр II рассчитывал, что вместе с Сербией при поддержке России они добьются освобождения сербского народа и других южных славян. Но это была лишь прекрасная мечта, не имевшая в то время шанса на осуществление.

Со своей стороны сербское правительство было заинтересовано в участии Черногории в реализации сербской внешнеполитической программы. Оно само проявило инициативу по привлечению ее к совместным действиям⁵³.

В марте 1848 г. в дополнение к «Начертанию» в Сербии был разработан план по объединению с Кнежеством Боснии, Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Вскоре для переговоров с митрополитом в Цетинье прибыл сербский эмиссар Матия Бан. В ответ на предложение о сотрудничестве Петр II без всяких колебаний заявил о своем согласии принять участие в совместных действиях и предложил для этого 8 тыс. черногорцев, но просил для них боеприпасы и провиант. Затем в письме к сербскому князю Александру Карагеоргиевичу он призвал его по примеру своего отца Карагеоргия исполнить «свое высокое предназначение», не испытывая страха, чтобы не заслужить вечное проклятие «пред сербским родом»⁵⁴.

Петр II не претендовал на руководящую роль в освободительном движении. Между ним и сербскими правящими кругами не возникало соперничества. Он был согласен отречься от своих династических прав и удовлетвориться признанием его главой церкви в объединенном государстве. Впоследствии один из участников национального движения следующим образом охарактеризовал позицию и убеждения Петра II Петровича Негоша: «Он был готов в любое время приступить к осуществлению сербской миссии, поэтому легко было договориться с человеком,

лишенным эгоизма и честолюбия, который жил только во имя интересов сербства»⁵⁵.

Когда вслед за Хорватией революционные события стали нарастать в Воеводине, Петр II был готов оказать ей помощь. В то же время он не препятствовал черногорцам переходить в Сербию, а оттуда в Воеводину. Когда в следующем году волнения усилились, он через посредство Сербии предложил сербскому патриарху Раячичу прислать в помощь 2 тыс. черногорцев, но его предложение не было принято.

В мае 1848 г. митрополит издал в Цетинье прокламацию под названием «Объявление бокельцам и далматинцам». В ней он призвал славян быть сердцем и душой преданными своей народности и послушными Елачичу, своему единоплеменному бану Триединого королевства под короной австрийской. Это обращение показывает, что Петр II продолжал надеяться на создание славянской федерации в составе Австрии. Обращаясь к жителям Боки Которской и призывая их к преданности хорватскому бану, по всей вероятности, он предполагал, что с вхождением в состав федерации Боки Которской будет решен извечный вопрос об объединении с Черногорией. Митрополит продолжал надеяться на успешное развитие освободительной борьбы. В октябре 1848 г. он предложил бану Елачичу в помощь против Венгрии 3 тыс. черногорцев. Но из опасения вызвать недовольство Австрии Елачич отказался от черногорской армии.

В начале 1849 г. антиавстрийские волнения охватили Боку Которскую, население которой, находясь в тяжелом положении, отказывалось платить налоги. Черногорцы оказывали поддержку бокельцам. Митрополит считал, что «одного слова» будет достаточно для возвращения спокойствия в крае. Но на требование австрийских властей отозвать черногорцев и прекратить вмешательство, Петр II выдвинул условие – уменьшение налогового бремени. Такой же ответ

был дан и Елачичу на его просьбу отозвать черногорцев из Боки Которской⁵⁶.

После того как русские войска вступили в Венгрию, в июне 1849 г. митрополит направил письмо шефу жандармов графу А. Ф. Орлову с просьбой уведомить Николая I о его готовности присоединиться к ним с 4–5 тыс. черногорцев. Российское правительство, оценив его приверженность России, ответило отказом, объяснив, что иностранные войска могут вступить в пределы другого государства «лишь по приглашению законного правительства»⁵⁷.

Поражение революции в Австрии привело к крушению планов создания объединенного славянского государства на Балканах, активным сторонником которого был Петр II Петрович Негош. В то время эти планы не могли быть реализованы. Митрополит не встретил поддержки ни в России, правительство которой придерживалось осторожной политики, ни в Австрии, не желавшей потворствовать осуществлению национальных программ своих подданных. Не рискнули прибегнуть к черногорской военной помощи и национальные деятели славян.

Неудачные попытки, предпринятые во время революционных событий в Австрии, вызвали у Негоша разочарование. В это тяжелое время он вновь собирался в Петербург, чтобы решить ряд вопросов. Это намерение возникло у него еще в 1846 г., когда Черногорию поразил сильный голод. Тогда встал вопрос о продлении государственной субсидии, срок выплаты которой истекал в 1847 г. В ответ на обращение митрополита Нессельроде, чтобы не вызвать подозрений у Порты, посоветовал отложить поездку. По этой же причине он получил отказ в просьбе о переселении черногорцев в Россию. Однако Николай I, не желая ослабления влияния России, отверг предложение вице-канцлера об уменьшении субсидии Черногории и продлил срок ее выплаты.

В середине 1849 г. у Петра II обнаружилось серьезное заболевание – туберкулез легких. Для лечения он дважды ездил в Италию (в 1850 и 1851 гг.) и в 1851 г. в Вену. В Италии Негош посетил Венецию, Рим, Флоренцию и Неаполь. Так же, как в России, черногорский правитель пользовался в Италии большим успехом в обществе. Красивый владыка-поэт, мужественный герой вызывал восхищение женщин. Но и вдали от родины его не покидали думы о тяжелой участи черногорцев и о судьбе разрозненного сербского народа, который томился в турецкой и австрийской неволе.

Негош умер рано, в расцвете своего таланта, в возрасте 38 лет. Это случилось 19 октября 1851 г., в тот же самый день, когда 21 год тому назад он стал правителем Черногории. В своем завещании он передал «своему несчастному, но героическому народу» все наличные средства в сумме 50 тыс. рублей, хранившиеся в банке в Петербурге (часть из них была компенсацией за продажу Австрии земли с монастырями Маини и Станевичи). Согласно его завещанию, он был похоронен на вершине Ловчена⁵⁸.

Митрополит Петр II Петрович Негош был приверженцем братства славянских народов, сторонником освобождения южных славян и объединения их в единое государство. Это был правитель, отдавший все свои силы и поэтический талант во имя блага родной Черногории и реализации идеи борьбы за свободу югославянских народов. Свои вольнолюбивые мысли он выразил в поэтическом творчестве. Ближайший сподвижник Негоша Е. П. Ковалевский, отдавая должное его государственной деятельности и поэтическому таланту, писал, что его поздние произведения дают основание назвать его «истинно великим поэтом».

Примечания

- ¹ См. литературу о Негоше: П. П. Негош 1813–1963. Београд, 1963. (Далее – П. П. Негош...) С. 45; *Петухов В. К.* Петр Негош в русской дореволюционной и советской литературе // Славянские страны и русская литература. М., 1973. С. 198–221; *Латкович В.* Жизнь Петра Петровича Негоша (1 ноября 1813 – 19 октября 1851) // П. П. Негош... С. 23, 25.
- ² Я. Н. Озерецковский – Д. П. Татищеву. 1 (13) сентября 1837 г. // Русско-черногорские отношения 1711–1918 гг. Русские архивные документы о Черногории. Конец XVII – середина XIX вв. Подгорица–Москва, 1992. С. 198.
- ³ *Зенкевич М.* Петр Негош и его поэзия // Петр Негош. Горный венец. М., 1955. С. 6.
- ⁴ Цјелокупна дјела П. П. Негоша. В 9 тт. (Далее – Цјел. дјела.) Т. 8. Београд, 1953. С. 214–215, 241.
- ⁵ Театр (*сербск.*); в данном случае – зрелище.
- ⁶ Цјел. дјела. Т. 7. Београд, 1951. С. 380: П. П. Негош – К. В. Нессельроде. 26 февраля 1837 г.; С. 384–385: П. П. Негош – К. К. Родофиникину 11 июня 1837 г.
- ⁷ О государственной деятельности Петра II см. в югославской историографии: *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955; *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Осњивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981; *Јовановић Р.* О Негошу као владару и Црној Гори његовог доба // Историјски записи. (Далее – ИЗ.) Подгорица, 2001. № 3–4; в российской: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-е годы XIX века. М., 1979; *Аншаков Ю. П.* Становление черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998; *Вишняков Я. В.* Черногория в балканской политике России (1830–1860-е гг.). М., 1998.

- ⁸ *Павићевић Б.* Припреме за долазак Вукотића и Вучићевића у Црну Гору 1837 године // *ИЗ.* 1969. Књ. XXI. Св. 4. С. 113–115 и др.; *Аншаков Ј. П.* Указ. соч. С. 177–179, 184.
- ⁹ *Павићевић Б.* О мисији Ивана Ивановича Вукотића у Црној Гори 1831–1834 // *Историјски часопис.* Београд, 1957. Књ. 7. С. 275–276; *Распоновић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица–Београд, 1996. С. 236.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Главный архив. Политотдел (далее – ГА, ПО). Оп. 233. 1833 г. Д. 1. Л. 4–4 об.: Д. П. Татищев – К. В. Нессельроде 24 июля 1833 г.; Л. 7, 9, 11: К. В. Нессельроде – Е. Ф. Канкрину 24 июля 1833 г.; Л. 12–13 об., 15, 17: С. Д. Нечаев – К. В. Нессельроде 31 июля 1833 г.; и др.
- ¹¹ Там же. Ф. СПб ГА. Оп. 233. 1833 г. ПО. Д. 1. Л. 17а–17а об.; Цјел. дјела. Т. 7. С. 185–186: П. П. Негош – В. Карадџићу. Август 1833 г.
- ¹² Савременици о Његошу. Београд, 1951. С. 25–26; *Ковалевский Е. П.* Черногория и славянские земли // *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. СПб, 1872. С. 206–207.
- ¹³ Цјел. дјела. Т. 7. С. 233: П. П. Његош – А. А. Орловой 10 мая 1834 г.; *Аншаков Ј. П.* Указ. соч. С. 232–233.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. ГА. ПО. Оп. 233. 1833 г. Д. 1. Л. 18: Азиатский департамент – Е. Ф. Канкрину 9 августа 1833 г.
- ¹⁵ Цјел. дјела. Т. 7. С. 90. П. П. Негош – Е. М. Гагичу 6 (18) декабря 1831 г.; *Хитрова Н. И.* Черногория... С. 63–64.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. ГА. ПО. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 1–2 об; Л. 16–17. И. Вукотич – К. К. Родофиникину 25 апреля 1836 г.
- ¹⁷ *Лавров П. А.* Владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович: Владыка Черногорский 1830–1851. СПб, 1889. – См. по этому вопросу: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX – начало XX в. М., 1979. С. 172–184.
- ¹⁸ *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 174.

- ¹⁹ Русско-черногорские отношения... С. 234; Е. П. Ковалевский – Д. П. Татищеву 7 июля 1838 г.; Цјел. дјела. 1953. Т. 8. С. 236–237; П. П. Негош – Е. Гагичу 3 июня 1838 г.
- ²⁰ Цјел. дјела. Т. 7. С. 236–237; П. П. Негош – Д. В. Дашкову 20 мая 1834 г.
- ²¹ АВПРИ. Ф. СПб ГА. ПО. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 4; Е. Гагич – в посольство в Вене. 15 (27) октября 1836 г.; Д. 4. Л. 65–68; Петр II – Николаю I, не ранее 23 декабря 1836 г.; Ф. СПб ГА I-1. Оп. 781. 1837 г. Д. 13. Л. 3–3 об. К. В. Нессельроде – Николаю I 9 января 1837 г.; *Павићевић Б.* Негошева мисија у Русији 1837 године // Прилози књижевног језику, историју и фолклор. Београд, 1960. Св. 1–2. С. 47–60.
- ²² *Павићевић Б.* Негош и Јаков Николајевић Озерецковски. Промена руске политике према Црној Гори 1837 // ИЗ. 1967. Св. 1. С. 36–37; *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М., 2003. С. 321–323, 345.
- ²³ АВПРИ. Ф. СПб ГА V-A₂. Оп. 181/2. 1837 г. Д. 694. Л. 12–14; К. В. Нессельроде – Петру II 12 января 1837 г.; Д. 318. Л. 11–25 об.: А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде 3 (15) февраля 1837 г.; Ф. ГА. ПО. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 18–19.
- ²⁴ Там же. Д. 318. Л. 11–25 об.: А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде 3 (15) февраля 1837 г.
- ²⁵ Цјел. дјела. Т. 7. С. 379–380; АВПРИ. Ф. СПб ГА. ПО. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 23–24; К. К. Родофиникин – Е. Гагичу 9 февраля 1837 г.
- ²⁶ Там же. Л. 26–26 об.: К. В. Нессельроде – П. П. Негошу 17 февраля (1 марта) 1837 г.
- ²⁷ *Аниаков Ю. П.* Указ. соч. С. 201–205; *Павићевић Б.* Негошева мисија... С. 64–65; АВПРИ. Ф. ГА. ПО. Оп. 233. 1836 г. Д. 1; К. К. Родофиникин – К. В. Нессельроде 23 марта (3 апреля) 1837 г.
- ²⁸ *Павићевић Б.* Негош и Јаков Николајевић Озерецковски... С. 5 и др.; *Бокова В.* Указ. соч. С. 335, 345.

- ²⁹ Бокова В. Указ. соч. С. 331, 338, 339, 340, 342.
- ³⁰ Цјел. дјела. Т. 7. С. 379–380: П. П. Његош – К. В. Нессельроде 26 фебруара 1837 г.
- ³¹ Ровинскии П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III СПб, 1915. С. 9, 23; Павићевић Б. Његош и Јаков Николајевић Озерецковски... С. 5; Он же. Руска помоћ у житиу Црној Гори 1838 године // ИЗ. 1968. Св. 1. С. 13–19 и др.; Цјел. дјела. Т. 7. С. 379–380: П. П. Његош – К. В. Нессельроде 26 фебруара 1837 г.
- ³² См. подробнее: Хитрова Н. И. Дипломатическая деятельность Е. П. Ковалевского в 30–50-х годах XIX века // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 115–119; Она же. Действовал как настоящий русский. Петр II Петрович Негош и капитан Ковалевский // Родина. Россия–Черногория (специальный номер). М., 2006. С. 40–41; Цјел. дјела. Т. 8. С. 55–56: П. П. Његош – К. В. Нессельроде 26 маја 1838 г.
- ³³ Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Кн. III. С. 143, 145; Чижов Ф. Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. С. 41; Njegoš u slici i riječi. Titograd, 1971. S. 150.
- ³⁴ Цјел. дјела. Т. 7. С. 393–394: П. П. Његош – Осман-паше 21 августа 1837 г.
- ³⁵ Пејовић Ђ. Црна Гора... С. 459–462, 468–469; Ровинскии П. А. Петр II (Раде) Петрович... С. 166–169; Цјел. дјела. Т. 7. С. 366–367: П. П. Његош – Али-паше 6 октября 1836 г. С. 393–394; П. П. Његош – Осман-паше 21 августа 1837 г.; Т. 8. С. 120–121. П. П. Његош – Али-паше 20 октября 1838 г. и 22 октября 1838 г.; Т. 9. С. 355–358. П. П. Његош – Осман-паше 5 (17) октября 1847 г.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A_a. Д. 700. Л. 24: Е. Гагич – П. И. Медему 26 ноября (8 декабря) 1843 г.; Цјел. дјела. Т. 9. С. 69–71: П. П. Његош – Е. М. Гагичу 24 сентября 1843 г.
- ³⁷ Ковалевский Е. Эпизод из войны черногорцев с австрийцами. Из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории

- и Италии // Собр. соч. Т. IV: Черногория и славянские земли. СПб, 1872. С. 161–162 и др.; Цјел. дјела. Т. 8. С. 96–97; П. П. Његош – К. В. Нессельроде 1 августа 1838 г.
- ³⁸ Международные отношения на Балканах 1830–1856 гг. М., 1990. С. 153–154
- ³⁹ Аниаков Ю. П. Указ. соч. С. 253–258.
- ⁴⁰ Цјел. дјела. Т. 7. С. 171–172. П. П. Његош – М. Павловићу 10 января 1833 г.
- ⁴¹ Цјел. дјела. Т. 7. С. 9–10, 32, 44, 171, 376. П. П. Његош – Милошу Обреновићу 24 октября 1830 г.; 6 марта 1831 г., 4 января 1833 г., 15 января 1837 г.; *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 10–11, 15–21, 70, 80; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 104–105.
- ⁴² Цјел. дјела. Т. 9. Београд, 1955. С. 457; П. П. Његош – Александру Карагеоргиевићу 12 (24) июля 1851 г.; *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. С. 19, 31, 47 и др.
- ⁴³ *Павићевић Б.* О историјским коријенима «Горског вијенца» // Горски вијенац. Цетиње–Титоград, 1985. С. XX.
- ⁴⁴ *Латкович В.* Содержание важнейших произведений Негоша // П. П. Његош... С. 33–34.
- ⁴⁵ *Лавров П. А.* Указ. соч. С. 270 и др.; *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 154–155. – Различия в их оценках впервые отметила Ю. Д. Беляева (См.: *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 181).
- ⁴⁶ *Павићевић Б.* О историјским коријенима... С. XX.
- ⁴⁷ *Поповић М.* Певец Луча микрокосма и Горног венца // П. П. Његош... С. 8–9, 13, 21–22; *Зенкевич М.* Указ. соч. С. 15.
- ⁴⁸ *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 175–177.
- ⁴⁹ *Балакин А. М.* Сербско-русские взаимосвязи в первой половине XIX в. // Взаимосвязи славянских литератур. Л., 1966. С. 47–48; *Лалич М.*

- Александр Пушкин в сербской литературе // Русско-европейские культурные связи. М.–Л., 1966. С. 207–208.
- ⁵⁰ *Беляева Ю. Д.* Указ. соч. С. 177–178.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. ГА. V-A₂. 1848 г. Д. 705. Л. 4–5 об.: Е. М. Гагич – в посольство в Вене. 5 (17) марта 1848 г.
- ⁵² *Лециловская И. И.* Планы государственного объединения южных славян в 1848 г. // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 81–82.
- ⁵³ *Никифоров К. В.* Указ. соч. С. 109–110.
- ⁵⁴ *Дурковић-Јакишић Љ.* Указ. соч. С. 10, 11, 70; Цјел. дјела. Т. 9. С. 382.
- ⁵⁵ Речь идет об Атанасии Николиче. См.: *Дурковић-Јакишић Љ.* Указ. соч. С. 95–96.
- ⁵⁶ Цјел. дјела. Т. 9. С. 383–384; *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С. 262–263; *Никифоров К. В.* Указ. соч. С. 110.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. ГА. V-A₂. Д. 706. Л. 8–8 об.: П. П. Негош – А. Ф. Орлову 1 (13) июля 1849 г.; Л. 6–6 об.: А. Ф. Орлов – П. П. Негошу 27 июня (8 июля) 1849 г. (Цјел. дјела. Т. 9. С. 415–416.)
- ⁵⁸ *Зенкевич М.* Указ. соч. С. 13.

Ю. П. Аншаков

Внешняя политика Петра II Петровича Негоша

Придя к власти в Черногории в октябре 1830 г., молодой и еще неопытный в государственных делах Петр II Петрович Негош практически сразу столкнулся с проблемами внешнеполитического характера. Находясь во враждебном окружении со стороны мусульманских соседей, недружественной Австрии, он, как и его предшественники, главным внешнеполитическим ориентиром выбрал Россию. Собственно его первый визит в Россию в 1833 г., когда молодой черногорский владыка в присутствии Николая I был посвящен в архиерейский сан епископа, позволил ему обзавестись полезными связями в официальных кругах Петербурга¹.

Негош прибыл в Россию после заключения русско-турецкого союзного Ункяр-Искелесийского договора. Он понимал, что в условиях новых отношений, установившихся между Россией и Турцией, становятся невозможными просьбы об официальном, международно-правовом признании покровительства России над Черногорией, какие-либо резкие претензии в адрес Порты и т. п. Тем более что во время аудиенции у Николая I и в МИД Негошу, как он вспоминал позднее, настойчиво внушали мысль «жить дружелюбно как с пограничным австрийским правительством, так и с турками, окружающими Черную Гору, потому что его императорское величество находится с обоими императорами в братском союзе»².

В 1833 г. высокий престиж России в Турции казался невыблемым, и в Петербурге, идя навстречу пожеланиям Негоша, постарались оказать помощь в переселении части черногорцев в соседние турецкие владения на автономных

началах и в свободе торговли для них в османских землях. Управляющий Азиатским департаментом МИД К. К. Родофиникин в сентябре 1833 г. уполномочивал русского посланника в Константинополе А. П. Бутенева оказать в этом деле поддержку черногорцам. При этом Родофиникин обращал его внимание на фактическую независимость Черногории от Порты и на то, что «народ черногорский всегда был предан России, служил ей при разных случаях усердно, следовательно Российский Двор не может не принимать участие в благосостоянии сего народа»³. И хотя эту важную для Черногории проблему в силу различных обстоятельств не удалось решить, в дальнейшем А. П. Бутенев неоднократно защищал интересы Черногории перед турецким правительством, стараясь использовать любой удобный случай и предлог для этого.

Влияние Негоша в Черногории поначалу еще не было достаточно прочным из-за сопротивления противников его курсу реформ и их слабого финансового обеспечения. Он понимал, что для утверждения своей власти в стране, дальнейшей модернизации государственного аппарата и пресечения междоусобиц необходимы дополнительные денежные средства и внешнеполитическая поддержка его реформаторской деятельности. Соседняя Австрия не выступала против наведения порядка в Черногории, но в строго дозированной норме: порядка, который мог бы обеспечивать безопасность ее границ от набегов черногорцев, стычек на рынках г.Котора и т.п. Однако создание достаточно сильного, централизованного управления, ликвидация межплеменного сепаратизма, развитие экономики – все это могло превратить Черногорию в довольно стабильное государство, проводящее активную внешнюю политику, оказывающее заметное влияние на освободительную борьбу балканских славян, в том числе и на подданных Габсбургской империи.

Такая Черногория была не нужна австрийскому правительству, которое и так имело достаточно примеров, чтобы убедиться во влиянии черногорцев на австрийских славян. Стать марионеточным правителем, послушным воле Австрии (а именно таковым его желало видеть австрийское правительство), Негош не хотел, да и подавляющая часть черногорского общества не позволила бы ему это сделать. Поэтому владыка, следуя заветам своих предшественников, пытался вновь и вновь опереться на другую могущественную внешнеполитическую силу – Россию. Впрочем, как покажет время, у черногорского правителя был еще один запасной вариант внешнеполитической ориентации Черногории.

И это отчетливо проявилось в 1837 г., когда Негош выразил намерение вновь посетить Россию, но получил отказ, поскольку вице-канцлер К. В. Нессельроде полагал, что этот визит может осложнить отношения России с Турцией. Целью поездки Негоша в Россию было желание с помощью российского руководства разрешить насущные проблемы Черногории – как финансовые, так и территориальные. В плане финансовом он просил у русского правительства 80 тыс. рублей ежегодно в качестве пособия, включая сюда и 1 тыс. червонцев, пожалованных еще Павлом I на государственные нужды Черногории. Это пособие испрашивалось сроком на 10 лет, в течение которых Негош рассчитывал заложить прочный фундамент внутренних реформ.

Если желание Негоша получить денежную субсидию вполне объяснимо с точки зрения здравого смысла, то другая его просьба – присоединить, через русское посредничество перед Портой, к Черногории территорию Верхней Зеты с Подгорицей, Спужем и Жабляком, захваченную турками несколько столетий назад, была бесперспективна и совершенно неприемлема для царского правительства.

Стремление Негоша расширить территорию Черногории присоединением плодородных земель понятно, однако рассчитывать при этом на реализацию своего плана с помощью России он явно не мог. Склонить турецкое правительство вернуть фактически независимой Черногории земли, утраченные ею столетия назад, было нереально даже гипотетически, поскольку Порты, помимо прочего, могла создать опаснейший для себя прецедент. Политический курс России на защиту целостности Османской империи в 30-е годы XIX в. получил наибольшее развитие, поэтому расчеты Негоша были эфемерны, что ему аргументировано и разъяснили из Петербурга. К. В. Нессельроде, учитывая всю совокупность существующих европейских международных отношений и взаимных обязательств, отписал Негошу, что передача Верхней Зеты Черногории «выходит из круга вещей возможных», поскольку права Османской империи на завоеванные когда-то турками земли «находятся ныне в нравственном ручательстве всех европейских держав»⁴. Увеличение субсидии Черногории до 80 тыс. рублей также было отвергнуто К. В. Нессельроде, поскольку вице-канцлер полагал, что деньги пойдут не на задуманные Негошем реформы, а исключительно на борьбу с внутренней оппозицией. Он считал приезд Негоша в Россию нецелесообразным и рекомендовал князю А. М. Горчакову, замещавшему тогда отсутствующего посла в Вене Д. П. Татищева, отправить владыку на родину.

В Вене, куда прибыл в конце декабря 1836 г. еще не знавший об отказе Негош, за ним был установлен негласный надзор как со стороны австрийского правительства, так и со стороны русского посольства. У черногорского владыки часто бывал австрийский капитан (хорват по национальности) Ф. Орешкович, составлявший затем подробные рапорты австрийским властям о своих беседах с Негошем.

С русской стороны выполнение такой деликатной миссии было возложено на находящегося при посольстве в Вене подполковника корпуса жандармов Я. Н. Озерецковского. Именно Я. Н. Озерецковский первым или одним из первых узнал, что Негош после отказа принять его в России решил не возвращаться на родину, а намерен отправиться в Западную Европу, и в частности в Париж. Это известие ошеломило австрийские власти, российское посольство в Вене и официальный Петербург. Установившаяся после победы Июльской революции 1830 г. монархия Луи-Филиппа, этого «короля баррикад», была ненавистна Николаю I.

Встревоженный перспективой поездки правителя Черногории во Францию, К. Меттерних информировал А. М. Горчакова, что тщательная слежка, установленная за Негошем, позволяет утверждать о преобладании у черногорского владыки политических интересов над церковными. Надо сказать, что канцлеру Меттерниху «очень подробные и верные сведения» о Негоше поставлял находившийся тогда в Вене Вук Караджич, с которым владыка был «давно знаком и дружен»⁵. В случае, если Негош поедет в Париж, полагал австрийский канцлер, он может стать игрушкой в руках революционеров, которые только дожидаются удобного предложения, чтобы возбудить Восток⁶. Российский поверенный в делах со скепсисом отнесся к этим суждениям К. Меттерниха, полагая, что черногорцы находятся на «достаточно низкой ступени цивилизации для того, чтобы их умами овладели революционные идеи»⁷, но и он, придерживаясь петербургской инструкции, считал необходимым добиться возвращения Негоша в Черногорию.

Различные попытки воздействовать на черногорского владыку с целью заставить его отказаться от мысли ехать в западноевропейские страны были тщетны. Негош уже обратился во французское посольство в Вене и получил от

посла паспорт для следования во Францию. В такой ситуации А. М. Горчаков предпочел выдать Негошу паспорт до Петербурга, справедливо полагая, что его визит в Россию, хотя и нежелательный, несравненно предпочтительней воюжа во Францию.

Однако на этом неприятности, связанные для Негоша с поездкой в Россию, не закончились. По распоряжению Николая I он был вынужден задержаться в Пскове, поскольку российский МИД решил разобраться с обвинениями, выдвинутыми против владыки его политическим противником И. Вукотичем⁸. Однако в конечном итоге все обошлось, и Негош, прибыв в Петербург в мае 1837 г. и получив аудиенцию у императора, который «по-отечески» лишь слегка пожурил владыку, сумел благополучно уладить дела.

Важнейшим для черногорцев и Негоша был вопрос об увеличении денежной субсидии Черногории. Решение, хотя бы и частичное, финансовых проблем позволило бы Негошу и черногорскому правительству продолжить государственные преобразования в стране, улучшить экономическое положение населения. Поэтому принятое русским правительством решение о выделении на 10 лет дополнительной ежегодной субсидии (при сохранении старой – 1 тыс. червонцев) в 80 тыс. руб. на «необходимое ныне обеспечение беднейших из черногорцев и на внутреннее благоустройство народа»⁹ было чрезвычайно важно для Черногории. Собственно говоря, российскому руководству, познавшему настойчивость и решительность черногорского правителя, ничего не оставалось делать, как пойти навстречу его пожеланиям, поскольку этого требовала и внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в этом регионе Балкан.

Резкое ослабление позиций России в Сербии, где Великобритания и Австрия сумели успешно противодействовать русскому влиянию, способствовало этому. Царскому

правительству было важно найти более надежную, прорусски настроенную точку опоры, которая могла бы стать проводником русского влияния на Балканах, и эта роль в определенной мере теперь отводилась Черногории с ее заметным влиянием на соседних христиан. Однако прежде нужно было разобраться в ситуации в Черногории, ее внутренних и внешних проблемах, чтобы затем проводить свою политику с учетом черногорских реалий. В свою очередь Негош, получивший в Петербурге в финансовом отношении даже больше того, на что он рассчитывал, был кровно заинтересован в развитии и укреплении взаимоотношений с Россией, главным внешнеполитическим оплотом его родины, гарантом ее фактической независимости.

На улучшение русско-черногорских связей самым благоприятным образом повлияли две следовавшие одна за другой миссии российских эмиссаров в Черногорию – уже упоминавшегося Я. Н. Озерецковского и капитана корпуса горных инженеров Е. П. Ковалевского¹⁰. Их отчеты и служебные записки позволяют непредвзято и объективно судить о внешнеполитической деятельности Негоша. Они важны еще и потому, что в черногорских архивах сохранилось мало документов, позволяющих с достаточной полнотой охарактеризовать внешнеполитическое положение Черногории в 30-е годы XIX в.

Я. Н. Озерецковский, прибывший в Черногорию в августе 1837 г., самым тесным образом общался с Негошем, который ввел его в курс дел, касающихся взаимоотношений Черногории с соседними турецкими и австрийскими владениями. Я. Н. Озерецковский считал, что черногорцы и их правитель искренне желают жить в мире с соседями. Довольно скоро он убедился, что Негош и правительство прилагают максимум усилий «для удержания народа от междоусобий, кровомщения и нападений на турецкие границы»¹¹.

Но сам подполковник скептически относился к возможности установления мира и согласия на турецко-черногорских границах. Он полагал, что трудно рассчитывать на прочный мир «между двумя народами, разделенными вероисповеданиями и вековой враждою, народами, равно необразованными и равно готовыми к войне»¹². Я. Н. Озерецковский старался внушить российскому руководству, и, в частности, своему непосредственному начальнику А. Х. Бенкендорфу, мысль, что Черногория, благодаря своей активной борьбе, имеет большое влияние на Герцеговину, христианское население Албании и ей не хватает только денежных средств, «чтобы взять первенство и приобрести еще сильнейшее влияние, с одной стороны на Далмацию и Герцеговину, а с другой на берег Адриатического моря до Греции»¹³. Российский эmissар, посетивший близлежащие с австрийскими владениями Црмницкую и Риечскую нахии (области), отмечал, что австрийское правительство проводит античерногорскую политику и стремится подорвать русское влияние в Черногории, подогревает сепаратистские настроения в приграничных с австрийскими владениями черногорских нахиях. При этом, подчеркивал Озерецковский, Австрия стала «унижать страну в глазах России, чтобы лишить оную могучего покровителя и тем ослабить ее возникающее значение»¹⁴.

В связи с его отъездом из Черногории Негош написал стихотворение «Отъезд из Черногории г. полковника Озерецковского», напечатанное в черногорском альманахе «Грлица» за 1839 г. В письме, адресованном Д. П. Татищеву, он отмечал заслуги российского представителя и выражал желание, чтобы тот «если не всю жизнь его, то по крайней мере несколько лет в Черногории провел»¹⁵. С присвоением чина Негош ненадолго опередил события, поскольку Николай I вскоре по достоинству оценил заслуги

Я. Н. Озерецковского, присвоив ему чин полковника и пожаловав табакерку стоимостью 1 тыс. рублей. Миссия Я. Н. Озерецковского дала возможность Николаю I, русскому правительству и дипломатии окончательно убедиться в беспочвенности обвинений, выдвинутых в адрес Петра II Негоша, понять, что его государственная деятельность полезна для Черногории и не расходится с интересами России на Балканах. В дальнейшем в русско-черногорских отношениях будут еще сложности и взаимные трения, но уже никогда русское правительство не будет надолго забывать и игнорировать полностью проблемы этого славянского государства, значение которого будет неуклонно возрастать во внешней политике России XIX в.

Миссия Е. П. Ковалевского в мае 1838 г. была связана с предположением о наличии в Черногории в селении Златица (Брда) месторождения золота, которое после геологических изысканий Е. П. Ковалевского так и не удалось обнаружить. Именно в Черногории Е. П. Ковалевский вынужден был выполнять тогда еще несвойственную ему функцию – дипломата, поскольку на рубежах Черногории почти постоянно была напряженная ситуация. Следуя настоятельным рекомендациям российского МИД, Негош прилагал усилия для сохранения мира на границах турецких и австрийских владений. Однако неурегулированный международно-правовой статус Черногории, когда фактически независимая страна не имела официально признанных границ, а территории, которые она считала своими, не признавались таковыми соседними Турцией и Австрией, порождал вооруженное противостояние. Российская дипломатия могла десятилетиями внушать черногорцам мысль о налаживании добрососедских отношений с сопредельными государствами, но почти всегда находил повод для взаимных претензий и обид, порождавших ссоры, стычки и конфликты.

В урегулировании крупного военного конфликта во время австро-черногорского разграничения, о котором речь пойдет далее, Е. П. Ковалевский принял самое деятельное участие. Прочерногорская позиция Ковалевского в этом противостоянии вызвала к нему сильнейшую неприязнь со стороны австрийских властей как в Приморье, так и в Вене.

Западная пресса, и в первую очередь австрийская, устроила настоящую травлю русского офицера, утверждая, что он находится в Черногории «в качестве русского агента». Поэтому в сентябре 1838 г. Е. П. Ковалевский был вынужден покинуть Черногорию и вернуться в Петербург. Русское правительство не могло официально оправдывать его действия перед Веной, но во время аудиенции император «несколько раз благодарил меня за поведение в Черногории», – отмечал Ковалевский¹⁶. На его записке о действиях в Черногории царь поставил помету: «Капитан Ковалевский действовал как настоящий русский».

По возвращении в Россию Е. П. Ковалевский представил в МИД два документа: 1) Статистическое и географическое обозрение Черногории; 2) Записку о Черногории¹⁷. Четырехмесячное пребывание Ковалевского в Черногории дало ему возможность хорошо познакомиться со страной, побывать во многих, даже самых труднодоступных ее уголках. Близкое знакомство и дружба с черногорским правителем, поверившим без утайки русскому офицеру проблемы своей родины, похвальная личная наблюдательность Ковалевского – все это позволило ему довольно точно изложить внутреннюю и внешнюю ситуацию Черногории, привести сведения о населении страны, ее географии, влиянии на соседние христианские народы, сделать рекомендации МИД относительно возможностей развития русско-черногорских связей.

Взаимоотношения Черногории с Турцией и Австрией также не были обойдены вниманием Ковалевского. Он отчетливо видел античерногорскую направленность как турецкой, так и австрийской политики. Вместе с тем Ковалевский чутко улавливал различие в подходах при ее осуществлении: «Турки, силою оружия, немцы (австрийцы. – Ю. А.) – силою политики заслонили ее тщательно от всех отношений с иноземцами, от европейского образования и торговли... Первые непрерывной борьбой изощряют черногорцев в войне и раздувают страсть к ней, вместо того, чтобы тушить ее. Немецкое правительство мелочными притеснениями своими озлобляет их против себя и вообще народов западных»¹⁸. Отнюдь не идеализируя черногорцев, отмечая их «азиатчину» и невежественность, Е. П. Ковалевский справедливо полагал, что причины многих бед Черногории следует искать в непродуманной, агрессивной политике Порты и австрийского правительства в отношении этой славянской страны.

Е. П. Ковалевский отмечал активизацию британской политики в этой части Балканского полуострова и роль в этом английского консула в Нови-Пазаре Н. Васоевича-Радоница, сумевшего объединить вокруг себя часть племен Брды, которые, как замечал Ковалевский, более сомневались в самом факте существования Англии, чем в «силе и могуществе консула»¹⁹. Авантюристические планы Н. Васоевича-Радоница, направленные на создание карликового государственного образования из горцев «под покровительством Англии и своим управлением», были опасны для Черногории. Эта политическая спекуляция, поддерживаемая британской дипломатией, могла бы нанести ущерб русскому влиянию в этом районе, подорвать авторитет России. Реальность этого осознавал и сам черногорский правитель, высказывавший пожелание, чтобы в Черногории постоянно

«под каким бы ни было предлогом» находился русский представитель, чтобы окружающие страну славянские народы видели в этом «залог взаимного внимания российского правительства» к нуждам славян²⁰. Убеждая К. В. Нессельроде в необходимости русской поддержки Черногории, Е. П. Ковалевский заключал свои суждения следующим выводом: «Черногория может истерзать сама себя, если покровительство России не будет над нею бдительным провидением, которое может изготовить блестящую участь для этого народа, сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно»²¹.

Желание Негоша добиться под любым предлогом присылки в Черногорию русского дипломата объяснялось еще и тем, что он хотел избавиться от опеки российского вице-консула в Рагузе (Дубровнике) Й. Гагича, предвзятость которого и отсутствие взаимопонимания с черногорским владыкой создавали определенные трудности в деятельности Негоша, и Ковалевский старался помочь ему в этом вопросе. Более того, в марте 1839 г. он сообщал владыке, что его «недоброжелатель Гагич» будет переведен из Рагузы и новому консулу будет предписано часть года обязательно находиться в Цетинье. Но желающих жить постоянно в Черногории в Азиатском департаменте не нашлось, что весьма удивляло самого Ковалевского²². Однако эти надежды не оправдались, и, вероятно, не только по причине отсутствия желания у какого-либо дипломата ехать в Черногорию, так как в случае необходимости МИД своим распоряжением мог отправить любого чиновника в края еще более «дикие», чем Черногория. Дело, на наш взгляд, заключалось в том, что в Петербурге учитывали возможность нежелательной в то время для России острой реакции турецкого правительства на учреждение консульства в фактически независимой, прорусски настроенной стране.

В 30–40-е годы XIX в. перед Черногорией и ее правителем стояли задачи расширения пределов страны путем возвращения ранее утраченных земель. При этом Негош вынужден был действовать в зависимости от часто менявшихся обстоятельств, поэтому внешнеполитическая активность Черногории была разновекторной, что неизбежно сказывалось на ее результативности.

Далеко не просто складывались у Черногории отношения с таким близким соседом, как Северная Албания. Здесь «малая война» преобладала над дипломатией. С окончанием русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Порта предприняла решительные действия, направленные на преодоление сепаратизма в Албании. Летом 1830 г. войскам великого визиря Мехмеда Решид-паши удалось подчинить юг Албании. Следующим шагом в этом направлении должна была стать ликвидация «автономии» Северной Албании, и ее правитель Мустафа-паша, понимая это, решил сопротивляться, подняв на бунт часть албанских и боснийских феодалов.

С началом восстания Мустафа-паши черногорцы оказались перед сложным выбором: либо присоединиться к восставшим, к чему склонял черногорцев мятежный паша, либо, воспользовавшись отвлечением албанских вооруженных сил на борьбу с султаном, всей мощью обрушиться на его владения и расширить свою территорию, вернув ранее принадлежавшие Черногории земли, входящие в состав Шкодринашского пашалыка. Оба решения были чреваты для Черногории серьезными последствиями. Россия старалась сохранять и поддерживать мирные отношения с Турцией, не желала возникновения какого-либо крупного военного конфликта на Балканах, поэтому участие черногорцев в боевых действиях на стороне албанцев могло осложнить русско-черногорские отношения, но главное, в случае поражения

шкодринского паши следовало ожидать ответной мести черногорцам со стороны Порты.

В отличие от России сербский князь Милош Обренович в ситуации, сложившейся вокруг Северной Албании, вел двойную игру, рассчитывая вовлечь в нее черногорцев. Зная о колебаниях Негоша, князь в феврале 1831 г. советовал черногорскому владыке послать в помощь шкодринскому паше «некоторое количество вооруженных людей за плату». Он также рекомендовал Негошу дать клятву Мустафа-паше, что албанцы не подвергнутся нападению черногорцев, в особенности административный центр Северной Албании – город Шкодра. Поскольку, полагал сербский правитель, Черногория не может без него существовать, «она и продукты имеет от него, и торговлю свою через его посредничество распространяет»²³. Сам Милош Обренович, втайне от российского МИД, поощрял мятеж паши, в частности, он оказал Мустафа-паше денежную помощь в размере 250 тыс. курушей, рассчитывая, что Порта под влиянием внутренних затруднений выполнит наконец-то положения Адрианопольского договора о Сербии²⁴. Одновременно князь Милош поддерживал самые тесные отношения с султаном Махмудом II и обещал ему военную помощь против бунтовщиков людьми, продовольствием и деньгами. К этому его склоняло и русское посольство в Константинополе²⁵.

Негош в целом занял осторожную, выжидательную позицию в турецко-албанском конфликте, хотя некоторые брдяне, например васоевичи, поддержали Мустафа-пашу. Однако, когда в начале мая 1831 г. войска Мустафа-паши потерпели сокрушительное поражение, черногорцы решили воспользоваться этим и в 1831–1832 гг. предприняли неудачные попытки завладеть Подгорицей. Хотя ко второму походу, целью которого была не только Подгорица, но и прилегающие районы Верхней Зеты с крепостями Спуж

и Жабляк, черногорцы готовились тщательно, тем более что в случае успеха этого замысла стратегические позиции Черногории значительно бы окрепли. Возвращение же Черногории низменных плодородных земель этой области, утраченных еще в начале XVI в., позволило бы улучшить продовольственную ситуацию в стране. Негош даже обратился за поддержкой к влиятельному боснийскому феодалу Хусейну-капетану Градашевичу, у которого были свои счеты с албанцами. Однако мятежный «Змей Боснии» (такое было прозвище Градашевича) был разбит турками и бежал в Австрию, а черногорцы, умело воюя в горных условиях, не имели достаточного опыта осады городов и крепостей, поэтому предпринятая военная операция закончилась для них неудачей.

В 1834 г. на границах Черногории с Северной Албанией вновь сложилась взрывоопасная ситуация, новый наместник султана в Шкодре Хафиз-паша стал поощрять албанцев к набегам на Черногорию. Он платил по 15 австрийских талеров за каждую принесенную ему голову черногорца²⁶.

В Черногории спокойного места не было нигде, повсюду любого подстерегала опасность. Однако сущим проклятием для черногорцев была жизнь в приграничье. Размышляя над перепиской Негоша с воинственными соседями, пашами и визирями, классик югославской литературы Иво Андрич рисует следующую объективную картину черногорской повседневности: «Эта река жизни, которая у нас на глазах несет весь ужас и тягость черногорских будней, судеб так называемых маленьких людей, это омут пограничных столкновений, столь незначительных и простых, если смотреть на них глазами современника, и столь тягостных и сложных, если они происходят изо дня в день, из года в год»²⁷. Владыке трудно было сохранить мир на границах с Северной Албанией, хотя он стремился пресекать

пограничные конфликты и для достижения этой цели вновь и вновь шел на переговоры. Стремление к достижению мира прослеживается в его послании к «подгорицким и спужским туркам». Обращаясь к ним, он писал: «Сегодня пришли к нам брдяне и белопавличи и принесли несколько голов, отрубленных во время вашего нападения на село Ястребы. Хотя вы часто нападаете на нас, как и на других людей, мы не можем, подобно вам, хвалиться отрубленными головами и находить в своем сердце из-за этого злосчастного дела какое-либо удовлетворение. Поэтому мы посылаем обратно вам головы ваших братьев и дружески говорим вам: оставьте свои набеги на наши края, потому что мы действительно хотим жить в мире...»²⁸.

Впрочем, сначала казалось, что миролюбивые призывы Негоша находят отклик. Хафиз-паша согласился встретиться с владыкой для заключения мирного соглашения, но затем он выставил неприемлемое для черногорцев условие – признание Черногорией сюзеренитета султана. На это ни черногорцы, ни их владыка не могли согласиться, и через некоторое время краткое затишье на черногорско-албанских границах сменилось вооруженным противостоянием. Вновь Негош информировал Й. Гагича, что соседи «не оставляют в покое черногорцев, а беспрестанно их уловляют и истребляют». Негош хорошо знал своих воинственных соплеменников, быстрых на расправу и мщение. В ночь с 11 на 12 марта 1835 г. была захвачена крепость Жабляк, и лишь после настоятельных требований владыки черногорцы оставили ее, «напакотив в оной довольно»²⁹. Сообщая об этом, Негош заверил Й. Гагича, что стремится выполнять установку российского МИД «не беспокоить турок», но он бессилен это сделать, так как повод своими разбойничьими набегами дают сами турки³⁰.

После 1835 г. обстановка на границах Черногории и Северной Албании относительно нормализовалась, а в 1839 г. Негош обратился в Шкодру к визирю Рифату Хасан-паше, очередному наместнику султана, с предложением прекращения военных действий и установления мира, однако и на сей раз дело заключилось не миром, а новым кровопролитием, и виновниками этого, хотя и косвенными, стали австрийские власти Далмации, запретившие продажу черногорцам оружия. Сложившаяся ситуация показалась выгодной албанцам, которые стали совершать набеги на приграничные черногорские села, однако в решающем сражении у села Ястреб, произошедшем в июне 1839 г., албанцы потерпели сокрушительное поражение. Это их на время присмирило, но окончательного мира на рубежах Черногории и Северной Албании не было и не предвиделось. Как та, так и другая сторона постоянно были начеку, готовы к вооруженному противостоянию.

Посетивший в 1842 г. Черногорию член московского славянского кружка А. Н. Попов, являвшийся помимо прочего магистром права, в путевых записках воспроизводит следующий диалог с черногорцем-четником, который обратился к русскому путешественнику с таким вопросом: «Ты никогда не резал туркам голов? – Никогда, отвечал я. – Так ты проживешь век девойкой, сказал он, помолчав немного, а потом прибавил, заботясь об моей славе: Вот скоро пойдет чета к Скадру, поди с ними». Аналогичного содержания беседа со священником-черногорцем из приграничья состоялась у известного российского общественного деятеля, публициста-славянофила Ф. В. Чижова, который в ответ на свои слова, что Россия сейчас в мире с Турцией, услышал следующее: «Э, брат, худо, что вы не бьете турков, хоть бы латинов били. Не все же воевать, ответил я ему. Старик пристально посмотрел на меня, и казалось, не понял ответа...»³¹.

Таков был круговорот жизни черногорцев, где война была нормой, а мирная жизнь им была почти неведома.

Если на суше Черногория сумела активно противостоять агрессивным действиям со стороны Северной Албании, не позволила военным силам Шкодры покорить или расчленить страну, то совершенно иная обстановка сложилась в 1840-е годы в акватории Скадарского озера. Осенью 1843 г. войска очередного визиря, Осман-паши, захватили два небольших черногорских острова – Вранину и Лесендро, игравших важную роль в экономике Черногории, зависевшей от рыбной ловли. Острова имели также и важное военное значение. С захватом Лесендро албанцы «приобрели ключ, отпирающий Черногорию», замечал Й. Гагич³². Только многократное военное превосходство позволило албанцам завладеть островами, и черногорцы болезненно относились к этой чувствительной для них потере. Около 200 защитников острова Вранины, вынужденные его оставить под натиском превосходящих сил противника, испытали на себе неприязнь со стороны других черногорцев: «На них все черногорцы плюют и стали они предметом осмеяния за то, что все не погибли там, но что могут сделать двое против ста, или 200 человек против 10000–12000 человек», – отмечал Негош в письме к Й. Гагичу³³. Эти острова, как и многие другие пограничные территории, являлись предметом частых споров между албанцами и черногорцами, и та и другая сторона считали их своей собственностью. Черногория рассчитывала на поддержку России в этом территориальном споре.

Следует сказать, что постоянной и характерной особенностью внешнеполитических проблем Черногории являлось то, что почти любой локальный конфликт этого самого маленького государства на Балканах сразу же приобретал довольно громкое международное звучание и находил отклик

в дипломатических и правительственных кругах России, Турции, западноевропейских государств. Так, с самого начала конфликта судьбу этих двух «несчастливых» островков отслеживали в Петербурге, Константинополе, Вене и Лондоне, где каждая из сторон преследовала свои цели. В Петербурге в курсе дел был не только МИД, но и сам император Николай I. Российский МИД весьма энергично вел дело в защиту интересов Черногории. Порте было предложено «подвергнуть скутарского пашу следствию за занятие им островов Лесандрии и Вранины, лежащих на Скутарском озере»³⁴.

К разрешению конфликтной ситуации решено было привлечь и Австрию, которая после недавно закончившегося австро-черногорского разграничения демонстрировала свое расположение к Черногории. Однако предпринятый в июле 1844 г. по настоянию Николая I совместный демарш российского и австрийского послов в Константинополе В. П. Титова и Штюмера не принес положительных результатов. Порты отказывались отдать распоряжение об эвакуации войск с Лесендро и Вранины, всячески уклоняясь от разрешения этой проблемы. Возвращению островов препятствовала и позиция Англии. Британский консул в Шкодре, выдерживая общую линию лондонского кабинета на закрепление своего влияния в Османской империи и ее владениях, настойчиво советовал Осман-паше не возвращать Лесендро и Вранину Черногории, как этого хотят Россия и Австрия, а укрепляться на островах.

Весной 1845 г. Негош получил грамоту от российского Синода о возведении его в сан митрополита, что свидетельствовало о внимании к нему со стороны России, но не решало проблемы островов. Они вернулись к Черногории только в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В память о тех годах и событиях до сего времени в Черногории, если

у кого-либо не получилось задуманное дело, используют сложившуюся тогда поговорку: «Обжегся как владыка при Лесендро».

Не менее сложно складывались взаимоотношения между Черногорией и Герцеговиной, которая после подавления мятежа боснийско-герцеговинских феодалов в административном отношении была отделена от Боснии (1833 г.). Тогда же столацкий «капетан» Али-ага Сточевич, получив звание паши, уже как Али-паша Ризванбегович, с титулом визиря, обосновался в Мостаре, административном и торговом центре Герцеговины. Получив власть, Али-паша заявил: «Отныне никому более не надобно ездить к султану в Стамбул. Вот вам Стамбул-Мостар, а вот вам и султан в Мостаре!».

Это был один из тех «маленьких султанов», которые в первой половине XIX в. утвердились на какое-то время на окраинах Османской империи, когда стамбульские власти уже теряли последние силы. Али-паша Ризванбегович был расчетливый политик, ведший свою игру со Стамбулом, соседними османскими пашами, и он то воевал, то мирился с Черногорией и ее правителем. История Черногории веками тесно переплеталась с историей Герцеговины. Православное население Герцеговины спасалось в Черногории от насилий и притеснений со стороны османских властей. Именно из Черногории шло интенсивное прорусское влияние на герцеговинских христиан. Сами черногорцы практически всегда готовы были поддержать герцеговинцев в их противостоянии с Портой, особенно в приграничных горных областях, которые фактически оставались свободными и далеко не всегда признавали власть султана.

Недовольные самовластием османской администрации, самого Ризванбеговича, такие приграничные герцеговинские области, как Дробняк, Шаранцы и др., нередко стремились выйти из-под контроля герцеговинских властей,

установить более тесные связи с родственным им населением Черногории и даже присоединиться к ней. В этом плане камнем преткновения в отношениях между Герцеговиной и Черногорией был округ Грахово, являвшийся важнейшим торговым и военно-стратегическим пунктом турецких владений в Герцеговине. Военный контроль над Грахово открывал врагам путь к сердцу Черногории – Катунской нахии, которая по праву считалась ядром освободительной борьбы, объединявшим вокруг себя другие нахии. Православное население Грахово не желало признавать османскую власть, давно стремилось прочно объединиться с Черногорией и явно рассчитывало на поддержку черногорцев, когда весной 1836 г. отказалось от уплаты харача. Однако тогда в вооруженном противостоянии из-за Грахова в августе 1836 г. «сила турецкая верх взяла»³⁵.

Конфликт после захвата Грахова не затих, а лишь разгорелся. Негош никак не хотел смириться с потерей земли, которую считал его «дедом населенной». Он обвинял герцеговинского визиря, что тот совершил нападение на народ, «неподвластный Порте», требовал оставить Грахово и недвусмысленно грозил, предупреждая Али-пашу, что «против черногорцев еще никто не приобрел славы, и ты не успеешь в том»³⁶. В ответном послании Ризванбегович, отмечая претензии черногорского владыки, настаивал на том, что Грахово «моему знамени принадлежит и что я оно визирь»³⁷.

В 1837 г. Негош отправился в Россию, а ситуация на черногорских границах тем временем вновь стала угрожающей. Й.Гагич, ссылаясь на достоверную информацию, предупреждал, что «паши скутарский и герцеговинский делают распоряжения к принятию до 15 тысяч низамского (регулярного. – Ю. А.) войска и на границах Черногории

набирают турок»³⁸. Он считал, что Черногории грозит опасность и даже полное порабощение.

Негош, вернувшись из России, застал страну в тяжелейшем состоянии. В Черногории был голод, из турецких владений не прекращались набеги на ее территорию. Предпринимая шаги к примирению, Негош пытался начать переговоры с заместителями султана в Шкодре и Мостаре, но его мирные предложения были «отвергнуты с презрением», как сообщал Негош Й. Гагичу, дополняя это сведениями о грабежах, зарубленных и застреленных черногорцах³⁹. Все это, к сожалению, было «привычно» для черногорцев и их владыки, вся жизнь которых была балансированием между жизнью и смертью. По этому поводу Е. П. Ковалевский писал: «Две пятых населения Черногории погибало на поле битвы, 1/5 – от ран и только менее 2/5 умирало естественной смертью»⁴⁰. В первое полугодие 1838 г. вооруженная конфронтация на черногорско-герцеговинских границах продолжалась. Сербская пресса того времени была вынуждена часто обращаться к событиям военного противостояния между черногорцами и их соседями: «У Грахова опять кровь пролилась», сообщало издание «Новине србске» («Сербская газета»)⁴¹.

Налаживанию добрососедских отношений с османскими властями Герцеговины не способствовали заговор и убийство черногорцами осенью 1840 г. видного герцеговинского военачальника и чиновника Исмаила-аги Ченгича, имя которого было широко известно в Стамбуле и в балканских владениях Османской империи. Исмаил-ага Ченгич был непримиримым врагом Черногории, и «великую славу» ему принесла победа в августе 1836 г. над черногорцами при Грахово, где погибли в бою родной брат Негоша Джока Петрович, его племянник и еще семь членов семейства Петровичей. Удобный случай отомстить за военное поражение

и гибель родственников представился Негошу, когда Ченгич во главе вооруженного отряда отправился за сбором хараचा в пограничное с Черногорией славянское племя Дробняков. Негош вместе с дробняцкими старейшинами, среди которых выделялся Новица Церович, организовал нападение дробняков и пришедших к ним на помощь черногорцев и брдян на Ченгича, который был убит, а его голова и оружие были доставлены в Цетинье. По одной из версий, голова Ченгича была преподнесена черногорскому владыке, и тот, взяв ее в руки, произнес: «Пришлось тебе все же мне поклониться, бедный Исмаил».

Гибель Исмаила-аги Ченгича вызвала широкий резонанс на Балканах, особенно в Герцеговине и Боснии. После этого ухудшились и без того крайне сложные турецко-черногорские отношения, можно было ожидать прямого нападения Турции на Черногорию. Руководство страны и сам Негош сознавали, что гибель Ченгича может не сойти им с рук и придется объясняться с Петербургом, куда, в случае резкого обострения ситуации, придется обращаться за помощью. В русской столице, где внимательно следили за частыми «недоразумениями» на границах Черногории, могли не понять, что духовный пастырь вместо того, чтобы внушать смирение своей пастве, сам способен на беспощадную, во многом личную месть. Негош, стараясь отвести от себя подозрения, просил Й. Гагича уведомить МИД, что нападение на Ченгича было превентивной мерой, поскольку сам Ченгич готовил нападение на черногорское племя Морача. Эта версия владыки была с полным доверием воспринята Й. Гагичем. Нередко вице-консул прямо или косвенно укорял черногорцев, их правительство и самого Негоша за частые конфликты с подданными Порты. В этом же случае он поступил совершенно иначе. Й. Гагич проинформировал российское посольство в Вене о почти ежегодных нападениях на

Черногорию известного в Герцеговине «по злодейству и нахальству» Исмаил-аги Ченгича. Уведомил, что тот действительно готовился к нападению на племя Морача. Узнав об этих намерениях, морачане напали на лагерь Ченгича и «убили его и других ему подобных нахалов сорок человек»⁴².

Гибель Ченгича дорого обошлась черногорцам и брдянам. Али-паша Ризванбегович собрал многотысячное войско (от 10 до 20 тыс. человек по разным оценкам), жестоко покарал и привел в покорность герцеговинское племя Дробняков, сделав их «верными райя» султана⁴³. Затем он обрушил свои силы на пограничную черногорскую территорию, где в серии кровавых столкновений погибли сотни черногорцев и брдян. Завершил свою ответную месть герцеговинский визирь тем, что в Гацко, около дома Ченгича, приказал насадить на колы 112 отсеченных голов дробняков, черногорцев и брдян. Только после этого Ризванбегович пошел на переговоры с Негошем и заключил с ним перемирие с октября 1840 г. по апрель 1841 г.

Судьба Грахово пока еще не могла быть решена силой оружия, поэтому политический реализм и расчет возобладали у враждующих сторон. Улаживанию отношений между Черногорией и Герцеговиной способствовали мирные договоренности 1842–1843 гг. между Петром II Негошем и Али-пашой Ризванбеговичем, в которых визирь Герцеговины признавал Черногорию «независимой» областью, незыблемость ее границ со стороны Герцеговины и фактически признавал «особые интересы» Черногории в Грахово, куда наследственным воеводой назначался прочерногорски настроенный Яков Дакович⁴⁴. Однако Порты не пошла на ратификацию черногорско-герцеговинских договоренностей, так как в Стамбуле отчетливо осознавали, что, пойдя на официальное признание независимости Черногории,

Османская империя нанесет колоссальный ущерб своему господству на Балканах, поскольку это могло вызвать цепную реакцию национально-освободительных движений балканских народов, увидевших, что упорная борьба может привести к победе и обретению независимости. Кроме того, международно-правовой акт признания независимости Черногории продемонстрировал бы наглядно Европе слабость Турции, ее неспособность удержать, даже формально, Черногорию в своих руках. Пойти на такое Порты, разумеется, не могла.

Следует отметить, что между черногорским владыкой и правителем Герцеговины (род которого имел славянские корни) сложились, хотя и не сразу, относительно уважительные личные отношения. Они поддерживали личную переписку и даже были побратимами. Али-паша Ризванбегович в кругу своих приближенных лестно отзывался о Негоше следующими словами: «Вы, турки, не понимаете, кто и каков владыка, а – клянусь Богом и его законом – это тот первый бан от Косова». Тем самым Ризванбегович как бы подчеркивал, что со времен Косовской битвы сербский народ (а черногорцы в XIX в. в целом не отделяли себя от сербов, хотя и осознавали свою специфику) не имел подобного правителя.

Личные взаимоотношения правителей Черногории и Герцеговины играли свою положительную роль. Однако не они, в основном, определили то, что между Герцеговиной и Черногорией после 1843 г. и вплоть до устранения Ризванбеговича от власти в 1851 г. уже не было крупных военных конфликтов. Это определялось тем, что успешные действия черногорцев заставляли власти Герцеговины проявлять большую сдержанность и не доводить дело до крупномасштабных военных столкновений, как это было ранее.

Если отношения с османскими соседями строились главным образом на военном противостоянии черногорцев с соседями, то такого нельзя сказать о взаимоотношениях с Австрией вплоть до 1838 г., хотя австрийские власти способствовали росту сепаратизма в пограничных с австрийскими владениями Црмницкой и Риечской нахиях. Австрия также оказывала постоянное экономическое давление на Черногорию, нередко закрывала для черногорцев свои базары, выдвигала территориальные претензии. Под нажимом Вены Негош в 1837–1838 гг. продал Австрии два монастыря – Маине и Станевичи, имевшие не только религиозное, но и военное значение. С их продажей Черногория еще более удалялась от Адриатического побережья, возвращение утраченного в 1718 г. выхода к которому было заветной мечтой нескольких поколений черногорцев. Уступка под явным нажимом Негоша этих монастырей Австрии вызвала негативную реакцию среди черногорцев. Я. Н. Озерецковский считал, что на месте Негоша он бы «скорее срыл и разнес Станевичи», нежели продал Австрии, и разделял мнение народа, не одобрявшего эту продажу⁴⁵. Вероятно, в стратегическом плане Негош принял не лучшее решение по монастырям. Сам владыка объяснял продажу тех же Станевичей отсутствием средств на его ремонт. Но его интересовали не столько деньги (хотя и они были важны для Черногории), сколько желание не обострять отношений с Венной ради главной цели – разграничения с Австрией, к которому Негош хотел привлечь и Россию.

Начатое в 1837 г. австро-черногорское разграничение летом 1838 г. было прервано, что в итоге привело к крупному военному конфликту. Непосредственным поводом к нему стали сооружение на вершине Паштровичской горы австрийской казармы и размещение в ней воинского гарнизона. Черногорцы считали, что казарма находится на территории

Црмницкой нахии, и поэтому подвергли ее нападению и разрушению, при этом были убиты 2 солдата и «с десяток поцарапано»⁴⁶. Негош понимал, что вступление в вооруженную борьбу с Австрией, особенно в то время, когда продолжались почти беспрестанные стычки на границах с османскими владениями, было чревато для Черногории самыми серьезными последствиями. Учитывая эти обстоятельства, он стал искать пути к примирению.

Находившийся тогда в Которе Е. П. Ковалевский предпринял попытку предотвратить разрастание конфликта. Он вступил в переговоры с окружным начальником Котора Габриэлем Ивачичем, но все было тщетно. Г. Ивачич отреагировал на предложение русского офицера о посредничестве следующим заявлением: «Мы собираемся дать хороший урок черногорцам, так, чтобы они долго не могли оправиться»⁴⁷. В переговоры с австрийскими властями вступил и сам Негош, но это ни к чему не привело – австрийцы требовали выдачи черногорцев, повинных в смерти солдат, и публичной казни их на границе.

Черногорцы отвергли этот ультиматум, и более чем четырехтысячный австрийский корпус был двинут против Црмницкой нахии. Негош, желая, насколько это возможно, придать начинавшимся военным действиям характер пограничной стычки, остался в Цетинье, а на помощь црмничанам был отправлен большой отряд черногорцев во главе с его двоюродным братом Джордже (Георгием) Петровичем. Основу австрийского корпуса составляли регулярные войска, поэтому командование рассчитывало легко одержать победу над «нестройными толпами бродяг». Однако привыкшие к бою сомкнутым строем регулярные войска австрийцев оказались легкоуязвимыми в горных условиях, где им пришлось вести сражение разобщенными мелкими группами. Этим не преминули воспользоваться черногорцы

в решающем сражении, когда они применили против австрийцев тактику горного боя. Укрывшись за скалами и оставаясь практически неуязвимыми, черногорцы расстреливали в упор расстроенные и деморализованные ряды противника, стремясь в первую очередь уничтожить офицеров. Заключительным победным аккордом сражения стала рукопашная атака, когда массы черногорцев обрушились сверху на австрийские войска. По свидетельству бывшего при этом Е. П. Ковалевского, «резня была страшная. Повсюду разбросанные изуродованные тела, легкий пар свежей крови, стоны умирающих, крики победителей, казалось, приводили в какое-то опьянение черногорцев»⁴⁸.

Кровавый урок, преподанный австрийцам, не сразу возымел свой результат. Австрийцы еще надеялись с помощью оружия изменить ситуацию в свою пользу. Этому способствовало то обстоятельство, что рубежи страны подверглись нападению и с турецкой стороны, то есть «Черногория была внезапно атакована пограничными жителями и войсками двух империй»⁴⁹.

Однако воодушевленные победой черногорцы сумели отразить натиск противника, и более того, 4 тыс. черногорцев были готовы «напасть на провинцию Боку ди Каттаро и предать все огню»⁵⁰. Е. П. Ковалевский писал об этих днях следующее: «Черногория подымалась и в трепетном нетерпении ожидала этой минуты»⁵¹. Поражение австрийской карательной экспедиции и угроза нападения на Боку Которскую – все это заставило австрийские власти пойти на переговоры и заключить в сентябре 1838 г. мирный договор, по которому, хотя и с оговорками, спорные земли на Паштровичской горе отходили к Черногории. По просьбе Негоша мирные переговоры вел Е. П. Ковалевский. При этом он, не желая давать повод австрийцам говорить о каком-либо вмешательстве России, действовал как частное лицо. Акт

о перемирии был подписан вице-президентом черногорского Сената Г. Петровичем-Негошем. Однако реальность заслуг в этом деле именно Е. П. Ковалевского отмечалась Негошем, считавшим, что «неприятное положение Черногории устранено благоразумием и самоотвержением, с которыми действовал капитан Ковалевский»⁵².

Военное столкновение с Австрией сорвало работу по черногорско-австрийскому разграничению, но оно же показало необходимость ускорить его проведение, ибо нерешенность проблемы и породила этот конфликт. Возобновленные в 1839 г. демаркационные работы проходили трудно, и австрийское правительство решило обратиться за поддержкой в Петербург, где было принято решение направить для участия в работе комиссии по разграничению дипломата А. В. Чевкина. В данном ему предписании отмечалось, что для черногорцев важен каждый клочок земли и они вправе рассчитывать на уступки со стороны Австрии. Австро-черногорское разграничение было завершено в июне 1841 г. Вопрос о спорных землях был улажен благодаря денежной компенсации в пользу Черногории. Разграничение ослабило напряженность во взаимоотношениях между двумя сторонами, и хотя локальные инциденты случались, но до крупных конфликтов дело уже не доходило. Кроме того, после разграничения интенсивнее стали развиваться и торгово-транзитные связи, что положительным образом влияло на экономику Черногории. Следует заметить, что австро-черногорское разграничение, хотя фактически носило международный характер, все же было завуалировано в рамках австро-турецкого разграничения в спорных местах Далмации и Герцеговины. Поэтому разграничение, проходившее в общем плане решения споров на австро-турецкой границе, было спокойно воспринято Стамбулом, несмотря на то, что в нем не участвовали представители Порты.

Революция 1848 г., захватившая Западную Европу, эхом отозвалась на Балканах, где она стимулировала рост национально-освободительного движения. В Черногории, занятой разрешением своих внутренних проблем, собственными сравнительно узкими задачами внешней политики (в основном связанными с противостоянием с Северной Албанией), руководство не было подготовлено к масштабному восприятию идей, порожденных революционными событиями 1848 г. Впрочем, большинство из них не представляли интереса для политически и экономически отсталой Черногории.

Все же события 1848 г. поставили ряд вопросов и проблем перед Черногорией. Разгоравшийся революционный пожар мог совершенно перекроить карту Европы, и это учитывалось в Черногории. В это время Негош установил тайные связи с хорватами-иллирами (Л. Гай и др.), сербскими «уставобранителями» и выступал как поборник объединения югославян вокруг Сербии, идея которого была заложена в сербской внешнеполитической программе «Начертание» И. Гарашанина. Эмиссар сербского правительства и лидер Тайного панславянского клуба Матия Бан в апреле 1848 г. посетил Черногорию. В Цетинье планы М. Бана, направленные прежде всего на восстание сербов Боснии и Герцеговины, были полностью поддержаны черногорским митрополитом. Негош согласился отправить за пределы Черногории 6–7 тыс. человек при условии поставки ему продовольствия и боеприпасов. Кроме того, Негош, недовольный тем, что он изначально был не в курсе планов М. Бана и его соратников, заявил следующее: «Знаете ли, что я намеревался сделать, если бы не приехали вы и не сообщили мне все эти вещи: собирался перейти турецкую территорию, вступить с 4 тыс. черногорцев в Сербию, поднять народ и принудить правительство к действию»⁵³. Во время этих переговоров

Негош согласился признать права на престол в планируемом объединенном государстве за сербским князем Александром Карагеоргиевичем, оставляя за собой лишь пост главы церкви.

Объединение с Сербией для совместной антитурецкой борьбы и создания югославянского государства было главным для Негоша, но в самое ближайшее время он хотел реализовать хорватско-сербский план соединения Далмации с Хорватией и Славонией, что, по мнению Белграда, Загреба и Цетинье, являлось прологом дальнейшего развития совместной борьбы за освобождение южных славян на Балканах. В конце мая 1848 г. Негош издал в Цетинье «Объявление бокельцам и далматинцам»⁵⁴, в котором призывал их быть «преданными и послушными Елачичу, своему единоплеменному бану от Триединого Королевства, которое под короной австрийской». Таким образом, Негош, в отличие от своего предшественника, митрополита Петра I Негоша, отказывался от претензий Черногории на Боку Которскую в пользу Триединого Королевства. Помимо прочего к этому Негоша подталкивал и рост проитальянских настроений в Боке Которской, где были желающие «итальянцам предаться»⁵⁵.

Митрополит надеялся найти взаимопонимание с планируемым новым государственным объединением югославян – Триединым Королевством в составе Габсбургской монархии. Тогда Негош разделял заблуждения многих иллиров, считавших, что Вена пойдет на создание «славянской Австрии», даст широкую автономию славянским народам империи, которые затем с помощью обновленной Австрии смогут вместе с Сербией и Черногорией вступить в борьбу против Турции. Верил он пока и хорватскому бану Йосипу Елачичу, считая его человеком, которого «тайная судьба во главу южных славян поставила»⁵⁶. Тем более что верно

служивший Габсбургам Елачич до поры до времени на словах поддерживал идеи освободительной борьбы славян и во время встречи с М.Баном выражал намерения совместно с Сербией (и даже без нее) содействовать освобождению Боснии и Герцеговины⁵⁷. Кроме того, черногорский владыка всерьез опасался, что в ходе начавшейся неудачно для Австрии австро-итальянской войны земли Далмации смогут отойти к борющейся за освобождение и объединение Италии. Поэтому черногорский митрополит весьма болезненно воспринимал рост проитальянских настроений в приморских городах Далмации (во внутренних сельских районах их практически не было).

Непримиримая позиция новой венгерской власти – стремление сохранить национальное угнетение хорватов, словенцев, сербов Воеводины и Славонии, словаков – способствовала переходу славянских национальных деятелей на сторону Австрии. В Хорватии и Воеводине с июня 1848 г. назревал вооруженный конфликт. Начиная с осени 1848 г. Негош стал предлагать хорватам и сербам Воеводины военную помощь в борьбе против Венгрии. Политические обстоятельства, а также известная отдаленность Черногории от театра военных действий не позволили осуществиться этим планам.

Когда русские войска вступили в Венгрию, Негош летом 1849 г. отправил шефу жандармов графу А. Ф. Орлову письмо, в котором предлагал прислать 4–5 тыс. черногорцев, чтобы «соединиться с русскими противу общего врага славянского»⁵⁸. Ответ был отрицательный; Негоша известили, что иностранное вспомогательное войско может вступить в пределы другого государства лишь по приглашению «законного правительства», т.е. австрийского. Успешные действия русских и австрийских войск против венгров исключали такую возможность.

Поражение Венгерской революции ни на йоту не приблизило осуществление планов создания югославянского государства в рамках Триединого Королевства. Габсбурги, австрийское правительство не были склонны потворствовать намерениям югославянских политических деятелей, их расчеты оказались утопией. Также не был реализован и проект политического объединения балканских славян под эгидой Сербии, носители идей федерализма не могли рассчитывать на сколь-нибудь серьезную поддержку ни в Вене, ни в Петербурге.

Надо сказать, что с конца 30-х годов XIX в. роль и место Черногории в балканской политике России начинает постепенно возрастать. Черногория, в силу ослабления позиций России в Сербии и других балканских странах, становилась новой точкой опоры в балканском регионе из-за своего выгодного политического и стратегического положения, прорусских симпатий населения. Однако, оказывая помощь Черногории, Россия требовала от нее неукоснительного послушания и следования в фарватере российской политики. Сам Негош не раз испытывал разочарование по поводу цены российской помощи. Матия Бан, вторично посетивший Черногорию в 1849 г., вспоминал, что Негош в беседе с ним сказал следующее: «Россия вольно или невольно при каждом удобном случае припоминает цену этой помощи. Я, правитель свободной Черногории, делаю себя рабом петербургских причуд. Мне это сильно надоело, и я хочу сбросить это ярмо»⁵⁹. Делая такой во многом справедливый упрек в адрес царского правительства, Негош в конечном итоге возлагал все же свои надежды и помыслы на Россию, понимая, что другим европейским державам судьба Черногории либо безразлична, либо их политика сулит лишь беды и несчастья его стране, ставя под угрозу ее независимость.

Революционные события 1848–1849 гг. заставили русское правительство на время забыть о многих проблемах на международной арене, в том числе и о Черногории. Дождавшись, когда революционные потрясения в Европе в основном закончились, Петр II Негош в октябре 1849 г. обратился к государственному канцлеру с просьбой о разрешении приехать ему в российскую столицу и представить Николаю I «необходимости издревле преданного России народа»⁶⁰. Негош предполагал отправиться в Россию весной 1850 г., но серьезная болезнь потребовала его лечения в Италии. В Неаполе, куда прибыл митрополит в 1851 г., он часто встречался с российским поверенным в делах Ф. Ф. Шопингом. Негош сообщил ему, что отказался от мысли добиваться официального признания Россией независимости Черногории, поскольку политические обстоятельства для этого неблагоприятны⁶¹. Болезнь не отпускала владыку, и в октябре 1851 г. он скончался в Цетинье от чахотки.

Петр II Петрович Негош прожил короткую, но яркую жизнь. За пределами Черногории Негош в большей степени известен как поэт, автор жемчужины славянской поэзии – поэмы «Горный венец», принесшей ему неувядаемую славу в славянском мире. Вместе с тем, являясь человеком исключительной одаренности, Негош стал выдающимся государственным деятелем Черногории, реформатором, при котором его родина достигла успехов как в деле внутренних преобразований жизни черногорского общества, так и во внешней политике. Негошу не удалось расширить территорию Черногории, приобрести выход к морю. Однако при нем в значительной мере была преодолена изолированность страны от внешнего мира, укреплена фактическая независимость Черногории, ее рубежи стали более защищенными от внешней угрозы, существенно возросли роль

и влияние Черногории на Балканах. Обращаясь к русско-черногорским отношениям, следует сказать, что при всей их неоднозначности они стали более стабильными и более предсказуемыми, чем ранее. Именно с Петра II Негоша Черногория станет постоянным фактором во внешней политике России на Балканах, и ее значение будет неуклонно возрастать при преемниках Негоша – Даниле и Николе.

Примечания

- ¹ В 1834 г. по предложению Николая I Синод посвятил Петра II Негоша в сан архиепископа, характеризуя это событие как акт уважения русской церкви к «древности сей епархии».
- ² П. П. Негош – Д. П. Татищеву, 14(26) авг. 1836 г. // Целокупна дјела П. П. Негоша. Т.7. Београд, 1951. С. 357.
- ³ К. К. Родофиникин – А. П. Бутеневу, 14(26) сент. 1833 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. ГА. V-A2. 1833 г. Д. 690. Л. 5–6.
- ⁴ К. В. Нессельроде – П. П. Негошу, 12(24) янв. 1837 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1837 г. Д. 694. Л. 12–12 об.
- ⁵ Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского. Публикация В. Боковой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. М., 2003. С. 324; Беллов М. В., Вишняков Я. В. Сентиментальный жандарм: Миссия Я. Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 163.
- ⁶ А. М. Горчаков – К. В. Нессельроде, 3(15) февр. 1837 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1837 г. Д. 318. Л. 15.
- ⁷ Там же. Л. 16.
- ⁸ См. об этом: *Павићевић Б.* Негошева мисија у Русији 1837 године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1960. Књ. XXVI. Св. 1–2; *Анијаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 201–205.

- ⁹ Хитрова Н. И. Становление государственной организации в Черногории во время правления Петра II Петровича Негоша. Провозглашение Черногории княжеством // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 186.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Павићевић Б.* Негош и Јаков Николајевић Озерецковски // Историјски записи. Књ. XXIV. Св. 1. Титоград, 1967; *Он же.* Меморандум Јегора Петровича Ковалевог о Црној Гори 1838 године // Историјски записи. Књ. XXIV. Св. 2. Титоград, 1967; *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 214–230.
- ¹¹ Я. Н. Озерецковский – Д. П. Татищеву, 11(23) сент. 1837 г. // АВ-ПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1838 г. Д. 695. Л. 36.
- ¹² Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992. С. 198.
- ¹³ Там же. С. 221.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ П. П. Негош – Д. П. Татищеву, 25 окт. (3 ноября) 1837 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 408.
- ¹⁶ Е. П. Ковалевский – П. П. Негошу, 12(24) марта 1838 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевскога и Чевкина Владицу Раду. Споменик СКА. Т. LXXXI. Београд, 1935. С. 16–17.
- ¹⁷ П. П. Негош – Д. П. Татищеву, 25 окт. (3 ноября) 1837 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 231–241.
- ¹⁸ Црногорско-руски односи ... С. 231–232.
- ¹⁹ Там же. С. 238.
- ²⁰ Там же. С. 239.
- ²¹ Там же. С. 241.
- ²² Е. П. Ковалевский – П. П. Негошу, 12(24) марта 1839 г. // *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога ... С. 17.
- ²³ Односи Србије и Црне Горе у XIX веку. 1804–1903 / За штампу приредно П. Поповић. Београд, 1987. Док. 85. С. 75–76.
- ²⁴ Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. М., 1983. С. 281–282; *Мушовић Е.* Покрет Мустафа-паше Бушатлије против

- реформы султана Махмуда II // Исторички записи. Св. 1–2. Титоград, 1988. С. 49.
- ²⁵ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1951. С. 15; *Пејовић Ђ. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 414.
- ²⁶ П. П. Негош – Д. П. Татицеву, 25 окт. (3 ноября) 1837 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 224.
- ²⁷ *Андрич И.* Мгновенья над перепиской Негоша // ...Человеку и человечеству. М., 1983. С. 120.
- ²⁸ П. П. Негош – подгорицким и спужским туркам, 27 апр. (9 мая) 1834 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 227–228.
- ²⁹ П. П. Негош – Й. Гагичу, 23 марта (3 апр.) 1835 г. // Там же. С. 306.
- ³⁰ Под турками черногорцы подразумевали всех мусульман, вне зависимости от их этнической принадлежности. Впрочем, сам Негош прекрасно знал, что, например, многие из них являются славянами, принявшими ислам. Он видел в них земляков, братьев по крови. Так, в письме к Осман-паше Скоплянину (шкодринскому визирю), многократно потворствовавшему грабительским набегам своих отрядов на Черногорию, Негош указывал: «Когда ты говоришь, как мой брат босниец, я твой брат, твой друг; но когда ты говоришь, как азиат, как враг нашего племени и имени, мне противно и каждому благородно мыслящему человеку было бы противно; хотя и знаю, что ты скажешь, когда увидишь это мое письмо: какую ерунду мелет этот человек, надеюсь, что потомки наши когда-нибудь по достоинству оценят отечестволюбивые мысли в письме владыки, на которого сейчас со всех сторон ополчились, как на белую ворону». Цит. по: *Кутасова О.* Жизнь поэта // Петр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С. 26; П. П. Негош – Осман-паше Скоплянину, 5(17) окт. 1847 г. // Цјелокупна дјела П. П. Негоша. Т. 9. Београд, 1955. С. 358.
- ³¹ *Попов А. Н.* Отрывок из путевых записок о Черногории // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1845. Т. 54. № 215. С. 250–251; *Чижов Ф. В.* Отрывки из дневных записок во

- время путешествия по Далмации в 1843 г. // Москвитянин. 1845. № 7. Ч. IV. Отд. I. С. 36.
- ³² Й. Гагич – П. И. Медему, 26 ноября (8 дек.) 1843 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1843 г. Д. 700. Л. 24.
- ³³ П. П. Негош – Й. Гагичу, 24 окт. (5 ноября) 1843 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 9. С. 70; АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1843 г. Д. 700. Л. 14 об.
- ³⁴ П. И. Медем – Й. Гагичу, 18(30) апр. 1844 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1844 г. Д. 701. Л. 77.
- ³⁵ П. П. Негош – Д. П. Татищеву, 14(26) авг. 1836 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 356–357; АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1836 г. Д. 693. Л. 20–21.
- ³⁶ П. П. Негош – Али-паше Ризванбеговичу, 6(18) окт. 1836 г. // Там же. Ф. ГА. V-A2. 1836 г. Д. 693. Л. 10; Цјелокупна дјела ... Т. 7. С. 366.
- ³⁷ Али-паша Ризванбегович – П. П. Негошу, 16(28) окт. 1836 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1836 г. Д. 692. Л. 7.
- ³⁸ Й. Гагич – в Азиатский департамент МИДа, 2(15) мая 1837 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1837 г. Д. 694. Л. 10.
- ³⁹ П. П. Негош – Й. Гагичу, 3(15) июня 1838 г. // Цјелокупна дјела П. П. Негоша. Т. 8. Београд, 1953. С. 62.
- ⁴⁰ Црногорско-руски односи ... С. 234.
- ⁴¹ *Дурковић-Јакић Љ.* Србијанска штампа о Његошу и Црној Гори (1833–1851). Београд, 1951. С. 83–84, 85–87 и др.
- ⁴² Й. Гагич – посольству в Вене, 7(19) окт. 1840 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1840 г. Д. 697. Л. 6.
- ⁴³ *Миловић Ј. М.* Петар II Петровић Његош у свом времену. Титоград, 1984. С. 424–425.
- ⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 270–274.
- ⁴⁵ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога ... С. 13.
- ⁴⁶ *Ковалевский Е.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // Эпоха. 1864 г. Май. С. 170.
- ⁴⁷ Там же. С. 172.
- ⁴⁸ Там же. С. 180.

- ⁴⁹ П. П. Негош – К. В. Нессельроде, 1(13) авг. 1838 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 8. С. 96; АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1838 г. Д. 695. Л. 64.
- ⁵⁰ Там же. Л. 64 об.
- ⁵¹ *Ковалевский Е.* Эпизод из войны ... С. 181.
- ⁵² П. П. Негош – К. В. Нессельроде, 1(13) авг. 1838 г. // Цјелокупна дјела ... Т. 8. С. 97; АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1838 г. Д. 695. Л. 65.
- ⁵³ *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња ... С. 94–95.
- ⁵⁴ Цјелокупна дјела ... Т. 9. С. 282–284.
- ⁵⁵ Там же. С. 385. – В свою очередь в революционной Венеции внимательно отслеживали ситуацию в Боке Которской. Еще до нападения черногорцев на Которскую область слухи о их готовности к нему дошли в Венецию. В связи с ними член Временного правительства Н. Томмасео направил специальное послание П. П. Негошу. В нем «владыка свободного уже народа, поэт и славянин» предупреждался, что в случае нападения на Каттаро (Котор) черногорцы не останутся безнаказанными. Н. Томмасео считал, что черногорцев к этой военной акции подталкивает Россия (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 22. Д. 337. Ч. 5. Л. 4–4 об.). Разумеется, это последнее суждение венецианского политического деятеля, как и аналогичные инсинуации в австрийской прессе, не имели под собой реальной почвы. Царское правительство стремилось к сохранению целостности Австрийской империи. Оно также не поддерживало планы создания югославянских государств, даже в рамках Габсбургской монархии (Триединое Королевство), чего добивался, не останавливаясь даже перед военными действиями, Петр II Петрович Негош.
- ⁵⁶ *Пејовић Ђ. Д.* Црна Гора... С.342; *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997. С. 78.
- ⁵⁷ *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995. С. 108.
- ⁵⁸ П. П. Негош – А. Ф. Орлову, 1(13) июня 1849 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1849 г. Д. 706. Л. 8–8 об.; Цјелокупна дјела ... Т. 9. С. 415–416 (в тексте публикации ошибочно указана дата написания – 2 июня 1849 г.).

-
- ⁵⁹ Бан М. Три сусрета с владиком Радом // Савременици о Његошу. Београд, 1951. С. 144.
- ⁶⁰ П. П. Негош – К. В. Нессельроде, 14(26) окт. 1849 г. // АВПРИ. Ф. ГА. V-A2. 1849 г. Д. 706. Л. 9.
- ⁶¹ Ф. Ф. Шопинг – П. К. Мейндорфу, 12(24) февр. 1851 г. // Там же. Ф. ГА. V-A2. 1851 г. Д. 331. Л. 4–4 об.

Я. В. Вишняков

Я. Н. Озерецковский и Петр II Петрович Негош

Роль России в процессе становления новой государственности народов Балканского полуострова не подлежит сомнению. Этническая, религиозная и языковая общность приводила национальных вождей этих народов к идее союза с Россией против общего врага – Османской империи. И если в начале XVIII в. балканские народы находились под прочной османской зависимостью, то уже к его концу все явственнее, при активном военном и политическом участии России, в регионе проявлялись признаки национального возрождения и ослабления влияния Порты и постепенного «возвращения» южнославянских народов в Европу, а европейские правительства, сообразуясь с собственными политическими интересами, постепенно переставали смотреть на Балканы лишь только как на составную часть Османской империи.

Черногория в этом смысле занимала особое место в политике европейских держав и России, поскольку сумела, пусть и на очень небольшой территории, сохранить свою политическую целостность, что стало основой для её будущей политической самостоятельности. С 1796 г. после побед при Мартиничах и Крусах над войсками албанского паши Махмуда-Бушати, эта страна стала фактически независима от Османской империи.

В то же время, фактическая изоляция Черногории от внешнего мира способствовала консервации традиционных патриархальных межплеменных отношений, включавших в себя в том числе и кровную месть, а единственным объединяющим государственно-образующим фактором, способным ментально объединить разобщенные черногорские

племена могла быть только православная церковь, значение которой в общественной жизни страны с начала XVIII в. постепенно увеличивалось. Её резиденция – Цетинский монастырь, расположенный в неприступных горах Катунской нахии, превратился как в духовный, так и в политический центр всей Черногории. Все это способствовало тому, что единственная реальная политическая власть, ограниченная, как заметил российский дипломат Е. П. Ковалевский, «только общим мнением и обычаями предков», сосредоточилась в руках митрополитов – представителей династии Петровичей-Негошей, ставших с 1852 г. светскими правителями¹. Через них же осуществлялись официальные дипломатические контакты Черногории с иностранными государствами.

Из всех черногорских владык Петр II Петрович Негош (1830–1851) был, пожалуй, самым харизматичным правителем. Именно с его именем связано как начало «европеизаторских» реформ, знаменовавших собой начало становления в Черногории государственных институций, так и установление постоянных контактов с Российской империей, которой фактически независимая от Османской империи Черногория, в связи с перманентным обострением Восточного вопроса, нужна была как опорный пункт на Балканах. Этот же факт обуславливал и материальную помощь, которую с 1711 г. черногорские владыки получали от России.

Хотя, на наш взгляд, не стоит преувеличивать политическую роль Черногории в балканской политике как России, так и европейских стран начала – середины XIX в. Как заметил историк, этнограф, публицист П. А. Ровинский, автор монументальной книги «Черногория в её прошлом и настоящем», «Это была страна без определённых границ, народ, тоже не имеющий постоянного числа, притом не связанный между собой никакими другими узами, кроме народности и веры: одним словом, это не была политическая

единица, как и смотрела на Черногорию вся Европа, и как понимали и сами её владыки, которые о ней думали и печалились»². Как следствие, в широких европейских и российских представленных стереотипах не только XIX-ого, но и начала XX в., эта страна, по определению Э. Хобсбаума, виделась «гомеровским горным государством козопасов, воинов и княжеских епископов с примесью родовой вражды и сочинением героического эпоса»³.

В этом смысле донесения специальных русских представителей в Черногории, посещавших эту страну в период правления Петра II Негоша, интересны не только с позиций общего анализа специфики российской политики на Балканах и той роли, которую петербургские правящие круги отводили в ней Черногории, но и в контексте имагологического изучения «ментальных карт», социальных стереотипов, поскольку позволяют взглянуть на эту страну глазами европейца середины XIX века, открывшего для себя на, казалось бы, знакомой карте Европы незнакомый край и желавшего как можно скорее познакомить с ним своих соотечественников. В рамках данной статьи нам бы хотелось остановиться на вопросе об обстоятельствах нахождения в Черногории жандармского полковника Я. Н. Озерецковского – первого официального представителя Петербурга в этой стране.

30-е годы XIX в. стали определенным рубежом в истории русско-черногорских отношений, а официальные дипломатические контакты с Черногорией были поручены русскому консулу в Дубровнике Е. Гагичу (1783–1859), сербу по национальности, участнику Первого сербского восстания 1804–1813 гг., в 1812 г. перешедшего на русскую службу. В 1815 г. он был назначен чиновником российского консульства в Дубровнике, с 1825 г. занимал должность

вице-консула. В 1845 г. Гагич был назначен консулом. На этом месте он проработал до 1856 г., когда ушёл в отставку.

Сразу же после избрания Петра II верховным правителем Черногории русская дипломатия начала оказывать на него определенное давление. Основная задача России в тот период сводилась к стремлению доказать Негошу необходимость пограничного мира с Османской империей. Российский МИД настойчиво советовал владыке не вмешиваться в дела соседних славянских народов, что было связано с изменением характера русско-османских отношений после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подписания 8 июля 1833 г. союзного Ункиар-Искелесийского договора. У российского кабинета имелись веские основания для подобных внушений. В начале 1832 г. Негош, по предложению председателя черногорского Сената И. Вукотича⁴, предпринял попытку овладеть городом Подгорица. Хотя Негош в своих письмах Гагичу пытался как-то сгладить этот вопрос, обвинив в этом исключительно Вукотича и утверждая, «что он один был поводом к нарушению доброго согласия, существовавшего между турками и Черной Горой»⁵, русское правительство решило отправить своего консула на место происшествия для соответствующих «внушений». 16 июня 1832 г., на собрании старейшин Черногории, Гагич прочитал «наставления» российского МИД и «объявил черногорцам, что они должны жить в мире с Оттоманской Портой и не нападать на ее земли и жителей, турецких мятежников не поддерживать, если желают предохранить себя от беды, которую в этом случае на себя навлекут»⁶.

Летом 1833 г. черногорский владыка впервые посетил Петербург. Официальной целью поездки было посвящение его в сан митрополита, что должно было еще больше усилить зависимость владыки от политики правящих кругов

России. Здесь он познакомился со многими влиятельными государственными деятелями: вице-канцлером К. В. Несельроде, обер-прокурором Синода С. Д. Нечаевым, директором Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникиным, А. С. Норовым, графом Д. В. Воронцовым-Дашковым, А. Н. Голицыным и др. Ко многим из них он впоследствии обращался с ходатайствами о своих нуждах, а иногда с просьбами о помощи своим единоплеменникам, приезжавшим в Россию. Удостоился Петр II и внимания императора Николая I, который присутствовал на церемонии его посвящения в духовный сан. В декабре 1833 г. владыка вернулся в Черногорию. Путешествие, без сомнения, содействовало упрочению его авторитета, а связи России и Черногории стали более тесными. Находясь под впечатлением увиденного в Петербурге, Петр II начал больше заботиться о просвещении. Еще до поездки, в начале 1833 г., он организовал в Цетинье школу, в которой обучалось 30 учеников из разных нахий. По возвращении из России владыка, желая, чтобы учеников было как можно больше, устроил так называемое «благоедеяние». Получившие его дети жили и содержались в Цетинском монастыре, обучаясь основам научных знаний. Не ограничиваясь заботами о школе, в 1834 г. владыка открыл в Цетинье типографию, где впервые были напечатаны его, ставшие впоследствии знаменитыми, литературные произведения.

После посещения Петром II России изменились отношения Черногории с Турцией и Австрийской империей. Следуя указаниям Петербурга, владыка вступил в переписку с турецкими пашами, призывая их к мирным отношениям. Вследствие этой переписки, в марте–апреле 1834 г. состоялись встречи митрополита с турецким пашой Хасанбегом Ресулбеговичем и герцеговинским визирем Алипашой Сточевичем, во время которых были заключены

соответствующее соглашения, впрочем, вскоре нарушенные турками⁷. Об этом Негош незамедлительно известил русское правительство, особо отмечая, что он старается изо всех сил сохранить мир с турками, которые вероломно нарушают достигнутые договоренности⁸.

На протяжении 1834–1836 гг. нападения турок на черногорские границы были наиболее частыми. Усилия владыки сохранить мирные отношения заканчивались неудачей, а достигнутые путем переговоров соглашения быстро сводились на нет, поскольку Османская империя требовала признания ее верховной власти. Негош писал консулу Гагичу: «Турки, пограничные с нами, никогда не дают нам мира, а наш народ не позволяет себя презирать и уничтожать, потому что если бы он это позволил и равнодушно смотрел на угнетения со стороны турок, то давно бы потерял свою свободу и независимость, за которые несколько сот лет проливал свою кровь»⁹.

С другим соседним государством – Австрией – также возникли противоречия. Австрийцы стали заявлять свои права на монастыри Маины и Станевичи, которые черногорцы считали своей собственностью. В этой ситуации Россия также отказалась помочь Черногории, не желая лишней раз осложнять свои отношения с венским кабинетом из-за какого-то маленького кусочка земли, который, тем не менее, имел большое значение для Черногории¹⁰. Гагич советовал Негошу передать эти монастыри Австрии, которая, по словам консула, имеет историческое право на эти местности: «Австрийцы, на основании договора, заключенного между европейскими державами в Вене в 1814 году, приобрели Бoko-Которскую провинцию и границы её приняли на основании трактатов, издавна бывших между Венецианской республикой и Портой Оттоманской. Этими трактатами должны руководствоваться как австрийцы, так и Вы,

заменяющие Порту. Австрийцы, имея в руках этот трактат, без сомнения, хорошо знают границу Боки Которской; а Вы, не имея в руках Венецианско-турецкого трактата, не знаю, знаете ли до каких мест доходят границы турецкой Черногории <...> один вред и срам присваивать себе чужую собственность и ссориться с австрийцами без всякого основания»¹¹. Под давлением австрийской и русской дипломатии Петр II согласился продать Австрии сначала Маины, а чуть позднее Станевичи, игравшие для черногорцев роль стратегически важного опорного пункта для выхода к морю.

Как видно, в то время Россия, исходя из собственных политических интересов, не собиралась содействовать расширению границ Черногории, что подтверждает и отчет российского МИД за 1834 г.: «...внушения им (черногорцам. – Я. В.), по высочайшей воле сделанные Министерством Вашего Величества, как прямо, так и через агента нашего в Рагузе, образумили их всех и заставили, наконец, понять, что истинные их выгоды требуют жить в мире и согласии с пограничными соседними пашами и австрийским начальством, что всякое военное предприятие для расширения своих владений повлечёт их к неизбежной гибели, от которой Россия их спасти не сможет, как по отдаленности своей, так и по чистоте политических убеждений»¹².

1836 год был очень тяжелым для Петра II. Государственные преобразования, устройство школы и типографии требовали значительных расходов. Подать же, взимавшаяся с черногорцев, благосостояние которых и так было очень низким, не могла решить эту проблему, вызывая только недовольствие народа. Особенно оно проявилось среди жителей пограничных с Турцией районов, подвергавшихся нападениям албанских и боснийских пашей и терпящих вследствие этого значительный материальный ущерб.

Кроме того, постигший Черногорию неурожай сделал положение населения еще более бедственным.

В это время резко обострились отношения Черногории с Османской империей – начались военные действия из-за спорного района Грахово. О столкновениях, в которых черногорцы понесли значительные потери и был убит младший брат владыки, Негош сообщил российскому послу в Вене Д. П. Татищеву. Он просил русское правительство принять необходимые меры в отношении Турции и помочь черногорцам установить с ней постоянную границу: «При нынешних крайних обстоятельствах наших нахожусь умолять Ваше высокопревосходительство самым богом довести все сие до государя императора и не лишать нас высоким Вашим ходатайством у Высочайшего престола Всероссийского об отправлении двух доверенных особ в Черную Гору для исследования сего варварского поступка везира Сточевича и об разделении и утверждении наших, как с турками, так и с австрийцами границ»¹³.

Эта просьба Негоша была оставлена без внимания, и он решил сам поехать в Россию, чтобы лично рассказать Николаю I о положении в стране. Он известил о своем намерении Гагича, прося у него в долг за счет ежегодной субсидии 1000 червонцев, необходимых для содержания правительства в его отсутствие¹⁴. Однако консул отказал Петру II в этой просьбе и сообщил об этом в Азиатский департамент¹⁵. Кроме того, русский консул желал выяснить истинные причины столкновения в районе Грахово. Об этом он прямо писал архимандриту Павичевичу: «Не какие-нибудь раздоры, несогласия и междоусобия в Черногории побудили владыку вмешаться в дела герцеговинского везира относительно Грахово, местности, которая бесспорно находится во власти турок, и тем самым вовлечь в бедствия бедняков граховлян и черногорцев?»¹⁶. Вероятно, после этого отказа отношения

Негоша и Гагича стали еще более натянутыми. Владыка уехал в Петербург, не уведомив консула ни о цели, ни о времени своей поездки, сообщив только, что оставил вместо себя архимандрита Иосифа Павичевича¹⁷.

В этих условиях, при неблагоприятном отношении консула, поездка Петра II не могла проходить гладко. К. В. Нессельроде прямо писал об этом Негошу: «Получили мы здесь донесения, будто бы распоряжения ваши породили смуту между народами и кровопролитие, что много фамилий черногорских бежали в турецкие области и разные стороны, что народ сильно на вас негодует, что вмешательство ваше против воли народа в дела Грахово было причиной сожжения его селений и умерщвления многих жителей, кои до этого, платя туркам небольшую дань, находились в спокойствии, и что, наконец, народ черногорский озлобился против вас, что вы выехали под предлогом высочайшего повеления приехать в С. Петербург»¹⁸.

Кроме того, посещение Негошем Петербурга могло возбудить нежелательные толки в Стамбуле и Вене, и поэтому Нессельроде незамедлительно отдал распоряжение российскому посольству в Вене убедить Негоша вернуться назад, которое, следуя этим указаниям, задержало владыку в австрийской столице. Не получив положительного ответа от русских властей, Петр II обратился во французское посольство с просьбой о выдаче ему паспорта для поездки в Париж. Вслед за этим А. М. Горчаков, ведавший делами российского посольства в отсутствие Д. П. Татищева, предложил Негошу отправиться в Россию. В этом решении российского дипломатического представителя поддержал и австрийский канцлер К. Меттерних, справедливо опасавшийся, что Негош может стать игрушкой как в руках французского правительства, так и деятелей польской эмиграции, сделавших парижский отель «Ламбер» своей резиденцией¹⁹.

Пребывание Петра II Негоша в Вене породило проблемы для российских и австрийских властей еще и потому, что владыка попытался привлечь к черногорским проблемам внимание европейской общественности. В австрийской столице Негош часто встречался с В. С. Караджичем, благодаря посредничеству которого он познакомился с агентом сербского князя Милоша неким В. Хоппе – корреспондентом мюнхенской газеты «Альгемайне Цайтунг». За владыкой был установлен негласный надзор, как со стороны австрийских властей, так и российского правительства. О своих беседах с Негошем подробные рапорты австрийскому правительству составлял капитан Ф. Орешкович. Российское же правительство возложило эти обязанности на находившегося в австрийской столице жандармского подполковника Я. Н. Озерецковского, который в 1836 г. встретился там с владыкой, ожидавшим визу для проезда в Россию. В середине февраля 1837 г. Я. Н. Озерецковский написал специальный доклад графу Бенкендорфу, в котором подробно объяснял причины, побудившие Петра II отправиться в Петербург, подчёркивал их непонимание русскими официальными кругами, что побудило черногорского владыку просить визу для проезда в Париж²⁰.

А вскоре подполковник вынужден был отправиться из Вены в Цетинье²¹. К тому же он должен был передать туда денежное пособие, а также проследить, чтобы эти деньги были употреблены на обеспечение нуждающихся и на благоустройство страны. Отчеты III отделения содержат краткое сообщение о его поездке: «В 1835 году полковник Озерецковский (ныне статский советник, управляющий соляными промыслами) послан был в Вену, в распоряжение князя Меттерниха, для занятий по вопросам высшего наблюдения, а в 1837 году, из Вены, он ездил в Черногорию с собственными поручениями Вашего Императорского

Величества, касающимися до устройства черногорского народа. Исполнив с успехом это поручение, он возвратился в С. Петербург в 1839 году»²².

Своё путешествие в Черногорию Я. Н. Озерецковский продолжил вместе с Негошем, который присоединился к нему в Триесте. Это ещё больше сблизило их. Озерецковскому импонировал молодой владыка; ему нравился образ мыслей Петра II, а главное решительный образ его действий в деле насаждения европеизации в черногорское общество. Тем более, что проницательному жандарму Я. Н. Озерецковскому не потребовалось много времени, чтобы понять: цель владыки – быстрое разрушение патриархальных институтов и формирование государственных структур, соответствующих нормам современного общества. В свою очередь, Пётр II хотел использовать приезд русского представителя для скорейшего завершения своих преобразований. Ведь присутствие Озерецковского придавало его реформам некоторое юридическое обоснование, выраженное в одобрении их официальным представителем державы-покровительницы Черногории.

Вскоре Пётр II созвал в Цетинье сабор, в котором участвовали представители всех черногорских нахий. На нём владыка объявил, что твёрдо намерен прекратить междоусобные распри и образовать новый Сенат. Пётр II указал также, следуя инструкциям из Петербурга, на необходимость установления мира на черногоро-турецкой границе. На этом саборе был образован новый Сенат во главе с братом владыки Перо Томовым Петровичем. Таким образом, Пётр II окончательно сосредоточил в своих руках государственную власть. Все эти важные события проходили при живом участии Я. Н. Озерецковского, помощь которого владыке очевидна, в частности по проблеме Грахово. Озерецковский полагал, что этот вопрос не будет разрешен,

«пока турецкое правительство не означит границ между областями: Черногорией, Албанией и Герцеговиной»²³. Именно поэтому отечественный историк Ю. П. Аншаков выражает сомнение в том, что в октябре 1837 г. он созвал в Цетинье старейшин спорного района Грахово, предложив им присоединиться к Черногории и, сбросив, таким образом, турецкое владычество, принять покровительство России. «Сделать подобное заявление, в корне противоречащее полученной им инструкции, зная, что оно почти неизбежно станет достоянием гласности, подполковник корпуса жандармов не мог», – отмечает исследователь²⁴.

Успех миссии обусловила также денежная субсидия, привезённая Озерецковским, который посоветовал Негошу организовать государственную казну и назначить за неё ответственного человека²⁵. Им стал Дмитрий Милакович – секретарь Петра II²⁶.

В записке от 1 сентября 1837 г. Озерецковский попытался выделить приоритетные направления работы и денежных вливаний, способные вытянуть Черногорию из вековой отсталости. Его мысль при этом наталкивалась на труднопреодолимые препятствия, зримым воплощением которых стали местные горы: «Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь ни внутри страны, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, через которые пробираются черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота»²⁷. Издержки на обустройство «тропинки» до Катаро Озерецковский оценивал в 200 000 руб.,

замечая, что этих денег у Черногории нет. При этом он считал, «что лучшее и полезнейшее употребление оной [помощи России в течение 10 лет] есть обращение почти всех сумм на устройство прочного правительства, которое могло бы вести народ к повиновению и порядку, чтобы впоследствии Черногория довольствовалась собственными своими средствами»²⁸. Таким образом, обустройство дорог откладывалось, как минимум, на десятилетие.

Необходимо было признать и сопротивление человеческого материала: «Важные изменения в закоснелых обычаях народа идут, однако медленно: зло ослабевает здесь, но все еще время от времени вспыхивает в прежнем виде и с прежнею силою». Оставалось лишь уповать на волю Провидения и твердость владыки на пути реформ, поскольку, кроме силы правительства, «... нет иного способа привести черногорцев в повиновение и заставить их со временем вносить хоть небольшую подать для дальнейших надобностей страны». Своеобразным пряником в этой политике должен стать организованный правительством продовольственный кредит. «Теперь же черногорец не находит талера, если у него требуют онаго как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов [и] пороха!»²⁹.

Между тем пребывание Озерецковского в Черногории отрицательно сказалось на его здоровье и в конце октября 1837 г. он уехал в Вену, а затем в Петербург. Пётр II сообщил об этом Д. П. Татищеву: «С некоторого времени господин полковник Озерецковский страдает гастрическою лихорадкою, и хотя доктор из Каттаро, нарочно сюда прибывший, уверяет меня, что жизнь Якова Николаевича не находится в опасности, но я долгом поставлю сообщить об этом Вашему высокопревосходительству, препоручая себя и народ черногорский и бердский Вашему покровительству»³⁰.

В то же время Петр II высказал пожелание, чтобы Озерецковский вновь приехал в Черногорию и провел там несколько лет. Об этом он писал тому же Татищеву: «Не только я, но и весь народ черногорский и бердский были довольны господином подполковником. Особенно его мудрые советы, основанные по наставлению министерства иностранных дел, мне были к сердцу, и я поставлю себе в святую должность не отступать от оных, но ими руководствоваться как средством спасительным и могущим упрочить счастье народа. Если бы у меня была удобная квартира, необходимая для европейцев, то желал бы, чтобы помянутый господин подполковник с всемилостивейшим соизволением государя императора если не всю жизнь его, то, по крайней мере несколько лет в Черногории провел, тем более, что его мудрыми советами, основанными на общности, мог бы я всегда руководствоваться»³¹. В свою очередь Озерецковский, добравшийся в Вену «едва живой», воспринимал возвращение в австрийскую столицу как подлинное спасение и, вспоминая о пережитой в Черногории «грознице» (лихорадке), в письме к управляющему III отделением А. Н. Мордвинову вольно цитировал Пушкина: «Я ускользнул от эскулапа, худой, небритый, но живой». От предложения митрополита подполковник отшучивался, замечая при этом: «Денег поездка эта стоила мне кучу; совсем разорился, но это поправится вместе с здоровьем. Думаю, и даже уверен, что новости, привезенные мною, из Черногории, будут занимательны и действительно новы. Слышал я, будто бы владыка хотел бы со мною прожить весь век! С ним я готов, но в Черногории жить вечно – ради Бога, пожалейте меня – накажите чем угодно, но не ссылкой в его каменную обитель. Летние месяцы, май, июнь, июль, еще есть возможность существовать в его изгнании, но осень и зима – это явная смерть»³².

Между тем Озерецковский, объехав всю Черногорию, собрал о ней обширный материал и поставил себе задачу довести эти сведения до царского правительства, тем самым пробудить у правящих кругов России большой интерес к этой стране и «реабилитовать» черногорского владыку. «На счет владыки не имею случая подтвердить ни одного из прежних слухов. Бог знает, или я не люблю злых сплетней, или они не любят меня, но я по сие время ничего не слышал и не вижу, что клонилось бы к его обвинению. Из прежних писаний об нем кажется одно справедливо – что он молод. Я не считаю еще себя старым, но чувствую, что приходит время, в которое рад был бы подобному обвинению! Но, к несчастью, оно будет ложью! Притом же сан черногорского владыки не может сделаться исключительно священным, пока Черногория не сойдет со своего воинственного образа жизни на жизнь мирную и гражданственную. Следовательно, пока не водворится мир со стороны Турции. Теперь черногорский поп, с обритой бородою и двумя пистолетами за поясом – тот же воин», – замечал он в письме к Мордвинову³³.

Вскоре после приезда в Петербург, Озерецковский составил подробный доклад своему шефу Бенкендорфу о результатах своей поездки³⁴. Он рассказал о географическом положении Черногории, числе её жителей. Кроме того, он уверил русское правительство в преданности черногорцев России, особенно подчёркивая интриги австрийского кабинета, направленные на то, чтобы ослабить русское влияние в Черногории: «Таким образом, все сведения, получаемые русским кабинетом о Черногории, так сказать, прогоняемы были через куб австрийских и турецких надобностей, и бедные черногорцы в борьбе за веру и независимость с явным врагом своим Турциею, выкупая кровью каждый шаг земли, окружённые австрийской политикой, турецким оружием,

бедностию и нуждами, приобрели название разбойников»³⁵. Озерецковский стремился также поднять авторитет Петра II Негоша в глазах русского правительства, написав, что архиепископ Пётр Негош, хотя и молод, но одарён ясным умом и в состоянии держать весь этот край в таком направлении, какое Россия ему укажет»³⁶. Кроме того, он предложил принять ряд мер, необходимых для поддержания в Черногории порядка, а также для усиления там влияния России. Это, прежде всего, помощь хлебом, для создания запасов на случай неурожая, и увеличение денежной субсидии, необходимой для просвещения черногорцев и их соседей: «Вторая польза могла бы произойти в политическом отношении Черногории к её соседям, если бы владыке пожалована была единовременно хотя бы небольшая сумма денег, собственно на заведение порядочного училища и постройки для оногo дома, с тем, чтобы владыка имел позволение принимать к себе на воспитание детей некоторых албанских и герцеговинских христиан по просьбам их отцов, чего архиепископ без дозволения не сделает»³⁷.

Кроме того, Озерецковский, сообщив собранный о Черногории материал, составил подробный доклад, который вскоре был представлен Николаю I. Об этом он писал Негошу: «Я решил, что целью моей поездки в Петербург должно быть вот что: 1-ое, пора дать государю императору верные и подробные сведения о Чёрной горе во всех её отношениях, без изъятия, и 2-е: представить его величеству с настоящей точки зрения самого черногорского владыку, чтобы изгладить все ложные мысли о прежних происшествиях и таким образом обратить внимание русского царя на отдалённую страну, ему преданную»³⁸. Видимо, Озерецковскому это удалось. Во всяком случае, он писал Негошу о результатах этой своей деятельности: «Чёрная Гора стала известна императору во всех отношениях, и 2-е: мнение

царя о владыке черногорском близко стало к благосклонному вниманию государя к его высокопреосвященству и его народу»³⁹. Кстати заметим, что в своих донесениях Озерецковский высказал сомнения в профессиональной компетентности российского консула в Дубровнике. «Проходя мимо Рагузы, я был у нашего вице-консула Гагича, говорил с ним; но, как мне показалось, Черногория известна ему столько же, как и мне, не более. Это мне показалось странным»⁴⁰.

Вскоре Озерецковского пригласил к себе К. В. Нессельроде и объявил ему, что в Черногорию будет направлено 10 тыс. четвертей муки. Сообщая об этом решении Негошу, Озерецковский дал ему несколько советов о том, как лучше использовать эту помощь: «1-е, надобно чтобы царская милость о пожаловании Вам из Одессы хлеба оставалась до времени, пока не будет Вам объявлена от министерства, в тайне. 2-ое: чтобы хлеб этот поступил прямо во власть собственно Вашу, ни мало не для раздачи народу, но как запас на неурожайный год, и чтобы выдача оного состояла в полной Вашей власти кому Вы дать прикажете, и не иначе как с тем условием, чтобы занявший у Вас хлеба в неурожайный год, – возвратил то же количество, когда соберёт урожай на другой год, и 3-ие: очень хорошо было бы, и даже необходимо, на Цетинье построить деревянный сарай, или два, в коих бы хлеб сей хранился под Вашими глазами, в сохранности под замками»⁴¹. Кроме того, он продолжал давать владыке советы относительно его взаимоотношений с Россией, призывая к осторожности и в то же время преданности русскому правительству: «Вообще, советую вам продолжать осторожность и преданность нашему правительству, быть откровенным и делать всё, чего польза народа черногорского требует. Теперь дела должны пойти гораздо лучше, ибо Чёрная Гора известна государю вполне,

и посол (Д. П. Татищев. – Я. В.) принял многие убеждения и суждения о Вашей стране»⁴².

Заслуги самого Озерецковского были оценены по достоинству. Ему был присвоен чин полковника, а Николай I подарил ему золотую табакерку. Его миссия способствовала тому, что российский кабинет уже не «забывал» об этой маленькой славянской стране на Балканах, а русско-черногорские отношения окончательно приобрели регулярный характер. В записках Озерецковского о Черногории при сохранении базовой сентименталистской парадигмы (в ее бюрократической редакции) наметилось преодоление крайних тенденций в изображении местных реалий: их автор уклонился как от слепого восторга перед простотой нравов и верой местных жителей во всемогущего царя, так и от снисходительного презрения к детям-дикарям⁴³. Отчасти этому способствовало официальное антизападничество, усвоенное Озерецковским. Его замечания порой достигают уровня сбалансированного анализа и технических рекомендаций эксперта⁴⁴. Чтобы проверить сведения Озерецковского, прежде всего о наличии в Черногории полезных ископаемых, в 1838 г. министерством иностранных дел туда был послан специалист – геолог Егор Петрович Ковалевский. Сообщая о скором его приезде П. П. Негошу, Озерецковский отмечал: «Ковалевский, кажется, хороший молодой человек и знает дело. <...> Он наш, с ним можно быть откровенным, если надобно»⁴⁵. По итогам своей поездки он составил первую точную географическую карту, а позднее написал книгу «Четыре месяца в Черногории»⁴⁶, ставшую для русской читающей публики первым достоверным описанием этого края. Не менее знаковой была миссия опытного российского дипломата А. В. Чевкина, благодаря усилиям которого в 1839–1841 гг. была установлена черногорско-австрийская граница, а в 1842–1843 гг. достигнута

договоренность относительно черногорско-герцеговинской пограничной линии. Их миссии способствовали тому, что эта маленькая балканская страна постепенно превращалась в полноправный субъект европейских международных отношений.

Примечания

- ¹ В первой половине XVIII в. в Черногории усилилось политическое влияние Венеции. Непосредственная географическая близость этого государства, которое к тому же вело войны с Османской империей, способствовала установлению тесных политических отношений. Во время очередной войны Венецианской республики с Османской империей 1714–1718 гг. черногорский «збор» решил встать под защиту этого государства, оказав значительную помощь венецианцам, воевавшим в Далмации. В это же время, по предложению Венеции, в Черногории был введён институт гувернадура, или губернатора, который, наряду с владыкой, должен был осуществлять административные функции. Тогда же к Венеции по Пожаревацкому трактату отошли приморские земли Грбаль, Маини, Побори, Браичи, по существу принадлежавшие Черногории, которая, таким образом, потеряла последние выходы к Адриатическому морю. Всё это значительно усилило влияние Венецианской республики в этой стране. Позднее гувернадуры пытались ограничить власть владыки лишь церковными делами. В 1830 г. этот институт прекратил свое существование.
- ² *Ровинский П. А.* Черногория в её прошлом и настоящем. Т. I. СПб, 1888. С. 661.
- ³ *Хобсбаум Э.* Век империи. Ростов н/Д., 1999. С. 464.
- ⁴ Иван Вукотич, уроженец Подгорицы, и его племянник Матей Вучичевич прибыли из России в Цетинье августе 1831 г. Именно с их приездом связано начало новых преобразований в Черногории, задуманных еще дядей Петра II – Петром I Негошем. В 1831 г. под председательством Вукотича был учрежден Сенат, а также создана национальная гвардия. Однако вскоре произошла размолвка Петра II

- с И. Вукотичем, который в 1833 г. был вынужден покинуть Черногорию. Вслед за ним из Черногории в Россию уехал его племянник М. Вучичевич. Об их деятельности в Черногории см. подробнее: *Павичевић Б.* О мисији Ивана Ивановича Вукотића и Матеја Петровића Вучићевића у Црној Гори 1831–1834. Отисак из Историјског часописа. Књ. VII. Београд, 1957; *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1796–1856). М., 1998. С. 176–194.
- ⁵ *Његош П. П.* Цјелокупна дјела. Београд, 1951–1955. Т. 7. С. 78–79, 118–119, 132–133. См. также: Негош – К. К. Родофиникину 11 июня 1837 г. // Државни архив Цетиње. 1837 г. Л. 27–28.
- ⁶ *Његош П. П.* Указ. соч. С. 138.
- ⁷ Там же. С. 211, 233.
- ⁸ Там же. С. 223–224.
- ⁹ Там же. С. 306.
- ¹⁰ Озерецковский оценил эти споры как конфликт из-за «2–3 булыжников» с тем, чтобы рассорить черногорцев с Россией. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 93. 31 марта (12 апреля) 1838 г.
- ¹¹ См.: *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 80–81.
- ¹² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 137. Отчеты МИД за 1834 г. Л. 183 об.
- ¹³ *Његош П. П.* Указ. соч. С. 357–358.
- ¹⁴ Там же. С. 368.
- ¹⁵ АВПРИ. ГА-V-A₂. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 693. 1836 г. Л. 5 об.
- ¹⁶ См.: *Лавров П. А.* Указ. соч. С. 88.
- ¹⁷ *Његош П. П.* Указ. соч. С. 373.
- ¹⁸ АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф. 161/3. Оп. 233. Д. 1. 1837 г. Л. 26.
- ¹⁹ В отличие от 1833 г., теперь Негоша ждал в России крайне настороженный прием, а сам владыка был задержан на некоторое время в Пскове. Более подробно об обстоятельствах второй поездки Негоша в Петербург см.: *Павићевић Б.* Његошева мисија у Русији 1837 године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1960. Књ. XXVI. Св. 1–2; *Он же.* Његош и Јаков Николајевич Озерецков-

- ски. Промена руске политике према Црној Гори 1837 г. // Историјски записи. Титоград, 1967. Књ. XXIV. Св. 1; *Анишаков Ю.П.* Указ. соч. С. 195–214.
- ²⁰ АВПРИ. ГА. Политотдел. Ф. 161/3. Оп. 233. Д. 1. 1837 г. Л. 18–22 об.
- ²¹ См. подробнее: *Белов М. В., Вишняков Я. В.* Сентиментальный жандарм: миссия Я. Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь И. С. Достяна. М., 2010. С. 155–176.
- ²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Ед. хр. 533. Обзор деятельности III отделения за 1826–1850 гг. Л. 81 (об).
- ²³ Черногорско-русские отношения 1711–1918 гг. Т. I. Русские архивные документы о Черногории (конец XVIII – середина XIX в.). Подгорица–М., 1992. С. 198.
- ²⁴ *Анишаков Ю. П.* Указ. соч. С. 219.
- ²⁵ АВПРИ. ГА-V-A₂. Д. 695. 1838 г. Л. 32 (об).
- ²⁶ *Негош П. П.* Цјелокупна дјела... Т. 7. С. 390, 391–393.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 76. – В другом письме, отправленном неделей позже, Озерецковский писал: «Я переходил четыре раза через Кавказские горы, но их огромность смирилась перед молотком и порохом работников, и Кавказ лежит красивый, колоссальный, но достигаемый для всякого. Здесь горы не более как в тысячу саженей выше поверхности моря, но они лежат в первобытной дикости, в том виде и положении, как были они взрыты во дни мироздания. Бедна и необразованна будет Черногория, пока не будет ей дороги к Приморью» (Там же. Л. 85–86 об. 6(18) сентября 1837 г.). См. также: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XII. М., 2003. С. 344–345.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 77 об.
- ²⁹ Там же. Л. 78–80.
- ³⁰ *Негош П. П.* Цјелокупна дјела. Т. 7. С. 403–404.
- ³¹ Там же. С. 407–408.
- ³² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 90–91. 15(27) ноября 1837 г. – См. также: *Бокова В.* Указ. соч. С. 304–367.

- ³³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 85–86 (об); *Бокова В.* Указ. соч. С. 344–345.
- ³⁴ Черногорско-русские отношения ... С. 219–225.
- ³⁵ Там же. С. 221.
- ³⁶ Там же. С. 224.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевскога и Чевкина Владици Раду // Споменик Српске краљевске академије. Књ. 81. Разред 2, 63, I. Београд, 1935. С. 8.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Ед. хр. 132. 1837 г. Л. 69 (об).
- ⁴¹ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевскога ... С. 9.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Такие нотки презрения к Черногории звучат, например, в донесениях Гагича. Об оценках реалий балканской действительности российскими путешественниками и дипломатами см. подробнее: *Белов М. В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119. – См. также: *Белов М. В., Вишняков Я. В.* Сентиментальный жандарм. С. 172.
- ⁴⁴ *Белов М. В., Вишняков Я. В.* Сентиментальный жандарм. С. 172.
- ⁴⁵ *Вуксан Д.* Писма Озерецковскога, Ковалевскога ... С. 9. – Идея миссии Ковалевского принадлежала Озерецковскому: «Опытный геолог мог бы посетить и рассмотреть Черногорию с большой пользой для науки, а может быть, открыл бы и новую отрасль богатства страны». На полях записки от 1 сентября 1837 г. Николай I в этом месте сделал пометку: «Можно послать офицера горных инженеров» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 80об.).
- ⁴⁶ *Ковалевский Е. П.* Четыре месяца в Черногории. СПб, 1841. – См. также: *Он же.* Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // *Он же.* Черногория и славянские земли. СПб, 1872.

М. Ю. Анисимов

Русские контакты Петра II Петровича Негоша

Петр II Петрович Негош в силу своего положения правителя Черногории и главы Черногорской епархии поддерживал с Россией прочные связи. Среди русских государственных деятелей и чиновников было много людей, по долгу службы ведших переговоры с черногорским владыкой. В основном это были дипломаты: сотрудники центрального аппарата МИД России, особенно Азиатского департамента, а также служащие российских миссий в Константинополе, Вене и консулы в других европейских городах, особенно в Рагузе (Дубровнике).

У многих русских государственных служащих отношения с Петром II Негошем переросли из деловых в дружеские. Даже перестав поддерживать контакты по официальной линии, они состояли в личной переписке с Негошем. Сам черногорский правитель стремился наладить с русскими именно личные контакты, и ему это обычно удавалось.

Визиты Петра Негоша в Россию в 1833 и 1837 гг. представляли собой прекрасную возможность для установления таких связей с русскими.

В 1833 г. Петр Негош решил прибыть в Россию для посвящения в сан епископа. Это было значимым событием не только для черногорского лидера, но и для России. Вопросы поставления Негоша в архиерейский сан занимались сам император Николай I, вице-канцлер К. В. Нессельроде, Святейший Синод во главе с обер-прокурором С. Д. Нечаевым и первенствующим архиереем Русской православной церкви митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Серафимом (Глаголевским).

Петр Негош прибыл в Петербург в конце июля 1833 г. Синод первоначально планировал на 9 августа провести церемонию наречения в епископы, а на 15 августа, в день Успения Богородицы, само посвящение в сан – в Александрово-Невской лавре¹. Однако Николай I по неуказанной причине повелел иначе – отдельную церемонию наречения он решил не проводить, а посвящение в сан назначил Негошу на 6 августа 1833 г., праздник Преображения Господня. Само действо было перенесено из лавры в Преображенский собор.

Почему император не поддержал предложения Синода? Возможно, он решил не затягивать пребывание владыки в России. Можно высказать версию, что перенос посвящения в сан из лавры в Преображенский собор стал причиной выбора и дня Преображения. Преображенский собор в 1825 г. пострадал от сильнейшего пожара, его восстановление под руководством архитектора В. П. Стасова было завершено лишь к 1829 г. Это был собор русской гвардии, вместительное её военных святынь и трофеев, с соответствующим интерьером и экстерьером. Как раз в 1833 г. Стасов завершил декоративную ограду храма, основой которой стали захваченные в войне 1828–1829 гг. турецкие пушки, а на воротах были изображены медали, иллюстрирующие русские победы в этой войне.

По всей видимости, Николай I решил произвести впечатление на молодого правителя Черногории, посвятив его в воинском храме в окружении русского оружия, знамён, с оградой из совсем недавно захваченных турецких пушек, показав, тем самым, на кого следует ориентироваться постоянно воевавшим с турками черногорцам. Идея использовать трофейное оружие как ограду храма, к слову, была воспринята в Черногории, и Влашская церковь в Цетинье позже была окружена оградой из турецких ружей, захваченных в войне 1876 г.

В Преображенском соборе Петр II Негош и был посвящен в епископы 6 августа 1833 г. В Петербурге Негош оставался до начала сентября, то есть провёл в российской столице больше времени, чем во второй свой приезд в 1837 г., однако о его деятельности в это время нет особых сведений. Вероятно, юный владыка (ему тогда не исполнилось и двадцати лет) просто ещё не имел такого количества знакомых и не заручился поддержкой высших лиц страны. Например, когда К. В. Нессельроде 8 августа 1833 г. предложил выделить Черногории денежное пособие в 10 тыс. червонных, Николай I снизил эту сумму до 5 тысяч². Тем не менее, «милостивое внимание императора» к Петру II Негошу стало аргументом для дипломатов приложить все усилия для помощи его стране в Константинополе³. Через полгода после визита по ходатайству К. В. Нессельроде Синод возвел Негоша в сан архиепископа, отправив в Черногорию соответствующую грамоту от 22 апреля 1834 г.⁴ Через 10 лет, в 1844 г., тоже по предложению Нессельроде, к Петру II была отправлена грамота о его возведении в сан митрополита⁵.

Сам Негош, установив в Петербурге личные контакты с русскими деятелями, вскоре отправил им экземпляры только что напечатанного им в Цетинье сборника своих стихов «Отшельник цетинский»⁶. Передать по назначению книги Негош просил обер-прокурора Синода С. Д. Нечаева, известного также как поэт и историк. Помимо него экземпляры должны были получить литератор и издатель Н. И. Греч, сенатор и поэт-классицист граф Д. И. Хвостов, поэт И. И. Танеев, секретарь Синода Воробьев и генерал сербского происхождения Н. И. Депрерадович⁷ – перечень достаточно скромный, что говорит об ограниченности круга общения самого юного владыки в Петербурге.

В марте 1836 г. Негош отправил в Россию через российского консула в Рагузе (Дубровнике) рукопись своей новой

поэмы «Свободиада», посвящённой борьбе черногорцев за независимость. Посвятить «Свободиаду» Негош хотел наследнику российского престола, тогда 17-летнему цесаревичу Александру Николаевичу, будущему императору Александру II, который войдёт в историю как России, так и Балкан именно как «Царь-Освободитель». К сожалению, рукопись так и осталась в российском МИД, никакого официального решения о ней принято не было. Лишь через много лет после смерти Негоша рукопись была обнаружена в министерском архиве и по личному решению Александра II была передана в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга. Ответа на свою просьбу Негош так и не получил. «Свободиада» была опубликована после его смерти в австрийском Земуне в 1854 г. по другой рукописи без посвящения наследнику российского престола, в России она никогда не публиковалась.

В конце 1836 г. Негош решает вторично посетить Россию и прибывает в австрийскую Вену. Это было началом драматических событий, связанных с тем, что против владыки повел кампанию его бывший соратник по реформам в Черногории Иван Вукотич, проживавший тогда в России и стремившийся отстранить Негоша от власти. Вукотич пытался опорочить Негоша и засылал руководству Азиатского департамента письма с утверждениями о том, что Негош присвоил церковные ценности и подговаривает черногорцев нападать на турок. Сам Негош в это же время вёл упорные бои за округ Грахово с герцеговинским визирем, и турки обвиняли владыку в агрессивных действиях, что шло вразрез с политикой России в отношении Турции.

По прибытии в Вену Негош был принят российским поверенным в делах А.М. Горчаковым, будущим знаменитым канцлером. Горчаков познакомил черногорца с 32-летним жандармским подполковником Яковом Николаевичем

Озерецковским, находившимся в Вене с тайным поручением следить за польскими эмигрантами. Озерецковский, сын академика, также увлекался литературными опытами. Озерецковскому Горчаков поручил сблизиться с Негошем и узнать его истинные мысли и намерения. Озерецковский добился доверенности Негоша, а через определённое время сам подружился с ним и стал впоследствии своего рода агентом влияния Негоша в России.

В Вене Негош узнал о том, что Петербург не желает его приезда в Россию. Об этом 12 января 1837 г. ему написал сам Нессельроде⁸.

Негош был раздосадован и обижен. Он сообщил Горчакову о своем желании посетить Париж и остаться в Европе, потому что без русской поддержки он вернуться в Черногорию не может. Возможность визита Негоша во Францию, средоточие свободомыслия, с которой у России были натянутые отношения, заставила Горчакова нарушить инструкции и все же выдать владыке паспорт на поездку в Россию.

Николай I распорядился перехватить Негоша у Петербурга и задержать его в Пскове до тех пор, пока направленный в Черногорию российский консул в Рагузе И. Гагич не сообщит о расследовании обвинений против владыки. Псковский гражданский губернатор Алексей Никитич Пещуров должен был выделить дом для Негоша и надзирать за ним. Пещуров был дядей и опекуном А. М. Горчакова, именно он когда-то определил его в МИД, кроме того, ранее Пещуров точно так же надзирал за сосланным в Псковскую губернию Пушкиным.

Владыка смиренно принял волю императора. В Пскове Негоша встретил Пещуров и местный архиепископ Нафанаил (Павловский), который, по отзыву митрополита Филарета (Дроздова), был наилучшим русским архипастырем своего времени. В нанятом для него доме Негош принимал весь

цвет местного чиновничества и офицерства во главе с Пещуровым и генералом С. Г. Полешко, участником войн с Наполеоном, турками и поляками. Сопровождавшим его русским чиновникам Негош уверенно говорил, что обвинения, возводимые на него, беспочвенны.

Вскоре в Петербург подоспел отчет консула Гагича из Черногории, опровергавший все ложные обвинения против Негоша и подтверждавший верность черногорцев своему владыке и необходимость его возвращения в страну. 15 мая 1837 г. от Пещурова Негош узнал о том, что ему разрешено прибыть в Петербург на аудиенцию к императору, назначенную на 24 мая. Владыка покинул Псков, но они с Пещуровым продолжали переписываться и позже.

Во время второго и последнего визита в Петербург Негош расширил круг своих русских знакомых, о чём можно судить по тому, что министр просвещения и президент Академии наук Сергей Сергеевич Уваров, охарактеризованный Негошем в письме к нему как «средоточие лучей славянского просвещения»⁹, автор знаменитой теории «православие, самодержавие, народность», получил от Негоша в 1846 г. в дар его сборник стихов «Зеркало сербское». Помимо этого Негош просил Уварова передать ещё один экземпляр книги императору Николаю I, если государь согласится его принять. Уваров в ответном письме благодарил владыку за подарок себе лично и сообщил, что император согласился принять его книгу и велел сообщить об этом черногорскому владыке¹⁰. Как видим, результат второй поездки Негоша в Петербург оказался превосходным – теперь он посылал свои книги не только собратьям по перу, а самому императору, и тот их принимал.

Отношение к Негошу Николая I действительно заметно изменилось к лучшему, что благотворно повлияло и на отношение к черногорскому владыке и его стране русских

чиновников, дипломатов и военных. Когда черногорский владыка был на аудиенции у Николая I в Петербурге 24 мая 1837 г., император отечески, по словам документов¹¹, выговорил Негошу за его необдуманные юношеские намерения посетить Париж, но в целом остался доволен владыкой, приказав выделить новую крупную денежную субсидию для Черногории (80 тыс. рублей в год) и деньги на обратную дорогу самому Негошу. Император также повелел шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу отправить в Черногорию вместе с Негошем знакомого тому подполковника Озерецковского в качестве русского эмиссара.

Последний, встретив Негоша в Вене, доносил, что «возвратился он из Петербурга с полным успехом»¹². Уже из Черногории Озерецковский писал Бенкендорфу о верности черногорцев России и преданности их владыки императору, а также о необходимости увеличения им русской помощи. Он составил несколько обзорных записок о состоянии Черногории, с которыми познакомился и Бенкендорф, и Нессельроде, и Николай I.

По возвращении в Петербург Озерецковский представил Бенкендорфу (который много содействовал привлечению благосклонного внимания императора к Черногории), для передачи императору, составленный им альбом рисунков и комплекты мужской и женской национальной одежды черногорцев, надетых на деревянные манекены. С альбомом и одеждой познакомился и император, и его семья, и все российские вельможи. Императрица приходила взглянуть на костюмы даже 4 раза в течение одного дня. Озерецковский был на аудиенции у императора, получил чин полковника и драгоценный подарок; несколько раз встречался с Нессельроде и лично содействовал увеличению одобренной Николаем I продовольственной помощи Черногории (с 5 тыс. четвертей зерна до 10 тысяч)¹³. Закупкой и отправкой хлеба

в Черногорию руководил новороссийский и бессарабский губернатор Михаил Семенович Воронцов, выдающийся русский государственный и военный деятель, с которым потом, в бытность того наместником Кавказа, Негош переписывался, следил за его успехами и предлагал в его Отдельный Кавказский корпус своих черногорцев.

Помимо прочего, Озерецковский в своих отчетах о Черногории сообщил о том, что по рассказам черногорцев около местечка Златица добывали когда-то золото. Николай I отметил на полях донесения, что в Черногорию можно послать офицера горных инженеров – для того, чтобы Черногория имела собственный источник доходов. Шеф Корпуса горных инженеров министр финансов Е. Ф. Канкрин, поставленный А. Х. Бенкендорфом в известность об этом решении императора, выбрал для миссии в Черногорию 26-летнего капитана-инженера Егора Петровича Ковалевского, в будущем знаменитого географа, геолога, путешественника, дипломата, писателя, общественного деятеля. Ковалевский перед отъездом в Черногорию встречался с Озерецковским, и тот успел рассказать ему о стране и ее владыке. В письме Негошу Озерецковский писал о Ковалевском: «Он наш, и с ним можно быть откровенным»¹⁴.

Ковалевский прибыл в Черногорию в тот момент, когда на ее границах происходили столкновения с австрийцами. Взоры владыки и черногорцев обратились к русскому офицеру, и тот, осознавая своё значение, выступил вместе с ними. Черногорцы разгромили австрийский корпус, а в последующих мирных переговорах Ковалевский в качестве частного лица был посредником.

Проявленные в Черногории дипломатические способности изменили карьеру капитана Корпуса горных инженеров, и он перешел на дипломатическую работу, совершил еще несколько миссий в Азии, Африке и той же Черногории

и дослужился до поста директора Азиатского департамента МИД и сенатора. Как и Озерецковский, Ковалевский после знакомства с Негошем стал его другом и апологетом Черногории в Петербурге. Он навсегда сохранил дружеские чувства к черногорскому владыке, возникшие во время их первого знакомства при драматических обстоятельствах австрийской агрессии.

Необходимость российского участия в определении точных границ между Черногорией и Австрией заставила Петербург отправить в качестве своего эmissара в Черногорию консула в дунайской Орсове Александра Владимировича Чевкина. Чевкин, успешно выполнив поручение, писал в своём отчете о том, что Черногория, благодаря заботам своего владыки и денежной помощи России, развивается прямо на глазах. Петр II, по словам русского дипломата, способный и умный политик, преданный России и своему народу, на нужды которого он тратил и собственные средства¹⁵. По возвращении из Черногории А. В. Чевкин также продолжал дружески переписываться с Негошем.

Подобные факты говорят о том, что установление личных дружеских контактов с русскими официальными лицами было политикой черногорского владыки – политикой, принесшей пользу его стране. О Черногории и её владыке знали не только в петербургских кабинетах, но и в лучших домах Москвы, Одессы, Тифлиса, Пскова. Это позволяло владыке усиливать просьбы о русской помощи его стране, и, действительно, без его личных контактов с русскими чиновниками и офицерами не было бы ни увеличения русских субсидий, ни отправки в Черногорию русских эmissаров, отстаивавших её интересы перед соседними державами. Следует отметить и личное обаяние владыки Петра II Негоша, его умение превращать в друзей даже тех, кто относился к нему настроенно. Даже суровый Николай I,

предубеждённый против Негоша вследствие наветов его врагов, после общения с владыкой продемонстрировал тому свою милость и одобрение, увеличил помощь его стране и самому владыке, как главе Черногории, и вплоть до смерти Петра II Петровича Негоша русско-черногорские отношения находились на неизменно высоком уровне.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп. 233. 1833 г. Д. 1. Л. 12–13 об.
- ² АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-1. Оп. 781. 1833 г. Д. 9. Л. 64–65.
- ³ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1833 г. Д. 690. Л. 5–6 об.
- ⁴ АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп. 233. 1834 г. Д. 1. Л. 2–2 об.
- ⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА. I-1. Оп. 781. 1844 г. Д. 20. Л. 13–15 об.
- ⁶ Народный музей Черногории. Архивное отделение. Ф. Петр II Петрович Негош. № 1. 1835 г.
- ⁷ Целокупна дјела П. П. Негоша. Књ. 7. Београд, 1951–1955. С. 235–236.
- ⁸ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1837 г. Д. 694. Л. 12–14.
- ⁹ Народный музей Черногории. Архивное отделение. Ф. Петр II Петрович Негош. № 26. 1846 г.
- ¹⁰ Народный музей Черногории. Архивное отделение. Ф. Петр II Петрович Негош. № 32. 1846 г.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. СПб ГА. Политотдел. Оп. 233. 1836 г. Д. 1. Л. 95–99 об.
- ¹² Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского / Публ. В. Бокковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2003. С. 330–332.
- ¹³ Народный музей Черногории. Архивное отделение. Ф. Петр II Петрович Негош. № 39. 1838 г.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. СПб ГА. V-A₂. Оп. 181/2. 1841 г. Д. 322. Л. 3–10 об.

В. А. Артамонов

Два славянских преобразователя: Пётр I Великий и Пётр II Негош

Император Пётр I Великий (1672–1725) самодержавно правил на двух континентах населением в 15,6 млн. человек. Радивой – Раде Томов Петрович, позже Пётр II Петрович Негош (1813–1851) с 1830 г. был священнодьяконом и правителем Черногории, раздробленные племена которой насчитывали 80–107 тыс. человек. Мощь военно-феодальной России царь Пётр поднял беспощадной эксплуатацией русских крепостных. Негошу предстояла задача сплотить племена в единое целое.

Среди картин у Негоша были изображения императора Николая I, Бонапарта, Карагеоргия, Байрона, но самым громадным был портрет Петра Великого. Сравнение Петра II Петровича не с его современником – прямолинейным консервативом Николаем I (1796–1855), – а с первым русским императором позволяет рельефнее выделить достоинства великого черногорца.

Характеры Петра Великого и владыки Чёрной Горы были контрастными, но оба реформатора вдохновлялись патриотизмом – вывести свои народы на путь передовых стран¹. Национальной идеей царя была не «Москва Третий Рим», а «общее благо подданных»². Шире, в масштабах Космоса, мыслил Негош: «Благо всех – вот цель государства и всего человечества. Придёт царство разума... Человечество быстро идёт вперёд. Оно созревает вместе с планетой, на которой живёт»³. «Огненный нрав», решительность и сильная воля были у обоих. Оба государя были законодателями, знатоками европейской политики и истории⁴, оба

имели широкий кругозор, ясный природный ум, феноменальную память и работоспособность, неуёмную любознательность и презирали роскошь. Оба обладали кипучей энергией, могли и хотели делать всё. Ничего для себя – всё для преобразования подданных. Русский царь был полководцем, флотоводцем, дипломатом, ученым, корабелом, врачом. С крайним напряжением сил поднимая империю, он искал отдых в токарной работе, шумных пиршествах и не стеснялся изливать на подчинённых свой гнев. Великий поэт и философ Негош в молодости интересовался механикой, географией и картографией⁵. За строгой монашеской жизнью, за приветливостью, обходительностью и невозмутимостью⁶ в душе скрывалась неудовлетворённость, порой и «лжугина»-злость. Когда после известий о кровавых набегах турок он впадал в ярость, его слова «вылетали как пули из ружья». Из-за огромного, изо дня в день, внутреннего напряжения владыка во время бесед «непрерывно ходил по комнате, как зверь в клетке»⁷. За год до смерти он говорил: «Моя душа убила тело. Не жаль, что умру, жаль, что не совершил в своей жизни ничего значительного»⁸. Умеренный в еде и питье (но, как все черногорцы, куривший крепкий табак), разрядку он обретал не в молитве (литургия в Цетинье им служилась не часто), а в «священном призвании» – поэтическом творчестве и пении героических народных песен, глядя из окна на восходящее солнце⁹.

Ни царь Пётр, ни Радивой-Раде в отрочестве не получили добротного образования. Но если пылкий поэт С. Милутинович-Сарайлия (1791–1847) в 1827–1830 гг. внушал своему ученику Раде (выглядевшему в 13 лет на 18), что нужно походить на спартанцев, терпеть невзгоды и не сдаваться врагам, то учитель царя и будущий «всешутейший патриарх» Н. М. Зотов (1644–1718) не смог обучить царского

отпрыска даже полноценной грамоте и был не против бражничества. Оба властных правителя всем были обязаны только своему гению и самообразованию. Оба выглядели силачами-великанами. Правда, худощавый и узкоплечий царь Пётр выглядел скромнее статного атлета Раде Петровича, который ростом превышал многих своих, отнюдь не низкорослых, соплеменников¹⁰.

Независимая и непокорённая Черногория с 1496 по 1878 гг. де юре считалась составной частью Османской империи. До Негоша на европейской арене её политический вес был почти незаметным и судьба отчаянно боровшегося с турками народа была ещё не определена. В России, традиционно соперничавшей с Османской империей, «экзотическая» Черногория, с её непримиримой ненавистью к туркам, воспринималась независимым государством и прочной русской опорой на Балканах.

Как правило, черногорские владыки возводились в духовный сан сербскими патриархами. Вояж православного архимандрита Петра II Петровича в 1833 г. в Россию стал таким же переломным моментом, как и путешествие Петра Великого на Запад в 1696–1697 гг. Поездкой в Петербург, увенчавшейся блестящим успехом, Негош достиг двух целей – восстановил материальную и моральную помощь великой империи и укрепил свой авторитет среди соплеменников¹¹. Ведь для черногорцев, начиная с призыва Петра Великого к восстанию против турок в 1711 г., – «Ех Oriente Lux»¹²! Русофильство в Черногории было сильнее, чем в любой славянской земле. «Све у име Бога великога и за здравље цара русијскога», – поется в черногорских песнях¹³.

Возвышавшийся над Николаем I, 20-летний красавец-богатырь польстил императору, сказав, что «только Господь Бог может быть выше русского царя». 6 августа 1833 г. весь

Синод торжественно, в присутствии императора, двора и свиты, рукоположил молодого архимандрита в епископы в Спасо-Преображенском соборе Петербурга. Владыку Негоша осыпали драгоценными церковными дарами и деньгами. Николай I именовал его «приятелем и братом» и обещал защищать Черногорию¹⁴. Очарованное русское дворянство окружило Владыку вниманием и радушием. В тот свой «звёздный час» Негош писал: *«Не знаю, на земле ли я, но полагаю, поднятый крыльями Дедала смотрю с воздуха, или во сне вижу столицу единоверного и единоплеменного царя славянского... Русский народ велик, а цари народа русского великие. Всемогущая рука Творца излила благодать на царя России и весь его Дом»*¹⁵.

После визита в Петербург владыка, одушевлённый поддержкой с севера, по примеру русских самодержцев мог твёрдо и уверенно проводить централизацию. Радикализм реформ Негоша был под стать «петровским», проведённым в первой четверти XVIII в. Ещё в 1831 г. он учредил, как и в России, при помощи «черногорских депутатов» («российских представителей») И. Вукотича и М. Вучичевича надплеменной «Правительствующий Сенат» из 16 виднейших племенных старейшин¹⁶, потом суд, государственную казну и всеобщее трехстепенное налогообложение на все черногорские семейства¹⁷. Новый кодекс законов 1833 г. («Законы Отечества»), подготовленный И. Вукотичем и нацеленный на борьбу с анархией, усиление кар за измену, грабежи, взяточничество и телесные наказания, не был введён в действие из-за отпора черногорцев и трений с Негошем¹⁸.

В 1834 г. Пётр II написал сборник стихов «Отшельник цетинский» во славу Николая I и России, которую считал матерью, центром православия и славянства. *«О, славянство... Храбрый русский да будет твоим вождём на пути*

к славе... Москва, Нева, Волга, Дон! Пусть вскипят ваши воды и потекут быстро... Гласите славные дела, пусть весь мир ими наполнится, пусть удивляются потомку Романова, пусть все народы знают, какого царя имеет славянин: правосудного, милостивого, в делах мудрого и великого, на ратном поле храброго, на престоле великодушного»¹⁹. Как и Пётр Великий, он учредил черногорские правительственные награды – серебряную медаль «Вера свобода – за храбрость» (1841) и золотую медаль сербского героя Милоша Обилича (1847).

Все административные структуры были поставлены на содержание правителя. Подати, сбор налогов²⁰ и русские дотации шли на благоустройство и просветительские нужды, прокладку дорог, производство пороха, на первые шесть светских школ и типографию в Цетинье, издание учебной, церковной и художественной литературы; ученики посылались в Россию и Сербию. Негош, как и Пётр Великий, прежде всего, был просветителем страны. В 1834 г. он открыл первую светскую школу в Цетинье, куда принимались дети со всей Черногории и где, кроме Ветхого и Нового Заветов, преподавались арифметика, всеобщая история и сербская грамматика²¹. Петербург одобрял укрепление власти владыки.

Не силой, как Пётр I, а главным образом превосходством ума, воли и духа Негош укрощал раздоры, сепаратизм, грабежи и кровную месть (от которой, по его словам, ежегодно гибло 300–600 человек). Случалось ему и с риском для жизни раскидывать руками враждующие вооружённые толпы, «налетая как орёл на кур» (так писал его биограф М.Медакович), и оружием подавлять сопротивление реформам и бунты (1833, 1835, 1841 и племён пиперов и цермничан в 1846–1847 гг.)²². Французы (Ж.Ренак) сравнивали его даже с царём «сербов и греков» Стефаном

Душаном (1308–1355) и с кардиналом А. Ж. Ришелье (1585–1642) – сторонником прогресса и цивилизации. Как и Ришелье, Негош был немилосерден в подавлении мятежей и племенного сепаратизма²³. Турки полагали, что со времён Косовской битвы 1389 г. сербы не имели таких сильных правителей²⁴. Владыка ввёл расстрелы за убийства, шпионаж и измену, но лично, как царь Пётр I, никого не казнил, а только присутствовал при исполнении приговора, чтобы исключить кровную месть судьям. Нельзя считать чрезмерным число ликвидированных господарём непримиримых противников – всего 83 человека²⁵. «Душа моя не терпит безначалия», – писал он. Негош с горечью говорил: «Я – государь среди варваров и варвар среди государей». То же мог повторить о себе и царь.

Пётр Великий поднял авторитет Петербурга мощами св. князя Александра Невского. Сакральным символом для разрозненных черногорских племён был Цетинский монастырь, и Негош провозгласил своего предшественника – владыку Петра I Негоша (1748–1830) – Святым Петром Цетинским на четвёртый год после его смерти.

Югославский политик и литератор М.Джилас (1911–1995), следуя стереотипам марксизма, писал, что крестьянство Черногории с запозданием выбивалось из феодализма и не было охвачено капитализмом²⁶. Но положение Черногории при владыке Раде было много сложнее, чем в империи Петра Великого, который унаследовал государственный аппарат от первых Романовых. После разгрома средневекового Сербского царства с его высокоразвитым феодализмом среди сербов в суровых условиях Черногории возродилась военная демократия, сравнимая с временами массового расселения славян в VI–VIII вв.²⁷ Ожили родоплеменные структуры и кровная месть, иногда перераставшая в межплеменные войны²⁸. Черногория, дававшая пример сербам

Австрии и Турции своей упорной освободительной войной (трое из пяти черногорцев погибли в боях и от ран)²⁹, была аморфной, с открытыми границами (кон)федерацией племён. «Свободы сербское гнездо», «Гнездо воинственной гордости», – писал влюблённый в родную землю владыка. Он считал черногорцев свободными и независимыми людьми, в отличие от «добровольного рабства», распространённого у австрийцев и русских³⁰.

Противоборство могучего духа владыки с тисками внешней среды высекло огонь его героической поэмы «Горный венец». Эта «сербская Илиада» стала «национальной библией» везде, где говорили по-сербски (С. Вулович, Л. Костич). В ней «спартанская» Черногория сопротивлялась космогоническим силам Зла³¹. Воспевая героизм: «Славно мрите, кад мријети морате!» («Погибайте со славой, если должны умереть!»), – владыка крепил силу народа. Поэт-философ встал в ряд с Гомером, Байроном, Гёте, Шекспиром³². Героика Негоша через столетия приняла эстафету от народных эпосов Гесер, Манас, Алпамыш, Олонхо, Джангар, Нарты, Беовульф, Эдда и русских былин. Дух Негоша горел не только местной черногорской, но общесербской³³, югославянской, всеславянской и общечеловеческой идеей объединения³⁴.

Русскому самодержцу, который не заботился о том, чтобы стать «народным царём», Сенатом и Синодом в 1721 г. был поднесён титул Императора и «Отца Отечества». Ближнее окружение уважало, боялось и трепетало от взрывов его гнева, народ почитал своего венценосца далёкой святыней. Черногорцы не имели чёткого представления о государственной власти и в целом ориентировались на монархическую форму правления³⁵. Каждый черногорец в любое время имел свободный доступ к господарю. В 1845 г. Негош получил грамоту от Синода России о возведении его

в сан митрополита. Он, как воитель за сербское единство, стал «отцом нации», подобно Джорджу Вашингтону, Сунь Ятсену, Кемалю Ататюрку, Махатме Ганди. Соплеменники отвечали ему восторженной любовью. Если царя Петра I охраняли преданные ему гвардейские полки, то Негоша охраняла вся Черногория. Как духовное лицо и воевода он давал высокий пример для подданных, в отличие от царя с его безудержными кутежами. Культ владыки Раде возник ещё при его жизни. В 1847 г., при возвращении из Вены, господаря в Черногории встречали, целуя его руки с восхищением и слезами радости, под гром непрерывного салюта из ружей³⁶.

Царь-практик не задавался вопросами соотношения Зла и Добра. Пётр II Петрович был философом-метафизиком Земли, Вселенной, тела и духа³⁷. В религиозно-философском произведении «Лучи микрокосма» поэт раскрыл борьбу «сербского кровавого утёса» с «адам» Османской империи как часть мировой войны человечества со Злом³⁸. Сербское несчастье и Зло в Черногории зародились в Космосе.

Оба великих реформатора считали, что допустимо злом бороться со Злом³⁹. Многократно цитировались его знаменитые строки: «Ал' тирјанству стати ногом за врат, то је дужност људска најсветија». («Но тиранству стать пятой на горло – это долг людской, наисвятейший!»). Негош-визионер полагал, что человек создан до сотворения Земли, что Бог – это мысль и животворящий огонь Вселенной, что планета, осквернённая мерзостью Зла и крови, сгорит от космического огня. «Негоша-великомученика» терзал вопрос, почему на Земле сочетаются красота и демонический ужас?⁴⁰ Можно согласиться с тем, что Негош, видя страдания сербов под игом, был «глубокий пессимист»⁴¹, в отличие от холерика-оптимиста Петра I, для которого был открыт весь мир.

О слепом копировании владыкой русского опыта не могло быть и речи. Царь ненавидел и «ломал через колено» ретроградное прошлое – немилосердно резал русские кафтаны и бороды, вводил парики «львиная грива» и сшибал колокола с церковей. Негош, напротив, старался вписаться в национальный характер. Привлекая сердца воинов, он охотился, «летал, как стрела на коне», бил без промаха из ружья в подброшенный лимон, метко стрелял на дистанцию в 800 м из пушки по позициям албанцев, захвативших в 1843 г. два черногорских острова на Скадарском озере. Владыка был влюблён в обычаи своего народа и после посещения Петербурга не только отказался вводить европейский костюм, но сам демонстративно одевал (и позировал перед художниками) расшитую золотом национальную одежду. Русский царь ликвидировал патриархат и превратил церковь в придаток государственной машины. Негош редко облачался в мантию, и «современники не раз повторяли его слова о том, с какой радостью он сбрил бы бороду митрополита»⁴². Возможно, утвердив личное самодержавие, которого не было у прежних владык, Негош был бы не прочь принять титул светского князя, но приходилось уступать традиции – народ признавал только духовного владыку⁴³.

Пётр II разбивал стереотип о том, что черногорцы – «кроважая банда разбойников и убийц», и утверждал, что они способны к прогрессу и цивилизации. Вместе с тем владыка Раде не сразу покончил со свирепым азиатским обычаем отрезания вражеских голов и насаживания этих «трофеев победы» на колья перед Цетинским монастырём, оправдываясь тем, что отмену этого народного обычая турки сочтут за трусость и усилят свои нападения⁴⁴.

Отношения России и Черногории при Негоше были «на равных». В инструкции 1838 г. инженеру Е. П. Ковалевскому предписывалось соблюдать крайнюю «скромность

и осторожность», уважение к владыке и не вмешиваться во внутренние дела, чтобы не возбуждать подозрений у турок и австрийцев. Благодаря русскому содействию в 1839–1841 гг. были размежеваны австрийские владения с черногорскими⁴⁵.

Выдворенные из страны председатель черногорского Сената И. Вукотич, а также М. Вучичевич, родственники властолюбивого гувернадура⁴⁶ С. Радонича и русский консул в Дубровнике (с 1815 г.) серб Е. Гагич (1783–1859) порочили Негоша, который говорил, что он не принадлежит ни России, ни Австрии, ни Турции. «Россию люблю, но не люблю, когда мне по любому случаю дают понять цену русской помощи»⁴⁷. Черногория была полем борьбы между Австрией, Россией и Турцией, но письма в Турцию он принципиально подписывал как «кавалер российский». Вряд ли справедливо утверждать, что господарь с конца 1830-х годов понял, что Россия, преследуя в Черногории свои цели, не бескорыстна, и поэтому возложил свои надежды на «оплот демократии» – Францию⁴⁸. Нельзя сомневаться в возвышенном идеализме и искренности живого голоса Негоша, так отличавшегося от практицизма Петра I: *«О, сколь Москва восхищает меня! Москва – мать царей – начало величия славянского! Москва – столица знати и святой алтарь Православия и Славянства! Я верный поклонник блистательной славы родного племени! Москва – душа души моей и сладостное сновидение, исполненное святыми, великими надеждами! Москва, единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклоняюсь как невинный сын природы новорожденному солнцу после ночи, возмущаемой адскими сновидениями»*⁴⁹. Сообщение французского консула из Триеста 24 февраля 1847 г. о том, что Негош «обожал французов и Наполеона»⁵⁰, можно списать на стандартную дипломатическую учтивость.

В неравной борьбе за свободу владыка опирался на три главных столпа: Бога, «венценосного гения» – императора Николая I – и черногорский героизм. Без русской политической защиты и помощи было бы «немыслимо выживание черногорского народа, государственных структур и Негоша, как главы этого народа... Вся его переписка <...> выражает глубокую приверженность царю и русской политике»⁵¹. (В 1837 г. Негош добился крупного успеха: при сохранении старой субсидии в 1 тыс. червонцев – щедрого увеличения ежегодной русской помощи на десятилетний срок до 80 тыс. рублей, что помогло сформировать государственный бюджет⁵².)

Несоизмерим был военный потенциал России и Черногории. В распоряжении Петра Великого, полководца и реформатора русского военного дела, полевая армия по штатам 1711 г. состояла из 62 454 чел. пехоты, 43824 чел. конницы, в полковой, полевой и осадной артиллерии было более 450 орудий, гарнизонных войск было 58 тыс., казаков – 40–50 тыс. К 1853 г. в русской армии насчитывалось 1 397 169 чел.⁵³ Негош, располагая 15–20 тысячами неустрашимых воинов, искусных в партизанской и горной войне, провёл перепись военнообязанных и завёл регулярные военно-политические отряды гвардейцев-телохранителей, которые, как и у царя, были исполнителями его воли. Во главе племён, вместо племенных старейшин, были поставлены «капетаны», получавшие жалованье из государственной казны. К середине XIX в. Негош почти покончил с «кровомщением», междоусобицами и установил, «по сути дела, авторитарно-монархический, абсолютистский режим правления»⁵⁴. Но кругозор господаря перекрывал всё, что было на тогдашнем сербском пространстве. Как и его предшественник Пётр I Петрович, который думал о создании «Славяно-сербского» государства в составе Черногории, Боки,

Герцеговины и Далмации со столицей в Дубровнике⁵⁵, Пётр II мечтал об освобождении южных славян от власти турок и австрийцев, о едином государстве вплоть до Адриатики и даже о провозглашении Черногории княжеством. Как стратег, он чётко понимал соотношение сил русской, османской и австрийской империй на Балканах, учитывал силу пашей в Албании, Герцеговине, Боснии и Санджаке и сознавал, как трудно сотне тысяч черногорцев держать фронт против 2 млн. боснийцев и албанцев.

В тогдашней военной истории Негош обоснованно выделял Наполеона (1769–1821), австрийского эрцгерцога, полководца и военного теоретика Карла Габсбурга (1771–1847), прусского фельдмаршала Г. Л. фон Блюхера, (1742–1819), английского фельдмаршала А. У. Веллингтона (1769–1852), генералиссимуса А. В. Суворова (1730–1800), вождя Первого Сербского восстания Карагеоргия (1762–1817), австрийского фельдмаршала К. Ф. Шварценберга (1771–1820), генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова (1745–1813). Как любой державник, Пётр II стремился при содействии России расширить границы своей страны (присоединить Подгорицу, Спуж, Жабляк, Грахово, Котор)⁵⁶, но сражений, подобных тем, которые Пётр I давал в Северной войне 1700–1721 гг., черногорцы проводить не могли. Негош был стеснён в своих действиях и не мог замышлять походы за пределы Черногории, так как Российская империя в то время была заинтересована в мире с Турцией и Австрией. Однако для спасения сербства он был готов поднять восстание в Герцеговине, Боснии и Албании, с 4 тысячами черногорцев пройти сквозь турецкие владения и заставить сербскую власть воевать с турками⁵⁷. В бою у Грахово в 1843 г. полководец Негош умело воспрепятствовал соединению мусульман из Албании и Герцеговины и искусно выбрал позицию⁵⁸. В 1848 г. он предлагал «знаменосцу южных славян»

– хорватскому бану Й. Елачичу выслать на помощь австрийцам 2–3 тысячи черногорцев, в 1849 г. собиравшись предоставить 4–5 тысяч воинов русской армии фельдмаршала И. Ф. Паскевича для подавления венгерского восстания.

Светлых минут у Негоша было намного меньше, чем у царя. Русский император никогда не сомневался, что может перекроить страну и мир. Он видел свои детища – новую армию, флот, «Парадиз»-Петербург, счастье великих побед и преображённую Россию. За необузданность страстей император расплатился мучительной болезнью и предсмертной 13-дневной агонией. Негош, сравнивая себя с прикованным Прометеем, тоже сознавал силу и величие своей души: *«Благодарю, Тебя, Господи, ибо ты меня на Земле над миллионами душой и телом украсил»*. Но к концу жизни его всё сильнее угнетали политическая скованность, разочарованность в идее славянства, крах надежд на освобождение южных славян, непримиримая вражда с турками, внутренние распри и несправедливость старейшин⁵⁹. К тому же владыка был скорее светским господарём, чем святым отшельником, и неизбытную тягу к женской красоте⁶⁰ не мог сублимировать в молитвенном экстазе. Всё это, и особенно призраки смерти – нежданно вспыхнувший туберкулёз, исподволь подточило его здоровье. За 6 лет до смерти, в 1845 г., Негош воздвиг на горе Ловчен единственную в мире часовню-гробницу, откуда была видна любимая им Черногория. Перед смертью, в муках от боли в груди, он говорил собравшимся у его одра: *«Заповедываю вам свободу и независимость Чёрной Горы, защищайте их до последней капли крови!»*⁶¹.

«Слава Тебе, показавшему нам свет!» – такова была написанная по-русски первая фраза в завещании, восхвалявшая Господа: *«Насколько непостижимая великость Твоя с детства облекла меня гимном Божественной*

радости, удивления и красоты, настолько с ужасом глядел и оплакивал я бедственную судьбу человеческую. Слово Твоё из Ничто Всё сотворило, закону Твоему всё покорно, человек же смертен и должен умереть»⁶².

Великие рождаются среди больших и малых народов. Появление на севере и юге славянства двух славянских гениев не было случайным – им предназначалось вырвать свои народы из отсталости. Оба великих реформатора сожгли себя в огне деяний. Пётр II утвердил органы власти и укрепил династию Негошей, которая правила до 1918 г. Забытая Богом османская провинция стала заметной страной на европейской арене. Он стал национальным героем сербского и черногорского народа и всего славянства⁶³.

Сравнение двух могучих преобразователей может оправдать некорректный вопрос из сферы фантазий – а что, если бы владыка Раде правил на Неве, а Пётр Великий родился среди скал в Черногории? Царь, ни на йоту не отступая от жестокости и «поднимая на дыбы» воинственные племена, был бы изгнан с Балкан или убит. Негош, которому всё было по плечу, «мягкой силой» и меньшей кровью мог бы провести такие же кардинальные преобразования, как первый русский император, отстроил бы северную Пальмиру и так же упорно воевал бы с противниками. Правитель Черногории «шагал от вершины к вершине, со звезды на звезду. Он поднимал человека на высоту, чтобы оттуда видеть красоту мира»⁶⁴.

Примечания

- ¹ «Я решился идти путём преобразования, дабы вывести эту страну из прежнего состояния и сблизить её, хотя несколько, с прочими народами Европы» (П. П. Негош – Нессельроде 20 ноября 1846 г. // Негош П. П. Негошева бильежница. Цетиње, 1956. С. 166–167).
- ² Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1990. С. 485.
- ³ Ненадовић Л. Негош у Италији // Савременици о Негошу. Београд, 1951. С. 180.
- ⁴ Негош читал русские («Северная пчела», «Библиотека для чтения»), парижские, австрийские, загребские и стамбульские журналы, знал литературу, которая выходила в Европе о Черногории, читал труды крупного немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1886). «Для него нет ни одного неизвестного сочинения, написанного о Черногории» (Штиглиц Г. 1839 г. // Савременици ... С. 75).
- ⁵ Марјановић М. Црна Гора очима Европе 1796–1918. Београд, 2007. С. 29.
- ⁶ Г. Штиглиц писал, что Негош похож на «Зевса, который с высоты Олимпа изливал благословение на Землю» (Савременици ... С. 73).
- ⁷ Франк Г. Р. фон. 1840 г. // Савременици ... С. 82.
- ⁸ Бан М. Три сусрета с владыком Радом // Савременици ... С. 150.
- ⁹ По свидетельству М. Медаковича (Савременици ... С. 125–126).
- ¹⁰ Согласно антропологическим измерениям скелета Негоша, проведённым в 1974 г., его рост составлял 192,56–193,44 см. См.: Ивановић Б. М. Антропоморфолошке особине Петра II Петровића Негоша. Подгорица, 1994. С. 110.
- ¹¹ Распоповић Р. М. Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица–Београд, 1996. С. 235.
- ¹² С Востока свет (лат.). – Примеч. ред.
- ¹³ В связи с этим Черногорию даже называли «маленькая Россия», а некоторые европейцы представляли Черногорию как русскую колонию (Спасић К. Ј. Негош и французи. Допуњено француско издање. Београд, 1988. С. 193, 204).

- ¹⁴ *Јовановић Ј.* Историја Црне Горе. Подгорица, 1995. С. 202. – Этому не мешал русско-турецкий союзный договор 1833 г., по которому Россия с целью усиления влияния на Востоке могла предоставлять Порте свои сухопутные и морские силы.
- ¹⁵ П. П. Негош – В. С. Караджичу, первая половина августа 1833 г. // Цјелокупна дјела П. П. Негоша. Књ. 7. Писма 1830–1837. Београд, 1951. С. 186.
- ¹⁶ *Лавров П. А.* Пётр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 39; *Распоповић Р. М.* Дипломатија Црне Горе ... С. 148–149; *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М., 1998. С. 181.
- ¹⁷ Сбор податей, напоминавший выплату хараджа туркам, неоднократно сопровождался пролитием крови. (*Распоповић Р. М.* Дипломатија Црне Горе ... С. 154).
- ¹⁸ *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 187–189.
- ¹⁹ *Лавров П. А.* Пётр II Петрович Негош ... С. 224.
- ²⁰ «Недвижимое имущество церкви и другие доходы» приносили ежегодно 3 тыс. червонцев (*Анишаков Ю. П.* Черногория в первые годы XIX века // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С. 77).
- ²¹ *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства... С. 192.
- ²² При подавлении белопавличей, восставших против введения налогов, Негош был ранен в руку (*Дујовић Ј.* Негош између интрига и отрова. Никшић, 1989. С. 73).
- ²³ *Спасић К. Ј.* Негош и французи ... С. 230, 241.
- ²⁴ *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 275.
- ²⁵ *Ђилас М.* Негош. Пјесник, владар, владика. Београд–Љубљана, 1988. С. 269.
- ²⁶ Там же. С. 202.
- ²⁷ «В Черногории вы увидите жизнь народа такой, как во времена Гомера», – говорил Пётр II Петрович (*Бан М.* Три сусрета... С. 156).
- ²⁸ Возрождение дофеодальных порядков произошло и среди казаков, выселившихся из России в «Дикое поле».

- ²⁹ Черногорско-русске одношениа 1711–1918 гг. Русские архивные документи о Черногории (конец XVII – середина XIX в.). Подгорица–М., 1992. С. 233–234.
- ³⁰ *Дурковић-Јакшић Љ.* Енглези о Његошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С. 42.
- ³¹ *Ђуровић С.* Филозофско-историјско разумевање Његошевог детерминизма // Друштвено-политичка мисао Његоша. Уред. М. Марковић Београд, 2006. С. 75.
- ³² Так оценивали его И. Андрич, И. Секулич, Д. Л. Машанович. «Писать так о человеке и человечности могли только Гомер, Шекспир и Гёте» (*Јовићевић М.* Његошева филозофија, симболика етноса и архетипске динамике // Друштвено-политичка мисао Његоша ... С. 105).
- ³³ Његош, признавају своју силу, сабирао се у будућем стању Печким патриархом (*Бан М.* Три сусрета ... С. 140).
- ³⁴ *Машановић Д. Л.* Ловћенски Прометеј. Личност и дјело Петра Петровића Његоша. Београд, 1991. С. 129.
- ³⁵ Коју су државну форму претпостављали Његошеви јунаци // *Костић Л. М.* Сабрана дела. Т. 4. Његош и српство. Земун–Београд, 2000. С. 150.
- ³⁶ Како су црногорци дочекали владику Рада // Савременици ... С. 136–137. – Как отважног духом героя, его уважаоли и враги-албанци. См.: Записи руског вице-консула у Дубровнику А. Попова у 1842 г. // Савременици ... С. 102
- ³⁷ *Обрадовић С.* Његошева метафизика // Друштвено-политичка мисао Његоша ... С. 31–40.
- ³⁸ Турки тоже задавали се вопросом: «Могут ли дьяволы быть чернее, чем черногорцы?» (*Спасић К. Ј.* Његош и французи ... С. 116.)
- ³⁹ *Ђилас М.* Његош ... С. 366, 381, 393–394.
- ⁴⁰ *Велимировић Н.* Религија Његошева. 5. изд. Шабац, 1987. Репр.: Београд, 1921. С. IX, 69, 73, 87; *Недельковић Д.* Његош филозоф ослободилачког хуманизма. Београд, 1973. С. 28.
- ⁴¹ *Лакић З., Ђуровић Ж.* Његошев дух и мјера // Друштвено-политичка мисао Његоша ... С. 123, 127.

- ⁴² Кутасова О. Жизнь поэта // Пётр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С. 28.
- ⁴³ Его наследник Данило II Петрович Негош снял с себя сан митрополита и принял титул князя в 1852 г.
- ⁴⁴ Лејард на Цетињу 1839 // *Дурковић-Јакшић Љ*. Енглези о Његошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С. 40; Винингтон-Инграм на Цетињу 1844 // Там же. С. 115, 116–117; Вилкинсон у Црној Гори 1844 // Там же. С. 202. – Позже головы врагов стали бросать в заполненную водой яму перед Цетинским монастырём (*Бан М*. Три сусрета ... С. 162).
- ⁴⁵ Вишняков Я. В. Русские дипломаты и Пётр II Петрович Негош. М., 1997. С. 19–20.
- ⁴⁶ «Гувернадурство» – институт светских помощников владыки для сношений с иностранными государствами существовал с 1718 по 1833 гг.
- ⁴⁷ *Бан М*. Три сусрета ... С. 144; *Ђилас М*. Његош ... С. 161. – Пострадавший от «тоталитаризма» Ђилас считал, что русские субсидии «унижали черногорцев» (С. 186). Была ли «унизительной» в таком случае периодическая помощь от Венеции и Австрии? По-другому писал англичанин Ч. Лемб в 1843 г.: «Россия, мне кажется, владеет Черногорией так, как будто вся она занята её войском. В случае, если бы русская помощь пресеклась, всё бы превратилось в хаос и путаницу. Черногорцы этому вообще не противятся. Их личная независимость никак не ставится под вопрос, а законы и обычаи остаются неизменными» (Лемб в Черногории 1843 // *Дурковић-Јакшић Љ*. Енглези о Његошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С. 89).
- ⁴⁸ Попытку посетить Париж он объяснял безвыходным положением своего народа (*Распоповић Р. М*. Дипломатија Црне Горе ... С. 239).
- ⁴⁹ Письмо Петра II в связи с избранием его почётным членом Общества истории и древностей Российских при Московском Университете // *Његош П. П*. Његошева биљежница ... С. 170–171.
- ⁵⁰ *Спасић К. Ј*. Његош и французи ... С. 145–147, 150.
- ⁵¹ *Ђурковић Ж*. Његош у писмима. Подгорица, 2005. С. 213–214.

- ⁵² Кроме этого, в 1838 г. из Одессы в Черногорию был переправлен хлеб на сумму 71 тыс. 518 руб. 64 коп. (*Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 206, 208.)
- ⁵³ *Бескровный Л. Г.* Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтвского сражения. М., 1959. С. 21–25; *он же.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 16.
- ⁵⁴ Первоначальная численность гвардии составляла 156 чел. Как и в России, она была низшим судебным органом, следила за правопорядком, разыскивала преступников и передавала их суду в Цетинье (*Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 181, 209, 211, 214, 229).
- ⁵⁵ *Марјановић М.* Црна Гора очима Европе ... С. 16.
- ⁵⁶ *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 206, 247, 288–289.
- ⁵⁷ *Бан М.* Три сусрета ... С. 139, 151. – В целом боевые силы черногорского владыки составляли 20 000 человек. Так считал Б. Д. Пејовић (*Пејовић Б. Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981. С. 289. – Цит. по: *Анишаков Ю. П.* Становление Черногорского государства ... С. 248).
- ⁵⁸ 12–15 тыс. албанцев потеряли убитыми и ранеными 150 чел., 4–4,5 тыс. черногорцев – 11 убитыми и 20 ранеными (*Мучибабић С.* Његошев допринос развоју војне мисли и вештине (1. новембар 1813 – 19. октобар 1851) // Друштвено-политичка мисао Његоша ... С. 235, 237).
- ⁵⁹ Негош писал Е. Гагичу 11 ноября 1847 г., что старейшины облыжно обвиняли его в «тирании, кровожадности, славолубии и воинственности» (*Бурковић Ж.* Његош у писмима. Подгорица, 2005. С. 195).
- ⁶⁰ О монашеских томлениях Негоша см. главу «Трагови љубавнога живота» в кн.: *Секулић И.* Његошу књига дубоке оданости. Београд, 1951. С. 116–127.
- ⁶¹ *Спасић К. Ј.* Његош и французи ... С. 246–247.
- ⁶² Завещание Петра II Петровича Негоша 20 мая 1850 г. // *Milović J.* Njegoš u slici i riječi. Titograd, 1974.

- ⁶³ Библиография о Петре II Петровиче насчитывает около 10 тыс. названий. См.: *Osolnik V. Istorija književnosti o Petru II Petroviću Njegošu*. Podgorica, 1999; *Snacuћ K. Његош и французи ...* С. 731. – Ему в 1881 г. была посвящена опера «Черногорцы» чешского композитора К. Бендла (либретто И. О. Весели). См.: Научни састанак слависта у Вукове дане: реферати и саопштења. Београд, 1990. Т. 18/2. Његошево песничко дело. Београд–Нови Сад, 1988. С. 526–527.
- ⁶⁴ *Велимировић Н. Религија Његошева*. С. XIII, 28.

Радослав Распопович

Россия и государственная деятельность Петра II Петровича-Негоша

Петр II Петрович-Негош, несомненно, принадлежит к числу выдающихся личностей первой половины XIX в., которые, благодаря силе собственного творческого гения, оставили значительный след в истории славянских народов и внесли неизмеримый вклад в их культуру. Петр II известен, прежде всего, как поэт, обладающий редким талантом, и как автор историко-философских поэтических произведений.

Именно из-за выдающегося интеллекта и художественной силы поэтических произведений Петра II упоминание его имени у современных читателей ассоциируется, в первую очередь, с его поэтическим творчеством. Оно занимает важное место в истории и культуре Черногории, сербского, а также других европейских народов, и является широко известным.

Но Петр II был не только поэтом, который, пользуясь силой поэтического слова, вплетал историческую память черногорцев в широко известные литературные произведения. Он также был личностью, которая следовала собственному видению государственного развития Черногории, пытаясь провести реформу патриархально-родового общества в Черногории. Ввиду того, что он, предпринимая реформаторские шаги в плане создания государства, обеспечил повышение уровня государственности черногорского общества, мы в первую очередь обратим внимание именно на этот аспект его деятельности.

Продолжая идти по ранее проложенной дороге, по которой шагал и его предшественник – Петр I Петрович-Негош, владыка Раде в первую очередь ориентировался на

Россию в попытках укрепить государственный организм Черногории.

И первые результаты, которые им были достигнуты, представляли собой синтез уже начатой реформаторской деятельности Петра I и полного понимания огромной важности ее осуществления со стороны Петра II Петровича-Негоша. Благодаря соглашениям, которых уже добился Петр I, и при всесторонней поддержке России, в Черногорию в правление Петра II приехали Иван Вукотич и Матей Вучичевич¹. Взгляды, которые сформировались у одного и другого владык, состояли в изменении «формы правления». Это случилось в результате учреждения нового государственного органа – Правительствующего сената.

Правительствующий сенат черногорский и бердский был учрежден с помощью уже упомянутых российских посланников, которые, благодаря контактам, установленным усилиями Петра I в течение последних месяцев жизни, приехали в Черногорию в августе 1831 г.² Об учреждении Сената Негош 6 декабря 1831 г. уведомил российского консула в Дубровнике Й. Гагича, а в январе следующего года «свидетельством» на пост президента и вице-президента назначил соответственно Ивана Вукотича и Матея Вучичевича³.

Благодаря помощи Вукотича и Вучичевича процесс создания новых государственных учреждений оживился, а их авторитет также способствовал поднятию в Черногории престижа политики владыки по отношению к гувернадурам. Подавление «дуализма власти», существовавшего до этого, несомненно, было важным и для укрепления нового концепта государственного строя в стране⁴. Сенат в это время насчитывал около 16 членов⁵. Исполняя функцию высшего органа светского управления, Сенат осуществлял судебную и правительственную деятельность, являясь прочной опорой в процессе формирования государственного строя.

Сенат оценивается как первое учреждение в Черногории, которое «формально и фактически обладало характеристиками государственного органа»⁶. Членами Сената являлись государственные служащие, которые получали денежное вознаграждение за свою работу.

Тот факт, что Сенат действительно имел характеристики государственного органа и обладал действительной властью, подтверждают и конфликты, возникавшие на почве того, в чьих руках будет непосредственное управление его деятельностью. До начала 1834 г. функции президента и вице-президента Сената исполняли Иван Вукотич и Матей Вучичевич. Понимая, что это тот орган, с помощью которого можно без труда добиться высоких государственных званий, они вступили в конфликт с владыкой Петром II. Причиной, скорее всего, были амбиции Вукотича «свести полномочия владыки только к осуществлению церковной деятельности».

Вместе с процессом создания аппарата центральной власти – Сената, реализованного благодаря помощи Вукотича и Вучичевича, был осуществлен и соответствующий процесс лучшей институциональной организации низших, исполнительных органов власти, учреждение которых началось еще раньше. Согласно исследованию Богишича, «когда был учрежден Сенат, одновременно в стране был учрежден низший светский суд в нахиях и племенах под названием гвардия»⁷. Эта часть государственного аппарата, то есть силы «управления народного», насчитывала тогда всего 180 человек, в том числе шестнадцать являлись сенаторами, а остальные 164 оплачиваемые государственные служащие были представителями органов исполнительной власти. Большинство из них (156) состояло из членов гвардии, в то время как перьяников⁸ было только восемь.

Силы «управления народного» имели особое значение для поддержания общественного порядка и государственной стабильности в Черногории. Особое место в этом смысле принадлежало гвардии, в руках которой находилась правительственная и судебная власть. В опросе Богишича подчеркивается судебная функция гвардии. И в календаре-ежегоднике «Грлица» за 1835 год, гвардия упоминается как судебный орган в каждой нахии и бердах, в обязанностях которого было разрешение небольших споров первой степени, в то время как серьезные споры нужно было решать в Сенате⁹. Члены гвардии получали месячное вознаграждение за свою работу¹⁰. Одновременно с гвардией был создан и отряд перяников.

Процесс дополнительного набора и укомплектования гвардии был закончен в 1834 г. Ее численный состав увеличился с 156 до 388 человек. Внутренняя организация этих органов и распределение должностей соответствовали тогдашнему административно-территориальному делению страны.

Кроме того, что таким образом организация местных органов исполнительной власти была адаптирована к потребностям страны, особое значение имело то, что введением должности капитанов в племенах, в качестве оплачиваемых госслужащих, было значительно ослаблено влияние изолированной племенной власти. Учитывая тот факт, что в распоряжении капитанов было определенное число членов гвардии, приказы владыки или Сената могли выполняться в любой момент. Кроме того, капитаны вместе с членами гвардии разрешали небольшие судебные споры¹¹ и таким образом поддерживали порядок на своей территории в качестве местных представителей власти.

Наряду с гвардией, важную роль в укреплении государственного строя в Черногории играло создание отряда перяников. Вначале в его состав, как уже упоминалось, входило

восемь человек. Они подчинялись владыке и президенту Сената. Их численный состав позже был увеличен до 30 членов, а в 1837 г. по указу владыки перьяники были расформированы. По поводу функций этого отряда в литературе существуют разные мнения. Их сравнивали с личной гвардией владыки, то есть с его охранниками. Однако перьяники, наряду с этим, являлись и исполнительным органом – в их обязанности входило «поймать и наказать виновных и расстрелять опасных преступников, которых Сенат приговорил к смертной казни»¹². Это означает, что перьяники были также и органом общественной власти с полицейско-карательными функциями и представляли собой силу государственного принуждения, немного отличаясь от гвардии и племенных капитанов тем, что они были непосредственно связаны с правителем и Сенатом, как центрами политической власти в стране.

Хотя сам факт наличия всех этих органов и свидетельствовал о развитии государственного строя Черногории, однако же, сами по себе они не являлись достаточным средством для сохранения власти без личной авторитетной поддержки Петра II Петровича-Негоша. Владыка Раде являлся абсолютным правителем Черногории, соответственно и функции этих органов зависели преимущественно от его политической власти. Его образованность, выдающиеся умственные способности и поэтическая гениальность – всё это указывало на человека, отличающегося необыкновенным интеллектом, однако эти его черты часто оставались в тени той жесткости, которую он проявлял по отношению к своим противникам. В качестве примера жесткости владыки приведем его приказ 1847 г. о расстреле сенатора Тодора Мушикина¹³.

Для государственного развития Черногории большое значение имели два визита Негоша в Россию – в 1833 и 1837 гг. Во время первого, в присутствии императора Николая I,

Негош был посвящен в сан владыки. Посвящение на таком высоком уровне было весьма значительным для его утверждения как политической фигуры, а также для продолжения процесса укрепления его личной власти в стране. Наряду с тем, это событие было важным и в плане укрепления политической позиции владыки по отношению к Вукотичу и Вучичевичу, которые после посвящения Негоша в Петербурге были отстранены от занимаемых должностей. Вскоре Вукотич уехал из Черногории¹⁴. Этот конфликт, однако, отрицательно повлиял на уже начатые процессы формирования внутреннего устройства, важность которых нужно было подчеркнуть принятием *«Законов отечества»*. Они были приняты на Общечерногорском зборе в Цетинье 23 мая 1833 г., и с их помощью нужно было, помимо прочего, юридическим путем решить вопрос введения налогов. Однако, в целях политической победы и утверждения владыки Раде как абсолютного правителя Черногории, было важнее «уничтожить хорошую репутацию Ивана Вукотича, хотя и пожертвовав таким столь значительным актом как *«Законы отечества»*¹⁵.

Кризис, который с отъездом Вукотича наступил в работе Сената, удалось преодолеть в 1837 г., после очередного возвращения Негоша из России. Тогда в состав Сената было избрано 12 членов. Президентом стал брат владыки Перо Томов, а вице-президентом – Джордже Савов Петрович. Таким образом, Сенат уже состоял из 14 членов.

Кроме выдающихся способностей государственного деятеля, которыми обладал Петр II Негош, и уже проявленной им решительности справляться с политическими противниками¹⁶, создание «правового государства» подразумевало и наличие материальных условий для выполнения его основных функций. То, что *«Законы отечества»* не были приняты, не помешало Негошу согласиться с идеей о необходимости взимания налогов. Этому вопросу он стал уде-

лять особое внимание после первого и еще старательнее им занялся после второго визита в Петербург.

Иными словами, помимо регулярной денежной помощи, которую Черногория получала от России, было необходимо обеспечить и собственные источники финансирования, поэтому во время правления владыки Петра II меры по взиманию налогов стали гораздо решительнее. Налогообложение было установлено и во время правления Петра I по его «Законнику», однако сумму налога в размере 60 «пар или динаров» на один дом взыскать все же не удавалось. Это свидетельствовало о слабости властей, которые не могли силой принудить население исполнять эту важную государственную обязанность.

В «Законах отечества» было установлено, что «каждый дом черногорский и бердский от каждого дыма¹⁷» уплачивает «по одному талеру налога» (пункт 20), который можно было взимать двумя частями (в день святого Георгия – «Джурджевдан», и день святого Димитрия – «Митровдан»)¹⁸. За неуплату налога были предусмотрены наказания¹⁹. Хотя нет данных о том, что взимание налога, начатое в следующем 1834 г., проводилось в соответствии с вышеупомянутым законом, основной принцип его осуществления был таким же – «каждый дом черногорский и бердский от каждого дыма» уплачивает ежегодный налог в размере одного талера.

Сбор налога в том же 1834 г. совершался при участии самого владыки Петра II вместе с исполнительными органами. Это было необходимо для того, чтобы более решительно подавить сопротивление народа и собрать деньги²⁰. Поэтому во время сбора налога с участием Петра II было пролито немало крови в некоторых племенах. В литературе приводятся данные о том, что размер собранных средств на 1835 г. составил 14.227 флоринов и 40 крейцеров²¹.

В следующие годы были внесены изменения в налоговую систему. После второго визита Негоша в Россию был издан указ от 30 сентября 1838 г., по которому вводились налоговые классы, которые платили налог в размере 1 ½, 1 или ½ талера²². Доходы, получаемые таким способом, являлись значительной финансовой поддержкой государства. Существует и книга Негоша о «дациии» (налоге), в которой указывается, что налог взимали с 1837 по 1851 гг.²³ Кроме того, что существование налога свидетельствовало об эффективности выполнения принятых решений со стороны государства, это было важным еще и потому, что обеспечивало часть финансовых средств, необходимых для деятельности государственных органов и, с другой стороны, являлось «одной из важнейших мер в процессе превращения черногорского населения в подчинённые государству субъекты»²⁴.

Во время второй поездки Петра II в Россию возникли значительные затруднения из-за интриг, которые стал плести против него Иван Вукотич²⁵. Вследствие этого, владыка долгое время оставался в Вене, а потом его задержали в Пскове. Кризис в черногорско-русских отношениях был преодолен после того, как правительственные круги России поняли, что обвинения против владыки Петра II были сфабрикованы со злым умыслом. На изменение их мнения, несомненно, повлияло совпадение рапорта К. К. Родофиникина, составленного по результатам разговора с владыкой Петром II в Пскове, с рапортом, который Гагич отправил из Черногории.

По истечении двенадцати недель (именно столько черногорский владыка пробыл в Пскове) ему было дозволено продолжить свою поездку в Петербург. Он прибыл в столицу России 30 мая 1837 г., а 5 июня состоялась его аудиенция у русского императора.

В результате этой встречи был положительно решен вопрос о предоставлении в течение 10 лет финансовой помощи Черногории в размере 80.000 руб. в виде ассигнаций²⁶. По мнению Негоша, «будущее Черногории зависело от прочности государственной системы», для которой решающее значение имела финансовая помощь России.

Вместе с владыкой Петром II в Черногорию в середине августа 1837 г. приехал и Яков Николаевич Озерецковский. Вскоре по возвращении Негоша из Петербурга и получении им присланной субсидии владыка созвал «Общечерногорский збор», который прошел 3 сентября 1837 г. В присутствии представителей всех черногорских нахий, на собрании было принято решение о реформировании «всего государственного аппарата». Прежде всего, это относилось к организации и работе Сената, гвардии и перяников. Также был избран ранее упомянутый состав нового Сената. Организация гвардии была адаптирована к внутреннему административному устройству таким образом, что число членов определялось отдельно для каждой нахии.

Решения «сентябрьского собрания» привели к дальнейшей централизации государственной власти, то есть ликвидации всех видов местного управления, противоречащих функциям устанавливаемого государственного строя. Был определен размер выплат для сенаторов, перяников и членов гвардии, что было значительным шагом в создании стабильных государственных учреждений и соответствующих «государственных кадров», необходимых для функционирования механизма власти. Таким образом, миссия Озерецковского положительно повлияла на государственно-правовое развитие Черногории.

Его влияние можно рассматривать и с точки зрения внешних признаков, которые укрепили «государственный аппарат» Черногории в институциональном смысле. Речь

идет о том, что Негош принял предложение Озерецковского и на полученные средства построил «бильярд». Имеется в виду «резиденция» – то здание, куда из Монастыря были перевезены все имевшиеся в то время государственные учреждения²⁷. Черногория, таким образом, получила первое «государственное здание» светского характера.

Позже в нем была организована и «народная казна» (восстановлена в 1837 г.), хранилище для которой Негош купил в Венецианской Республике, куда заехал на обратном пути из России. Кроме средств, получаемых из России, в ней также хранились деньги, собранные в качестве налога. Для того, чтобы должным образом заботиться о финансах страны, то есть о «народной казне», первым «министром финансов» был назначен Дмитрий Милакович²⁸. Он исполнял обязанности государственного казначея. Круг его должностных обязанностей был указан в специальных «Инструкциях». Согласно этим «инструкциям», казначей должен был хранить «в сундуке казенном все суммы», полученные от владыки или других лиц. Он также был обязан вести точный учет всех принятых и выданных денежных средств. Разрешение на выплату, наряду с остальным, могло быть выдано только в случае одобрения владыкой²⁹.

Казначейство фактически стало предтечей первого центрального финансового учреждения в Черногории. Если учесть тот факт, что Негош планировал ввести черногорскую монету – «перун», и что для ее чеканки уже были изготовлены формы, а также было отлито несколько образцов, то можно убедиться в масштабности его государственных замыслов³⁰.

Нельзя не упомянуть и культурно-просветительскую деятельность Негоша. В 1834 г. в Цетинье он основал первую школу. Кроме того, им была создана типография, в которой печатался первый черногорский ежегодник-календарь

«Грлица» (1835–1839), а затем и «Сербский букварь», – всё это в целях обучения молодежи «церковному и гражданскому чтению». Помимо того, здесь были напечатаны произведения «Отшельник цетинский» Негоша, «Пословицы» и «Словарь» Вука Караджича.

Наряду с результатами, достигнутыми на внутривнутриполитической арене, стоит упомянуть и те обстоятельства, которые являлись результатом внешнеполитической деятельности. В плане внешней политики в период правления владыки Петра II, из числа событий, которые имели огромное значение для признания Черногории как страны, отличающейся особыми государственно-правовыми характеристиками по отношению к османским властям, следует упомянуть «Соглашение об установлении границ» 1841 г., заключенное с Австрией в июле того же года в г. Котор, и «Соглашение о перемирии» 1842 г., заключенное с Османской империей, с дополнительным соглашением 1843 г.³¹

Все вышесказанное свидетельствует о большом вкладе Петра II в государственное развитие Черногории. Благодаря крупным результатам, которых он достиг в плане установления органов власти и организации внутреннего устройства Черногории, были обеспечены элементы фактической государственности страны и проложен путь к провозглашению Черногории светским государством. Во всем этом, наряду с усилиями, прилагаемыми черногорским владыкой, главную роль сыграла Россия. Поддержка, которую она оказывала государственному развитию Черногории, продолжалась и в последующие годы, и большая заслуга в установлении органов светской власти также принадлежит России.

Примечания

¹ Вукотич Иван Иванович – уроженец Подгорицы, племянник П. И. Подгоричанина, в 1788 г. уехал в Россию. Служил в русской армии. После обещания И. Вукотича оказывать финансовую помощь Черногории Петр I Петрович выдал ему свидетельство о дворянстве, которое было затем подтверждено в России и позволило Вукотичу наследовать богатое имение П. Подгоричанина в с. Пархомовка Богородуковского уезда Харьковской губернии (по оценкам, стоимость имения превышала 1,5 млн. руб.). После смерти Петра I Петровича Вукотич предложил русскому правительству меры по реформированию страны. Он был отправлен в Черногорию вместе со своим племянником М. Вучичевичем для доставки русской субсидии в 1831 г. Являлся одним из активных реформаторов страны вместе с Петром II Петровичем Негошем, однако став председателем черногорского Сената, надеялся управлять Черногорией без Негоша. В декабре 1833 г. Вукотич покинул страну и через Италию вернулся в Россию, где стал интриговать против Петра II. Окончательно проиграв борьбу за власть, Вукотич умер в России в 1840 г.

Вучичевич Матвей (Матей) Петрович – племянник И. Вукотича, черногорский представитель в России. Весной 1828 г. митрополитом Петром I Петровичем он был направлен с письмом к Николаю I. В августе того же года в Одессе, где находился император, Вучичевич передал ему просьбы митрополита о помощи Черногории деньгами и оружием для отражения нападений из Албании и Боснии. (См. подробнее: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Документы. М., 1997. С. 297–298.) Митрополит Петр I Петрович в последние годы жизни просил русское правительство отправить М. Вучичевича и И. Вукотича в Черногорию для помощи в управлении. Эту просьбу потом высказал и Петр II Петрович-Негош. По прибытии в Черногорию М. Вучичевич был назначен заместителем председателя Сената, затем отправлен с поручениями в Россию в январе 1834 г. По пути он установил контакты с черногорскими эмигрантами – противниками

Негоша. В России вместе с Вукотичем интриговал против Негоша. Наследовал (вместе с братом Лукой) имение И. Вукотича. Внучатым племянником М. Вучичевича был известный русский художник-пейзажист В. Д. Вучичевич-Сибирский (1869–1919).

- ² *Јовановић Ј.* Улога Вукотића и Вучићевића у Црној Гори // Историјски записи. Књ. 7. Титоград, 1951. С. 294.
- ³ Вукотич и Вучичевич не сразу были избраны в Сенат. Приезд российских посланников имел большое значение как в плане централизации органов государственного управления, в которые они были избраны, так и в связи с доставкой ими оставшейся русской денежной помощи в размере 7.200 руб.
- ⁴ Конфликт между этими двумя «политическими партиями», произошедший в связи с предложением об избрании Ивана Радоница на пост сенатора, был использован для расправы с гувернадурами из семьи Радоничей и с целью их изгнания из Черногории. Наряду с тем, что таким образом была устранена соперничающая с ними фракция, в то же время укрепились позиции нового органа – Сената. См.: *Драгићевић Р.* Његошево укидање гувернадурства // Историјски записи. Књ. III. Св. 1. Титоград, 1949. С. 1–22.
- ⁵ Некоторые недоразумения в связи с числом членов Сената возникают также из-за различных данных, которые приводятся об этом в литературе. Так, Б. Павичевич в своей книге «Создание черногорского государства» пишет, что Сенат насчитывал 16 человек, но также приводит рапорт Мартеллини из г. Котор, от 20 мая 1832 г., в котором говорится, что Сенат состоял из 14 членов. В опросе Богишича утверждается, что число членов Сената составляет 12 человек. Джокко Пейович в уже упомянутой книге говорит: «Непосредственно по приезде Ивана Вукотича и Матея Вучичевича, «господ русинских», в октябре того же года «установлено управление народное», которое состояло из 180 человек, в том числе 16 советников (сенаторов)». Томица Никчевич, согласно письму Петра I Гагичу от 6 декабря 1831 г., приводит, что Сенат состоял из 16 «советников», а гвардия из 164 «исполнителей». См.: *Цјелокупна дјела П.П. Његоша.* 7 изд. (далее – ЦД). Књ. VI. *Изабрана писма.* Београд, 1980. С. 30–32.
- ⁶ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. Београд, 1955. С. 237.

- ⁷ *Распоповић Р. М.* Одговори црногорских судова на министарске наредбе Валтазара Богишића. Подгорица, 2005. С. 21.
- ⁸ Перяники – личная гвардия владыки, куда отбирались как юноши из наиболее уважаемых семей Черногории, так и «юнаки», отличившиеся своей храбростью. Зачастую перяники исполняли функции полиции и палачей.
- ⁹ Грлица. 1835. С. 51.
- ¹⁰ В литературе указывается, что из-за нерегулярности выплат, причиной которой зачастую была задержка выдачи русской денежной помощи, возникало недовольство среди членов гвардии. См.: *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 247; *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 92; *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С. 107.
- ¹¹ В черногорском календаре-ежегоднике «Грлица» об этом говорится следующее: «Недавно учрежден великий суд под названием Правительствующий сенат, в состав которого входит двенадцать сенаторов, и малый суд под названием гвардия. В каждой нахии и бердах существует гвардия, которая небольшие споры сама разрешает, а большие передает в Сенат, где они с согласия владыки разрешаются. Если выносятся смертный приговор, владыка не высказывает своего мнения» // Грлица. 1835. С. 51.
- ¹² *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. С. 92.
- ¹³ Согласно тексту, опубликованному в «Сербской газете», за исполнением приговора владыка лично наблюдал из окна дворца // Српске новине. 30 февраля 1847 г.
- ¹⁴ Для того, чтобы уничтожить хорошую репутацию, которой Иван Вукотич несомненно пользовался в Черногории, Негош, помимо всего прочего, заставил его понести полную ответственность за неудачное нападение на г. Подгорицу в конце 1831 г., подчеркивая, что Вукотич являлся его главным инициатором. После возвращения Петра II из России 17(29) декабря 1833 г., Вукотич покинул Черногорию по причине плохого состояния здоровья. Вучичевич остался в г. Котор до середины следующего года.

- ¹⁵ *Павићевић Б.* О мисији Ивана Ивановича-Вукотића и Матеје Петровића-Вучићевића у Црној Гори // Историјски часопис. Књ. VII. Београд, 1957. С. 273.
- ¹⁶ Одна из самых значительных «внутренних побед» владыки Раде – это политическая ликвидация гувернадурства. Несмотря на то, что политическую почву для этого подготовил Петр I, владыка Раде уже в первые годы своего правления (1830–1832) весьма эффективно устранил оппозицию, соперничество которой, согласно оценкам историографии, являлось серьезной помехой для создания черногорского государства.
- ¹⁷ То есть дома с очагом.
- ¹⁸ *Вуксан Д.* Један пројект црногорског законика из доба владике Рада // Записи. Год. I. Књ. 1. Цетиње, 1927. С. 50–51.
- ¹⁹ В зависимости от того, кого следовало наказать из-за невыполнения этой обязанности: отдельного человека или более широкое сообщество – деревню или племя (пункт 18). В первом случае, местные органы власти имели право, употребляя силу, взимать соответствующую сумму или арестовать и передать должника в руки суда. В случае, если деревня или племя откажется от уплаты налога, тогда Сенат, по получении такого уведомления, имел право «отправить армию против этого племени, собрать налог, выставив его на позор и наказать виновника с наложением штрафа на все племя»: Там же. С. 50–51.
- ²⁰ *Вуксан Д.* Црногорске финансије у XVIII и XIX вијеку, година 1723–1883 // Записи. Књ. XV. Подгорица, 1936. С. 324.
- ²¹ *Томановић Л.* Петар II Петровић Његош као владалац. Цетиње, 1896. С. 46.
- ²² Црногорски законици 1711–1916. Правни извори и политички акти од значаја за историју државности Црне Горе. Књ. 1. Подгорица, 1998. С. 127.
- ²³ Там же. С. 142.
- ²⁴ *Павићевић Б.* Стварање црногорске државе. С. 261.
- ²⁵ См.: *Распоповић Р.М.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Београд–Подгорица, 1996. С. 235–246.

- ²⁶ К. К. Родофиникин представил русскому императору Николаю I проект переселения черногорцев не в Россию, а в Грецию – расстояние было меньше, страна богатая, только работников было немного. Кроме того, греки были того же вероисповедания, что и черногорцы. См.: Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб. ГА 1-1. Оп. 781. 1837 г. Д. 694. Л. 4–8.
- ²⁷ Драгићевић Р. Ј. Његошева билјарда // Чланци о Његошу. Цетиње, 1949. С. 128–148.
- ²⁸ См.: Вуксан Д. Д. Први «Министар финансија» Владике Рада // Ловћенски одјек. Год. I. Бр. 7–12. Цетиње, 1925. С. 7–10.
- ²⁹ Црногорски законици 1711–1916. С. 125.
- ³⁰ Драгићевић Р. Ј. Његошев овац // Чланци о Његошу. С. 172–213.
- ³¹ Радосавовић И. Међународни положај Црне Горе у XIX вијеку. Београд, 1960. С. 18; Три Француза о Црној Гори (Виала, Делари, Ленорман). Цетиње, 1949. С. 104–105; Петкович К. Черногория и черногорцы. Восточные сборники. Т. 1. СПб, 1877. С. 428–434.

М. В. Белов

Петр II Негош и черногорцы в русской путевой прозе 1830–1840-х годов

К середине XIX в. в русской путевой прозе формируется своего рода «черногорский текст», характеризующийся устойчивыми описательными традициями, стилистическими и идеологическими чертами. Интенсивные поиски этой литературной репрезентации были стимулированы активизацией политических контактов после второго визита Петра II Негоша в Россию (1837), который вначале ознаменовался известными затруднениями, если не скандалом (речь идет о содержании черногорского митрополита под надзором жандармского капитана Ракеева в Пскове, пока Николай I и его дипломаты разбирались в обстоятельствах дела¹).

Одним из следствий этой поездки Петра II Негоша в Петербург, готовой, казалось, обернуться катастрофой, но, к счастью, увенчавшейся успехом, стало решение направить в Черногорию для дальнейшего выяснения ситуации русского чиновника. Соответствующие инструкции на этот счет получил жандармский подполковник Яков Николаевич Озерецковский (1801/1804? – 1864) – сын известного естествоиспытателя и путешественника Н.Я. Озерецковского. В 1826–1828 гг. он участвовал в Кавказской войне, а также в кампаниях с Персией и Турцией. Оставив военную службу по болезни, служил в инспекторском департаменте Генерального штаба, а затем перевелся в корпус жандармов, где восстановил чин подполковника и стал порученцем А. Х. Бенкендорфа. В начале 1836 г. он прибыл в Вену по обмену опытом с местной полицией и для выполнения особых поручений (слежка за соотечественниками и сбор

информации о политической ситуации), а также как агент военной разведки². В декабре того же года Озерецковский познакомился с приехавшим в Вену черногорским митрополитом Петром II, который по первому впечатлению подполковника – «предан России, и если не весь его народ, то по крайней мере он сам очень нуждается в деньгах»³. Пока еще не был решен вопрос о посещении Петербурга, Озерецковский дал черногорскому владыке и сопровождавшему его в поездке двоюродному брату Георгию Петровичу рекомендательное письмо, что вызвало гнев начальства. Русский агент оправдывал свой поступок тем, что не хотел «сердить еще более [этих] господ»⁴. Так или иначе, можно говорить об осторожной симпатии к Негошу со стороны Озерецковского уже в начале их знакомства.

Поездка в Черногорию сполна удовлетворила ту «страсть к путешествиям», которая, по признанию Озерецковского, была в нем так сильна: «...чем более углубляюсь я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу». «Странностей» хватало, и один такой случай, произошедший близ Цетинье, новоявленный дипломат внес в первое сообщение с берегов Адриатики: «...семейство делило жито. Сын заспорил против отца, отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и отец хотел только пострадать сына»⁵.

Не смущенный «странностями», Озерецковский быстро сделал выводы и 1(13) сентября 1837 г., то есть спустя две недели после приезда в Цетинье, составил обширную записку на имя Д. П. Татищева, копию которой отослал шефу III Отделения с сопроводительным письмом. В нем, в частности, говорилось: «...край любопытный <...> [с] народом далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени. [Помощь Черногории] <...> есть в прямом смысле

помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества..., составит его счастье и прибавит новый луч к славе нашего великого государя»⁶. В Черногории Озерецковский намеревался провести около двух месяцев, но по болезни этот срок пришлось сократить, и в конце октября 1837 г. он уже возвратился в Вену. С Негошем у него сложились дружеские отношения, и митрополит просил направить подполковника в Цетинье в качестве постоянного представителя России, на что тот отшучивался: «Слышал я, будто бы владыка хотел бы со мною прожить весь век! С ним я готов, но в Черногории жить вечно – ради Бога – пожалейте меня, накажите чем угодно, но не ссылкой в его каменную обитель! Летние месяцы – май, июнь и июль – еще есть возможность существовать в его изгнании, но осень и зима – это явная смерть»⁷.

Озерецковский составил и представил в МИД целый ряд информационных материалов, а также записку о политическом положении Черногории на имя А. Х. Бенкендорфа⁸. Оценка ситуации и стилистика описания Черногории здесь во многом соответствуют сентиментальным упованиям его предшественников на постепенное укрепление государственной власти, искоренение закоснелых обычаев и развитие наук и искусств под сенью мудрого наставника в лице нынешнего митрополита и под покровительством российского монарха⁹. Однако подобные бюрократические сантименты в изложении Озерецковского обросли новыми чертами. Отчасти этому, вероятно, способствовало официальное антизападничество в духе уваровской триады¹⁰, опыт Кавказской войны (Озерецковский сравнивал черногорцев с горами Кавказа), а также литературные компетенции чиновника – к этому времени он был автором ряда повестей и рассказов, а также путевых очерков.

Характерное для описаний предшественников соотношение местных жителей и окружающего ландшафта (непроходимые горы), который как минимум, консервирует «нравы»¹¹, дополняется у Озерецковского экспрессивными зарисовками, делающими изображение подвижным. Замкнутое пространство размыкается, а рутинный обычай обретает экзистенциальный смысл. «Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать с камня на камень, позволяет им (черногорцам. – М.Б.) посещать Катаро... Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетине». И далее: «Черногорец родится с мыслью о своей независимости и вырастает с нею. В виду турецких селений он пашет землю с ружьем за плечами, потому что каждый шаг обрабатываемой им земли может подать повод к распрям, для которых как турки, так и черногорцы не имеют другой расправы, кроме силы оружия»¹². В этих зарисовках находится зерно романтического мифа о черногорцах, получившего развитие в русской путевой прозе 1840-х годов: их горная земля наполнена значимым действием – защитой свободы, а не бессмысленным кровопролитием¹³.

Можно отметить и другую заслугу «сентиментального жандарма» в создании романтического нарратива – последовательная защита или даже фаворитизация Петра II Негоша в глазах правительства. Портрет митрополита как воплощения лучших качеств черногорцев станет неременным атрибутом будущих описаний. Озерецковский намеревался поместить в каком-нибудь русском журнале статью «О политическом положении Черногории», но шеф жандармов признал это нежелательным¹⁴.

Больше повезло в этом отношении его преемнику по миссии в Черногории Егору Петровичу Ковалевскому (1809–1868). Известный путешественник, геолог и географ,

автор целого ряда произведений путевой прозы, литератор, дипломат и общественный деятель, он окончил Харьковский университет по отделению нравственно-политических наук (1828) и до середины 30-х годов служил горным чиновником сначала в столице, а затем в Сибири. Первая поездка Ковалевского в Черногорию в 1838 г. стала реализацией идеи, высказанной в записке Озерецковского и поддержанной Николаем I, – провести геологоразведку в этой стране. Помимо этого, в инструкции, данной Ковалевскому К. В. Нессельроде, ему поручалось собрать сведения географического и статистического характера. Хотя та же инструкция предписывала Ковалевскому «уклоняться от всякого вмешательства в дела, которые не имеют прямой связи с Вашими поручениями», он вынужден был принять участие в урегулировании пограничного конфликта черногорцев с Австрийской империей в сентябре того же года, что явилось его дипломатическим дебютом. Этот эпизод был чреват международными осложнениями, но Ковалевский был оправдан Николаем I, поскольку, в его оценке, тот «действовал как настоящий русский»¹⁵.

Миссия в Черногории обеспечила особое положение Ковалевского в Главном управлении Корпуса горных инженеров, а его дальнейшие многочисленные поездки по Средней Азии, Ближнему и Дальнему Востоку, Африке и Балканам инструктировались МИД и содержали дипломатический компонент. Тем не менее, опыт путешествий Ковалевскому удавалось претворять в литературную форму очерков, предназначенных для широкой публики¹⁶. А первым таким произведением стали «Четыре месяца в Черногории» (1841), модельные для русских путешественников. Именно после появления книги начинается паломничество в Черногорию и Адриатическое Приморье «молодых славянофилов»¹⁷. В год выхода книги страну посетили представители

первого поколения университетских славистов (И. И. Срезневский и П. И. Прейс, которые, правда, находились там всего лишь один день¹⁸), а также зачинатель этнографических исследований в России Н. И. Надеждин¹⁹.

Нет сомнений, что Ковалевский имел доступ к материалам и запискам Озерецковского, который, следуя славянофильской квазиконспирации, рекомендовал своего преемника Негошу: «Он наш, и с ним можно быть откровенным»²⁰. Тем не менее, как вспоминал позднее сам Ковалевский, «владыка встретил меня подозрительно, но отношения наши вскоре выяснились, и мудрено ли? Ему было 21 год, мне 23. В эти годы и чувствуешь и действуешь так открыто, так честно, что всякое сомнение отпадает само собою»²¹.

В описании Ковалевского в полной мере проявились те тенденции, которые только наметились у Озерецковского. Один из излюбленных приемов литературной репрезентации в его путевой прозе – создание сюжетных и жанровых картин. Поэтические пейзажи контрастируют с зарисовками скудного бытового обихода или сценами обыденной жестокости. В грубой повседневности вдруг обнаруживаются особая пластика и красота. Подслушанные автором беседы черногорцев исполнены величественной простоты или озорного юмора. Романтизированный эпос дополняется реалистическим материалом в духе «физиологического очерка» и формирующейся «натуральной школы». Нет сомнений, что на литературную технику «Четырех месяцев в Черногории» Ковалевского оказала влияние поэтика раннего Гоголя, его «малороссийские повести» и в особенности «Тарас Бульба»²².

Коллективный портрет черногорцев исполнен романтического культа силы, молодости, здоровья, витальности. Проецирование местных патриархальных порядков, усиленное художественным гиперболизмом, колеблется на

границы гомозеротики: «...мужчины – это племя атлетов, что за рост, и как сложены, какая величественная осанка, какой гордый, повелительный вид, и эти приемы черногорца, это искусство носить свое оружие и свою щегольскую одежду, выказывающую мужественные его формы – все в нем поражает европейца, дитя болезней и неги. Когда вы увидите черногорца на страже, гордо и неподвижно опершегося на свое длинное, красивое ружье, с горящими, устремленными к турецкой границе глазами, с засученными по плечо рукавами косули, обнажающими его мощные, мускулистые руки, вы скажете: для него нет невозможного, и едва ли ошибетесь»²³.

Под стать этим породистым мужчинам и сам митрополит Петр II, конечно, самый лучший из них: «Чрезвычайно высокого роста, стройный, с черными, как смоль, ниспадающими по плечам волосами, с глазами полными блеску, правильными чертами лица – владыка представляет образец мужественной красоты. Я знаю только одного, в лице которого более величия и поражающей красоты. Его знает вся Европа!²⁴ Художник избрал бы правителя Черногории образцом для изображения Геркулеса, а философ – путеводителем в своей жизни. Владыка ведет жизнь чрезвычайно умеренную: стол его более чем неприхотливый; в одежде своей прост, но отличается от прочих черногорцев. Он до того щедр и сострадателен к нищете, что нередко отдавал последнюю свою рубаху бедному. Изучение языков и литературные занятия составляют его страсть и отдохновение от тягости правительственных забот. Он считается одним из первых литераторов между славянами, очень хорошо говорит и пишет по-русски и по-французски и, в случае нужды, может изъясняться по-итальянски. Но чувство, в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени, – это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию;

в этом отношении он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии»²⁵.

Следуя классифицирующим схемам ориентализма²⁶, Ковалевский относит черногорцев «к народам Азии»²⁷. Характерная в их изображении экзотизация помещается в противоречивом пространстве отчуждения и присвоения. И в данном случае митрополит Петр II Негош оказывается гибридной фигурой. Воплощая в себе всю красоту и мужество черногорского народа, он обладает при этом западной ученостью и представляет собой авангард европеизированных славян. Такая двойственность актуализировала колебания романтически настроенных российских либералов между выгодами и порчей, которые несет с собой цивилизация. П. И. Прейс, например, писал своему другу М. С. Куторге: «В Цетинье, столице черногорского владыки, мне понравилось все, кроме башни, увешанной головами турков. Владыка и сам против этого “дикого бесчеловечного обычая”, но не хочет приступить к уничтожению его, чтобы “не обидеть своего народа”»²⁸. Прейс, таким образом, был смущен неторопливой поступью цивилизирующих реформ.

В свою очередь обращенный славянофил Ф. В. Чижов, именно в Черногории осенью 1843 г. окончательно утвердившийся в идее славянского братства, сетовал спустя четыре года в ответах на вопросы следователей III отделения: «...владыка человек очень добрый, с доброю душою, но его успели уверить, что необходимо надобно быть образованным человеком по понятиям австрийцев, то есть говорить по-французски и немецки, не иметь никакой религии или считать ее только достоянием черни и способом держать ее в предрассудках»²⁹. Поэтому в другом месте он противопоставляет искреннюю любовь черногорцев к России более корыстным чувствам митрополита³⁰.

Сам Ковалевский со смешанным настроением замечал в первой путевой книге: «Зато, если это совершенное отчуждение Черногории устранило ее от западного образования, искусств, то, тем не менее, и от западных заблуждений, расслабления духа и тела: болезни сифилитические здесь не известны»³¹. А в посмертной биографии Негоша жаловался, что в результате его реформ черногорцы «отвыкли драться», обросли собственностью и деньгами³².

Отправляясь в Черногорию в 1842 г., В. А. Панов рекомендовал сочинение Ковалевского как «прекрасную книгу». Очевидно, он сам использовал ее как путеводитель. То же самое, по-видимому, следует сказать о его приятеле А. Н. Попове, дважды посетившем Черногорию – в сентябре–октябре 1842 г.³³ Опубликованное им в 1847 г. «Путешествие в Черногорию» демонстрирует те же живописные приемы, что и Ковалевский³⁴. В свою очередь «воспоминания путешественника» Н. И. Надеждина³⁵ представляют собой рассказ в рассказе – образец романтизированного эпоса.

Примечания

¹ *Анишатов Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 195–214; *Белов М. В., Вишняков Я. В.* Сентиментальный жандарм: миссия Я. Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 155–176.

² Переписка Озерецковского с управляющим III Отделением в должности директора канцелярии А. Н. Мордвиновым опубликована в составе других документов: *Бокова В.* Тайная миссия подполковника Я. Н. Озерецковского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т. XII.] М., 2003. С. 304–373 (далее указываются даты этих писем).

³ Там же. С. 321. № 17. 24 декабря 1836 г. (5 января) 1837 г.

- ⁴ Там же. С. 322. № 19. 7(19) февраля 1837 г.; С. 323–324. № 21. 5(17) марта 1837 г.
- ⁵ Там же. С. 336. № 31. 1(13) августа 1837 г.; С. 337. № 332. 12(24) августа 1837 г.
- ⁶ Там же. С. 338. № 33.
- ⁷ Там же. С. 347. № 36. 15(27) ноября 1837 г.
- ⁸ Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992. № 18–25. С. 194–225.
- ⁹ *Белов М. В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.
- ¹⁰ *Досталь М. Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.
- ¹¹ В крайнем случае эта тенденция вела к нивелировке культуры до уровня природы в духе описаний и классификаций естествоиспытателей прошлого века. См.: *Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 120–154.
- ¹² Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 18. С. 199–200.
- ¹³ Впрочем, в другом месте Озерецковский оценил пограничные конфликты черногорцев с Австрией как спор из-за «2-3 булыжников» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 93. 31 марта (12 апреля) 1838 г.
- ¹⁴ *Аншаков Ю. П.* Указ. соч. С. 222, 241 (прим. 169). – Дневники, которые вел Озерецковский, в том числе во время поездки в Черногорию, по-видимому, утрачены.
- ¹⁵ *Хитрова Н. И.* Дипломатическая деятельность Е. П. Ковалевского в 30-х – 50-х гг. XIX века // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 116–119; *Аншаков Ю. П.* Указ. соч. С. 222–229, 277–280 – описание пограничного конфликта с участием русского чиновника не могло войти в первую путевую книгу (1841) по цензурным соображе-

ниям, но составило специальный очерк, опубликованный позднее (1864); *Ковалевский Е. П.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // *Эпоха*. 1864. № 5. С. 169–193. – Кроме того, уже во время первой поездки ставший личным другом митрополита Петра II Негоша Ковалевский посвятил ему посмертную биографию «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события» (*Современник*. 1854. Т. XLV. С. 55–84.).

¹⁶ *Вальская Б. А.* Путешествия Е. П. Ковалевского. М., 1956 (библ.: С. 186–200); *Виленкин В. Л.* Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М., 1969.

¹⁷ Т. Ивантышынова относит к этой генерации влед за В. А. Пановым, помимо него самого, К. С. Аксакова, А. Н. Попова, В. А. Елагина, Н. А. Ригельмана и др. См.: Встреча с Европой. Письма В. А. Панова матери М. А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843) / Сост. Т. Ивантышынова и М. Ю. Досталь. Братислава, 1996. С. 15 (прим. 9). – См. также: *Ивантышынова Т.* Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // *Балканские исследования*. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX века. С. 24–33.

¹⁸ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб, 1895. С. 228–229 (12 июля 1841 г.); Живая старина. 1891. № 3. С. 34. П. И. Прейс – М. С. Куторге, 19 августа 1841 г.

¹⁹ См.: *Францев В. А.* Югославянское путешествие Н. И. Надеждина в 1840–1841 гг. // *Sbornik filologický*. X. 1934–1935. Praha, 1935. S. 111–128.

²⁰ Цит. по: *Аншаков Ю. П.* Указ. соч. С. 222.

²¹ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. IV. Черногория и славянские земли. СПб, 1872. С. 162. – Ковалевский уменьшает их возраст – на самом деле ему было уже 29 лет, Негошу – 24. Помимо психологической мотивировки, на это смещение, возможно, повлияло устойчивое отнесение славян к «молодым нациям». См.: *Белов М. В.* «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешест-

- венники первой половины XIX века в поисках «народности» // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 130–131.
- ²² *Белый А.* Мастерство Гоголя. М., 1934; *Мани Ю. В.* Поэтика Гоголя. М., 1988; *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст. М., 2002; *Софронова Л. А.* Мифопоэтика раннего Гоголя. СПб, 2010; *Карасев Л. В.* Гоголь в тексте. М., 2012 и др. – О «физиологическом очерке» как жанре «натуральной школы» см.: *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.
- ²³ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. IV. С. 63.
- ²⁴ Явный намек на Николая I.
- ²⁵ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. IV. С. 20–21.
- ²⁶ *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб, 2006.
- ²⁷ Со всей определенностью об этом сказано в его официальных донесениях: Черногорско-русские отношения 1711–1918. Кн. 1. № 27–28. С. 232, 234. – Однако и в путевых очерках, предназначенных для широкой публики, имеются соответствующие указания, например: «...черногорцы, как все азиатцы, ничему не удивляются или, лучше сказать, никогда не выказывают своего удивления: им все обычно» (*Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. IV. С. 127.).
- ²⁸ Живая старина. 1891. № 3. С. 34.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 93–93 об.
- ³⁰ Там же. Л. 47. – Об аресте Чижова см.: *Белов М. В.* Славянофил на допросе: ответы Ф. В. Чижова на вопросы III отделения // Родина. 2013. № 6.
- ³¹ *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. IV. С. 128–129.
- ³² Там же. С. 220.
- ³³ Встреча с Европой. С. 61.
- ³⁴ *Белов М. В.* «Славянский характер». С. 142–143.
- ³⁵ *Надеждин Н. И.* Черногорцы (из воспоминаний путешественника) // Утренняя заря. Альманах на 1842 год, изданный В. Владиславлевым. Четвертый год. СПб, 1842. С. 209–254.

К. В. Никифоров

Планы по объединению сербских земель и Петр II Петрович-Негош

В середине XIX в. существовали, как известно, два сербских государства, не имевших между собой сухопутной границы, – автономное Сербское княжество и фактически независимая Черногория. Сама ситуация не могла не породить всевозможных планов сближения и объединения, исходивших по большей части из более развитой и сильной Сербии.

Один из первых планов объединения сербских земель – «Начертание» – был составлен выдающимся сербским государственным деятелем Илией Гарашанином в Сербском княжестве в 1844 г. Он подразумевал прежде всего будущее объединение Сербии с Боснией, Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией¹. Причем при осуществлении своих национальных планов по объединению сербов Гарашанин прежде всего рассчитывал именно на Черногорию².

Через Черногорию и Северную Албанию Сербия предполагала получить выход к Адриатическому морю, без чего государства того времени не мыслили себе полноценного экономического и политического развития. Это позволило бы сербам освободиться также от торговой зависимости от Австрии. Для склонения черногорского владыки на свою сторону предполагалось, по примеру России, оказывать ему необходимую ежегодную денежную помощь, чтобы «за малую цену иметь дружеское расположение страны, которая может выставить не менее 10 тыс. воинов-горцев». Планировалось также послать в расположенный

на Адриатическом побережье город Улцинь торгового агента. Он должен был наладить в этом районе сербскую торговлю, что облегчило бы в дальнейшем получение княжеством выхода к морю³.

Связь с черногорцами пытался установить и агент польской эмиграции в Сербском княжестве Франьо Зах. Приехав в Сербию, он жаловался руководителю польской эмиграции Адаму Чарторыскому, что контакты с Черногорией чрезвычайно затруднены и что он не знает никого, кто бы переписывался с владыкой Петром II Петровичем-Негошем. Зах собирался сам поехать в Цетинье, но этому помешало известие о посещении Негошем Вены. Сербское правительство было недовольно этим визитом, опасаясь, что владыка мог попытаться заручиться поддержкой России, Австрии или представителя свергнутой династии Милоша Обреновича. Не сумевший посетить Черногорию, Зах предложил Гарашанину послать туда специального агента-наблюдателя. В письмах к Чарторыскому польский агент обвинял Гарашанина и временно исполнявшего обязанности министра иностранных дел Сербии Алексу Симича в недостаточной активности. Наконец в Цетинье был послан боснийский францисканец Стефан Веркович. Однако Зах был недоволен выбранной кандидатурой. Он считал, что православному митрополиту Негошу может не понравиться, что на переговоры с ним прибыл католик. По мнению Заха, Верковича было целесообразнее использовать в Северной Албании для связи с католиками-албанцами⁴.

Зах еще не знал, что с Негошем переписывался сам Гарашанин. Так, в 1845 г. Петр II «чистосердечно, по-сербски» благодарил Гарашанина за полученное от сербского князя

Александра Карагеоргиевича разрешение на переселение в Сербию нескольких бедных семей из Черногории⁵.

Вскоре в Сербии узнали, что поездка Петра II в Вену оказалась безрезультатной. Владыка предпринял поездку в связи с захватом албанскими мусульманами во главе со скадарским пашой двух черногорских островов на Скадарском озере. Для ответных действий он пытался приобрести в Вене огнестрельное оружие за счет российских пособий. Однако в российском посольстве ему было заявлено, что «Россия, находясь в приятных отношениях с Портой Оттоманской, не будет содействовать ему в военных предприятиях против подданных султана», но, если Негош «подчинится необходимости терпеливо ждать законного разрешения его домогательства», то царский посланник в Константинополе сделает турецкому правительству «представление о возвращении отнятых албанцами островов»⁶.

Используя удобный момент, Зах предложил сербам самим послать черногорцам необходимые для оружия деньги. С этой миссией в Цетинье был послан серб из Хорватии, бывший офицер австрийской армии Стеван Х(е)ркалович. Еще в 1837 г. он приехал в Белград с намерением основать военную школу и с 1843 г. был на службе у сербского правительства. Херкалович являлся сторонником иллиризма, поддерживая постоянную переписку с лидером этого движения Людевитом Гаем. В Цетинье этого сербского посланника ожидал радушный прием. Негош сообщил ему, что Обреновичи плетут интриги против княжества, что князь Михаил хотел даже приехать в Черногорию, но не получил от него разрешения. Херкалович передал владыке первую денежную помощь от сербского правительства в размере 1000 дукатов⁷.

По-видимому, именно в это время Петр II Петрович начал склоняться к совместной деятельности с Сербским княжеством. Сербское правительство в этом плане поддерживали и польские эмигранты, также старавшиеся влиять на владыку. Так, еще в 1843 г. Чарторьский послал в Цетинье своего агента Станислава Станиславчика. Они активно воздействовали на Негоша и во время его посещения Вены.

Вместе с тем антирусская направленность польских советов не могла получить полной поддержки в русофильской Черногории. Специальный представитель Людевита Гая в Сербском княжестве Степан Цар, рассказывая Заху о своем посещении Цетинье, подчеркивал неизменные горячие симпатии черногорцев к России и в качестве одного из главных сторонников прорусской ориентации в этой стране называл секретаря Негоша Димитрие Милаковича. Вообще, по словам Цара, черногорцы всех приезжавших к ним славян считали русскими, а его самого из-за бороды принимали за казака. О Милаковиче хорошо отзывался и наставник племянников Негоша И. Джакович, приехавший в Белград в апреле 1845 г. и познакомившийся там с одним из главных сподвижников Гарашанина Матией Баном⁸.

О более подробных планах получения Сербией выхода к Адриатическому морю позволяет судить публикация, появившаяся в апреле 1847 г. в официальной газете княжества «Србске новине». Авторство этой статьи, которая называлась «Несколько слов о нашей морской торговле и пути к морю», приписывается Александру Васоевичу. Он был сыном известного авантюриста Николы Васоевича, пытавшегося еще в 1841 г. при содействии польской эмиграции основать на территории между Сербией и Черногорией независимое государство «Холмию». В упомянутой статье

указывалось, что только те страны в состоянии вести большую торговлю, которые имеют выход к морю. Необходимый для Сербии выход к Адриатике задумывался Александром Васоевичем по территории княжества от Белграда через Крагуевац до Рашки, а далее по граничившим с Черногорией турецким владениям до Скадара и Улциня. До Рашки дорогу должно было прокладывать сербское правительство, а далее – Порты, «которая дороги во всем своем государстве в лучшее состояние привести желает»⁹.

В начале революции 1848 г. в Австрии И. Гарашанин продолжал придерживаться исходной точки зрения – решение сербского вопроса первоначально должно было ограничиваться турецкими пределами. По-прежнему главный упор делался на попытке добиться от Порты «добровольных» уступок. В этом направлении предпринимались и конкретные действия, предвиденные еще в «Начертании». С этой целью в различные районы посылались сербские эмиссары.

Наиболее насыщенную и плодотворную агитационную поездку совершил М. Бан. Он посетил Воеводину, Хорватию, Далмацию и Черногорию. В Цетинье у него состоялся большой разговор с Петром II Петровичем-Негошем. Владыка Черногории безоговорочно согласился на общесербское сотрудничество. Он обещал выставить до 8 тыс. воинов, но просил пороха, олова и провианта. Иначе, по его словам, из-за слабой дисциплины в армии черногорцы, перейдя границу, могут начать грабить не только турецкие, но и христианские села. Владыка высказывал недовольство тем, что его раньше не посвящали в планы Сербии («был готов уже самостоятельно двинуться к Белграду»), и полагал, что прежде всего нужно объединить всех сербов. В этом новом государстве он рассчитывал стать сербским

патриархом. Владыка передал М. Бану письмо Александру Карагеоргиевичу, в котором пылко призывал сербского князя не опозорить имя своего отца перед «сербским родом» и исполнить свое высокое предназначение.

Вообще Негош во время событий в Воеводине горел желанием оказать помощь австрийским сербам. Он не препятствовал тому, чтобы черногорцы поодиночке и разрозненными группами перебирались в Сербию и оттуда в Воеводину. Сам владыка писал воеводинским сербам, что, «если бы нас с севера не разделяла Босния и Герцеговина, а с запада – Далмация, мы бы вам давно на помощь пришли». За успехи в войне с венграми Негош наградил С. Петровича-Кничанина, М. Петровича-Блазнаваца и Дж. Стратимировича медалями Милоша Обилича. Позже, когда на территорию Венгрии вступили русские войска, владыка обратился в Петербург с просьбой позволить ему с пятитысячным отрядом присоединиться к ним. «Вполне оценив ревностную готовность черногорцев», правительство Николая I от такого предложения отказалось, заявив, «что никакое вспомогательное войско не иначе могло бы вступить в пределы Австрии, как по призыву законного правительства»¹⁰.

В годы революции в целом потерпел крах принцип туркофильской политики, которую поддерживали Франция и польские эмигранты – приверженцы Чарторьского¹¹. В связи с разочарованием в прежних методах объединительной политики, используя уже почти пятилетний опыт предыдущей деятельности, Й. Маринович, Т. Ковачевич и М. Бан приступили к созданию нового детального объединительного плана. Бан писал Петру II Негошу, что они

сообща составляют план, который, когда он будет готов, пришлют и в Черногорию¹².

Уже в марте 1849 г. новый тайный план, получивший название «Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях», был написан и передан И. Гарашанину. Целью политической пропаганды провозглашалась подготовка и организация «всеобщего и одновременного восстания» против турок. Она должна была вестись из двух центров (белградского и дубровницкого) и в следующих областях: Боснии, Герцеговине, Черногории, Южной Сербии, Новипазарском санджаке, горной Албании (где жили албанские католики-мирдиты), юго-западной Болгарии, Далмации и районах Хорватско-Славонской Военной границы. Подчеркивалось, что все эти области составляют для пропаганды «одно неделимое пространство», где, кроме небольшой горстки албанцев, цинцар и греков, живут исключительно сербские «единоплеменники». Вся территория пропаганды делилась на два «предела» – южный и северный. В южный – входили Далмация, Герцеговина, Черногория и горная Албания. Пропагандистскую работу в южном пределе возглавил уже имевший подобный опыт М. Бан. Он должен был вести работу из своего родного Дубровника. В этом пределе по плану следовало иметь пять агентств: три – вдоль Адриатического побережья (в Которе, Дубровнике и Сплите), четвертое на стыке далматинско-хорватско-турецкой границы и пятое в Северной Албании¹³.

Бан вместе с приданным ему в помощь в качестве курьера С. Верковичем приехал в Дубровник в июне 1849 г. Прежде всего они должны были привлечь к совместной деятельности в тайной организации черногорского владыку

Петра II Петровича-Негоша. Вследствие этого Бан из Дубровника сразу же выехал в Цетинье, где передал владыке две тысячи дукатов и сообщил об ожидаемом приезде в Черногорию вождя албанских мирдитов. Переговоры между Баном и Негошем длились три дня, после чего черногорский владыка вновь согласился на сотрудничество с Сербией, а также передал письмо князю Александру, в котором благодарил за финансовую помощь и поддержку «наших братьев в Воеводине»¹⁴.

В Северной Албании агентом организации по ведению политической пропаганды был назначен католический священник Гаспар Красничи, приезжавший для встречи с Гарашанином в Белград летом 1849 г. Вернувшись домой, Красничи направил сербскому министру обширное письмо, в котором писал, что горный край, где живут мирдиты, «был бы непобедим по своему положению, если бы только природа снабдила его достаточным количеством продовольствия». Мирдиты, подчеркивал Красничи, храбрый и воинственный народ, у них есть и оружие, но из-за крайней нищеты нет возможности купить порох и кремни¹⁵.

Красничи объехал все североалбанские земли и, оставив за себя в качестве представителя тайной организации священника из города Каливоре, прибыл в Скадар. Там пропагандистской деятельностью занимался Йован Милич. Другой агент – скадарский купец Георгие Бошкович – из-за подозрений турецких властей был вынужден перебраться в Котор. В Скадаре Красничи подключил к пропагандистской деятельности также главу католиков этого города – Домазена. Для себя и Домазена он просил у сербского правительства денег на нужды «общего дела».

Однако именно из-за этих денег Красничи повздорил с руководителем пропаганды в южном пределе М. Баном. Чтобы в будущем избежать подобных конфликтов последний предложил Гарашанину поддерживать связь с албанскими представителями не через него, а через Негоша. Но, кроме черногорского владыки, связь с албанскими католиками осуществлялась и через входивший в северный предел пропаганды Новипазарский санджак (Старую Сербию)¹⁶.

Осенью 1849 г. Бан докладывал Гарашанину о созданных им в южном пределе агентствах. В Дубровнике агентом стал местный протоиерей Джордже Николаевич, а на далматинско-хорватско-турецкой границе – некто Калинич. В декабре Бан сообщил, что 11 человек из Герцеговины и 5 из входившей в северный предел Боснии вступили в тайную организацию и дали клятву на верность. Чуть позже подобную клятву дали еще 3 человека из Герцеговины и 18 из Боснии. Таким образом, заключал Бан, вся сеть агентств установлена. Тогда же он сообщил о заключении союза между черногорцами и мирдитами и о том, что он через Верковича передал Негошу три тысячи дукатов (из которых одна тысяча была предназначена для Красничи)¹⁷.

В Герцеговине продолжались попытки привлечь на сторону Сербского княжества мусульманскую знать, сепаратистски настроенную по отношению к центральному турецкому правительству. Негош сообщал в Белград, что у него есть договоренность с герцеговинским «везиром» Стойчевичем, имевшим под началом 30 тыс. вооруженных людей. «Добавьте моих как минимум 15 тысяч и 5 тысяч из Далмации, – писал черногорский владыка, – и мы самое меньшее располагаем 50 тысячами»¹⁸.

Когда задачи первого года ведения политической пропаганды были уже фактически выполнены, руководитель южного предела М. Бан в марте 1850 г. был неожиданно отозван в Белград. Его деятельность вызвала подозрения австрийских властей. Пытаясь защититься от обвинений, Бан хотел даже принять австрийское подданство, но Гарашанин посчитал лучшим вариантом его отзыв из Дубровника. Более того, Бану было приказано распустить все созданные им агентства и всех завербованных в тайную организацию людей, а Негошу посоветовать ждать более подходящего момента. Этот приказ Гарашанин мотивировал тем, что великие державы «решили мир утвердить и сохранить» и не поднимать в этот момент Восточный вопрос. Бан довел до сведения Петра II и своих агентов гарашаниновское решение, но, уезжая в Белград, под свою ответственность оставил все же продолжать работать семь своих человек. Он объяснил Гарашанину, что неразумно сразу рвать «все нити», ибо никто не знает, что может ближайшее будущее принести. Бан просил также отправить его обратно в Далмацию, чтобы с помощью типографии Негоша «распространять там народные книги и развивать народное сознание». Однако Гарашанин его не отпустил, и вскоре Бан стал преподавателем французского языка в Белградском лицее¹⁹.

В то же время переписка между Гарашанином и Негошем продолжалась. Черногорский владыка, в частности, благодарил за принятие на обучение в Сербии и за счет сербского правительства его племянника Стевана Перовича. Считая Гарашанина своим искренним и настоящим другом, владыка жаловался ему на суровые условия, в которых ему приходится жить, на слабое здоровье и боязнь смерти. Он

писал о том, что, конечно, всякий человек смертен, но было бы жалко умереть, не увидев каких-либо достижений всего сербского народа и не утвердив внутреннего управления в Черногории, чтобы предотвратить возврат тех несчастий, которые существовали до его прихода к власти. В этом случае, по его мнению, остался бы «в вечной беде этот народ, немногочисленный, необразованный, но воинственный и сильный духом и сердцем»²⁰.

Петр II клялся в своей лояльности сербскому князю («имя Карагеоргия – вторая завещанная нам святыня после Душана»), уверял, что и помыслить не может действовать против общих сербских целей. Он очень хотел встретиться с Гарашанином, чтобы поговорить с ним о многих вещах. Но такой встрече не суждено было случиться²¹.

О затухании объединительной деятельности, по крайней мере, в южном пределе говорит и тот факт, что в августе 1851 г. М. Бан вновь приезжал в Цетинье к уже неизлечимо больному Негошу с повторным заданием Гарашанина распустить все оставшиеся пропагандистские агентства²².

После смерти Негоша в октябре 1851 г. главой Черногории стал его племянник Данило. Через год с согласия России он провозгласил себя князем. Черногория стала оказывать помощь восставшему против турок сербскому населению Герцеговины. Всегда относившаяся к черногорцам с недоверием Порты послала на их усмирение Омер-пашу. Однако не успел он еще двинуть свои войска, как черногорцы захватили турецкую крепость Жабляк, расположенную на берегу Скадарского озера. Началась черногорско-турецкая война. Силы в ней, конечно, были не равны. От разгрома маленькую Черногорию спасло вмешательство России, которую поддержала Австрия. (В то же время Франция

и Англия выступали на стороне Османской империи.) В конечном итоге Турция была вынуждена уступить, приказав Омер-паше прекратить военные действия²³.

После этого быстро исчезла и общность интересов, которую продемонстрировали в черногорско-турецкой войне Петербург и Вена. Габсбургская монархия больше не нуждалась в союзе с Россией, из-за которой у нее усугубились противоречия на Балканах²⁴.

Сербское же княжество вновь, как и во время крестьянских волнений в Болгарии и Боснии, не поддержало ни сербов Герцеговины, ни помогавших им черногорцев. Князь Данило был разочарован такой позицией, за которую, по его мнению, отвечали И. Гарашанин и его заместитель Й. Маринович. На ухудшение сербско-черногорских отношений повлияло и то, что Александр Карагеоргиевич отказался выдать за черногорского князя замуж одну из своих дочерей. Это было сделано под давлением Турции и Франции (вероятно, и Австрии), которые опасались, что династический брак приведет к прочному союзу, а в перспективе и к возможному объединению двух сербских государств. Отношения между уставобранительским режимом в Сербии и Черногорией были окончательно испорчены. В начале 1853 г. в Вене Данило заключил союз со злейшими врагами сербских уставобранителей – Милошем и Михаилом Обреновичами²⁵.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в. (Начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995.
- ² *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005. С. 336.
- ³ *Страњаковић Д.* Како је постало Гарашаниново «Начертаније» // Споменик Српске краљевске академије. 1939. Књ. 91. С. 66; *он же.* Југословенски национални и државни програм Кнежевине Србије из 1844 године. Сремски Карловци, 1931. С. 27–29.
- ⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња (1830–1851). Београд, 1957. С. 74–76.
- ⁵ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 337.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Отчеты МИД за 1843 г. Д. 13. Л. 232–233 об.
- ⁷ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 76–77; *она же.* О Стевану Хркаловићу // Историјски часопис. 1970. Књ. XVI–XVIII. С. 109–112.
- ⁸ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 76, 78–81.
- ⁹ Там же. С. 28–29, 38–40, 43–45, 81–83.
- ¹⁰ Там же. С. 105; АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1849. Л. 242–243.
- ¹¹ *Дамянов С.* Френско-руските противоречия на Балканите и дейността на полската емиграция (1830–1848) // Исторически преглед. 1974. Кн. 1. С. 64.
- ¹² *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 98.
- ¹³ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда Србије у јужнословенским покрајинама 1844–1858 године. Београд, 1936. С. 10–11.
- ¹⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 101–103.
- ¹⁵ *Страњаковић Д.* Албанија и Србија у XIX веку // Српски књижевни гласник. 1937. Књ. 52. Бр. 8. С. 629–630.
- ¹⁶ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда Србије ... С. 23–24; *Стојанчевић В.* Политика Србије према Албанији у 19. веку. Прилог познавању српско-арбанашких веза пријатељства у периоду од 1844 до 1875 године // Зборник Матице српске за друштвене науке. 1968. № 49. С. 10–11.

- ¹⁷ *Страњаковић Д.* Политичка пропаганда Србије ... С. 25; *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 112.
- ¹⁸ *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 112.
- ¹⁹ Там же. С. 109–112.
- ²⁰ *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. С. 337.
- ²¹ Там же.
- ²² *Дурковић-Јакишић Љ.* Србијанска-црногорска сарадња. С. 116–117.
- ²³ *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110–115; *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX в. М., 1979. С. 83–105.
- ²⁴ См.: *Хитрова Н. И.* Позиция России и Австрии в связи с черногорско-турецкой войной 1852–1853 гг. // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972. С. 187.
- ²⁵ *Страњаковић Д.* Влада уставобранитеља 1842–1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932. С. 301–304.

В. Б. Хлебникова

Петр Негош как политик и человек в трудах П. А. Ровинского

Заслуги Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916) в деле изучения Черногории хорошо известны. Постепенно они становятся достоянием не только ученых, но и более широкого круга людей, проявляющих интерес к истории и культуре южных славян. Об этом свидетельствует появившийся в Интернете сайт, посвященный творческому наследию слависта. Ясно, что прожив в Черногории более 20 лет, пройдя ее всю, вдоль и поперек, и узнав этот народ лучше, чем кто бы то ни было, П. А. Ровинский не мог обойти своим вниманием личность поэта, философа, политика, борца за свободу славян Петра II Негоша. Тем более, что фигура Негоша во второй половине XIX в. интересовала многих исследователей; регулярно появлялись книги, где делались попытки создать достоверный портрет выдающегося черногорца.

П. А. Ровинский взялся за эту тему сразу после выхода в свет книги П. А. Лаврова «Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность» (М., 1887), которую он оценил исключительно высоко. Многократно подчеркивая научный успех Лаврова, Ровинский все же считал, что далеко не все стороны жизни и деятельности владыки Раде нашли полное освещение и правильную оценку в монографии; что исторические источники, за которыми следовал Лавров, иногда были односторонними; что многие поступки и решения Негоша выглядят иначе в контексте общевосточных и черногорских дел первой половины XIX в. Ровинский не хотел полемизировать или что-то исправлять, он даже не стремился во что бы то ни стало

дополнять то, что, по его мнению, можно было бы описать по-другому, хотя от дополнений, исправлений и возражений он, конечно, не удержался. Замысел Ровинского был в том, чтобы представить Негоша не просто политиком или литератором. Исследователь хотел показать масштаб этой выдающейся личности, разгадать загадку его трагической судьбы, передать российским читателям харизму владыки, под обаяние которого попадали даже его заклятые враги. Если труд Лаврова – это образец кропотливого позитивистского исследования, пример скрупулезного изучения и научной критики источников, то книга Ровинского «Петр II (Раде) Негош, владыка черногорский. 1830–1851» (СПб, 1889) стала своего рода панегириком славянскому поэту, не уступив в то же время в научности монографии Лаврова.

П. А. Ровинский не только не скрывал своей пристрастности и увлеченности Негошем, но и акцентировал на этом внимание читателей, убеждая их, что деятельность Петра II никого не может оставить равнодушным. Почему П. А. Ровинский решился на столь смелый в академической среде шаг? Почему он так безусловно оправдывал все поступки и замыслы Негоша? Почему позволил себе, будучи зрелым и успешным исследователем, так восторженно писать о человеке, который заслужил разные, противоречивые и даже негативные оценки современников? Попробуем найти ответы на эти вопросы.

Во-первых, славист считал очень важными для понимания всего, что делал Негош, те особые обстоятельства, при которых обычный юноша вдруг стал митрополитом. Очень почитаемый черногорцами владыка Петр I Негош (1784–1830) перед смертью назначил своим преемником родственника Радивоя (Раде) Томова Петровича потому, что от монашеского сана отказался другой кандидат на место митрополита. По мнению П. А. Ровинского, сам Петр I Негош

не видел в племяннике задатков для церковной деятельности. Он готовил мальчика к светской жизни, сделав его учеником известного тогда писателя и общественного деятеля С. Милутиновича. Раде был веселым подростком, писал дяде остроумные письма и рано проявил повышенный интерес к литературе. К тому же внешность юноши была совсем не монашеской: высокий рост, удивительной красоты лицо, статность привлекали к нему внимание окружающих, но мало в ком такая привлекательность вызывала благочестивые мысли. П. А. Ровинский высказался прямо – Раде был слишком красив, чтобы быть монахом. Узнав о завещании дяди и о том, что народное собрание готово выполнить волю покойного митрополита, молодой человек разрыдался и спрятался; когда же его нашли и «буквально вытолкнули к народу»¹, он не знал, что делать, племенные старейшины подсказывали, как именно нужно благославлять паству. Так поэт Негош оказался пленником своей судьбы. П. А. Ровинский считал, что всю недолгую жизнь Петр II отказывался вести торжественные церковные службы потому, что не очень хорошо знал их распорядок: «Сделавшись монахом поневоле, он никогда не мог примириться с этим саном и потому всегда и во всех случаях избегал монашеской рясы и священнодействия в церкви» (78). Честность с самим собой, ясное понимание, что он не церковный человек, а вовсе не лень и пренебрежение церковными уставами, как писали недоброжелатели владыки, заставляли его вести скорее светский, чем монашеский образ жизни.

Во-вторых, по мнению П. А. Ровинского, на протяжении всей жизни Негоша угнетала тяжелая ответственность за черногорцев, она была непосильной ношей для любого правителя в те времена. Страна была замкнута со всех сторон владениями турецкого и австрийского императоров, не располагала ни развитым хозяйством, ни ресурсами, вела

непрерывную войну с соседями албанцами и постоянно голодала. Жизнь и смерть подданных оказались в руках человека, мечтавшего о поэзии и философии. Петр II надрывался, неся это бремя ответственности и мучительно отыскивая хоть какие-то возможности накормить свой народ. Враги владыки распускали слухи о его скупости, о том, что он утаивал суммы, присланные из России, ставили ему в вину введение небольшого, но тяжелого для бедняков налога. Когда же Негош умер и огласили его завещание, то выяснилось, что невероятными усилиями он смог собрать и поместить в банк небольшой капитал, проценты с которого должны были поддержать народ в голодное время. Кроме того, как философ и политик, полный чувства собственного достоинства, Петр тяготился необходимостью просить помощь за границей, даже если это была помощь из России. Вводя налог и копя деньги, он стремился сделать свою страну хоть немного самостоятельнее. Уважение к черногорскому народу и самоуважение, особую щепетильность Негоша П. А. Ровинский видел и в том, что владыка никогда не опускался до популярничания (или как сегодня говорят – популизма): «...не искал себе популярности дарами и какими бы то ни было подачками главарям, ни задабриванием и угощениями массы...» (94). Именно этим стремлением к самостоятельности, к общественному прогрессу, к повышению жизнеспособности Черногории были продиктованы мероприятия, призванные укрепить центральную власть вообще и личную власть владык. Петр II продолжил начинания Петра I, цель которых состояла в создании прообраза государственных учреждений. Роли Негоша в дальнейшем политическом развитии черногорского общества Ровинский отвел особое место в своей книге. Славист много раз подчеркнул преемственность политического курса митрополитов, нацеленность этого курса на светские задачи, на то,

чтобы родилось черногорское государство. Поэтому все, что было сделано Петром II на политическом поприще: упразднение должности губернатора, пытавшегося теснить владык, пресечение племенных конфликтов и суровое наказание зачинщиков беспорядков, казни политических противников, введение особой должности казначея, попытка создать народную школу и многое другое, – ученый одобрял и приветствовал.

Столь же высоко оценил П. А. Ровинский и внешнеполитическую деятельность митрополита. Славист слишком хорошо знал реалии балканской политической жизни. Черногорцы убивали врагов и отрезали им головы, отбивали у соседей скот и мстили за гибель близких. Они не давали спуска ни одной враждебной акции турецкой администрации, не оставляли без ответа ни одной вылазки албанцев. Часто давали повод праздным путешественникам из Европы распускать слухи о своей жесткости и склонности к насилию. Но только так, по мнению ученого, черногорский народ мог выжить во враждебном окружении. Великие европейские державы, в том числе и Россия, уже научились заключать компромиссы в трудных вопросах, приспособились разграничивать сферы интересов, договорились о поддержании спокойствия на Балканах. От своих союзников, больших и малых, великие державы ждали послушности и предсказуемости. В таком направлении в течение многих лет старался корректировать дипломатические акции Негоша российский консул в Дубровнике Й. Гагич, курировавший черногорские дела. Но путь компромиссов и уступок был закрыт для Черногории в XIX в., ей нечего было уступать, и никто из соседей не считал нужным пойти ей навстречу. Единственная уступка, на которую согласился владыка, это передача Австрии монастыря Маине и его окрестностей. Многие соотечественники сурово порицали

митрополита за это, не зная, какое серьезное давление оказал на Петра II российский посланник Й. Гагич. П. А. Ровинский, сравнивая масштаб личности двух политиков, ярко описал, как мелок, трусоват и непоследователен в своих донесениях в Петербург был представитель великой державы. И как отважен до самопожертвования, дерзок и смел был владыка Негош, руководивший крохотным народом. Не приветствуя пустой бравады и излишней воинственности, наказывая своих подданных за нарушение мира на границах, Петр II настойчиво давал понять турецким чиновникам и военачальникам, что от них он ждет того же. Он не позволял запугивать себя демонстрацией силы или неожиданными провокациями, добиваясь военными и дипломатическими средствами признания интересов Черногории. Так случилось после военных стычек и долгих письменных препирательств по поводу местечка Грахово. Успех владыки, как полагал П. А. Ровинский, был очевидным, потому что итогом трудной борьбы стало письменное соглашение 1838 г. «между независимыми областями – Черногорией, с одной стороны, и пашалуками Боснийским и Герцеговинским – с другой», о разграничении спорных угодий в этой местности. «Это был первый публичный акт, – писал славист, – которым со стороны Турции Черногория признавалась независимой областью» (102). Особой заслугой митрополита П. А. Ровинский называл умение заставлять соседей уважать себя и искать мира с Черногорией, не обладая «ни десятой долей тех материальных средств», какими располагали неприятели (122). Важно и то, что Петр II не был «узким патриотом и служил всю свою жизнь не только черногорскому народу, но и целому Сербству, освобождение и объединение которого составляло его заветную мечту» (97). Таким образом, ученый обозначает место владыки в политической истории всего южного славянства, настаивая на

том, что нельзя ограничивать его деятельность только географическими рамками Черногории.

Особое место в монографии П. А. Ровинского заняла тема литературного наследия черногорского поэта. Филологический аспект нужен был слависту не для того, чтобы оценить талант Негоша, но для того, чтобы лучше понять его как человека, как мыслителя, решающего мучительные проблемы бытия, ищущего ответ на вопрос, почему на долю отдельных людей и даже целых народов выпадают невыносимые тяжкие испытания. В поэзии Негоша исследователь обнаружил две характерные черты, которые, казалось бы, мало сочетаются. Это ощущение полного одиночества и бесприютности, с одной стороны, и с другой – непоколебимая оптимистическая вера в то, что мир, сотворенный Богом, прекрасен и гармоничен. Свое одиночество правитель Черногории нес как тяжелую ношу всю жизнь. В юности это чувство было настолько сильным, что он готов был оставить родину и отправиться в дальние края: «Знаете ли вы, что я много раз думал бросить все и отправиться в Америку...» – сказал он однажды (75). В зрелом возрасте митрополит не мог себе позволить такой слабости, но не избавился от беспокойства и нигде не испытывал умиротворения: «Домашний кров представляет собой единое убежище от расшвырянутой и дикой бури. Я сужу так по себе, потому что меня всегда преследует противный ветер, а прибежища для меня, можно сказать, и нет до могилы», – писал Негош в ноябре 1847 г. (150). В «Горном венце» («верх поэтической славы владыки», по словам П. А. Ровинского) образ Даниила, призвавшего истребить потурченцев в рождественский вечер, – это, в сущности, образ Петра II. Славист напоминает читателям монолог Даниила, подчеркивая, что эти слова отразили мироощущение самого поэта: «А что я могу сделать? И с кем? Мало рук – малая и сила: соломинка,

брошенная в вихорь, сирота горемычный, у которого нигде нет никого. Мертвым сном спит мое племя; слезам моим нет родителей; для меня затворено небо, не принимает оно от меня ни плача, ни молитвы» (160). П. А. Ровинский отметил сходство вымышленных слов с содержанием одного из писем Негоша, в котором владыка назвал себя великомучеником, а свое несчастное отечество «голой сиротой». Такое неизменное страдание, сиротство, печаль не просто окрасили трагизмом литературные произведения, они, несомненно, сократили жизнь поэта.

Однако Негош – настоящий оптимист, не потерявший веры в Бога и в справедливость, несмотря на свою горькую судьбу. Поэму «Лучи микрокосма» завершает обращение к Творцу, которое, по словам исследователя, стало «целым гимном к мудрости и свету солнца»: «Сладка чистая святая вода из Твоего бессмертного источника! От Твоего светлого взгляда исчезает в страхе мрак, от Твоего священного шествия рушатся богохульные алтари; Ты поразил смерть воскресением; небо оглашается похвалою Тебе, земля прославляет своего Спасителя!» (157). П. А. Ровинский убежден, что черногорский правитель нашел правильные ответы на все трагические вопросы, что тяжелые испытания не заставили усомниться, но, напротив, укрепили веру в осмысленность истории. Итогом философских размышлений и поэтических трудов Петра Негоша стала непоколебимая убежденность, что «душа человеческая бессмертна и представляет отражение светлого ума Бога». И также твердо владыка, по мнению исследователя, верил в человеческий разум: «Рядом с бессмертием души человека, поэт выше всего ставит его мысль, ум и просвещение» (157). Возможно, поэтому творчество черногорского монаха не оставляет равнодушным и современного читателя, живущего в таком странном секулярном постмодернистском мире, где

отрицаются очевидные вещи, а библейские пороки объявлены добродетелями.

П. А. Ровинский высоко ценил литературное наследие Петра Негоша еще и за народность, которую считал «главным достоинством», позволившим достичь уровня «высшей художественности». Народность отразилась не только в том, что «Горный венец», например, полон народных преданий и песен, обрядов и традиций, пословиц, примет, что там есть живой язык, доступный любому и в то же время удивительно богатый и образный. Народность произведений Негоша в том, что они несут мощный просветительский заряд, что они пробуждают интерес к чтению и литературе вообще. «Народность эта дает себя знать особенно из того, что в Черногории цитируют его многие, совершенно безграмотные, иногда даже не знающие, что это сочинение владыки; и наоборот: в «Горском венце» вы встречаете массу изречений, о которых никто не может сказать, взяты ли они владыкой у народа, или народ усвоил их от владыки и употребляет как народные пословицы», – отметил российский славист (159). Такое слияние души народа и души писателя составляет суть поэтического гения.

Наконец, еще одна тема, поднятая П. А. Ровинским в книге о Негоше. Это тема безграничного обаяния, харизмы, не только внешней, но и внутренней красоты, которыми был наделен Петр II. Внешний облик митрополита был слишком привлекателен, красота его носила, можно сказать, греховный характер и порождала у современников самые нескромные подозрения, когда они читали лирические стихи поэта. Обвинения в нецеломудренности митрополита высказывались и до, и после его смерти; они заставили П. А. Ровинского собрать немало свидетельств тех, кто знал владыку, чтобы опровергнуть подобного рода домыслы. Исследователь подчеркивал, что все, кто лично встречался

с Негошем, неизменно подпадали под его обаяние, а это не объяснить только привлекательной внешностью. Как будто сговорившись, современники рисовали почти одинаковый портрет: «Личность владыки, в какую бы среду ни была поставлена она, в каком бы обществе ни находилась, везде была бы замечена, всегда оставила бы по себе след... Прекрасной наружности, роста очень высокого даже между черногорцами, с выражением умным, глазами более задумчивыми, чем блестящими, он имел манеры чрезвычайно приятные; ничего нервного, резкого, угловатого в обращении. Владыка привязывал к себе с первого знакомства; но кто знал его ближе, тот не мог не привязаться к нему всей душой», – процитировал П. А. Ровинский воспоминания Е. П. Ковалевского (203) и привел еще немало подобных описаний, вышедших из-под пера итальянцев, англичан, немцев. «Владыка своим образованием, манерами и разговором способен был очаровывать людей, так что мог повести их за собой, куда хотел», – утверждал серб М. Медакович (205–206). Можно, конечно, предположить, что такое завораживающее впечатление на иностранцев Негош производил своей образованностью и талантом. Но такое же очарование испытали и те, кто не был слишком образован, кто был из вражеского стана, жители сопредельных турецких областей и османские чиновники, имевшие по службе дело с Петром II. В своей книге П. А. Ровинский часто упоминает о том, с каким невольным почтением относились к правителю Черногории даже его противники. Доказательством необычной харизмы Негоша стал случай, описанный А. Н. Поповым. Митрополит путешествовал из Дубровника в Котор на пароходе, и все пассажиры начинали вести себя очень чинно, как только замечали его. Австрийцы, по словам А. Н. Попова, искали повод заговорить, албанцы же бесхитростно обратились к русскому путешественнику

с просьбой: «Попроси господаря, чтобы он позволил нам поцеловать его руку». Попов выразил удивление, потому что албанцы были католиками и «врагами» православного епископа. Они ответили: «Мы соседи и уважаем его... Он юнак и добрый человек» (197).

Эти многочисленные свидетельства дали П. А. Ровинскому основание не верить в обвинения, выдвигаемые противниками Петра II, и оставить за собой право считать черногорского правителя личностью выдающейся, цельной и прекрасной во всех отношениях. Само собою разумеется, что мы не обязаны принимать целиком точку зрения исследователя. Мы можем предпочесть менее восторженную и более критическую позицию П. А. Лаврова. Однако то искреннее восхищение, которое выразил П. А. Ровинский, проливает свет не только на личность Петра II. Многие можно сказать и о самом авторе «Черногории в ее прошлом и настоящем» (СПб, в 3-х т., 1888–1915). Проживший долгую, трудную, очень содержательную жизнь, прошедший через увлечение революцией, много путешествовавший по свету, побывавший на войне и видевший гибель людей, страдавший от безденежья и знавший голод не в переносном, а буквальном смысле, П. А. Ровинский остался удивительно чистым и привлекательным человеком. Как много сходства обнаружит внимательный взгляд, когда сравнит портрет русского слависта, оставленный современниками, с тем, что Ровинский писал о Негоше. Он как будто вложил в образ поэта все, во что верил и что ценил. Подлинный демократизм и стремление в меру своих сил помочь, настоящий, а не показной гуманизм, доказанный трудной и продолжительной общественной деятельностью, умение отказаться от материальных благ во имя науки – все это с полным основанием можно сказать о П. А. Ровинском. Поэтому его романтические представления о черногорской истории

и о деятелях того времени не вызывают отторжения у современных исследователей, прекрасно понимающих, в чем славист ошибался. П. А. Ровинский стал таким же подвижником российской науки, каким был его герой, Негош, в деле борьбы за свободу славян.

Примечания

- ¹ *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Негош, владыка черногорский. 1830–1851. СПб, 1889. С. 22. – Далее цитаты даются по этому изданию, страницы указываются в тексте.

Н. Г. Струнина

Никола Петрович-Негош как преемник Петра II Петровича-Негоша

При митрополите Петре II Петровиче-Негоше (1830–1851) Черногория еще не представляла из себя государственной единицы, а «продолжала оставаться союзом племен, управлявшихся во внутренних делах отдельными главарями и скупщинами, в делах же общенародных признававших над собою духовного владыку, митрополита, в котором <...> воплощались высшие функции религиозной или церковной и народной или политической жизни»¹.

Со смертью Негоша и принятием в 1851 г. его преемником, князем Данилом (1851–1860) титула светского правителя Черногории черногорцам пришлось распрощаться с той безграничной свободой, которую они имели до того. Подчинение князю и законам княжества обязывало его подданных не воровать, трудиться, получать образование, нести воинскую повинность в армии, которую было необходимо модернизировать по европейскому образцу. Еще больше это проявилось в правление Николая Петровича-Негоша (1860–1918), который в 1910 г. провозгласил Черногорию королевством, а себя – ее королем.

Никола следовал заветам Петра II Негоша. Как и Негош, он желал для своей страны лучшего: открывал в стране школы, повышая уровень образованности народа; возводил храмы и монастыри, поддерживая традиционную любовь к православию у черногорцев; строил фабрики, сотрудничая с итальянцами и австрийцами; реформировал армию, повышая обороноспособность страны; открывал почтовые отделения, телеграфы и даже театр. Всё это он старался

воплощать в жизнь с помощью России, с которой поддерживал традиционно дружественные отношения.

Именно на время правления Николы приходится апогей развития русско-черногорских отношений, которые по сути своей были уникальны.

Подобно всем черногорским владыкам, Никола также ездил в Россию с визитами, прося у русского императора одобрения своим действиям и оказания финансовой помощи. Однако именно Никола вывел русско-черногорские отношения на новый уровень – они велись не только на уровне политических деятелей, военных агентов, атташе, послов, министров иностранных дел и прочих чиновников, но и напрямую, на уровне самих глав государств. Никола Петрович–Негош находился в тесном контакте с двумя последними русскими императорами, вел с ними переписку и довольно часто ездил в Россию с визитами.

Подобно Петру II, Никола воспевал Черногорию и боевую славу и героизм черногорского народа в своих литературных произведениях, за что его называли вторым Негошем (наиболее известные произведения черногорского короля: эпическая поэма «Песник и вила», трагедия «Вукашин», драма «Балканская царица»).

Примечания

¹ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3: Государственная жизнь 1851–1907. Пг., 1915. С. I.

Сузана Раич

Сербско-черногорские отношения после Негоша – необходимость и препятствия

Сербско-черногорские отношения на протяжении всего XIX в. и в начале XX в. были отмечены борьбой сербского народа за освобождение и объединение. Это два наиболее важных вопроса в рассматриваемых отношениях. После 1852 г. к этим вопросам прибавился еще и третий – династический. Первые два вопроса породили многочисленные идеи о будущем сербском государстве, что подразумевало объединение земель вокруг Сербии или Черногории, но также и вокруг объединенных Сербии и Черногории. Отношения между двумя ветвями сербского народа были обусловлены и тем, кто, когда и при каких обстоятельствах будет осуществлять это «великое дело».

После смерти Негоша в 1851 г. стало возможным объединение Сербии и Черногории в единое государство, где бы дом Петрович-Негош играл роль духовной власти, а династии Обреновичей и Карагеоргиевичей представляли бы светскую сферу влияния.

Однако после осуществления преемником Негоша, князем Данило стремления к светскому государству, такая возможность отпала, и появилось соперничество между двумя сербскими династиями.

Неучастие Сербии в черногорско-турецкой войне 1852–1853 гг. вызвало у черногорской стороны глубокую обиду. Сгладить ситуацию пытались Милош Обренович, а также его преемник, Михаил, которые оказывали Черногории помощь как деньгами, так и боеприпасами и продовольствием.

В 60-х годах XIX в. снова появилась возможность объединения двух братских народов. Молодой черногорский

князь Никола Петрович пошел на сближение с Сербией и 5 октября 1866 г. был подписан договор о совместной деятельности Сербии и Черногории.

Однако сразу после подписания договора сербско-черногорские отношения вошли в полосу кризиса, а избрание в 1868 г. несовершеннолетнего Милана Обреновича в качестве нового правителя Сербии надолго устранили всякую мысль об объединении двух государств. Настояния сербской дипломатии на подписании тайной конвенции между Сербией и Черногорией в 1870–1872 гг. отклонялись князем Николой.

Восстание в Герцеговине 1875 г. и начало Великого восточного кризиса снова сблизили два сербских государства. 15 июня 1876 г. были подписаны тайный союзный договор и военная конвенция. Целью ставилось освобождение христиан в европейской части Турции. Не было упоминаний об объединении и не предусматривалось совместного командования.

С приобретения международного признания независимости Сербии и Черногории в 1878 г. и вплоть до переворота в Сербии в 1903 г., сербско-черногорские отношения переживали частые кризисы, корень которых крылся в династических противоречиях. Здесь свою роль сыграли такие факторы как провозглашение Сербии королевством в 1882 г. и последовавшая за этим свадьба дочери черногорского князя Зорки и представителя соперничающей династии – Петра Карагеоргиевича в 1883 г. Всё это подогревалось и покровительством Николы сербским политэмигрантам и радикалам, которые находили убежище в Черногории. Не добавляло спокойствия и переселение в Сербию голодающих из Черногории после неурожайных 1887–1888 гг.

Однако после заключения в феврале 1892 г. Временной торговой конвенции между Сербией и Черногорией, отношения двух государств потеплели, князь Никола даже

отметил короля Александра орденом князя Данилы. Встретившись в Петербурге в 1894 г. на похоронах императора Александра III, оба правителя договорились бороться с интригами друг против друга, а также стремиться к сближению своих домов и государств.

Международный кризис 90-х годов привнес в отношения двух государств новый компонент – раздел сфер интересов. Несмотря на то, что Сербия и Черногория условились о совместной защите своих интересов в случае опасности, с какой бы стороны она ни пришла, а также советовать о каждом совместном шаге, главы государств долго не могли прийти к компромиссу – в чьей сфере влияния останется Призрен.

После подписания 3 марта 1897 г. Сербией и Болгарией договора, который обязывал согласовывать и договариваться о действиях в Македонии, король Александр предложил и Черногории присоединиться к этому договору для утверждения сфер интересов «между сербскими и болгарскими землями Оттоманской империи». Однако Никола предложил королю Александру во время его визита в Цетинье (3–6 мая 1897 г.) заключить отдельное соглашение. Здесь они не достигли взаимопонимания.

Тогда сын Николы Петровича, не одобрявший его политику по отношению к Сербии, сам предпринял шаги по сближению с Александром, но улучшение отношений между Цетинье и Белградом было недолгим. Новый кризис отношений вызвала женитьба Александра Обреновича на Драге Машин в июле 1900 г., похоронившая желания и претензии князя Николая на сербский престол. Тогда Россия решила взять вопрос нормализации отношений двух государств в свои руки. Учредив должности дипломатов из числа самых лучших и квалифицированных людей как для

Сербии, так и для Черногории, российский МИД им в задачи поставил примирить Цетинье и Белград. В январе 1901 г. в Цетинье был отправлен Власов, а в Белград – Чарыков. Под давлением русских дипломатов главы государств шли на сближение.

Для предотвращения нового кризиса в сербско-черногорских отношениях, Россия не одобрила просьбу Николы Петровича о провозглашении Черногории королевством в связи с 40-летием его правления.

Итак, в начале XX в. главными препятствиями нормализации сербско-черногорских отношений были династические причины. Несмотря на старые разногласия, капризы и даже упёртость Сербии и Черногории, их пыталась сблизить российская дипломатия, которая непременно хотела удержать все нити в своих руках.

Перевод Наталии Струниной

II.

Йоле Станишич

П. Петрович Негош и А. С. Пушкин¹

Связи П. Петровича Негоша (1813–1851) с русской культурой мало изучены, несмотря на множество работ на разных языках, посвященных творчеству крупнейшего поэта южных славян. До сих пор не было отдельной работы, раскрывающей эти связи.

Первые монографии о Негоше написаны русскими учеными². В книгах П. А. Лаврова и П. А. Ровинского больше говорится о Негоше как государственном деятеле, владыке Черногории, как о борце и полководце, чем как о гениальном поэте. И там, где Лавров и Ровинский говорили о его литературных произведениях, проблемы влияния русской литературы на Негоша не поднимались.

Связи Негоша с русской культурой многогранны. Еще мальчиком Негош приезжает в Цетинский монастырь к своему дяде Петру I Петровичу, черногорскому владыке, который принял на себя заботы о его воспитании. Русская традиция в этом монастыре была живее и сильнее, чем где-либо на славянском юге. Кроме старых черногорских и церковно-славянских книг в этом монастыре первым чтением молодого Негоша были и русские книги; а сам Петр I Петрович, который несколько лет учился в России в духовной академии, в совершенстве знал русский язык. Несколько позднее в монастыре Савина в черногорском Приморье первым учителем 13-летнего Негоша стал русский монах. Следующим учителем молодого Негоша был крупнейший сербский поэт-романтик, ближайший соратник Карагеоргия

Сима Милутинович Сарайлия. Вместе с Карагеоргием он несколько лет находился в эмиграции в России, был знаком с виднейшими представителями русской культуры, а творчество ряда русских поэтов сильно повлияло на его собственную поэзию. С уверенностью можно сказать, что Негош, активно впитывая лучшие традиции родного народа, воспитывался под воздействием и русской культуры.

Первая поэма восемнадцатилетнего Негоша посвящена России («Нова пјесна црногорска о војни Русах и Тураках почетој у 1828 году»). С тех пор тема России занимает одно из важнейших мест в его творчестве. У Негоша нет практически ни одного крупного произведения, где бы не упоминалась Россия, ее история, ее культура.

Негош в качестве главы Черногории и черногорской православной церкви дважды побывал в России – в 1833 и 1837 гг. В 1833 г. Негош был принят Николаем I. В Петербурге он был возведен в сан митрополита. На этой торжественной церемонии кроме представителей Синода присутствовал сам царь со свитой. Во время пребывания в Петербурге Негош был тронут благородством русского народа и красотой русской столицы. Об этом говорят его восторженные письма к Вуку Караджичу. Путешествие в Россию обогатило Негоша-поэта. В Петербурге он написал два стихотворения: «Орел и курица» («Орао и кокот»; шуточная песня о войне русских с Наполеоном) и оду «Неве» – подлинный поэтический гимн русской реке, «зеркалу человечности», гимн Петербургу и «океану русской славы».

Первый сборник стихов Негош выпускает в 1834 г., сразу после приезда из России. Этот сборник состоит всего из десяти стихотворений. Характерно, что восемь из них – о России или о людях, встреченных в России. Большею частью это оды, созданные в духе одописцев того времени. Но и в них виден подлинный негошевский лиризм.

В 1847 г. Негош был избран почетным членом Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. В течение всей жизни Негош вел постоянную переписку не только с русскими правителями, представителями Святейшего синода, дипломатами, но и с учеными.

До сих пор в литературоведении бегло упоминалось о влиянии на Негоша Державина и Пушкина³. Оставалось почти не исследованным некоторое воздействие на Негоша и других русских поэтов: Хераскова, Батюшкова и Лермонтова. Без «Россиады» Хераскова структура поэмы Негоша «Свободиада» («Слободиада») была бы, безусловно, иной. В некоторых стихотворениях Негоша на античные темы можно обнаружить реминисценции из Батюшкова.

В литературоведении тема Негош–Лермонтов оставалась незатронутой. Между тем глубочайшие загадочные проблемы вселенной и космоса души поэтически воплощались и приобретали философское осмысление своеобразно и во многом тождественно у обоих поэтов. Этот вопрос нельзя рассматривать вне контекста мировой философской и поэтической культуры, если взять тему разгадывания тайн архитектоники вселенной и древнейшего понятия сатанизма, демонизма. «Демон» Лермонтова и крупнейшая философская поэма Негоша «Луч микрокосма» («Луча микрокосма») – это не только созвучие родственных культур и поэтических темпераментов. При сопоставлении этих двух грандиозных поэм схожие элементы обнаруживаются в образной системе, в общем эмоциональном строе и более осязательны в творческом соприкосновении. Здесь приведем следующие строки Негоша, с которых начинается его поэма:

Тешко ли се у полет пуштати
на лађици крила распетијех
без кормила и без руковође

у бескрајни океан воздушни,
ђе су сунца само капље в св'јетле,
а мирови једва видне истре...

Они вѣдут нас непосредственно к лермонтовскому «Демону»:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

Литературоведы не коснулись посреднической роли русской культуры в художественном генезисе Негоша. Ученые давно говорили о влиянии Гомера, Софокла, Данте, Мильтона, Гете, Шиллера и других на Негоша, но никто не учитывал, что он познакомился с этими великими поэтами в основном через русские переводы. Русский язык широко распахнул перед Негошем окно в мировую культуру. Воздействие классиков на Негоша шло не через оригиналы (исключая французов и итальянцев); каждый русский поэт-переводчик, оставляя в переводе отпечаток своей творческой индивидуальности, этим в известной мере воздействовал на Негоша. Греческую философию, сыгравшую великую роль в его становлении – как поэта и философа, – он впитал также в основном через русские переводы.

До сих пор мало написано о русизмах в поэзии Негоша, в то время как они являются органической частью негошевской поэтики. Они никогда не несут в себе духовного отчуждения от национальных корней, они глубоко функциональны, они – живой компонент творческой индивидуальности, сформированной и под постоянным непосредственным воздействием русской поэзии. Эти языковые новации Негош облагородил магической силой своего таланта, и они органически срослись с его эпически выкристаллизованным

десетерцем, с исконной мелодией черногорских скал, песен, причитаний и крылатых юнацких призывов.

В литературе о Негоше много неясного, запутанного в связи с личностью Пушкина. Одни утверждали, что Негош переводил Пушкина, а этого никогда не было⁴. Другие писали, что Негош встречался с Пушкиным. Когда Негош в 1833 г. приехал в Петербург, где находился 60 дней, Пушкина там не было. Третьи утверждают, что Негош отпевал Пушкина в Святогорском монастыре. Эти и подобные легенды обычно возникали к юбилеям Пушкина или Негоша, а позже закреплялись в работах некоторых югославских и советских литературоведов.

Более подробно остановимся на версии-легенде о «присутствии» Негоша при погребении Пушкина.

В год столетия негошевского «Горного венца» (1947) словенский поэт Миле Клопчич в работе «Пушкин – национальный поэт» писал: «По рассказам современников, в течение полутора дней мимо гроба Пушкина прошли десятки тысяч людей, массы были взволнованы. Отсюда и неожиданный приказ о тайных похоронах Пушкина: только друг покойного А. И. Тургенев и несколько жандармов сопровождали сани с гробом Пушкина до Святогорского монастыря (Псковская губерния), где его и похоронили. Кроме могильщика, еще один человек наблюдал это безлюдное печальное погребение самого большого русского поэта. То был наш поэт Негош, оказавшийся в этом монастыре по пути в Петербург»⁵.

В этом же журнале появилась и статья сербского поэта и критика Й. Поповича «Значащие встречи»⁶ (о Негоше, Пушкине и Вуке Караджиче), в которой слова М. Клопчича использованы как достоверный источник: «В своей статье “Пушкин – национальный поэт”, – пишет Попович, – М. Клопчич упомянул одну драгоценную минуту

встречи двух поэтов – русского и наших народов, минуту малоизвестную. Речь идет о встрече Негоша с мертвым Пушкиным. Когда в феврале 1837 г. царское самодержавие запретило открытые похороны великого поэта <...> на тайных похоронах присутствовал владыка черногорский П. Петрович Негош, в качестве правителя Черногории находившийся в деловой поездке в Петербург. Остановившись по дороге в Святогорском монастыре, он увидел однажды ночью сани, которые тайно въехали в монастырь. Возле саней были жандарм и А. И. Тургенев, а в санях – мертвый Пушкин. Случайный свидетель этих тяжелых похорон гениального народного поэта, может быть, именно тогда понял, насколько Пушкин бессмертен <...> О том, что тогда чувствовал и думал Негош, не осталось документов. Встреча эта заслуживает вдохновенного поэтического произведения. Есть в ней случайность, есть и нечто мрачное, таинственное, романтическое, на чем настаивать было бы ошибочно. Произвольно было бы делать вывод о влиянии этой встречи на поэтическое творчество Негоша, который на десять лет позже закончил “Горный венец”. Но без всякого акцентирования случайности, романтического декора, произвольных догадок можно сказать, что то была встреча двух великих поэтов – одного, чья жизнь угасла, и другого, чье творчество только разгоралось, двух народных поэтов, родоначальников новой поэзии, вдохновленной народным чувством и духом. Это была одна из встреч братских народов»⁷.

Об этих событиях, по мнению Поповича, в литературе о Негоше имеется очень мало сведений, «кроме беглых упоминаний в переписке». Однако в переписке Негоша и его современников эта встреча нигде не упоминается. Й. Попович рассказал об этом же и во второй статье, которая начиналась словами: «Сретни пјевче великог народа», – то есть строкой посвященного Пушкину стихотворения

Негоша. Он доказывал этими стихами, что Негош «почувствовал значение великого народного поэта, которого он, начинающий поэт, увидел мертвым в 1837 г. в Святогорском монастыре»⁸. Статья Поповича неоднократно перепечатывалась в югославской прессе, и «встреча» двух славянских гениев была воспринята как факт потрясающий, достойный воспоминания и восславления.

В монографиях о Негоше П. А. Лаврова, П. А. Ровинского, Д. Медаковича, Л. Томановича, В. Латковича, И. Секулич, Р. Драгичевича, Й. Миловича, в работах многих других авторов, а также в архивах (в Цетинье, Которе, Задаре, Вене, Москве, Петербурге) содержится множество достоверных данных о поездке Негоша в Россию в 1837 г., с четко обозначенными датами, на основании чего можно со всей точностью проследить, когда Негош отправился в путь из Черногории, когда прибыл в Вену, Псков и Петербург.

В послании народу Черногории и Брда 12 ноября 1836 г. Негош сообщает, что «отправляется в путь в Россию» и просит народ «жить в мире и согласии». 23 декабря из Вены Негош направляет Николаю I прошение дозволить ему приезд в Россию: «Всемиловейший Государь, воззрите с благостию, свойственною великой душе Вашей, на просьбу черногорского народа. Никогда не нарушил бы я ни личным ни заочным прошением драгоценных минут Вашего величества, если б крайность и близкое бедствие не угрожало народу, вверенному моему попечению». Накануне Нового года Негош в Вене написал новогоднее поздравление в стихах князю Меттерниху⁹. 1 февраля 1837 г. Негош в Вене же навестил капитана Ф. Орешковича. 4 февраля Негош снова обратился к черногорскому народу. Из рапорта

Орешковича следует, что Негош выехал из Вены 6 февраля 1837 г.

Из всех перечисленных фактов вытекает: в тот день, когда хоронили Пушкина, Негош еще находился в Вене.

В 1910 г. стала известной переписка вице-канцлера К. В. Нессельроде с губернатором А. Н. Пещуровым в связи с пребыванием Негоша в Пскове¹⁰. 17 февраля 1837 г. Нессельроде послал губернатору Пещурову депешу следующего содержания: «Милостивый государь, Александр Никитич! По полученным здесь сведениям, правитель Черногории архиепископ Петр Петрович Негош отправился из Вены в С.-Петербург. Государь император высочайшим указом соизволил пригласить его остановиться на некоторое время в Пскове до дальнейшего разрешения на проезд его сюда». Хотя в этой депеше велено встретить Негоша благосклонно, в согласии с его высоким саном, все же видно, что его решили задержать в Пскове по высочайшему государственно-му приказу. В данном случае для нас важна дата этой депеши, чтобы в точности установить, когда Негош прибыл в Псков. Специальную инструкцию направил туда и Священный Синод, чтобы владыка черногорский был встречен «с почетом и вниманием».

Для встречи Негоша был отряжен и особый наряд жандармов во главе с капитаном Ф. С. Ракеевым – якобы для «персонального сопровождения» высокого гостя. Ракеев встретил его в Луге и возвратил во Псков.

22 февраля 1837 г. Негош, уже из Пскова, пишет к Нессельроде: «Письмо Ваше от 17 числа сего февраля за номером 424 через нарочного я получил на пути моем в столицу в г. Луге. Сего числа утром в восемь часов и сим поспешаю по эстафете иметь честь ответить Вашему сиятельству, что повинуюсь священной воле Государя императора и в особенности изложенной в отзыве Вашего сиятельства

<...> спешить буду возвратиться в г. Псков, как место, назначенное для моего ожидания...» Из письма видно, Негош знает, что оклеветан, но он верит в свою правоту: «Чувствую себя совершенно правым, противу доносов и клеветы я не предпринимаю даже оправдываться, ибо, повторяю, совершенно уверен, что время и вернейший ход разуживаний оправдают меня в глазах российского монарха, которому я и народ черногорский издревле предан».

В письме от 26 февраля, тоже к Нессельроде, чувствуется вся глубина горечи оскорбленного владыки:

...скорбь в душе об одном и том же: что я безвинно обнесен перед лицом монарха, принимаю смелость повергнуть Вашему сиятельству на уважение следующее: у меня нет языка, которым бы довольно я мог выразить страданий моего сердца, что эта нелепая увеличенная клевета так горько очернила мои усердные намерения на пользу черногорского народа перед лицом обожаемого им и мною всегда великодушного монарха.

Напомним, что российский консул в Дубровнике Й. Гагич по распоряжению Министерства иностранных дел 8(20) марта 1837 г. отправился из Дубровника в столицу Черногории Цетинье. Он интересовался не только деятельностью Негоша в Черногории, но и на территории между Черногорией и Дубровником, бывшей под властью Австрии, через которую следовал владыка, направляясь в Россию. 29 марта (10 апреля) Гагич послал Министерству иностранных дел пространный доклад о Негоше (то, что услышал о нем от самых близких к нему представителей власти и церкви, мнение народа о владыке), а также о ситуации в Черногории. Когда министерство получило это извещение и донесение капитана Ракеева о его беседах с Негошем

в Луге и Пскове, оно направило директора Азиатского департамента К. К. Родофиникина в Псков для разговора с Негошем, после чего Родофиникин представил министру доклад. Суть его сводилась к тому, что обвинения и подозрения по отношению к Негошу были необоснованными. В Пскове Негош оставался около восьмидесяти дней. А затем ему было дозволено отправиться в Петербург.

О чем беседовал губернатор Пещуров с Негошем и докладывал ли об этом Родофиникину, Нессельроде и другим – пока не выяснено и, возможно, никогда выяснено не будет. Факт, что Негош из Черногории обращался к Пещурову с письмами.

Негош никогда, если даже терпел оскорбления, не терял надежд на Россию, всегда верил в ее моральную поддержку. Он свято сберегал национальные заветы черногорцев, выраженные словами владыки Петра I Петровича в минуту его угасания, когда он вверял судьбу черногорского народа семнадцатилетнему Радивою (так звали Негоша до принятия монашеского пострига): «Держись Бога и России». Эти слова, подобно неугасимой молнии, связывали Черногорию с Небом и Россией.

18(30) мая Негош прибыл в Петербург; его принял император Николай I. В ходе переговоров были устранены все недоразумения, развеяны все интриги (наговоры И. Вукотича, М. Вучичевича и других были отброшены как клеветы), достигнуто согласие по всем вопросам, материальная помощь со стороны России была увеличена девятикратно.

В середине июня Негош отправился из Петербурга в Черногорию. 12 июня он послал письмо Николаю I, где выразил благодарность императору от имени черногорского народа. Насколько для Негоша были священны единство и честь славянских народов, говорят следующие слова из письма российскому императору: «Единый Бог воздаст

православной России за неоставление единоверного и единоплеменного ей народа. Нам токмо остается употребить все усилия наши сохранить непорочную честь славян, к семейству коих великому и Богом благословенному имеем счастье принадлежать»¹¹.

Что за книга «Зеркало сербское» («Огледало српско»)? Это сборник народных песен о битвах черногорцев с 1702 г. и до времен Негоша, то есть до 40-х годов XIX столетия. Утверждают, что несколько стихотворений принадлежит владыке Петру I Петровичу и что здесь есть и стихи самого Негоша. Укоренилось мнение, что Негош не только редактировал, но кое-что усовершенствовал и менял. Из множества черногорских юнацких песен о страданиях и героизме черногорцев, по словам самого Негоша, не выбрана и не вошла в сборник даже десятая доля. Значит, это своеобразная антология черногорской эпической поэзии, составленная Негошем. В книгу включены и девять стихотворений из сборника В. С. Караджича, посвященных восстанию Карагеоргия.

В предисловии Негош определяет свое отношение не только к черногорской народной поэзии, но к народной поэзии вообще:

Наши народные песни не нуждаются ни в каких предисловиях и рекомендациях, ибо хвалить их сейчас перед миром было бы повторением того, что о них уже давно сказано учеными – как нашими, славянскими, так и другими, которые их справедливо превознесли до звезд, а некоторые сравнили их с песнями Гомера и Оссиана. О черногорских песнях можно сказать, что в них содержится история народа, который не пожалел никаких жертв, чтобы сберечь свою свободу.

Правда, поэзия часто преувеличивает подвиги черногорцев, но во многих, наиболее важных местах держится строгой точности. Из черногорских песен, что сейчас выходят в свет, это не является и десятой частью; но главные битвы, начиная с 1702 г., нашли здесь отражение...

Следующее далее стихотворение «Тени Александра Пушкина» («Сјени Александра Пушкина») написано в духе классицистических од, с необыкновенными гиперболами, в которых отражается легендарный славянский облик России и образ поэта. Напомним, что «Горный венец» («Горски вијенац») Негош посвятил Карагеоргию, а поэму «Луч микрокосма» – сербскому поэту С. Милутиновичу Сарайлии. Все это подтверждает, что имя Пушкина стояло в ряду самых дорогих для Негоша. В этом таится неисчерпаемый источник для творческой фантазии, воплощающей тему «Негош–Пушкин».

После возвращения из России (1837) Негош почти семь лет ничего не публиковал, кроме десятка стихотворений (большинство из них написано к праздничным датам либо как послания и посвящения друзьям). После долгого молчания появилось «Зеркало сербское» (1845). В отличие от прежних посвящений (Синоду, царю), Негош посвятил его русскому гению. В. Петрович считает, что глухими черногорскими ночами, создавая свои произведения, свой необыкновенный стих, Негош дружил с Данте, Мильтоном и Пушкиным, и что только такой большой художник, как Негош, мог так глубоко проникнуть в фольклорную сокровищницу¹². В. Петровичу прекрасно удалось показать, насколько Негош был близок всему лучшему, что есть в южнославянском эпосе, но в чем конкретно проявлялась «дружба» Негоша с Данте, Мильтоном и Пушкиным, он не выяснил.

Что вдохновило Негоша на посвящение сборника Пушкину? Биограф поэта В. Врчевич утверждал, что Негош очень увлеченно читал пушкинские стихи после второй поездки в Россию. (Ко многим сообщениям В. Врчевича до сих пор отношение скептическое.) В негошевской библиотеке сохранились издания Пушкина 1838–1841 гг. На полях этих книг нет никаких пометок Негоша. В письмах и сохранившейся части его записной книжки какие-либо упоминания о Пушкине отсутствуют. Неизвестно и то, когда Негош впервые встретился с его поэзией (на языке оригинала или в переводе).

Сборник «Зеркало сербское» давно называли «учебником патриотизма». Он открывается портретом Карагеоргия и стихотворением, посвященным Пушкину. Карагеоргий, предводитель сербского восстания, символ сербской свободы, любимец сербов, черногорцев и всех балканских народов, боровшихся против османского ига. Это идеальный образ героя поэзии Негоша.

Портрет вождя сербского народа рядом с именем величайшего русского поэта у Негоша имеет свою закономерность. В этом мы видим, что судьбы Сербии и Черногории неразделимы и неразрывна их связь с Россией. Издавна в Черногории существовали народные легенды и песни, которые говорят, что в России рождается солнце. И это солнце великая славянская матушка посылает другим народам. В стихотворении «Русији...», как бы продолжая это исконное поверие южных славян, словно определяется место России во вселенной и место певца – гения под ясным небосклоном. По Негошу, гений Пушкина родился под такой небесною сферой, где магическая рука творца высекла рои юных солнц. Могло ли быть более величественное определение для рождения гения? Потому ли Пушкин – счастливый певец, или потому что он – певец великого народа?

Об этом нам языком космических образов скажет само посвящение:

Сјени Александра Пушкина

Над звјезданим многостручним сводом,
над домаком умнога погледа,
под врховним небосклоном неба,
гдје се млада непрестано сунца,
искресана руком магическом
општег творца, сипљу ројевима:
тамо се је твој гениј зачео
и пјевања миром помазао;
откуд зора сине над природом,
одонуд је к нама долетио.
Сретни пјевче великог народа,
твоме праху земном свештенومه
собраће ти витешки подвизи
пред дивнијем ступају олтаром.

Владика Црногорски

Приведем наш почти дословный перевод этого стихотворения:

Тени Александра Пушкина

Над звездным многослойным сводом,
за пределами мысленного взора,
под верховным сводом неба,
где беспрестанно молодые солнца,
высеченные магической рукою
общего творца, сыплются роями:
там твой гений зародился
и поэзию миром помазал;
откуда заря сверкнет над природой,

оттуда он к нам долетел.
Счастливым певец великого народа,
к твоему праху земному священному
собратьев твоих юнацкие подвиги
пред дивным вступают алтарем.

Владыка Черногорский

Негош не намеревался публиковать «Зеркало сербское» под своим именем. Это означало, что и посвящение будет без авторства. Однако еще до публикации появилось извещение в газете, раскрывавшее имя того, кто задумал и составил сборник. Подтверждение этому находим в письме Милаковича, секретаря Негоша, направленном в Белград издателю В. Берари: «Когда у Его величества владыки и государя черногорского из-под пера вытекло несколько строк посвящения “Зеркала сербского” гению Пушкина, он не думал оглашать их как свои. Но поскольку сербской публике стало известно, что посвящение тоже его, благоразумней первые стихи заменить другими, которые честь имею в приложенном сем листке Вам доставить с просьбой, чтобы их, вместо тех первых, дали печатать в “Зеркало сербское”»¹³.

В новом посвящении две первые строки развернуты в восемь, а последующие стихи «Који сједиш на светој ка-тедри...» заменены строками:

Сретни певче великог народа,
твоме праху земном свештеноме
собраће ти витешки подвизи
пред дивнијем ступају олтаром.

Более ста лет не было известно, как выглядело то первое посвящение. А оно было таким:

Благодјетелни геније славјански,
на пјевање небом помазани,

који седи на светој катедри
у средини великог народа,
теби оно дело посвећујем.

Благодетельный гений славянский,
на поэзию небом помазанный,
восседающий на святой кафедре
посреди великого народа,
это творенье тебе посвящаю.

Во втором варианте посвящения более емко и полно воплотилось отношение Негоша к Пушкину, высвечены чаяния и устремления южных славян к России, высказаны заветные мысли о прошлом своего народа и о роли поэзии вообще.

В. Латкович считает, что во второй части первого посвящения существен политический момент. По мнению этого автора, в то время в России только о царе или, в крайнем случае, о престолонаследнике могли сказать, что он восседает «на святой кафедре посреди великого народа», но не о поэте.

Негош хорошо понимал, что о царе в то время не говорилось «сидит на святой кафедре». Это могло относиться только к представителям высшего духовенства, начиная с епископа. Словосочетание «святая кафедра» Негош употребляет, когда говорит и о поэтах, например о Лукиане Мушицком¹⁴.

Для лучшего понимания посвящения Пушкину и взгляда Негоша на поэзию необходимо вспомнить и письмо Негоша 1851 г. Э. А. Франклу, австрийскому переводчику сербской поэзии:

Наши народные песни – это история юнацкая, эпопея народная. В них человек может видеть, каков народ, который их поет. Меня поэзия много занимала. Ах, дивная поэзия,

искра таинственная! Я никогда не мог разобраться, является ли она искрой бессмертного огня, или она чадо узкого поднебесья нашего. С земной кафедры я считаю ее порывом ветра, но если человек поднимается выше самого себя, тогда он увидит бедность людскую, и если он поэт, сможет сказать, что он жрец алтаря всесвятых.

Поэт – клич смертного с бурного нашего берега. Поэт – глас вопиющего в пустыне, он мечтает о бессмертии, призывает его <...> он видит великий лист книги мироздания открытым, в нем читает чудеса Создателя. Они его наисладчайшие напитки, он силой воображения выводит из болота земли росток небесной жизни <...> Трудолюбие и мастерство муравья и пчелы и строгий полет журавлей я с большей радостью наблюдаю, чем все парады европейских столиц¹⁵.

Неоднократно отмечалось, что стиль Негоша подлинно народный и в то же время глубоко философский. В одной строке у него спрессована такая духовная энергия, на которой могла бы держаться вся книга. И верно сказал И. Андрич о Негошевой строке «Нека буди што бити не може!» («Пусть будет, чего быть не может!»): «Нигде – ни в мировой поэзии, ни в судьбе народа – я не нашел более могучего лозунга»¹⁶. И в строках, посвященных Пушкину, пульсирует сила бессмертного духа Негоша; к ним также можно отнести исключительное суждение И. Секулич о стихах великого черногорского поэта: «У Владыки есть только один глагол – тот, который Бог употребил, когда заповедал свету выступить <...> Заповедь Владыки может иметь силу даже перед строем богов»¹⁷.

Доныне опубликованы два перевода на русский язык стихотворения «Тени Александра Пушкина». Ни один из них, однако, не передал поэтическую мощь и своеобразие негошевского оригинала.

В 1913 г. А. Сироткин вспомнил, что в своей статье «Пушкин и славяне» («Исторический вестник». 1909. Февр. С. 590–661), где он старался «собрать все цветы, вплетенные славянскими поэтами во венок Пушкину»¹⁸, не привел стихотворения нескольких славянских поэтов. Первое из таких, не вошедших в упомянутую статью-подборку, – стихотворение Негоша «Сени Пушкина»:

В горней области, надзвездной,
Под глубокой синей бездной,
Там, куда и ум людской
Вознестися не дерзнет,
Где Всевышний возжигает
Звезды творческой рукой
И огнями осыпает
Полог неба голубой, –
Там родился гений злой!
Видел он светил горенье,
И на крыльях вдохновенья
Долу к нам принес поэт
Этих зорь весенний свет.

Этот весьма вольный перевод, выполненный самим А. Сироткиным, не сохранил масштабность и образность мысли Негоша. А концовка, включающая в себя гениальное негошевское определение Пушкина и русского народа, а также отношения южных славян к нему, полностью искажена.

Другой перевод был сделан в 60-е годы Б. Слуцким. Здесь также немало упрощенного; в конце же стихотворения главная мысль автора исчезла:

Тени Александра Пушкина

Над многоочитым звездным сводом
и под самой верхней сферой неба,
там, где взгляд людской достичь не может,
южных солнц бессменное рождение, –
выбитые из кремня творца рукою,
осыпаются они роями, –
Там и был зачат твой гений
и поэзией миропомазан;
из тех мест, где вспыхивают зори,
к людям прилетел твой гений.
Все, что может совершить геройство,
на алтарь чудесный я слагаю,
посвящаю я святому праху
твоему, певец счастливый
своего великого народа¹⁹.

Читателю очень трудно определить, что есть исторический факт, а что – версия, легенда, вымысел в том, что пишется о связях Пушкина и Негоша. За последние сорок лет в советских изданиях встречались различные варианты легенд о встрече двух поэтов. Легенды чаще всего появлялись в публицистических очерках и газетных заметках, особенно в знаменательные для истории дружбы народов России и Югославии даты. Авторы подобных заметок, как правило, не были знакомы с негошевской поэзией и даже не заглядывали в летопись его жизни.

Непроверенные данные встречаются и у переводчиков поэзии Негоша на русский язык, и у авторов предисловий к изданиям югославской поэзии. Так, например, М. Зенкевич

в предисловии к своему переводу «Горного венца» Негоша пишет: «Есть сообщение о том, что по дороге в Петербург Петр Негош остановился в Святогорском монастыре и видел привезенный туда гроб с телом Пушкина. Вероятно, эта горестная встреча с прахом любимого поэта внушила Петру Негошу стихотворение “Тень Пушкина”»²⁰. Даже в изданиях, представляющих собой своеобразную антологию мировой поэзии, встречаем: «Рассказывают, будто бы во время своей второй поездки в Россию Негош, вынужденный на некоторое время остановиться во Пскове, побывал в Святогорском монастыре и видел гроб с телом А. С. Пушкина»²¹.

Появляются и литературные произведения, авторы которых, стремясь увековечить давние традиции братства и родства культур славянских народов, «оживляют» в художественной форме эпизод «встречи» великих поэтов и тем самым канонизируют легенды о ней. В рассказе «Странный пилигрим» С. С. Гейченко пишет:

Со стороны Пскова показался большой конный поезд... Поезд подъехал к Святым воротам обители и остановился. Ударил большой соборный колокол. Звон его подхватили все пятьдесят колоколов четырех святогорских храмов... Из головных саней легко выскочил необыкновенно высокий и красивый молодых лет человек с живыми черными глазами, черными волосами до плеч и небольшой бородкой... Приезжий подошел к игумену и приложился к иконе... Подойдя к лестнице, ведущей к соборному храму, гость обратился к игумену:

– А где здесь могила великого русского певца Александра Пушкина?

Игумен вздрогнул, услышав имя Пушкина, но сделал вид, что вовсе не удивлен вопросом.

– Сюда, пожалуйста, – ответил Геннадий и указал на паперть собора.

– Я приехал поклониться светлому имени Пушкина и его праху. Хочу отслужить панихиду...

Служба закончилась. Гость попросил отца Геннадия провести его на кладбище, к могиле Пушкина...

Подойдя к свежей могиле, прикрытой зеленым ельником, гость остановился около маленького деревянного креста, стал на колени, склонил голову до земли и долго стоял так. Поднявшись, он взглянул на небо и, помолчав, стал говорить стихами, но не по-русски, хотя в его речи было много русских слов...²²

Разумеется, ни одно произведение, претендующее на художественность, не может существовать без вымысла. Однако в данном случае автор вложил в уста Негоша слова, которые ничего общего не имеют со стилистикой его речи, заставив его выражаться с помощью современных газетных штампов: «...Нет сегодня живого Пушкина. Но он среди нас, и всегда будет его тень с нами...» Картина панихиды завершается своеобразным послесловием автора, содержащим некоторые разъяснения этого таинственного эпизода: «Кто же был этот странный гость, откуда он прибыл и как это могло случиться, чтобы он – такое высокое сановное духовное лицо – вдруг отслужил панихиду по крамольному Пушкину, говорил о нем такие странные недозволенные речи?.. Это был Петр II Негош – светский и духовный правитель Черногории, ее виднейший государственный деятель».

Рассказ С. С. Гейченко перекликается с предположениями и рассуждениями Н. Мартиновича о панихиде на могиле Пушкина.

Пребыванию Негоша в Пскове Н. С. Мартинович посвятил две статьи, одну на русском языке, другую – расширенный вариант – на родном²³. Мартинович – один из самых добросовестных, скрупулезных, энциклопедически эрудированных знатоков черногорской культуры и Негоша.

И все-таки этот неутомимый исследователь в различных областях – истории, литературы, фольклора – во многом романтически подошел к освещению проблемы пребывания Негоша в Пскове. Вероятно, здесь сыграло роль и эмоциональное состояние – радость от того, что он оказался в тех местах, где жил, творил и где покоится Пушкин, где побывал также Негош.

Мартинович считает, что поездка Негоша задержалась и «из-за интриг австрийских шпионов». Однако известно, что больше всего неприятностей ему причинили некоторые черногорцы (И. Вукотич, М. Вучичевич и другие), в то время жившие в России. Пользуясь высоким доверием петербургского двора, стремясь любыми способами присвоить власть над Черногорией, они доставляли российскому правительству крайне искаженные сведения о правлении Негоша (якобы он злоупотребляет материальной помощью России, занимается поэзией в ущерб государственным делам). Некоторые бюрократы из окружения императора им в этом способствовали.

Мартинович пишет: «Пещуров был знакомым Пушкина. Негош же является одним из самых страстных почитателей поэта на Балканах <...> По-видимому, общий интерес к Пушкину особенно сблизил их». Здесь Мартинович, как и многие литературоведы, несколько преувеличивает, называя Негоша самым страстным почитателем Пушкина на Балканах. Несомненным остается одно: Негош посвятил Пушкину прекрасное, удивительно емкое, философское стихотворение. Написано же оно спустя семь лет после гибели поэта. Остается тайной, мог ли интерес к Пушкину сблизить Негоша и псковского губернатора. Сам Мартинович указывает, что «перевоз тела Пушкина из Петербурга в Псков происходил в глубокой тайне, под общим полицейским надзором». Известно, что губернатор Пещуров

неукоснительно выполнял инструкции царского двора. Логично предположить, что и тайну погребения Пушкина губернатор Негошу не раскрыл. Мартинович считает: неудивительно, что у Негоша с Пещуровым «возникло желание побывать на могиле поэта, отслужить, по обычаям того времени, панихиду, посетить его дом. Негош, имевший духовный сан митрополита, очевидно, сам служил панихиду по Пушкину в сороковой день после его смерти. Негош опубликовал стихотворение “Тени Пушкина”, которое могло зародиться в его сознании именно тогда, когда он стоял у могилы поэта». Однако факты свидетельствуют, что это стихотворение Негош написал только после того, как стало известным, кому именно принадлежит неподписанное, из пяти строк посвящение Пушкину на первой странице сборника «Зеркало сербское».

Нужно учесть, что Негош фактически был в Пскове под своеобразным надзором (а в это время Гагич расследовал в Черногории деятельность Негоша-правителя, российский же двор ждал от Гагича и других дипломатических агентов докладов об этом) и, будучи весьма умным дипломатом, едва ли мог допустить какие-либо отступления от «программы» Нессельроде и Пещурова.

Говоря о сороковинах по Пушкину, Мартинович далее пишет, что «такие предположения пока не получили подтверждения в архивных материалах, однако они убедительны и логичны. Панихиду служили сперва во Пскове, а затем на могиле Пушкина у Святогорского монастыря <...> Некоторые данные нас в этом убеждают». Предположение Мартиновича не нашло документального подтверждения, но не исключено, что эти предполагаемые сороковины представляются будущим исследователям как достоверный факт²⁴.

Негош являлся высшим лицом церковной иерархии, как выдающийся философ был знаком со многими религиозными

учениями; однако, став правителем Черногории, в богослужении участвовал всего несколько раз. Он сам говорил, что заботы «о сбережении пороха и ежедневная борьба за сохранение искры черногорской свободы» отдалили его от молитвы и исполнения пастырского долга.

Негош бывал на могилах Вергилия, Данте, Торквато Тассо и многих исполинов мировой культуры, которыми всю жизнь восхищался. (С могилы Вергилия он принес ветку лавра; а в одной итальянской церкви, где хранится пояс Торквато Тассо, с позволения священника, вытянул из этого пояса ниточку.) Однако нигде не возникала у него попытка отслужить по кому-либо панихиду. Допустим, что в случаях с Данте и Тассо этого и не могло быть по той причине, что они католики, а Негош – православный. Он, однако, бывал на могилах и многих южнославянских поэтов и героев. Наука и по сей день не знает ни одного случая, чтобы на этих могилах он служил панихиду. Известное его изречение: «Самый упоительный ладан для юнаков – это порох, вспыхнувший на алтаре человечности и свободы!» Поэтому нам мало верится в то, что могло быть какое-либо исключение из этого ряда, хотя бы речь шла и о Пушкине. Не следует забывать и о том, каким сложным оказалось это время для Негоша. В таких обстоятельствах вряд ли Негош мог решиться отслужить панихиду по Пушкину. Этот жест мог поставить под угрозу его высокую миссию как главы государства.

Для слов Мартиновича «Негош действительно использует восхищение Пушкина Сербией и Черногорией» мы не находим достаточных аргументов. Мартинович впадает в крайность, доказывая этот тезис. «Горный венец» начинается посвящением «Праху отца Сербии», то есть Карагеоргия.

Стихотворение «Сабли бессмертного вождя (князя) Карагеоргия» («Сабљи бесмртнога вожда (књаза) Карађорђија») и другие упоминания о нем в стихах Негоша после его пребывания во Пскове и Михайловском убеждают Мартиновича в том, что Негош нашел у Пушкина «наилучшее подтверждение правильности развития культа Карагеоргия как повстанческого вождя сербского народа». Это, без сомнения, «родство» натянутое. Обратимся к стихам:

Оружје свештено, вјенчано са славом,
с каквијем восторгом тебе данас виђу,
каква ли ми чувства душу потресају!

<...>

Ти си властвовала на равнинам бојним;
пред тобом је Стамбол, бич народа, дрхта;
од твојега звука и моћна удара
тресла се је луна, премрска планета...

Саблю Карагеоргия Негош купил в Вене 1 июля 1837 г., и стихотворение написано не под чьим-то влиянием, но сильное чувство радости и гордости от приобретения оружия великого вождя породило эти стихи.

Что же сказать в таком случае о негошевском культе Милоша Обилича, которого Пушкин нигде не упоминает? Негош прославлял сильные личности более всего под влиянием исторических событий. Счастье своего народа он видел лишь в полной национальной независимости и потому так любил и возвеличивал Карагеоргия. Совершенно справедливы слова В. Латковича о том, что «восхищение Карагеоргием было обусловлено характером освободительной борьбы в Черногории, и Негош впитал это восхищение, как он однажды сам выразился, с молоком матери»²⁵. Не следует забывать, что Негош в первом своем стихотворении «Нова пјесна црногорска о војни Русах и Тураках» называет

Карагеоргия «новым сербским царем», а в стихотворении «Заробљен Црногорац од виле» прославляет Карагеоргия: «Син Тополе, огледало Српства».

В народной памяти южных славян два героя – Обилич и Карагеоргий – неразделимы, хотя их разделяют несколько веков. Милош Обилич, герой народного эпоса о битве на Косово, – самый яркий, наиболее идеализированный образ в «Горном венце». Перед этим образом сербы и черногорцы держат ответ даже на том свете; и это значит, что для человека в его земной жизни Обилич есть высшая этическая мера мужества и человечности. Таким же символом, наряду с Обиличем, у Негоша выступает образ Карагеоргия – «отца Сербии», «бича тиранов», от которого вздрогнул «страшный Стамбул». Карагеоргий – символ Сербии, восстания и свободы. Негош отвел ему самое прекрасное место среди «великанов мировой истории». М. Попович пишет: «Карагеоргий, подобно Обиличу, у Негоша – неугасимый, живой во все времена»²⁶.

В посвящении поэмы «Луч микрокосма» Негош требует от С. Милутиновича, чтобы тот «выстроил пламенеющие ряды Обилича и Карагеоргия». По словам М. Бабовича, это сделал сам Негош²⁷. Образ Карагеоргия у Пушкина совершенно иной по сравнению с негошевским. Известно, что «Песню о Георгии Черном» Достоевский называл «крупнейшим бриллиантом» пушкинской поэзии. Эта песня действительно раскрывала потрясающую жизнеподобную человеческую драму. Пушкин имел право решать такую глубинную психологическую проблему. Однако исторически «Песня...» далека от истины. Это тоже своего рода трагическая легенда. Карагеоргию не была свойственна жестокость столь беспредельная, как представлено у Пушкина; факт, изображенный в стихотворении, вымышлен его врагами – сторонниками Милоша Обреновича, теми, что впоследствии

подлейшим способом отсекли голову спящему Карагеоргию и отправили ее турецкому султану. Неправда о жестокости Карагеоргия содержится в текстах П. П. Свиньина²⁸ и Д. Н. Бантыш-Каменского²⁹. Ложные сведения о Карагеоргии распространялись и К. К. Родофиникиным. Образ Карагеоргия в стихах Пушкина вызывает у читателя содрогание ужаса. Между тем у Негоша Карагеоргий – это национальное знамя во все времена, идеал воина и патриота, достойный подражания³⁰.

В XIX столетии П. А. Лавров и П. А. Ровинский в своих книгах о Негоше не пытались истолковывать его стихотворение, посвященное Пушкину. Они не затрагивали также вопрос о возможном влиянии пушкинской поэзии на южнославянского поэта. После книг этих двух знаменитых славистов в российском литературоведении XX века не появлялись значительные работы, посвященные Негошу. Следует привести краткие суждения касательно Пушкина, Негоша и «Зеркала сербского», высказанные в течение последних пяти десятилетий некоторыми югославскими и российскими литературоведами.

Н. Кравцов в своих трудах бегло упоминает Негоша. Он пишет, что тот в стихах, а также в поэме «Горный венец» «воспевал могущество русского народа, победы Суворова и Кутузова, а в поэме “Слободиада” – борьбу русских и черногорцев против Наполеона, которую воспевают и Пушкин в стихотворении “Бонапарт и черногорцы”. А. С. Пушкина Негош назвал “счастливым певцом великого народа”. Негош посвятил ему стихотворение “Тени Пушкина”»³¹.

В «Горном венце» не воспеваются могущество русского народа, победы Суворова и Кутузова. Только в посвящении Карагеоргию упоминаются имена Суворова и Кутузова, Минина и Пожарского среди выдающихся мировых имен, которыми гордится век.

«Свой сборник поэтических обработок сербского и черногорского фольклора “Сербское зеркало” (1845), – пишет К. Державин, – Петр Негош посвящает памяти Пушкина. Негош обращается к русскому поэту с волнующим стихотворением, в котором прославляет его как “счастливого певца великого народа”»³². К. Державин считает, что обработка Пушкиным южнославянских и чешских народных поэтических мотивов послужила Негошу примером. При этом забывает, что Негош вырос на южнославянском эпосе, что это – его школа, его богословие, его клятва и молитва. Все его творчество – это высшая художественная трансформация фольклорных эпических традиций.

Двумя годами раньше С. Артемов упоминает, что Пушкин «встречался с деятелями освободительной борьбы балканских народов. Он был знаком с сербским писателем С. Милутиновичем, автором поэмы “Сербиянка”, бывал в семьях сербов, болгар, греков»³³. С. Милутинович Сарайлия был в России вместе с Карагеоргием и его воеводами, а потом служил секретарем у Петра I Петровича, дяди Негоша, был также учителем молодого Негоша. Нет подтверждений тому, что Милутинович Сарайлия и Пушкин были знакомы. С. Артемов приписывает Негошу и те «заслуги», которых у него нет. «Глубоким уважением к Пушкину, – заявляет этот автор, – проникнуто творчество известного сербского поэта Петра Негоша, который отдал много сил популяризации и переводам пушкинских произведений. Пушкину посвящена его книга стихов. Она открывается стихотворением: “Где зори всходят над природой, / Оттуда прилетел ты к нам, / О счастливый певец великого народа!”». Жаль, разумеется, что Негош не переводил Пушкина и не «отдал много сил» популяризации его творчества, хотя заслуги такого рода ему постоянно приписывают. Негош

переводил «Слово о полку Игореве», фрагменты из «Илиады» с перевода Гнедича.

«“Зеркало сербское”, – пишет О. Кутасова, – вместо первоначального задуманного прозаического посвящения Пушкину открывается стихотворением “Тени Александра Пушкина”. Так Негош выразил благодарность русскому поэту за его интерес к сербскому эпосу, черногорской и сербской истории»³⁴.

Когда речь идет об интересе Пушкина к южным славянам, более всего упоминается сделанная им переработка произведений Мериме. Но российский поэт интересовался южными славянами не только через призму мистификации талантливого француза. В своей прозе Пушкин упоминает довольно многих исторических личностей из среды балканских славян, в том числе и знаменитого предка Негоша, родоначальника династии Петровичей, владыку Данило Петровича – того, который в 1715 г. заключил братский военный союз между Черногорией и Россией.

Встречался Пушкин и с сербскими повстанцами, оказавшимися в эмиграции, старался заучить побольше сербских слов, переводил сербские песни, читал ряд произведений мировой литературы, посвященных южным славянам. Нередко забывается один факт, который сам Пушкин никогда не забывал в своей родословной, а именно – что «черного арапа», его предка, из заморских стран привез и подарил Петру I знаменитый сербский просветитель, выдающийся дипломат Сава Владиславич.

Исследуя связи Негоша с французской культурой, К. Спасич пишет, что Пушкин был одним из самых любимых поэтов Негоша³⁵. В свою очередь и французский литературовед Мишель Обен полагает, что составленный и в некоторой степени обработанный Негошем сборник народных песен, «которые прославляют героизм черногорских и сербских бойцов первого восстания, мог с полным правом быть посвящен

Пушкину»³⁶. Революционер и государственный деятель П. Попивода в связи со столетием смерти Негоша пишет, что его поэма «Горный венец» – «величайшая драгоценность в сокровищнице нашей литературной классики. Негош относился к числу самых выдающихся югославских поборников братства и дружбы с великим русским народом <...> Изю всех поэтов Негош больше всего ценил Пушкина. Смерть гениального поэта болью отозвалась в сердце Негоша. “Счастливей певец великого народа” назвал он Пушкина в стихотворении, посвященном его памяти (“Тени Александра Пушкина”)³⁷.

Другую крайность видим у М. Джиласа в его весьма значительной книге о Негоше, написанной негошевским сочным языком: «Совсем не случайно, что Россия никогда не была поэтическим вдохновением Негоша – поэта мифов, у которого все, к чему бы он ни прикоснулся, претворялось в чистое лирическое изъяснение. В “Горном венце” Россия не упоминается, хотя посланец Петра Великого Милорадович побывал у владыки Данило. В “Степане Малом” царский посланец Долгоруков изображен не особо умным и незначительным. От Негоша осталось о русских – юношеские стихи в народном стиле и натянутые, полуслужебные оды правителя, который вынужден выпрашивать деньги и поддержку»³⁸. Джилас словно не желал видеть, в каком контексте у Негоша упоминаются Россия и ее выдающиеся полководцы. Он также не искал поэзию в эпистолярном наследии Негоша; между тем в его письмах, адресованных в Россию, немало поэтических порывов.

Легенды живут долго, если в своей основе содержат пусть приблизительную фактическую реальность, «исторический корень». Они нередко обладают магией и поэтической красотой. В переломные, трагические времена многие легенды имели и нравственное оправдание.

Р. Драгичевич еще в 1948 г. убедительно доказал, что «встречи» Негоша с мертвым Пушкиным быть не могло и что эту «ошибку необходимо изъять из научной литературы, ибо мы имеем столько исторически доказанных связей со славянской Россией, что нам нет необходимости приводить те, которые хотя бы в малейшей степени сомнительны, а не только те, которых не существовало»³⁹. Но и после столь обоснованного предупреждения эти версии-легенды продолжают существовать, разветвляясь и трансформируясь.

Легенда о «встрече» Негоша и Пушкина (особенно в том виде, как это эмоционально изображено у М. Клопчича и М. Поповича) содержит поэтический заряд, обуславливая у читателя эмоциональный взрыв; люди в этом усматривали и своеобразный рок – угас величайший поэт России, и его в последний путь провожает тот славянский гений, который только что шагнул в «царство поэзии». Но когда это упрямо повторяется во многих мелкопрагматичных репортажах и корреспонденциях, в литературных обзорах и издательских заметках и когда при этом игнорируются факты – это оборачивается упрощением как истории, так и поэзии. Нередко авторы поступали так с намерением связать великие исторические и поэтические личности еще больше, с целью сближения народов и культур. Но подобные натянутости, вопреки фактам, не обогащают культуру, не укрепляют братство между народами. Такая легенда уже не раз послужила фитилем вдохновения. Однако поддерживать ее сегодня означало бы творить насилие над историческими фактами, подвергать сомнению необходимость глубоко научных исследований, которые обуславливаются созвучностью великих творцов, родственных народов и схожих эпох. Люди не нуждаются в подобных легендах, а науке они мешают.

Когда именно зародилась первая легенда о «встрече» Негоша с погибшим Пушкиным – остается пока не

выясненным. И. Секулич, автор исключительно мудрой, содержательной книги о Негоше, высказала суждение, что потомки «с радостью комбинируют пути и мысли великих людей», но такие комбинации, считает она, в большинстве своем иллюзорны. Здесь же она оставила нам и загадочное «сведение», что в России «некий С. Тургенев написал целую фантазию о присутствии владыки (речь идет о Негоше. – *Й. С.*) на отпевании Пушкина зимой 1837 года, в глуши, в монастырском одиночестве, куда поспешно отправили павшего на дуэли поэта»⁴⁰. Секулич не уточнила, когда и где «фантазия» эта впервые появилась. Мы полагали, что здесь имеется в виду А. И. Тургенев, но у него не нашли хотя бы зачатка этой легенды.

М. Клопчич не ответил на вопрос автора этой статьи, откуда у него сведения о том, что черногорский поэт в Святогорском монастыре присутствовал при погребении Пушкина.

Есть ли в стихах Негоша основание для подобных легенд? Следующие строки могут навести на мысль, что Негош был возле алтаря, у храма, где похоронен Пушкин:

собраће ти витешки подвизи
пред дивнијем ступају олтаром.

При более глубоком проникновении в суть этих строк ясно, что пред «дивный алтарь» вступают не «собратья», но «героические подвиги братьев». А это означает: подвиги тех, которые воспеты в сборнике «Зеркало сербское». Негош в своих стихах достаточно ясно употребляет слово «алтарь» («олтар прави на камен крвави»), особенно в тех случаях, когда говорит о поэтах и поэзии. На основании приведенных строк можно прийти к следующему выводу: самое имя Пушкина, его поэзия могли представлять для Негоша «дивный алтарь».

«Я каждому злу смотрю прямо в глаза», – так писал Негош С. Кинчанину 20 января 1850 г. Пора, чтобы в конце XX века исследователи связей Негоша с Пушкиным посмотрели фактам в глаза более внимательно.

Пушкина у южных славян воспевали издавна. Но упомянутые легенды относятся все же ко времени, более близкому нам. Напомним, что поэтами уже в XX столетии складывались сказки о Пушкине и черногорцах. Одну из них сочинил Радуле Маркович Стийенский в 1942 г., когда находился в Москве. Сказка посвящена югославским партизанам и сложена в духе старинных юнацких гуслярских песен. Называется она «Пушкин и черногорцы». В ней старик Стоянович вспоминает свою невозвратную юность и минувшие битвы своего народа, обращаясь к Пушкину:

...И знакомую русскую книгу
Достает из-за пазухи старец.
И читает на снежной вершине,
Молодею от песни горячей:
«Черногорцы, что такое, –
Бонапарте спросил, –
Правда ль: это племя злое
Не боится наших сил?»
И столетний старец Стоянович
Зажигается пушкинской песней,
Вспоминает далекое время,
Когда брат Стоянович Мирко
Бил на кручах врага Бонапарта.
Партизан Станоевич промолвил:
«Пушкин, наш славянин вдохновенный,
Наш певец с голубыми глазами,
Ты меня на сорок лет старше,
Если б жил ты на свете сегодня,
То прославил бы новою песней

Черногорцев, бойцов непреклонных.
Черногорцев вовек не пугала
Угнетателей жадная свора.
Солнце жаркое нас закалило,
В небе молния благословила,
И земля приказала сырая
Всем собираться на битву с фашизмом.
Враг своею чешуйчатой лапой
Погасить хочет факел свободы,
Он терзает и горы, и небо,
Топчет предков славных могилы.
Слушай, Пушкин, для вражеских танков
Есть у нас и ущелья, и реки.
Есть тяжелые скользкие камни,
И гранаты у нас, и бутылки».
Так беседовал с Пушкиным старец,
Вдруг внизу зашумело ущелье,
Спрятал старец любимую книгу
И повел партизан Стоянович

<...>

Снова в чету и набеги и битвы.
Шла дружина с верной московкой;
С боевою тяжелою пращей
И с любимой пушкинской песней,
Золотою российской книгой.
Посиневшей холодной рукою
Партизан Стоянович потрогал
Свой согретый маленький томик,
Где стихи полнокровные жили
О бойцах – черногорцах упрямых,
Где дышал в каждой песне и строчке
Вдохновенный, искрящийся Пушкин⁴¹.

Эта сказка, рожденная в огне войны, тоже малое зеркало суровой реальности, в которой слились героический дух прошлого и совместные славные подвиги славянских народов.

И все же, вопреки фактам, легенды о «встрече» Негоша и Пушкина продолжают жить, приобретают все новые литературные воплощения. Несмотря на то, что наука о литературе не может принять версию, изложенную в легенде, эта легенда оказалась плодотворной, будила и продолжает будить интерес к этим двум крупнейшим славянским поэтам. Ряд поэтов посвятил этой «встрече» стихи, которые своим накалом, образностью, воспроизведением духа эпохи, благодаря своей высокой художественности обретают силу и обаяние исторической подлинности. Характерен в этом плане сонет черногорского поэта Момира Войдовича «Негош на погребении Пушкина» («Његош на Пушкинском погребу», 1985)⁴²:

Тисучу осамето тридесет седме зиме,
Његош из Виене крену без дозволе
У царски Петроград. Пскову пред њиме
Неста далег пута док власти изволе

Да отворе к цару пут архипастира
Из Черногорце. Бриану вучји огреб...
Шестог фебруара, поред манастира
Свјатигорска, стиже на Пушкинов погреб;

Тек што три жандара и собар Никита
Изинјенше ковчег и поче да чита
Посмртну молитву Генадиј над раком,

У пратњи жандара, прие снежна чела
Пјесник са Ловћена да из Царског Села
Пјеснику пожели родну зему лаком.

Отношение Негоша к России многократно выражено в его поэзии и письмах. И никакие легенды не могут сравняться с его подлинным гимном России, братству славянских народов, их борьбе за свободу. В этом плане его письмо (1847) Императорскому Обществу истории и древностей российских при Московском университете после получения диплома почетного члена этого Общества по силе чувств, философских и исторических определений, возможно, не имеет аналогов даже в мировой поэзии:

Благодарю Москву за внимание, за то, что она вспомнила о своем искреннем поклоннике, обитающем на краю славянского мира; за то, что не забыла атома, но атома, который ей принадлежит по всему, – атома, который ураганами времен занесен на страдание в среду чужих! О, сколь Москва восхищает меня! Москва – священная скиния великого народа, в которой воспитывается завет нашего величия! Москва – колыбель Донского, Иоанна Великого, Пожарского и Романовых! Москва – мать царей, начало величия славянского! Москва – столица знати и святой алтарь православия и славянства! Москва, – которая великодушным всеожжением своим показала свету имя славянское, – неколебимая скала, о которую величие запада Европы сокрушилось! Как удивительно внимание Москвы для души, пылающей пламенем величия и гордости славянской! Я ее преданный сын, я ее поклонник. Я верный поклонник блистательной славы родного племени! Москва – душа души моей и сладостное сновидение, исполненное святыми, великими надеждами. Судьба моя не согласна с моим намерением: я Москвы не видал и, может быть, не увижу, но она у меня всегда перед глазами: то вижу ее пылающей жертвой на алтаре великого народа; то вижу ее возрождающуюся из пепла, подобно фениксу; то вижу священный Кремль – святую обитель царей, сияющей золотыми главами храмов, как державный венец царицы

славянского мира; то вижу ее вельмож, непоколебимых столбов трона и славянства. Вот единственный круг в мире, где душа черногорца может торжествовать и открывать свое прямое чистосердечие по чувству единоплеменности!

Внимание Москвы неоченно для начальника горсти народа, обреченного роком на испытание, на жертву за православие и за честь имени, – народа, в продолжение четырех веков теснимого и истребляемого государствами иноплеменными, сохранившего бытие свое только верою и честью имени и дожившего до блаженной эпохи, когда царь и мать величия славянского вспомнили об нем, – народа, над которым ломались громаы всех ужасов тиранства, – народа, противу которого злобный голос неверных иноплеменных всегда гремел и гремит хулением. Для владыки, гордо страждущего за честь племени, внимание Москвы – единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклонюсь как невинный сын природы новорожденному солнцу после ночи, возмущаемой адскими сновидениями! <...>

Прощайте, вельможи и прочие господа члены сего Общества, любезные единоплеменники мои, и не оставляйте Вашим вниманием вечно преданного душою

владыку черногорского
П. П. Негоша.

Роль Негоша в югославской поэзии и в судьбе черногорского и сербского народов, его поэтическое величие ярко раскрываются в высказываниях многих ученых и писателей. Для всех Негош был и остается народной святыней, воплощением исконных истин и всегда действенной мудрости. Г. Гезман писал о Негоше, что «он был поэтом, одним из самых гениальных в век Гете, Байрона и Пушкина»⁴³. Говоря о «Горном венце», Р. Ковиянич пишет: «Такие книги мудрости, вечных истин и высоких моральных принципов

древние народы провозглашали святыми. “Горный венец” – это синтез нашей народной поэзии, ее эссенция. И разве наши народные песни не являются книгою пророков, апостолов, Евангелием нашей национальной религии!»⁴⁴. Сотни негошевских строк вошли в душу народа как изречения и молитва. В них видели и путеводную звезду, и спасение, свою судьбу: «Наше “Священное писание” – это “Горный венец”, творение, которое не стареет, чьи слова нетленны. Знать его наизусть, беречь каждое слово – это единственный способ не потерять себя»⁴⁵. Невозможно забыть слова знаменитой сербской писательницы И. Секулич, более пятидесяти лет исследовавшей творчество Негоша: «Мало людей и среди самых великих, внешний облик которых уже есть документ их исключительности. За двести лет мы знаем троих: Гете, Байрона и П. Петровича Негоша. Это те люди, которые – счастливы они или трагичны – созданные по Библии из праха земного, еще и “рождены свыше”, – или, по словам св. Августина, это те, которых Бог создал ради себя, чтобы иметь родственников, чтобы не быть одиноким, чтобы было “с кем разговаривать” – так грустно вздыхал гордый Бог Мильтонов»⁴⁶. Эмоциональный тон этого высказывания отражает то трепетное отношение к личности Негоша, которое и способствует возникновению разного рода легенд о нем.

Примечания

- ¹ Впервые статья, приводимая нами с рядом поправок, была опубликована в сборнике: Россия. Запад. Восток: Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. СПб, 1996. С. 153–175. – *Примеч. ред.*
- ² *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош, владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович Негош, владыка черногорский, 1830–1851 гг. СПб, 1889.
- ³ В 1961 г. Д. Неделькович в предисловии к поэме «Луч микрокосма» отметил и незначительное влияние Ломоносова, но лишь в философском аспекте (см.: *Неделкович Д.* Негош философ ослободилачкога хуманизма. Београд, 1973. С. 287–299; *он же.* Ломоносов и Негош // Русская литература. 1967. № 2. С. 96–102).
- ⁴ Негош в своем альманахе «Грлица» (1839) опубликовал не перевод, а оригинал на русском языке – глубоко поэтическое пушкинское переложение стихов Мериме о победе черногорцев над Наполеоном («Бонапарт и черногорцы»), а также стихотворение о вожде сербского восстания («Песня о Георгии Черном»).
- ⁵ Југославија – СССР. Бр. 18. Београд, 1947. С. 20.
- ⁶ Вук Караджич.
- ⁷ Југославија – СССР. Бр. 18. С. 20.
- ⁸ Словенско братство. 1947. Јуни. С. 440.
- ⁹ Длинное стихотворение из 127 строк – своеобразная ода. Заглавие – «Кнезу Меттерниху» – дала редакция собрания сочинений Негоша. В его присутствии В. С. Караджич, журналист В. Говис и придворный советник, историк Й. Хаммер перевели это стихотворение на немецкий язык. Негош хотел напечатать его в оригинале и в немецком переводе, но Меттерних не согласился на публикацию, так что стихи оставались не опубликованными до 1911 г.

- ¹⁰ Пребывание правителя Черногории владыки Петровича Негоша в Пскове (неопубликованные документы) // Славянские известия. 1910. № 7/8. С. 676–679.
- ¹¹ Все цитаты из писем Негоша взяты из кн.: *Негош П. П.* Цјелокупна дјела. Београд, 1951. Књ 7. С. 375, 378–380, 385–386.
- ¹² *Петровић В.* Сабрана дела. Нови Сад, 1958. Књ. 1. С. 254–255.
- ¹³ Письмо Милаковича к В. Берари и первоначальный вариант посвящения в 1949 г. в старом архиве одного белградского издательства обнаружила Л. Дуркович-Якшич (см: *Летопис Матице српске.* 1949. Бр. 6. С. 385).
- ¹⁴ 5 июля 1837 г. Негош написал стихотворение «Праху народолюбца» («Праху народољупца»), посвященное Л. Мушицкому (1777–1837), крупнейшему сербскому поэту того времени. В этом стихотворении находим строки:

Виш' Аполон сиуа не види очима;
Храм ее српских музах разруши на вјеки,
Увехнуше в'јенци пастира и п'јевца;
Паде ступац снажни отеческе цркве;
Катедра је пуста, а лира пребјена...

Следует заметить, что Мушицкий являлся также духовным лицом.

- ¹⁵ *Негош П. П.* Цјелокупна дјела. Књ. 9. С. 469–470.
- ¹⁶ *Андрић И.* Сабрана дела. Београд, 1976. Књ. 13. С. 18.
- ¹⁷ *Секулић И.* *Говор и језик.* Београд, 1959. С. 165–166.
- ¹⁸ Славянские известия. 1913. 11 авг.
- ¹⁹ Европейская поэзия XIX века. М., 1977. С. 773.
- ²⁰ *Зенкевич М.* Петр Негош и его поэзия // *Негош П.* Горный венец. М., 1955. С. 8. – Позднее этот же автор писал: «В 1837 г. Негош, вторично посетив Россию, останавливался в Святогорском монастыре, где похоронен Пушкин. Стихотворным посвящением “Тени Александра Пушкина” открывается сборник народных песен “Зеркало сербское” (“Огледало српско”, 1845), содержащий и песни Негоша» (Краткая

- литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. С. 162). Эти слова повторены и в Большой советской энциклопедии (см.: БСЭ. М., 1974. Т. 17. С. 402).
- ²¹ Европейская поэзия XIX века. С. 894 (примеч. А. Романенко).
- ²² Гейченко С. С. У Лукоморья. Л., 1981. С. 121–124.
- ²³ Мартинович Н. С. Петар II Петрович Негош в Пскове // Временник Пушкинской комиссии. 1966 (1969). С. 59–61; *он же*. Петар II Петровић Његош у Пскову // Стварањ. 1971. Бр. 6. С. 776–795.
- ²⁴ В настоящее время так и происходит. К примеру, О. Кутасова пишет: «Черногорский исследователь Н. Мартинович не без основания строит гипотезу о том, что владыка отслужил в Святогорском монастыре панихиду по Пушкину на сороковины, был в Михайловском» (Кутасова О. Жизнь поэта // Негош П. Горный венец. М., 1988. С. 24).
- ²⁵ Латковић В. П. П. Његош. Цетиње, 1953. С. 144.
- ²⁶ Поповић М. Историја српске књижевности. Романтизм. Београд, 1968. С. 257, 282–283.
- ²⁷ Бабовић М. Његош и следбеници. Подгорица, 1993. С. 34.
- ²⁸ См.: Отечественные записки. 1818. 5 марта.
- ²⁹ См.: Бантыш-Каменский Д. Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.
- ³⁰ У нас на эту тему написана работа «А. С. Пушкин и Георгий Петрович Черный».
- ³¹ Кравцов Н. Из истории русско-сербских литературных связей // Славяне. 1955. № 6. С. 25.
- ³² Державин К. Пушкин у славян // Звезда. 1951. № 6. С. 173.
- ³³ Артемов С. Пушкин у славян // Новый мир. 1949. № 6. С. 220.
- ³⁴ Кутасова О. Жизнь поэта. С. 30.
- ³⁵ См.: Спасић К. Његош и французи. Београд, 1988. С. 7.
- ³⁶ Обен М. Његош и историја у песниковом делу. Београд, 1989. С. 154.
- ³⁷ Попивода П. Петар Петрович Негош // Огонек. 1951. № 46. С. 24.

- ³⁸ *Джилас М.* Његош: Пјесник, владар, владыка. Београд, 1988. С. 186.
– В этой объемной книге, кстати, ни разу не упомянут Пушкин.
- ³⁹ *Драгичевић Р.* Чланци о Његошу Цетиње, 1949. С. 117.
- ⁴⁰ *Секулић И.* Његошу. Београд, 1977. С. 184.
- ⁴¹ Славяне. 1942. № 3. С. 32.
- ⁴² Стварање. 1985. Бр. 6. С. 186.
- ⁴³ *Гезман Г.* Његошева филозофија хероизма // ГЕМ. Цетиње, 1963. Т. 3. С. 55.
- ⁴⁴ *Ковијанић Р.* Једно мјесто у «Горском вијенцу» // Цетиње и Црна Гора. Београд, 1927. С. 1887.
- ⁴⁵ *Бећовић М.* О Његошу. Шабац, 1988. С. 48.
- ⁴⁶ *Секулић И.* Његошу. С. 204.

Ю. А. Созина

Поэзия Негоша и Россия¹

Приступить к разговору о действительно великом поэте не составляет особого труда. Для этого достаточно использовать несколько со школы привычных уху соотечественников фраз, обозначающих вершину национального Парнаса. Гораздо сложнее объяснить, почему богатое наследие крупнейшего для своего времени поэта *братского народа* спустя два века остается практически недоступным для русскоязычного читателя. Петар (или в соответствии с традиционным русифицированным написанием – Пётр) II Петрович Негош (1813–1851) был человеком исключительной одаренности. После себя он оставил богатое литературное наследие – стихи, прозу, переводы, письма. Всемирную известность получила его философская поэма «Луч микрокосма» (1845). Обо всем этом написано в учебниках и академических научных трудах. И тем не менее...

Можно предположить, что «злую шутку» сыграла принадлежность поэта к высшим политическим сферам – великий государственный деятель, реформатор, владыка Черногории с 1830 по 1851 гг. Его неподдельную любовь к русской культуре, выразившуюся в по-юношески восторженных стихах, в том числе посвященных русскому императору, вполне могли принять настороженно, даже заподозрить в фальши. Тем паче императором этим оказался Николай I, чье жесткое, не приемлющее никакого свободомыслия царствование принесло немало бед столь любимой поэтом России. В советские же времена пропагандировать стихи православного священнослужителя высшей церковной иерархии... – об этом чуть позже. И все-таки поэма «Горный венец» пробила эту стену отчуждения, вплоть до настоящего

времени появляются новые попытки передать на русском языке ее глубокую красоту. Начиная с отрывков, представленных Н. В. Гербелем в «Поэзии славян» (СПб, 1871), первого полного издания 1887 г. в переводе Лукьяновского, уже в советское послевоенное время дважды переиздавался перевод М. Зенкевича (М., 1948 и 1955). В 1988 г., к 175-летнему юбилею Негоша, под редакцией О. Кутасовой выходит новый перевод Ю. Кузнецова под одной обложкой с драмой «Самозванец Степан Малый» в переводе В. Корнилова. Последний перевод на русский язык поэмы «Горный венец», выполненный А. Шумиловым, вышел в 1996 г., правда, за рубежом – в самой Черногории². Да еще пара стихотворений: в переводе «скромного» А. Степовича (в первой книге «Славянской беседы», 1888), «весьма вольного» А. Сироткина (в «Славянских известиях» за 11 августа 1913 г.), даже «неоднозначного» Б. Слущкого (в антологии «Европейская поэзия XIX века», 1977)³. Вот, пожалуй, и все...⁴

Вместе с тем тема России вошла в творчество Негоша⁵ уже с одним из его первых произведений⁶ – «Новой песней черногорской о войне русских и турок, начатой в 1828 году» (поэту было в ту пору около 16 лет). Написанная в духе народных сказаний поэма возносит русского царя Николая I как справедливого, преисполненного достоинства былинного героя, который отправляет гневное послание турецкому султану с вызовом на бой. В этом письме Негош особо выделяет благородство потомка Петра Великого, чуткого к людским горестям, сердцем болеющего за угнетенные православные народы (сербов, болгар и греков):

Кад разумјех Србе витезове,
Љуто ми се срце увријеђе
И жалост ме повиша пристиже,
Кад чух за смрт Црнога Ђорђија,

Моје десне из рамена руке.
Него и то хоћах прегорјети
До времена нашега мегдана,
И што било то је проминуло.
Док ево ти три хиљаде Грках,
Три тисуће Грках и Булгарах,
Сви у црно завијени сукно
Ронећ сузе низ бијела лица;
Сви падају на гола кољена,
Сваки виче што год боље може:
«Николаје, сунце без захода,
Ал’ помагај, ал’ не посијецај,
Да нас не жме безбожнијех рука!» (стих 67–83)⁷

Когда внял я сербам славным воинам,
сердце мое оскорбленное сильней забилося,
и печаль меня великая объяла,
когда услышал я о смерти Черного Георгия⁸,
моей правой от плеча руки.
Но и это я хотел перетерпеть
до начала нашего поединка,
и что было, то миновало.
Как вдруг разом три тысячи греков,
три тысячи греков и болгар,
все одетые в черный траур,
роняли слезы белые лица;
все упали ниц на голые колени,
каждый надрывается от крика:
«Николай, немеркнувшее солнце,
или помоги, или предай нас смерти,
чтобы не душила нас рука безбожных!»⁹

Готовые отразить нападение любого из своих соседей
и наказать восставших турецкие военачальники понимают

нешуточность войны с Россией, уже не раз показывавшей им свою мощь: «с ними воевать нам бесполезно» («Нам' је залуд ш њиме ратовати», стих 239). Для усиления контраста между величием русской и бессилием турецкой армий, а также для передачи народных настроений в Османской империи, автор вводит в повествование героя восточных сказаний Насреддина – в поэме он назван Насрадин. Он изображен 460-летним старцем, воплощающим в себе народную мудрость и смекалку. Рассказывая о своем опыте сражения с русскими, спасением от которых служит лишь безоглядное бегство, Насреддин пытается отговорить своего правителя от бессмысленной войны. Несмотря на предостережения окружающих, султан не желает пойти на уступки, собирает огромное войско и принимает бой. На смерть схватились две огромные силы – русские и турки, но:

Бјеже паше, за њима везири,
За везирма војска сваколика;
А за њима Руси у погоњу... (стих 698–700)

...бегут паши, бегут визири,
за ними все их войско многолико,
а следом русские – нещадно гонят...

В этом произведении, несомненно, симпатии юного автора принадлежат России. Оно было создано по горячим следам исторических событий, оказавшим большое влияние на судьбы Балкан, и отразило в себе подъем русофильских настроений среди сербов и черногорцев того времени. Большую популярность этого произведения в народе отмечает в своей монографии о Негоше П. А. Лавров: «В заметке к отдельному изданию этой песни говорится, что народ черногорский так ее полюбил, что почти всякий черногорец знает ее наизусть и охотно поет под звуки гуслей. Неудивительно,

что некоторые меткие выражения ее и до сих пор уцелели в народе»¹⁰.

Примечателен тот факт, что в публикации «Новой песни черногорской...» в 1837 г.¹¹ Негош оставляет ей первоначальное название: «о войне, начатой в 1828 году», тем самым, вероятно, подчеркивая актуальность и незаконченность миссии России на Балканах.

Постепенно знания Негоша о мире и литературе расширяются. Большую роль в становлении будущего владыки и поэта сыграл его учитель, наставник и друг Сима Милутинович-Сарайлия (1791–1847), личность примечательная. Известный сербский поэт не имел начального образования, но прослушал ряд лекций (в частности по философии) в университете в Лейпциге. В 17 лет он стал секретарем совета при Карагеоргии, несколько лет прожил на юге Российской империи, в Кишиневе, где им была создана знаменитая поэма «Сербияда» («Сербијанка», Лейпциг, 1826)¹², был знаком с Гете, одобрительно отзывавшимся о его поэме, и с рядом других известных немецких литераторов. При владыке черногорском Петаре I Петровиче Негоше, в последние годы его жизни, Милутинович состоял секретарем народным. С 1827 по 1830 гг. Раде¹³ имел возможность не только познакомиться с ним, но и перенять его обширные, хотя, вероятнее всего, и неупорядоченные знания о мировой литературе, в том числе и русской. Возможно, не меньшую роль в развитии личности Негоша сыграла его огромная любовь к чтению. Сербский писатель Любомир П. Ненадович (1826–1895) в своем сочинении «О черногорцах» (1878), основанном на воспоминаниях С. Милутиновича, которые он слышал еще ребенком, на рассказах черногорцев во время своих поездок в их прекрасный и суровый край и на впечатлениях от личного знакомства с владыкой, пишет: «Раде остался на Цетине, чтобы изучать

книги. /.../ Гусли говорят лишь с теми, кто может слышать их голос; книга говорит и с теми, кто далеко, – она говорит через века. /.../ Он прочитал все книги, что были в монастырской библиотеке. За короткое время он знал столько, сколько знали те, кто его учил. Старый владыка отправляет его в Боку Которскую, в монастырь Савина, близ Нового. Но и здесь у него не было таких учителей, которых бы за короткое время своим вчитыванием в науку не превзошел. Житиями Святых отцов в монастыре он не мог удовлетвориться. Он одалживал светские книги в городе и читал их»¹⁴.

Благодаря общению с Милутиновичем и беспрестанному чтению юный поэт, видимо, начинает ощущать себя и свое творчество уже в контексте развития общеевропейской литературы. Вероятно, особенно этому способствовало знакомство с произведениями русских поэтов и писателей, а также через русские переводы с мировой классикой – произведениями Гомера, Данте, Мильтона, Байрона и др.

Среди книг библиотеки Саввинского монастыря, где Раде «должен был научиться церковному правилу и служению»¹⁵, было первое оригинальное издание «Риторики» М. В. Ломоносова 1748 г., одного из литературных учителей тогда еще тринадцатилетнего Раде Томова. Два полных собрания сочинений Ломоносова хранились и в библиотеке владыки Петра I. Значение Ломоносова для Негоша выразилось в появлении и развитии в его произведениях определенной схожести внутренней философской направленности со взглядами русского энциклопедиста, которая, претерпевая изменения, в своеобразном виде сохранилась и в зрелом творчестве черногорского поэта¹⁶.

18 (30) октября 1830 г. умирает владыка Петар I. Его завещанием юному наследнику стало предсмертное напутствие: «Теперь я тебе ничем не могу помочь, но вот тебе эти самые последние слова от меня: молись богу и держись России».

Об этом мы узнаем из письма Негоша российскому вице-консулу в Дубровнике Е. М. Гагичу от 30 октября того же года. Это одно из первых официальных писем Негоша примечательно тем, что в нем автор раскрывает свое отношение к России, представлявшейся ему «единородной покровительницей и охранительницей нашей», которая «все славянство прославила, а всех турок унизила, – Русь, глава Славян под покровительством всевышнего». Можно полагать, что подобные восхваления были использованы молодым владыкой, еще только осваивавшим искусство политики и дипломатии, как дежурные общепринятые обороты речи, но в этом случае, как нам кажется, можно было бы обойтись лишь первой фразой, экспрессивно-эмоциональная окрашенность второй, содержащей противопоставление России и ненавистной Порты, подтверждает подлинность чувств Негоша по отношению к великому северному брату. Кроме того, трудно ожидать от 17-летнего, неопытного и темпераментного, вместе с тем умного, талантливого и прозорливого человека проявлений политического лицемерия.

19(31) октября скупщина старейшин Черногории и Брды провозгласила семнадцатилетнего Радивоя Петровича престолонаследником, подтвердив тем самым завещание митрополита Петара I, желавшего видеть младшего племянника своим преемником. Юноша сразу же принял монашеский постриг и был посвящен в архимандриты.

1833 г. Негош впервые приезжает в Россию. 6 (18) августа в Преображенском соборе Санкт-Петербурга в присутствии Николая I его торжественно посвящают в архиерейский сан епископа. Он стал первым черногорским владыкой со столь высоким званием. Позже, в 1834 г., Святейший Синод по предложению русского императора посвящает его в архиепископы. Приезд Негоша был заметным событием в жизни петербургского высшего общества. На родину

владыка вернулся воодушевленным, полным надежд, очарованным величием и красотой российской столицы, уверенным в поддержке русских. Кроме того, он получил существенную денежную помощь, а также привез иконы, церковную утварь, шрифт для типографии и большое количество книг (только книг на сумму 10 тысяч рублей)¹⁷.

Результатом первой поездки Негоша в Россию можно считать появление сборника «Отшельник цетинский» (1834). Наряду с произведениями философского («Черногорец всемогущему Богу») и историко-мифологического содержания («Пленный вилой черногорец») в книгу вошли семь стихотворений, посвященных России. Среди них – два стихотворения, посвященные лично Николаю I, по одному – цесаревичу Александру, известному филантропу и влиятельному государственному деятелю князю А. Н. Голицыну и обер-прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву, принимавшему Негоша в кругу своего семейства. Бесславно окончившемуся нападению Наполеона на Россию посвящено сатирическое стихотворение «Дунул ветер сильный на Россию...» (известное также под названием «Орел и курица»), где неудачливого французского императора поэт сравнивает с курицей, а императора российского с орлом. Центральными мотивами стихотворений «Отшельника цетинского» стали мотив общеславянского единства, мотив свободы, или «глас свободы», мотив сочетания добродетелей и воинской храбрости русских:

Више сваког ти се радуј,
О велико племе руско,
Које римским крачеш краком
Под управом *Николаја*...

Ты же всех возрадуйся сильнее,
о великое, русское племя,

что шагаешь римскими шагами
под началом *Николая*...

(«Ода на день рождения всероссийского императора
Николая Первого», стих 96–99)

Интересны параллели с древнегреческой мифологией – Николай I именуется Марсом и Зевсом на славянском Олимпе. Сборник написан под сильным влиянием образцов классицизма, в том числе и русских. Так, П. А. Лавров отмечает, что стихотворение «Черногорец всемогущему Богу» написано под явным воздействием оды Державина «Бог» (исследователь находит в нем ряд подражательных моментов).

Среди произведений сборника особое место занимает посвящение Неве – возвышенное, эмоционально насыщенное стихотворение, выражающее чувства юного черногорского владыки к России:

Нево р'јeko, огледало љуства,
Славом ти си извор огласила
Виш но Дунай, Нил и Ефрат древни.

<...>

Брегови си осула бисером –
Просвејштењем – најдражим камењем;
Из тебе су израсли цвјетови
Правог знања и човјекољубног

<...>

О ти Нево, ув'јек с славом текла,
Са тобом се дичили народи –
Твој Рус храбри с браћом Славјанима!

(стих 1–3, 7–10, 45–47)

Нева-река, зеркало человечества,
Славой ты прославила свой исток
Больше, чем Дунай и Нил, и Евфрат древний.

<...>

Берега свои осыпала жемчугом –
Просвещением – самым драгоценным камнем;
Из тебя выросли цветы
Истинного знания и человеколюбия

<...>

О, Нева, ты всегда текла со славой,
Тобою гордились народы –
Твой русский храбрый с братьями-славянами!

Завершает книгу ироничная «Ода султану турецкому», усиливающая характерную для творчества молодого Негоша антитезу Россия–Турция.

Посещение России в 1833 г. произвело на поэта неизгладимое впечатление. В письме Вуку Стефановичу Караджичу он так писал о своих впечатлениях: «...Я и не знаю, нахожусь ли я на земле, но поднимаюсь на крыльях Дедала и с высоты смотрю, или во сне вижу столицу единоверного и единопородного царя славянского, столицу в полном смысле слова царя и действительно великого»¹⁸.

О своей приверженности России Негош не раз говорил и писал. Если бы это было лишь политической игрой, он не развивал бы так последовательно данную тему в своем художественном творчестве. Доказательством искренности его чувств может служить и сравнение некоторых особенностей поэмы «Свободиада» (1835) и ее предвестницы – поэмы «Глас из каменистых гор» (1833), оригинал которой, к сожалению, не сохранился, но в архивах города Задара на побережье Далмации был найден ее перевод на итальянский язык.

Поэма «Свободиада» была написана в тот же период восторженного отношения к России, что и стихотворения из

сборника «Отшельник цетинский». При жизни поэта она не была издана¹⁹. Произведение посвящено более чем столетней истории войн черногорцев (и сербов), начиная с битвы войск владыки Данилы и войск турецкого султана Ахмеда III в 1712 г. и заканчивая решениями Венского конгресса 1815 г., согласно которым завоеванная черногорцами Бока Которская, дававшая столь необходимый им выход к морю, отошла к Австрии. Одним из центральных мотивов поэмы становится идея славянской взаимности. Главной причиной слабости славян поэт называет их разобщенность. Последняя, десятая, песня поэмы изображает доблестную битву черногорцев плечом к плечу с русскими воинами против французов. Три тысячи русских моряков под командованием адмирала Д. Н. Синявина и шесть тысяч черногорцев вели успешную борьбу против наполеоновской экспансии в Далмации. Не может оставить равнодушным отношение Негоша к русским – «братьям единокровным славянам» («Да се брже стану с браћом / Оуднородном Славјанима», стих 72–73), «родным братьям» («Родну браћу Русе виђе», стих 109; «Пред Русима, родном браћом», стих 795), «нашим братьям» («Са Русима нашом браћом», стих 607). Солдат российской армии поэт называет «новой силой, новым чудом неслыханным» («Док ево ти новее силе, / Новог чуда нечувена!», стих 34–35), что пришли на помощь черногорцам в их непрекращающейся борьбе за свободу. Он отмечает их доблесть, ценные военные навыки, природную храбрость. Для него объединенное русско-черногорское войско, то есть войско общеславянское, является символом непобедимости:

Ал' славенски неуморни
Хитри орли, соколови,
Који в'јенца витешкога
С главе пуштит нигда неће

Док Урана име траје,
Мармонтову силу горду
Раскрхају и пос'јеку
<...>
Француз, стрављен и устрашен
От мишице Славенина... (стих 391–397, 399–400)

Но упорные славянские
быстрые орлы и соколы
венца своих витязей великих
никогда с главы не снимут,
пока живо имя славного Урана,
силу гордую Мармонта
разбивают, разрубают
<...>
Галл затравлен и испуган
силой правой славянина...

В поэме «Свободиада», которую Негош хотел посвятить цесаревичу Александру, но так и не получил на это высочайшего согласия, чувствуется неподдельное восхищение русским воинством, хотя автор с горечью отмечает, что интересы черногорцев в этой войне остались неудовлетворенными. Список произведения в 1835 г. был отправлен для получения разрешения на посвящение российскому престолонаследнику в Петербург, где хранится до сих пор в публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Глас из каменистых гор» с подзаголовком «Песня о героических делах Черной Горы с 1711 по 1813 годы» по существу является первоначальным воплощением замысла поэта описать непрерывные кровопролитные войны, которые вели черногорцы во имя свободы. Произведение было закончено еще до поездки Негоша в Россию. В Вене он передал его Вуку Караджичу для публикации, которая так

и не состоялась из-за сомнений цензуры. Здесь расставлены несколько иные акценты. Так, например, повествование начинается с описания неудачной для России войны с Турцией, в которую призывами Петра Великого были вовлечены и черногорцы (этот факт опущен в «Свободиаде»). Заканчивается произведение хвалами в честь австрийского престола, от которого в свое время Черногория получала некоторую военную помощь (обозы с порохом). Торжественное обращение к Иосифу содержит благодарность, но в них нет и доли того восхищения русскими, которое отражено в «Свободиаде» и в «Отшельнике цетинском». Да и в самом «Гласе» Негош обращается к черногорцам:

Вместе с русскими вы проливаете кровь,
зная, что принадлежите одному племени,
и все по распоряжению царя самодержца,
подлинной короны сербского народа...²⁰

После первой поездки Негоша в Россию значительно пополнилась его личная библиотека. В ней оказались произведения Пушкина, Державина, Жуковского, снова русские переводы мировой классики. Пушкин и Байрон были любимыми поэтами черногорского владыки. По воспоминаниям секретаря владыки М. Медаковича: «Его библиотека была полна почти одних русских книг, которые почти все получены из России в дар. /.../ Всегда получал по несколько политических газет, больше же всего читал сербские и русские, а потом и французские»²¹.

Тяжелое экономическое и политическое положение Черногории заставили Негоша еще раз обратиться за помощью к России и отправиться туда в канун 1837 г. Хитросплетения внешней политики, известная настороженность к его деятельности со стороны некоторых недоброжелателей в Петербурге задержали Негоша в Европе. Вторая поездка

в Россию была долгой и утомительной, потребовала от владыки много сил, но, к счастью, результаты ее оказались весьма полезными для Черногории²². По этому поводу П. А. Ровинский пишет: «Поездка эта хотя и сопровождалась самыми невыгодными для него (Негоша. – Ю.С.) обстоятельствами, в конце концов, дала ему веру, что он никогда не будет оставлен Россией и ее строгим, но великодушным монархом»²³.

В конце 30-х – начале 40-х годов Негош почти ничего не создает, посвящая свободное время, которого у него, как правителя, было крайне мало, расширению своих знаний в области общеевропейской культуры. С 1845 г. практически одна за другой выходят его книги – «Луч микрокосма», «Зеркало сербское» (сборник народных песен, 1846), «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый». Отношение Негоша к России менялось, как с годами, естественно, менялись и его взгляды на мир – пропала былая юношеская восторженность, безоглядное упование на мощь северной союзницы и доблестный героизм ее сынов. В «Горном венце» он устами Владыки Данилы скажет:

Вражја сила отсвуд оклопила!
Да је игђе брата у свијету,
Да пожали, кâ да би помагâ! (стих 646–648)

Отовсюду злая сила давит.
Хоть бы брат был где-нибудь на свете,
пожалел бы, уж и тем помог бы.

(Перевод Ю. Кузнецова²⁴)

Вражъя сила грозит отовсюду.
О если бы в мире брат нашелся
и заплакал над нашей судьбою.

(Перевод А. Шумилова²⁵)

Но Россия все равно оставалась для него великой страной с богатой и такой близкой культурой. Примечательно в этом отношении произведение «Самозванец Степан Малый», которое многие традиционно называют драмой, а известная сербская писательница Исидора Секулич считала комедией исторической ситуации, но сам поэт не стал обозначать его жанр, указав лишь в подзаголовке: «Историческое событие восемнадцатого века». В основу положены реальные факты из истории Черногории, которой несколько лет управлял самозванец, выдававший себя за русского царя Петра III.

В этом произведении Негош показал, насколько глубоко в сознании черногорского народа жива была вера в великого русского брата, так что слова «император российский» не просто действовали магически, но служили в течение шести лет, когда Черногорией правил самозванец, объединению разрозненных племен. Прибывший из Петербурга князь Георгий Долгоруков с миссией от Екатерины II разоблачает Степана Малого, но народ требует вернуть царя, обосновывая это так:

Шта је принцип пред јединијем царем?

Ка миш мали пред добријем мачком.

(действие 4, стих 913–914)

В сравненье с царем что князь такое?

Пред сильным котом мышонок малый!

(Перевод В. Корнилова²⁶; с. 299, стих 911–912)

Интересны строки, где некоторые черногорские старейшины высказывают свое отношение к России в связи с возникшим спором из-за лжецаря. Так, сердар Вукале говорит:

Све је код вас другојаче, књаже!

Ја сам једном био у Русију:

У вас су се растегле равнине,
Краја им се прегледат не може;
Куд год човјек обрати погледе,
Види небо с равнинама спојено

<...>

Може бити у многим стварима
Код вас право а код нас неправо,
Код нас право а код вас неправо

(действие 4, стих 860–864, 879–881)

Князь, у вас все совсем по-иному.
Я однажды побывал в России;
Тянутся везде у вас равнины,
Им не видно ни конца, ни краю;
И куда там человек ни взглянет,
видит, что с равниной слито небо

<...>

Мы поступаем неодинаково,
В чем-то вы правы, а мы не правы,
В чем-то мы правы, а вы не правы...

(с. 297, стих 857–862, 877–879)

Словно с укором за то, что в Петербурге могли поверить наветам недругов, Негош вкладывает в уста Попа Андрии слова:

Ту љубави чисте братске није,
Кбју јудан човјек из пакости
Би могао собом претргнути.

(действие 4, стих 898–900)

Какая же это любовь братская,
Ежели ее в раздражении
Один человек разорвать волен?

(с. 298, стих 896–898)

Конечно, в этом произведении с особой остротой чувствуется понимание Негошем глубоких различий между двумя народами – черногорским и русским, у которых отличаются историческая судьба, традиции, характеры, да и сама природа, их окружающая. Тем не менее, у этих двух народов есть общее, великое, исконное начало, что роднит их, заставляет оставаться братьями, несмотря на все обиды. О последних напоминают в драме черногорцам турки, на что Феодосий Маркович отвечает:

Јошт му и то придодай, Мацаре!
Да су Руси наша родна браћа:
Нејма силе у свијет никакве
Која би нас могла разбраствити.

(действие 4, стих 664–667)

И еще скажи, Мадьяр, визирю,
что русские нам родные братья,
что на свете силы не сыщется,
которая бы нас рассорила.

(с. 288, стих 662–665)

Считается, что обращение Негоша к драматической форме «не обошлось без усвоения пушкинского опыта в создании драматических произведений и прежде всего “Бориса Годунова”»²⁷. А. С. Пушкин был любимым поэтом великого черногорца, у него учившегося. Негош был потрясен безвременной кончиной своего кумира.

Существует предание о том, что во время своего вынужденного пребывания в Пскове в 1837 г. владыка черногорский посетил могилу Пушкина в Святогорском монастыре и даже отслужил там панихиду по погибшему поэту²⁸. Так, о «странном пилигриме», почтившем «святой прах», написал хранитель Пушкинского заповедника С. С. Гейченко в одном из рассказов сборника «У Лукоморья»²⁹. Эта прекрасная

легенда, оставаясь вымыслом, тем не менее отвечает тому трепетному чувству, которое, вероятно, к Пушкину испытывал Негош, что нашло отражение и в его стихах.

Свой сборник черногорских народных песен «Зеркало сербское» Негош посвятил «Памяти Александра Пушкина»³⁰:

Над великим всемогущим сводом,
над далью, что доступна взгляду,
под единовластным небосклоном,
где молодые солнца непрестанно,
зажигаемы магической рукою
нашего творца, роятся будто пчелы:
там твой гений дивный зародился
и на пение он миром был помазан;
с тех высот, где зори расцветают,
он оттуда к нам слетел незримо.
Счастлив ты, певец великого народа,
к праху твоему священному, земному
подвиги, что воины, сберутся,
чтобы встать пред алтарем прекрасным³¹.

Негош скончался от тяжелой болезни в возрасте 37 лет (как и его любимый Пушкин). В книге «Черногория и славянские земли» лично его знавший Е. П. Ковалевкий писал: «Владыка родился поэтом; изучение своего родного языка и народных преданий подготовило у него заранее богатые средства к занятиям литературным. Все прочие познания приобрел он тогда, когда уже был правителем, когда был обременен делами в течение дня и только у ночи заимствовал время для учения. Владыка был одним из образованнейших людей нашего времени»³².

Процесс знакомства российской публики с литературным наследием Негоша в течение второй половины XIX

и в начале XX веков можно считать вполне удовлетворительным. Именно в России появились первые основательные монографии, посвященные его жизни и деятельности – П. А. Лаврова «Петр II Петрович Негош: Владыка Черногорский и его литературная деятельность» (М., 1887) и П. А. Ровинского «Петр II (Раде) Петрович Негош: Владыка Черногорский. 1830–1851» (СПб, 1889). Негош не обойден вниманием и в обобщающих литературоведческих трудах того времени, ставших краеугольными камнями отечественного славистического литературоведения – в «Обзоре истории славянских литератур» (СПб, 1865) и в самой «Истории славянских литератур» (СПб, 1879, т. I) А. Н. Пыпина, в «Лекциях по истории сербской и болгарской литератур» А. Л. Погодина (Харьков, 1914). Последнему принадлежит и заслуга сравнительного анализа поэмы П. Негоша «Горный венец» и драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». Эти и другие достижения российских славистов были вполне подробно освещены – хотя по преимуществу с исторической точки зрения – в работах советских исследователей Ю. Д. Беляевой³³, В. К. Петухова³⁴ и других. Статья В. К. Петухова не ограничивается дореволюционным периодом и в ней приведена библиография работ советского времени, так или иначе касающихся деятельности Негоша, но автор довольно бегло затрагивает вопросы современной ему действительности. Однако если оставить статьи югославских исследователей, переведенных на русский язык, то библиография эта оказывается весьма скромной. Вместе с тем, имя Негоша – во всех масштабных изданиях: в «Истории всемирной литературы», «Большой советской энциклопедии», «Краткой литературной энциклопедии»... Поэт, которого почти не знают, но почему-то питают к нему признательность, какое-то глубокое, неизъяснимое чувство...

Размышляя о том, почему именно «Горный венец» оказался практически единственным крупным произведением поэта, пробившим стену российского / советского молчаливого неприятия, мы невольно пришли к мысли о том, что, вероятно, это оказалось возможным именно потому, что в нем нет негошевского традиционного: подчеркнутого воспеания славянской взаимности, русской (имперской) боевой славы, религиозного пафоса, проникновения в глубины мудрости мироздания. Все это было категорически чуждо советским официальным взглядам на порядок вещей. Да и до сих пор эти вопросы, поднятые новой волной интереса к отечественной истории, возвращения утраченных было традиций, возрождения национальной идеи, остаются открытыми, зачастую болезненными.

Чтобы не касаться заповедного, с опорой на своих до-революционных предшественников советские исследователи волей-неволей выпячивали такие черты негошевской поэмы, как «всесторонний художественный анализ социальной структуры общественных отношений описываемой эпохи», философское осмысление «переломного революционного момента в борьбе против турецкого феодального рабства», верность «исконной народной мечте о свободе»... И, конечно, близость Пушкину, «нашему все». Перечисленное действительно в полном объеме присутствует в «Горном венце» и поднимает его на вершину мирового Парнаса, но не только это.

Личность Негоша гораздо шире любых определений – митрополит и воин, поэт и человек, юноша и мудрец... Владыка. Постичь могут только избранные. Но хотя бы постараться приблизиться к пониманию?

Остается надеяться, что историко-политические препоны на пути к обогащению русской культуры философско-поэтическим наследием великого поэта остались позади,

что им на смену не придут иные и не возымеют фатально непреодолимой силы. Гений Негоша – живой вызов настоящему поэту. Впрочем, далеко не всем посчастливилось найти себе равновеликого «проводника» в иную культуру.

Примечания

- ¹ Исходный вариант статьи, публикуемой в переработанном, расширенном виде, был напечатан в сборнике материалов Международной научной конференции «Россия и славянство: диалог культур. К 200-летию Петра II Петровича Негоша» (Тверь, 2013) – с указанием на настоящий грант РГНФ (проект № 13–04–14023).
- ² Сравнению этих переводов посвящена работа Р. Мароевича «“Горный венец”. Русские поэтические переложения» (2001). URL: http://guskova.ru/~mladich/Njegosh/rm_gpp (дата обращения: 15.03.2013).
- ³ Последние приводятся целиком и анализируются в статье Й. Станишича, опубликованной в настоящем сборнике (с. 209–250).
- ⁴ В разговоре с российским славистом и издателем А. Б. Базилевским мы узнали о проекте, в настоящее время реализуемого в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, – комментированной антологии сербской поэзии X–XIX вв., для которой предполагается осуществить перевод ряда произведений Негоша, в том числе, наконец-то, поэмы «Луч микрокосма» – хотя бы частично. Надеемся, что у коллектива, работающего над проектом, все сложится удачно.
- ⁵ Данной теме была посвящена наша статья, материалы которой использованы в настоящей работе: *Созина Ю. А.* Россия в творчестве Петра II Петровича Негоша // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 140–151.
- ⁶ Известно, что Негош складывал песни еще совсем юным – до того, как благодаря своему дяде владыке Петру I Петровичу Негошу, выбравшему его своим наследником, получил возможность учиться.
- ⁷ Здесь и далее цитаты на языке оригинала даются по изданию: Цјелокупна дјела Петра II Петровића Његоша / у редакцији Др. Да-

нила Вушовића. 2. изд. Београд, 1936. (Эта бесценная книга была подарена автору статьи известным литературоведом, историком культуры М. Б. Ешичем в 2002 г.) – Здесь и далее в тексте указывается порядковый номер приводимых строк.

- ⁸ Георгий Петрович (1768–1817), по прозвищу Черный, вождь Первого сербского восстания 1804–1813 гг., вошедший в историю под именем Карагеоргия. Сербские повстанцы действовали в союзе с Россией, однако только после войны России с Турцией 1828–1829 гг. сербский вопрос получил свое частичное разрешение.
- ⁹ Здесь и далее, где это специально не указывается, переводы принадлежат автору статьи.
- ¹⁰ *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош владыка черногорский и его литературная деятельность. М., 1887. С. 218.
- ¹¹ «Новая песня черногорская о войне русских и турок, начатой в 1828 году» вошла во второе издание «Песен черногорских и герцеговинских» С. Милутиновича (Лейпциг, 1837).
- ¹² Произведение было создано под влиянием поэмы М. М. Хераскова «Россияда», одного из ярких образцов русского классицизма. Подробнее об этом см. главу о сербской литературе Р. Ф. Дорониной во II томе «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997. С. 249–250).
- ¹³ Раде (или Радивой) Томов Петрович – мирское имя Петра II.
- ¹⁴ *Ненадовић Љ. П.* Одабрана дела. Нови Сад–Београд, 1971. С. 376. – Этот же факт особо выделяет и русский исследователь П. А. Ровинский в своей монографии, посвященной поэту: *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович Негош владыка черногорский (1830–1851). С.-Петербург, 1889. С. 185–186.
- ¹⁵ *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁶ Интересную и результативную попытку проанализировать эту схожесть предпринял известный философ и литературовед Д. Неделькович в 1965 г. в своей статье «Ломоносов и Негош», посвященной 120-летию поэмы Негоша «Луч микрокосма» и 200-летию смерти Ломоносова (Стварање. Титоград, 1965, № 11–12. С. 1147–1158). В ней исследователь проводит убедительные параллели в наследии

Ломоносова, в том числе и естественно-научном, и творчестве Негоша, касающиеся «культы» огня, света, искры (конечно, это условное название). Ученый доказывает, что этот «культ» носил отнюдь не религиозный или романтический характер, но имел в своей основе и научно-философские воззрения.

- ¹⁷ Подробнее об этом см.: *Аниаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М., 1998. С. 190–193.
- ¹⁸ *Негош П. П.* Целокупна дела. IV издање. Књ. 6. Изабрана писма. Београд, 1975. С. 42.
- ¹⁹ Поэму в 1854 г. в Земуне издал Л. Н. Ненадович по просьбе самого владыки, с которым он познакомился во время своего путешествия по Италии в 1850 г., о чем позднее он написал в своей книге «Письма из Италии» (*Ненадовић Љ. П.* Указ. соч. С. 105).
- ²⁰ *Негош П. П.* Целокупна дела. Књ. 2: Свободијада. Глас Каменштака. С. 277.
- ²¹ Цит. по: *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 203.
- ²² *Аниаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
- ²³ *Ровинский П. А.* Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ *Негош П.* Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С. 68.
- ²⁵ *Петровић-Негош Петр II.* Горный венец. Подгорица–Краљево, 1996. С. 68.
- ²⁶ *Негош П.* Горный венец. Самозванец Степан Малый. – Здесь и далее страницы указываются в тексте.
- ²⁷ *Кутасова О.* Жизнь поэта // *Негош П.* Горный венец. С. 31.
- ²⁸ Все за и против этого предания были подробно проанализированы в работах Н. Мартиновича. См., напр., статью: *Мартиновић Н.* Негош у Пскову // *Стваране.* 1971. № 6. С. 776–799.
- ²⁹ *Гейченко С. С.* У Лукоморья. 2-е изд. Ленинград, 1973. С. 113–120.
- ³⁰ Это стихотворение, название которого на языке оригинала звучит как «Сјени Александра Пушкина», очень часто переводят «Тени (А. Сироткин даже оставляет созвучное «Сени». – Ю. С.) Александра Пушкина», забывая о ставшем уже устойчивым выражении ‘сени покојног друга посвећујем’, которое на русский язык переводится

как 'посвящаю памяти умершего товарища'; см.: Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И. И. Толстой. М., 1958. С. 865.

³¹ На языке оригинала см. в статье Й. Станишича настоящего сборника (с. 222).

³² *Ковалевский Е.П.* Черногория и славянские земли. СПб, 1872. С. 206–207.

³³ *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., 1979; *Она же.* Сербская литература в русской науке и критике последней четверти XIX – начала XX века // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1975.

³⁴ *Петухов В. К.* Петр Негош в русской дореволюционной и советской славистике // Славянские страны и русская литература. М., 1973. С. 198–210.

Н. Д. Блудилина

Начальная поэзия Негоша и русские историософические мифологемы

Поэтическое дарование Петра Петровича Негоша нашло свое первое выражение в подражании народной песне. Влияние народной стихии на молодого начинающего певца прекрасно изображено П. А. Ровинским: он рассказывает, как молодой Раде проводил свое детство на высотах Ловчена, где пас стада своего отца [15].

В 1829 г. юному Негошу попала одна русская книжка о последней войне императрицы Екатерины Великой с турками. Раде, хорошо зная церковно-славянский, без затруднения понял русскую книгу и, воодушевившись русскими победами, написал об этой войне песню, которую потом распевали по всей Черногории под звуки традиционных гусель. К этим первым опытам относится и песня «Црмничане», напечатанная С. Милутиновичем в «Песнях черногорских и герцеговинских» (1833; 75 стихов) [6]. По ней можно судить, насколько молодой поэт умел искусно подражать народной песне. Используются те же, что и в народных черногорских песнях, эпитеты, например «крвава шехер Подгорица», «поље широко» и т. д., сохранены народные выражения: «западе друму», «жећи певердана», «брешки пушки живи огањ даје» [7].

Но особенно хороша была написанная Раде в семнадцать лет песня «Бој Руса са Турцима 1828 године» [8]. И по объему (свыше 700 стихов; содержание всей этой песни с переводом отрывков передано у П. А. Лаврова [3]), и по красоте, и по патриотическому воодушевлению она может считаться одним из лучших подражаний Негоша народной песне. В заметке к отдельному изданию

этого произведения говорится, что народ черногорский так ее полюбил, что почти всякий Черногорец знает её наизусть и охотно поет под звуки гусель [8].

В этой песне владыки русский император Николай I представлен защитником всех балканских христиан без различия народности, непобедимым и внушающим страх туркам. Ужас перед русским именем прекрасно выражен в речи сановников султана, когда они узнают об объявлении войны: они в страхе, никому это не любо; если «Москов» объявил войну, то воевать с ним напрасно; они с тревогой говорят о том, что с воцарения Петра несут поражение в каждой битве – они уступили ему половину своего царства, а теперь «Москов» отнимет и другую. Призванный на совет древний старец Настрадаин советует султану согласиться на все требования русского царя, ибо всякий «Москов» предпочтет погибнуть за своего царя и свою веру, чем сделаться царем в Турции. Далее следуют воспоминания старца Настрадаина, который помнит все войны, всякую битву и постоянно воюет с «Московами», и является поэтическим олицетворением судьбы Турции в прошлом и настоящем. В его речи образно соединены Негошем мифологизация событий и сатирически гротескное описание «мук» турка от страха перед героизмом «Московов». Во время Петра I, когда велись непрерывные войны с русскими, три раза сменились у старца Настрадаина волосы и три раза вырастали кровавые. Но и Петра он еще мог переносить, пока не родилась «великая гяурка» (Екатерина II) и воцарилась императрицей «московской». От страха пред ней и ее генералом Кутузовым выпали у него все зубы «из верхней и нижней челюсти». В той битве лилась турецкая кровь, и 12 сильнейших турецких батыров бежали, не осталось ни одного. По его словам, турки оказались трусами: все бежали и всё

к своему Стамбулу, чтобы укрыли их от «гяура» турчанки. Только старик Настрадаин, раненный, остался в Адрианополе, здесь его лечили доктора и вынули из его плеч 74 копья, вонзенных в него казаками [8]. Эти гиперболизированные «муки» старца Настрадаина – кара Господня, жестокий урок захватчикам чужих земель!

Можно вспомнить строки русского поэта Г. Р. Державина (его произведения были известны Негошу), написанные «На взятие Измаила» в 1790 г.: «Луна полна на башнях крови / Поникли гордой Мекки брови / Стамбул склонился вниз челом».

В заключении песни «Бој Руса са Турцима 1828 године» выражена уверенность, что близится конец владычеству турок в Европе:

И нек зна се, докле је свијета,
Како чини бољи од горега;
И нек знаде грдни Османлија,
Да каурка може родит цара,
Тер уз цара божијега дара.
Па ако му јш једаред кресне,
Да без чуда из Европе скокне:
Нек излази, откуда је доша;
Вријеме је, скок је његов проша;
Он га тамо, не бит ни овамо.
Све бијеле виле од свијета
Сад питају Махмута султана,
Како му је с Русом ратовати,
Какви су му Турци витезови,
Мудро ли му збори Настрадаине.
У Ал' се виле топов домислиле,
Николају царске даре дају
Пак султана Русине одбрану:
Све да воле, што је не волео,
Да се соли, што је не солио.

И то било, истина је било:
Оће нама мир и здравље било [8].

Так поэтичко дарованје младог Негоша нашло прво своје изражање у руској теми и у подражању народне песме. То је потпуно природно у земљи, где не постоје куће, од којих не чују гусли, под звуци којих се певају бесбројне славне подвиге народних јунака, заштитника српске независности и храбрих бораца против муслиманског наметања. (По уверењу црногораца: «Не се гусли у кућу не чују, / Ту је мртава и кућа и људи», што значи «Ако не чују гусли у кући, / Зде је мртава и кућа, и људи» [15].)

Но једног утицаја народне стихии, вероватно, било је недовољно за развој поэтичког талента младог јунака. Добро познат је факт благотворног дејства на Негоша српског писатеља Симе Милутиновића (он дошао је у те године у Црну Гору, у Цетинје), који је упознао младог поэта са европском романтичном литературом.

У 1830 г. јуни Раде је изабран за наследника умрлог владике Петра I. Брине за управљање земљом и борба са Турцима спречавале га да се бави поезијом. Лиш вративши се из Русије у 1833 г., владика издао је прво скупље својих стиховних дела «Отшельник цетински» [10]. Већа део садржаног у њему стиховних дела написан је под утицајем путовања по Русији. Добро расположење, са којим је прихваћен младог владика у Петербургу, оставило је у његовој души благодарно сећање, а моћност и богатство Русије, успеси руског просвећенја изазивале су осећање готово восторженог поклона. Зато и нечудно, да већа део стихова збирке посвећена Русији. Међу њима три одје: Николају I (№ 2 «Ода на дан рођења свевуског Императора Николаја првог»;

№ 3 «Царю Николају I») и тогдашнему наследнику престола, будущему императору Александру II (№ 4 «Ода на дан рођења Наследника руског престола Царевића»). Что касается их поэтической формы, то Негош придерживается традиционного жанра торжественной оды, а также высокого стиля и лексики, соответствующих значительному содержанию. В этих стихах Негош связывает воедино русский патриотизм и славянский: «О славянство, со времени своего появления славное, / с алтаря сердца и души принеси искренние и чистые жертвы /... Ныне день рождения Николая, твоего Марса / истинного царя твоего Олимпа. / ...Храбрый русский да будет твоим вождем на пути к славе...» [10]

В первой оде, на 25 июня, день рождения Николая I, дан его образ как Зевса Громовержца, идеального монарха: «правосудного, милостивого, в делах мудрого и великого, на ратном поле храброго, на престоле великодушного», его рука «держит счастье и несчастье половины трех частей света», одних низвергает, других воздвигает, ее помощи ищут многие, «притекая» под ее защиту [10]. Очевидно, здесь находит отражение многолетняя славянская литературная традиция восприятия силы монарха как помазанника Божьего: он явлен как могущественный человек-творец, сеющий свет во тьме и представляющий волю Бога на земле.

Представлен в стихах и грандиозный метафорический образ России с ее огромными просторами «от моря Балтийского до Черного», исполненный могучей деятельной энергии: «вскипающие» своими водами Москва, Нева, Волга, Дон всему миру «от Германии до Китая» «гласят славные дела» «потомка Романова». «Раскаты грома» посылает Зевс, русский царь, с высоты гор «славянского Олимпа», которые пробуждают от давнего сна все народы: «Николай восстанавливает их права, охраняет и защищает с обнаженным мечом в руках». Он держит на плечах «гордый, льдами покрытый

Кавказ», «схватившись за его твердую ось», потрясает его, и его «дикие обитатели» падают к его ногам, признают его своим государем. Его рука сокрушила царство персов и османов. «Всё это – деяния славянского царя и куплено дорогой славянской кровью! – восклицает поэт и призывает: – Трепещите и падайте ниц перед ним сопротивные!» [10]

Далее в оде следует призыв к русской нации: «Но всех больше радуйся ты, великое русское племя, которое идешь шагами Рима, под управлением Николая; тебя осияло молодое солнце (дословно “млади Феб”. – Н. Б.). Дух Петра и Фридриха сидит на высоком троне, он мудро властвует тобой, одевает тебя в одежды новой славы; под его мудрой властью ты возросло и возрастёшь превыше всякаго рода на земле. Слава Галла и Британца помрачит-ся пред твоей...» [10]

В русской поэзии XVIII – первой половины XIX века есть подобная мифологема, связанная с образом Петра Великого. Преобразователь России представлен символом богатырской мощи человека, гигантом и исполином, как эпический герой, повелевающий стихиями и отстаивающий также опозтизированную Россию: «На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну Дух Петров, / Во гневе сильном и жестоком / Преступных он мятет врагов» («Ода на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны...»). Согласно стихам М. В. Ломоносова, священная историческая миссия России, заповедованная предками, – нести в Европу мир; Россия стремится образумить западные народы, получившие жестокий урок войны, призывает их жить в добрососедстве: «Народы, ныне научитесь, / Смотри на страшну гордых казнь, / Союзы разрушать блюдитесь, / Храните искренню приязнь...» Высоким одическим стилем о величии России писал и Г. Р. Державин: «Услышь, услышь, о ты, вселенна! /

Победу смертных выше сил; / Внимай Европа удивленна, /
Каков сей россов подвиг был. / Языки знайте, вразумляйте-
тесь, / В надменных мыслях содрогайтесь; / Уверьтесь сим,
что с нами Бог; / Уверьтесь, что его рукою / Один попрет
вас росс войною, / Коль встать из бездны зол возмог!» («На
взятие Измаила»).

В финале своей оды Негош пафосно призывает всех славян сплести «венцы бессмертия» и венчать ими главы Николая и Александра: «А мы, твои братья, в горах черноморских, мы, любящие глас свободы, / в наших простых сердцах воздвигнем памятник защитнику наших прав Великому Николаю, / и вовек он будет в них стоять чистый, пылающий искренностью, / подобно лучам светлого солнца в чистом брильянте» [10].

Негош в этой оде оставляет в стороне все ошибки и неудачи европеизированного культурного развития России, которые привносились извне или имели внутренний временный характер (смотри также ниже анализ оды «Неве»).

Российская «молодая» светская культура того времени действительно содержала в себе много положительного для восприятия другими народами. Она динамично развивалась на протяжении XVIII века и не имела тех негативных характеристик, которые были присущи более «старой» западноевропейской цивилизации. Начало XIX века явило активный поиск лучшими умами национальной идеи, формирование национального самосознания: необходимо было осознать специфику собственной национальной культуры, выяснить ее место в европейской и мировой истории, определить ее исторический потенциал и перспективы развития. Самоосмысление России в мировом контексте, сопоставление идеалов и действительности, особенности реализации теории прогресса становятся важными составляющими формирования русской идеи, приводят к мысли о собственной

особой миссии. Весь XIX век «говорят» о самоценности России независимо от степени ее преэминентности по отношению к Византии и Западу, ее специфическом положении между Востоком и Западом, об особом назначении, богоизбранности как страны, являющейся оплотом истинной веры (что продолжает реализоваться в разных формах вплоть до нашего времени!).

В экспрессивном духе написана и другая ода Негоша императору Николаю I, в которой он прославляется, как победитель турок и защитник христиан от неверных, и которой предпослан многозначительный эпиграф:

Шта ћеш мају плести в'јенац,
Кад му га је сплео творац [10].

Можно здесь провести также параллель с творчеством Державина, в одах которого героико-патриотическая тема занимает большое место: боевые подвиги русского народа поэт прославлял всю свою жизнь, начиная с 1780-х годов, когда шла русско-турецкая война, и кончая победами над Наполеоном. Войне с турками посвящены известные его стихотворения: «Осень во время осады Очакова» (1788), «На взятие Измаила» (1790). Главным героем этого цикла является не российский самодержец, а другой державный исполин – «росс», обобщенный образ русского воинства: «О росс! О род великодушный! / ... О исполин, царю послушный!» («На взятие Измаила»). Следуя за ломоносовской традицией, Державин в эмоционально приподнятой манере, с помощью торжественной лексики рисовал картины боя, в которых «росс» проявляет чудеса храбрости; он «исполин», «твердый и верный», чья «твердокаменная грудь» смело противостоит врагу: «О кровь славян! Сын предков славных! / Несокрушаемый колосс! / Кому в величестве нет равных, / Возросший на полсвете росс!» («На взятие Измаила»).

Ода Негоша на день рождения наследника, будущего императора Александра II, столь же насыщена и торжественными метафорами, и яркими аллегориями, и метафизическими олицетворениями, которые создают грандиозный образ свершения чудесного и судьбоносного для России события.

Здесь создан замечательный в своей экспрессии лик державной столицы – «Петрова града», как могучего Громовержца, ликующего в своей неуёмной силе: «Чудное совершается! / Петров град сияет, / блещет, сыплет молнии, / бросает громы / и над ним в воздухе / текут огненные реки». Город поэтически оживает под пером Негоша: «Светлая и славная Нева / идет смело и весело / плести венец бессмертия / великому новорожденному, / а чудный Петрополь / в ее водах / видит радостное лицо, / гордится и веселится, / потому что видит рождение / наследника своей славы, / во всем подобного отцу» [10]. Безусловно, здесь сказываются и живые впечатления поэта, посетившего Петербург, которым он восхищался, а в его поэзии рождались образы, призванные символически зафиксировать победы человеческого гения, которому сама природа плетет венец бессмертия.

Негош в своих одах близок известной традиции русской литературы: Петербург как символ победы человеческого гения над стихией представлен в творчестве многих русских писателей, и в их числе и романтиков. По мысли В. А. Жуковского (в этом он следует за Ф. Шиллером), человек достигает согласия с силами божества, природы, с силами собственной своей судьбы именно через культуру и цивилизацию, доцивилизационное прошлое человечества мрачно и кроваво. Жуковский в своей поэзии прославил цивилизацию как основу благоденствия человечества, и не только материального, но и духовного.

Поэту Негошу далее слышится голос храброго русского: «Здравствуй и преуспевай Александр! / Да будут тебе примером / твои великие родители, / иди по их стезям и быстро достигнешь всемогущества древнего Рима...» [10].

Подобное обращение есть в оде Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» (написана по поводу рождения будущего императора Александра I, впервые опубликована в «Санктпетербургском вестнике», 1769, № 12):

Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняйся,
Сравняйся с Божеством.

Сравним у Негоша:

Жив', напредуј Александре!
Примером ти нека буду
Твои вели родители,
Путем сваким хајде њиним...

И ниже:

Расти брже, Александре!
Славенскога рода сунце [10].

Не забыта черногорским поэтом и древняя русская столица: «Москва, мать русской славы», которая тоже «веселится и с поспешностью стекается в храмы, приносит к алтарям жертвы, и их фимиамы вместе с сердечными молениями возносятся к престолу Вседержителя. А звон колоколов оглашает воздух, и звуки их чрез облака достигают и небес» [10]. Этот небесный «аккорд» придает оде мистическое и пророческое звучание.

Следующая примечательная строфа уводит нас на берега «быстрого и славного Дона со своим храбрым населением», который поэт призывает: «гордись больше, чем любые реки в мире: рождение твоего великого атамана тебя осветило и на веки украсило твой берег венцом славы» [10]. Отряд элитных казачьих подразделений являлся личной охраной государя, и Негош не раз мог их лицезреть при выезде Николая I со свитой в Петербурге. Мифологически создан по этому образ Дона, как колыбель казачества, стойких защитников царя и отечества.

Венчают оду строчки, проникнутые славянским патриотизмом: «И всему славянству есть причина вместе с русскими веселиться дню рождения наследника. Будь жив и здоров на благо всем; будь восстановителем прав славянских народов и твердым их щитом, подобно своему храброму отцу; расти скорее Александр, солнце славянского племени; ты дашь нам свет и даруешь свободу» [10].

Последним стихам суждено было стать пророческими: после войны 1878–1879 гг. за освобождение славян от турок, в результате которой получили независимость Сербия и Болгария, Александр II, прозванный Освободитель (за освобождение русских крестьян от крепостного права), стал и освободителем славян.

Между ранними стихотворениями Негоша есть одно, посвященное державной Неве, олицетворяющей могущество просвещенной России: «Река Нева, гордость человечества! Ты прославила свой исток больше, чем Дунай, Нил и старый Евфрат. Отовсюду ты дивно украшена воздвигнутыми творцу храмами, царскими дворцами и другими зданиями; берега свои осыпала ты бисером, просвещением – самым драгоценным камнем. Из тебя выросли цветы истинного и гуманного знания» [10].

Здесь и в других одах дан метафорический образ слияния воедино природы и культуры, что может послужить характерным для того романтического времени доказательством и специфичности, и более совершенного характера культуры по отношению к природным образованиям, которые она себе подчиняет, покоряет. Сознание культурного человека склонялось к активному воздействию на природную среду, к культу разума, к достижению прагматических человеческих целей. В его основе – идея сотворенности природы, а стало быть, упорядочивания ее угрожающей стихийности человеком, убежденность в превосходстве разума человека над природой. Образно обосновывается «философия тождества», фундаментальный принцип которой – абсолютное тождество природы и духа: природа одухотворена. Такое миропонимание в рассматриваемую эпоху подкреплялось немецкой идеалистической философией, шеллингианством, которым были покорены романтические умы русских поэтов-любомудров. Ф. И. Тютчев в 1836 г. писал: «Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик / – В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» [2].

Державный символ России – двуглавый орёл – явлен в этих стихах Негоша философско-поэтической развернутой метафорой с глубоким геополитическим смыслом: «С твоих берегов летят во все стороны орлы, верных защищают, неверных сокрушают и тем до небес возвеличивают твое имя, далеко они расстилают свои крылья, покрыли ими одну шестую часть света, другим дают закон и охрану. Дальний многолюдный Китай приносит дары твоим орлам, чтобы не омрачили они имя Пекина. Гордый Париж и надменный Стамбул отдавали в твои руки свою судьбу и ты увенчала их падших» [10].

Непростая история завоеваний России описана поэтически в нескольких строчках, насыщенных художественными тропами: «Часто с гневом протекаешь ты кровавою и своими валами уносишь безбожников. Собрала ты воедино все короны от северной и до восточной стороны. Непрístupный и высокий Кавказ преклонился пред твоими орлами» [10].

Нева в стихах дана и как олицетворение морского могущества России, явленного и другими фольклорно-славянскими образами кораблей-«лебедей»: «От истока и до устьев ты покрыта кораблями с развевающимися на них флагами... Ты воздвигла огромный храм Нептуну, в котором плавают лебеди и вылетают на широкие воды океана, разрезают грудями их страшный мрак, взмахивают крылами над грозной Фетидой. Их громы от морских пучин до небес оглашают имя Славянина, славного от своей колыбели» [10].

Венчает и скрепляет сущностным смыслом стихотворение, как и в других одах, «славянский» мотив: «О, Нева! Век бы тебе протекать со славой на гордость народам, храбрым Русским и братьям Славянам; вечно бы на тебе царствовать венчанному славой дому Романовых» [10].

Все рассмотренные в ранней поэзии Негоша метафорические, метафизические, символические образы (молодой гений точно «прозревал» их!) разных «ликов» русской цивилизации и истории отразили важнейшие геополитические идеи того времени.

В конце XVIII – начале XIX вв. начинается смена цивилизационной парадигмы. Под воздействием немецкой философии и романтизма постепенно складывается теория локальных цивилизаций. Европейская «периферия» (с конца XVIII в. немцы, а с 40-х годов XIX в. и русские) начинала оспаривать первенство Западной Европы в мировом развитии и искала теоретическое обоснование для фиксации своего культурного своеобразия. Тогда и воскрешаются идеи

об особом пути и значении России – теперь уже подкрепленные опытом немецких философов: Гердера, Гегеля, Шеллинга, Шлегеля (возможно, молодой Негош уже мог через Милутиновича или, пребывая в России, познакомиться с этими идеями). В 1821 г. Гегель в письме барону фон Икскулью, своему ученику из России, писал о великой миссии России, приходящей на смену изжившим себя европейским государствам [2]. Особенно значимыми для русской мысли оказались в этот период идеи Шеллинга, высказавшего в работе «Система трансцендентального идеализма» мысль о том, что космополитическое состояние («мировое государство») есть провиденциальная цель истории, но эта цель может быть достигнута только усилиями всего человеческого рода, то есть отдельных индивидов и отдельных народов [2]. В курсе лекций «Философия мифологии» Шеллинг говорил о кризисе западной рационалистической традиции [2].

В связи с этими идеями особенно значимо стихотворение № 8 с эпиграфом:

Ко оће превеће,
Изгуби и вреће [9]

Здесь владыка прославляет недавнее славное прошлое России – 1812 год – борьбу с французским нашествием под предводительством Бонапарта. Победа над Наполеоном, вполне воплотившим прометеевский, героический тип личности, приобретает здесь символическое и метафизическое звучание.

Это важное событие русской и мировой истории. В войну 1812–1814 гг. огромное количество русских людей непосредственно соприкоснулось с Западом, а Запад – с мощью русской армии, и на этом фоне в русских расцветает сознание своей национальной самобытности. Слияние

всех этих факторов воедино и обусловило возникновение в России идеи национального мессианства. Размышляя над судьбами цивилизации, русская философская мысль и поэзия 1920–1930 гг. приходит к противопоставлению материальной и бездуховной цивилизации Запада славянскому миру, организованному на духовных началах единства и любви: эти идеи были духовно сродни поэзии Негоша.

Рассмотренные оды, написанные молодым Негошем на русскую тему, проникнуты славянским патриотизмом и уважением к славе и могуществу русской державы. Россия для черногорского поэта уже в ту пору представляла собой мессианский прототип культуры, во внутренне осознаваемую задачу которого входит создание высшего божественного порядка в неупорядоченной вселенной, виделась ему той новой силой, которая действительно способна обновить человечество.

Литература

- [1] *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 1996.
- [2] *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 2. СПб–М., 1913. С. 40–45.
- [3] *Калезић С.* Његошу пјесници. Београд, 1940.
- [4] *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош. М., 1887.
- [5] *Латковић В.* Петар Петровић Његош. Београд, 1963.
- [6] *Милутиновић С.* Пјванія черногорска и херцеговачка, собрана Чубром Чойковићемъ Черногрцем. Будим, 1833.
- [7] *Милутиновић Сарајлија С.* Пјеванија црногорска и херцеговачка / приредио Д. Аранитовић. Никшић, 1990. № 25.

- [8] *Његош П. П.* Бој Руса са Турцима 1828 године // *Петровић-Његош Петар П.* Лијек јарости турске. Цетин: Печатано у Штампари Црногорској, 1834.
- [9] *Његош П. П.* Бој Руса са Турцима 1828 године // Цјелокупна дјела Петра II Петровића Његоша / У редакцији Д. Вушовића. Београд: Народна култура, 1936.
- [10] *Његош П. П.* Пустинјак Цетински. Списао у Црној Гори на Цетиню 1833 године. Цетин: Печатано у Штампари Црногорској, 1834.
- [11] *Његош П. П.* Пустинјак цетињски // Дјела Петра II Петровића Његоша. Панчево: Наклада Књижаре Браће Јовановића, 1885.
- [12] *Његош П. П.* Пустинјак цетињски // Цјелокупна дјела Петра II Петровића Његоша / У редакцији Д. Вушовића. Београд: Народна култура, 1936.
- [13] *Његош П. П.* Цјелокупна дјела. Т. I–IX. Београд, 1952.
- [14] *Поповић М.* Његош. Београд, 1962.
- [15] *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович Негош. СПб, 1889.

Богдан Косанович

Пушкин и Негош – величайшие национальные поэты

Настоящая статья продолжает и обобщает авторские исследования, связанные с темой Пушкин–Негош [см.: Косанович 2005 и 2009]. Разработка указанной темы подразумевает сравнительный подход к межлитературным фактам и явлениям, и потому предметом нашего рассмотрения стали сходства и различия между первым поэтом России и первым поэтом Черногории. В своих изысканиях мы отталкиваемся от уже давно сложившейся литературно-исторической оценки того, что современники Пушкин и Негош стали ведущими национальными поэтами. Несмотря на то, что им не привелось встретиться (хотя Негош дважды посетил Петербург), а также и на большие различия, касающиеся их происхождения, социального статуса и положения в обществе, можно провести универсальные аналогии в связи с их творчеством. Речь идет об эксплицитной поэтике (взгляды на творчество и поэзию как таковую), равно как и об имплицитной («Борис Годунов» и «Горный венец», тема самозванства в пушкинской трагедии и негошевском «Самозванце Степане Малом», отношение к Карагеоргию и т. п.). Само собой разумеется, что в рамках статьи мы можем остановиться лишь на глобальных, самых характерных из интересующих нас особенностях их жизни и творчества.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) и Петр II Петрович Негош (1813–1851) принадлежали более или менее одной и той же эпохе. Бросается в глаза, что оба они прожили краткую (без малого тридцать восемь лет), но чрезвычайно плодотворную жизнь, наподобие метеоров пролетев над миром смертных людей, оставив за собой

глубочайший след духовности, вдохновляющий все новые поколения.

Несомненным для нас представляется то, что Негош и Пушкин, в первую очередь, – *духовные братья*. К. Плешаков справедливо утверждает, что формирование национального поэта в России, каковым стал Пушкин, произошло с некоторым опозданием, по сравнению с другими европейскими странами. [Пушкинская энциклопедия: 7–26]. Это замечание в гораздо большей степени относится к появлению Негоша внутри маленького, непросвещенного балканского народа. Оба поэта выступили в ситуации исторической необходимости культурного поворота своих народов, а также и по прихоти того загадочного явления, которое принято называть просто гениальностью, рождающейся редко и происходящей неведомо откуда. В огромной Российской империи (около 120 миллионов жителей) в интересующий нас период царил просвещенный абсолютизм. В маленькой стране Черногории, которая в те времена насчитывала сто двадцать тысяч жителей, только что предпринимались первые мучительные шаги по созданию субнациональной общности из разрозненных племен. Иначе говоря – национальное Возрождение было еще впереди. А угроза претензий на ее территорию не только со стороны Турции, но и Венеции и Австрии всегда оставалась актуальной. Если Пушкин как дворянин получил блестящее образование и вращался в великосветских кругах, то «простолудин» Негош учился грамоте у монахов и перенимал опыт домашних учителей, постоянно занимался самообразованием, черпая знания из книг в русских переводах. Будучи правителем, он изредка имел возможность бывать в салонах европейских городов, но чувствовал себя там неловко. Благодаря стечению обстоятельств и исторической необходимости Негош соединил в себе правителя-теократа (владыку

и политического вождя), мыслителя (философа) и просветителя. И Негош, и Пушкин, разумеется, каждый по-своему, воспевали и защищали Свободу и Честь в их категориальных значениях. Интересен факт, что оба они пережили судьбоносные встречи с царем Николаем I и находились под пристальным вниманием российских властей.

Весьма различное общественное положение не могло соответствующим образом не отразиться на мировоззрении и поведении двух поэтов. Вполне естественно, что монах, архимандрит, а позже и митрополит, Петр II Петрович Негош является проводником догматического православия. Его религиозно-философские идеи блестяще отразились в поэме «Луч микрокосма» (1845), в ее метафорически сложном описании безуспешного бунта Сатаны против Божественного миропорядка и самого Бога, как борьбы души и тела, Добра и Зла. Побеждает Божественный принцип «Луча Света». Многие герои произведений Негоша искренне набожны. Кроме того, и некоторые стихи «Горного венца» нашли свое применение в церковной жизни Черногории [Ђукић 1939]. В противоположность этому – пушкинское отношение к религии сложно и противоречиво. Резюмируя, можно сказать, что Пушкин эволюционировал от кощунства и богохульства («Гаврилиада», «уроки атеизма» и т. п.), от разгульной жизни, внебрачного ребенка и многочисленных дуэлей, не укладывавшихся в религиозные нравственные нормы, – к принятию православия, такого, каково оно и есть, в последний период своей жизни.

На основании биографических сведений можно сделать вывод, что и Пушкин, и Негош по преимуществу обладали *холерическим темпераментом*. Легко возбуждались, иногда реагировали страстно и пылко, но оба умели и быстро возвращаться к душевному равновесию. Пользуясь типологией личности, которую предложил К. Г. Юнг, Пушкина можно

определить как *экстраверта*, имея в виду, что он вел весьма активную жизнь, легко устанавливал связи с людьми, не боялся менявшихся жизненных ситуаций. Напротив, он умело приспособлялся к ним. Им владели необузданные гедонистические страсти, гипертрофированная любовная чувствительность. Негош склонялся к *интровертивности*. Хотя в светском общении он умел произвести благоприятное впечатление, его повседневное поведение трудно было бы считать открытым. Теснимый огромными экзистенциальными заботами о судьбе своего бедного народа, находящегося под постоянной угрозой, он замыкался в уединении («Отшельник цетинский»), отдаваясь глубоким размышлениям и поэзии. Главными его развлечениями были гусли, бильярд, иногда и карты. Но, в отличие от Пушкина, он не был картежником. Из всего сказанного вытекают и различия в трактовке эротизма. Пушкин – автор пресловутого «донжуанского списка» – создал немало блестящих лирических стихотворений, посвященных любовным отношениям и вдохновленных собственными переживаниями. С Негошем связано лишь несколько женских симпатий. После себя он оставил только одно любовное стихотворение, сохранившееся в рукописи, – «Парис и Елена, или Ночь дороже века» («Парис и Хелена или ноћ скупља века»). Вообще говоря, любовные отношения, изображенные в негошевских произведениях, сублимированы, лишены сложных противоречий, показного сентиментализма. Это вполне понятно с точки зрения историко-социологических реалий. Так, например, у черногорцев, если они и были грамотны, издревле было принято писать письма только матери. Супругу можно было лишь упомянуть.

Тему родства Пушкина и Негоша следовало бы особо разработать в плане их поэтологических взглядов. При этом, в частности, надо иметь в виду хронологию жизни

и творчества поэтов, о которых идет речь. Итак, черногорский поэт начал заниматься литературной деятельностью в начале 1830-х годов, когда Пушкин был уже знаменитым писателем. Творчество Негоша достигло апогея в 1840-е годы, когда Пушкина уже не было в живых.

Сердечное отношение Негоша к северной покровительнице вылилось в максималистском: «Свято все то, что исходит от России и русского царя». Пушкин был поэтическим кумиром черногорского поэта. Об этом немало писалось в негошеведении. Символичен тот факт, что в его резиденции, дворце Бильярда, рядом с иконой святителя Георгия, защитника семьи, висели портреты Пушкина и Карагеоргия. В его личной библиотеке хранились издания пушкинских сочинений. Он их не только читал, но и печатал на языке подлинника. Особо его привлекло стихотворение «Черногорцы – что такое?». Наконец, свой сборник «Зеркало сербское» («Огледало српско», 1846) он посвятил «Гени Александра Пушкина» (стихотворение в шестнадцати стихах). Знаменательно, что это одически экзальтированное стихотворение появилось именно в ту пору, когда создавались лучшие произведения Негоша, в которых отразилось влияние «счастливого певца великого народа». С ним он разделял основные эстетические взгляды. У них обоих поэтические концепции непосредственно связаны не только с романтической, но и с классицистической традицией. Как известно, Пушкин уже в самом начале своего творчества осознает ценность миссии поэта и поэзии («К другу стихотворцу», 1814). В стихотворениях «Пророк» (1826) и «Поэт» (1827) особо отразилась романтическая задача поэзии, выраженная в знаменитой формуле: «Глаголом жги сердца людей». Похожую веру в значение истинной поэзии Негош выразил на три десятилетия позже, написав в своем посвящении «Луча микрокосма»: «Дуракам если поверить – / по-

эты поколение сумасшедшее» (ср. с пушкинским программным – «Поэт и толпа», 1827).

В целом, наследие Негоша по объему гораздо меньше пушкинского. У него имеется мало настоящих поэтологических стихотворений, носящих характер последовательных поэтических деклараций. Вместе с тем его литературные взгляды раскрываются в стихах на другие темы. Например, в стихотворении «Кто это на высоком холме» («Ко је оно на високом брду», 1833) символически изображен поэт, который с высокого холма смотрит на морскую пучину (обозначающую волнообразное движение жизни). Поэт как сын природы близок божеству, во тьме он ищет света, то есть разгадывает божественные тайны. И в поэме «Луч микрокосма» преобладает взгляд на поэзию как на Божественное творчество. Здесь душа поэта уподобляется ртути в хрустале (в «Записной книжке» – светлым бриллиантовым каплям). Прославление поэтической гениальности связывается со «священной мыслью», как частицей «бессмертного огня» («Мысль» – «Мисао», 1844). Вспомним, что и в меньшей степени рефлексивный поэт Пушкин возвеличивал человеческую мысль, в частности в своем прозаическом произведении «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833–1835). На самом деле высказывания Негоша о поэзии в высшей степени рефлексивно-трансцендентальны.

Обратимся к имплицитной поэтике Негоша в двух крупных произведениях, отразивших прямое влияние на него Пушкина.

Общеизвестно, что негошевскому шедевру «Горный венец» («Горски вијенац»; написан в 1846 г., опубликован в 1847 г.) образцом послужил пушкинский «Борис Годунов» (написан в 1825 г., опубликован в 1831 г.). В первую очередь можно говорить об общих сходствах, касающихся характера исторической тематики. У Пушкина это, по его

собственным словам, «одна из самых драматических эпох новейшей истории» – узурпация власти (в самом конце XVII века) внутренними и внешними врагами – Борисом Годуновым и самозванцем Лжедмитрием (являющимся ставленником польских захватчиков). Формальной темой «Горного венца» являются истребление (по-сербски *'истрага'* – 'очищение, уничтожение') потурченцев в Черногории, которых автор считает опасными для народа, его предателями, и защита от угрозы со стороны самих турок. В ходе развития сюжета побеждает русский народ, предводительный Мининым и Пожарским, кстати сказать, упоминаемыми Негошем как светлый пример в «*Посвящении*» «Горного венца». Тут же поэт касается и анафемы на Бориса Годунова. С другой стороны, Негош показывает, что «домашнее зло» было частично искоренено под руководством его предка – владыки Данила Петровича-Шчепчевича, а Черногория, несмотря на жертвы, выстояла в борьбе с турецкими захватчиками. Причем, победа над религиозной разрозненностью трактуется здесь как искра, возвестившая начало освободительной борьбы. Подзаголовок «Горного венца»: «Историческое событие конца XVII века» (хотя на самом деле современные историки его датируют самым началом XVIII века). Основная сюжетная канва охватывает время, продолжающееся шесть с половиной месяцев. Однако надо иметь в виду, что благодаря широте идей и многочисленным аллюзиям, художественное время «Горного венца» гораздо шире. Оно охватывает четыре века национальной истории, а реминисценциями уходит даже в античность – к греческим и римским трагедиям, – повествует о славных героях Франции, Англии, Турции, Сербии... Вместе с тем в негошеведении давно отмечено, что поэма «Горный венец» отражает и социальную структуру описываемого общества, а также поэтическое видение Негоша черногорской

истории XVIII века. Здесь налицо панорамное изображение и отражение основ черногорской народной духовности: быта, обычаев, мифологии, верований, преданий, суеверий, собраний... Если к роману «Евгений Онегин» применима формула «энциклопедия русской жизни 20-х годов XIX века», то «Горный венец» можно считать многосложным зеркалом черногорской героическо-патриархальной жизни XVIII и даже начала XIX века [см.: Томовић // Енциклопедија Његош: 479].

Возвращаясь к сравнительному анализу «Бориса Годунова» и «Горного венца», отметим, что поэтика обоих произведений свидетельствует о том, что их авторы преодолели каноны классицизма, разрушая принцип единства места и времени действия. Пушкин создает трагедию шекспировского типа, в то время как «Горный венец», хотя и выявляет общие черты драмы, не укладывается в привычную жанровую систему: литературоведы чаще всего определяют его как героико-драматическую поэму. (В сербской терминологии применимо к нему и понятие '*спев*' – 'поэма', 'песнь'). Оба произведения написаны белым стихом. Хотя у Негоша иногда встречается и рифма. Очень характерно и совпадение общей композиционной формы. Негош явно брал пример с Пушкина, когда вместо действий, присущих традиционным драматическим произведениям, изложил свой художественный материал в двадцати четырех сценах. (Как известно, у Пушкина на одну сцену меньше.)

В пушкинской трагедии задействованы всего шестьдесят персонажей, представителей тогдашнего общества; негошевская драматическая поэма – сорок два. Конечно, речь идет об индивидуализированных характерах, но интересно, что в обоих произведениях нет действующего лица, которое бы можно было назвать главным героем в строжайшем смысле этого слова. Зато народному коллективу, как

выражению народного чаяния и сознания, уделено особое место, свидетельствующее об авторском понимании философии истории. У Пушкина мнение народа – как коллективного героя – определяет атмосферу всего произведения. Знаменитой стала метафорическая авторская ремарка, которой заканчивается произведение: «Народ безмолвствует». Соответствующую функцию своеобразного народного хора играют у Негоша так называемые *коло* (в буквальном переводе ‘хороводы’). Их всего пять, и они выражают народное мнение – начиная с Косовской трагедии («Боже правый, Ты караешь сербов / за смертные их прегрешения»), вплоть до событий, ознаменовавших начало борьбы против турок, после истребления потурченцев. Итак, *коло* своими периодическими появлениями лаконично передают смысл пяти этапов освободительной борьбы черногорцев, их воскресения через эту самоотверженную кровавую борьбу. Воевода Милия прямо заявляет, что коло «пропетая песня – это голос нашего народа».

Пушкинская трагедия «Борис Годунов» послужила парадигмой для еще одного произведения Негоша – его трагедии «Самозванец Степан Малый» («Лажни цар Шћепан Мали»; написана в 1847 г., впервые опубликована в 1859 г.). Она также написана свободным стихом и держится на эксплицитном историческом документализме (подзаголовок «Историческое событие XVIII века», указание автора в предисловии на использованные источники – известия посланников в Венеции и Скадре, народное предание). Главный герой – истинное историческое лицо, появившееся в Черногории в 1767 г. и ложно представившееся чудом спасшимся внуком Петра Великого – Петром III. Благодаря обстоятельствам и объективной необходимости ему удалось добиться доверия черногорцев, глубоко верующих в Россию и во все, что с ней связано. Выдавая себя за мессию и Божьего

миротворца, Степан Малый смог пробыть на престоле вплоть до 1773 г., когда его лишил жизни коварный убийца, нанятый турками¹ [Станојевић 1975].

Негошевская драма «Самозванец Степан Малый» вновь актуализирует распространенный в реальной жизни и мировой литературе архетип самозванца-узурпатора трона. Она перенасыщена действующими лицами (в списке перечислены 33 основных героя). Впрочем, как и трагедия Пушкина, она в большей степени рассчитана на чтение, чем на сценическое исполнение. Драма состоит из пяти действий, разбитых на сцены-явления. Главный герой – своего рода *homo ludens*. Он пользуется внутренней смутой, но, в отличие от пушкинского узурпатора, не прибегает к иностранному вмешательству. Этот лжец и обманщик (как и пушкинский Борис, в меньшей степени Лжедмитрий) показан неоднозначно. Хорошо играя свою роль, он объединяет поссорившиеся племена, устанавливает законодательную власть, искореняет грабежи и кровную месть, открывает школу... Поступок карнавализации находит отражение и в изображении черногорского патриархального коллектива (народ, толпа, коло, как «публичное судилище»). В данном случае панданом Пимену является игумен Феодосий. Очень характерно, что в завязке нет дифференцированного женского образа. Автор, видимо, исходил из бесспорных устоев черногорской патриархальности, хранившей и поддерживающей дух андрократии (господства мужчин и подчиненности женщин). В то время как в пушкинской трагедии сакрализация царя является некой доминантой русской государственности [Живов, Успенский 1994], у Негоша речь идет о десакрализации «детронизованного царя». Игумен Феодосий Маркович считает, что «называться царем без царства – стыдно».

Героико-эпическая поэтика Негоша насквозь пропитана «*косовским заветом*». Его историософия выдвигает культ выдающихся героев сербского народа: Милоша Обилича, Карагеоргия Петровича и царя Душана. В вышеупомянутой антологии «Зеркало сербское» Негош опубликовал народные песни о сражениях вождя Первого сербского восстания против турок (1804–1813). Но настоящий апофеоз Карагеоргию – в посвящении «Горного венца» «праху отца Сербии», где проведены параллели с древней и новой историей [Косановић 2009]. Как известно, большой интерес к колоритной фигуре Георгия Черного проявил и Пушкин (стихотворения «Дочери Карагеоргия», 1820; «Песнь о Георгии Черном», 1834). Можно сказать, что образ сербского вождя хорошо вписался в пушкинскую галерею героев сильных эмоций и страстей.

Известное изречение Н. В. Гоголя о А. С. Пушкине как выразителе русского национального духа оказалось неопровержимым: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. На самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным...» («Несколько слов о Пушкине», 1832).

Дальнейшая история русской цивилизации и культуры показала дальновидность этой оценки. В действительности Пушкин виртуозно осмыслил черты русского характера как, по определению Лотмана, сложного «надивидуального интеллекта русского народа». Эти складывавшиеся на протяжении столетий общие характерные особенности национального менталитета, вслед за Бердяевым, теперь принято называть «*русской идеей*». С другой стороны, налицо «способность Пушкина к преодолению национальной

ограниченности» [Скатов 1999: 7], что в свое время Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью».

Известны крылатые слова современного русского поэта Евгения Евтушенко о том, что «Поэт в России – больше, чем поэт». Они вполне применимы и к жизни и творчеству крупнейшего сербско-черногорского поэта Петра Негоша, плетущего венок славы героической борьбе и страданиям своего народа. Его произведения являются свидетельством формирования черногорского субэтноса. Они сыграли решающую роль в конструировании национальной духовности, культивировании норм национального характера, которые принято определять как *человечность и героизм* ('чојство' и 'јунаштво'). Этот социально-психологический тип, который сложился в южнославянских пределах, известный ученый Йован Цвиич назвал «динарским» (по имени горы Динара. – *Б. К.*). Исследуя черты черногорцев, немецкий ученый Герхард Геземан пришел к выводу, что это люди живого духа и тонкого интеллекта, сильно чувствующие национальную гордость, ведущие патриархальный образ жизни, культивирующие героический агон (греч. 'боевое соперничество') и косовский миф [Геземан 1968]. Именно Негошу удалось создать своеобразную «балканскую модель мира» [по терминологии Цивьян 1990].

Наконец, можно было бы сказать, что ни Пушкин, ни Негош в своих странах не имели настоящих предтеч. Оба они сделали поворот на литературном поприще. Как национальные поэты они выросли не только на традициях (фольклор и предшествующая национальная литература), но и на достижениях мировой культуры, по отношению к которой они проявили творческую синтезирующую восприимчивость. Эти творцы вошли в историю своих культур и как реформаторы языка и стиля (правда, говоря о Негоше, всегда надо добавить – с церковнославянским отзвуком).

Литература

А. Источники

- Његош П. II П.* Целокупна дела. Београд–Цетиње: Просвета–Обод, 1981.
- Његош П. II П.* Горный венец / Перевод с сербского А. Шумилова. Подгорица: ИТП Унирекс, 1996.
- Пушкин А. С.* Сочинения. Т. 1–3. М.: Госудиздатхудлит, 1955.

Б. Исследования

- Геземан Г.* Чојство и јунаштво старих Црногораца / Прев. Р. Меденица. Цетиње: Обог, 1968.
- Династија Петровић Његош, том I–III / Уред. Миомир Дашић. Подгорица: ЦАНУ, 2002.
- Букић Т.* Стихови из «Горског вијенца» у црквеној употреби // Годишњица Николе Чупића. Књ. XVII. Београд, 1939. С. 148–152.
- Букић Т.* Преглед књижевног рада Црне Горе од Василија Петровића Његоша до 1918. Године. Цетиње: Обод, 1951.
- Енциклопедија Његош // Уред. Слободан Томовић. Подгорица: Фондација Његош – ЦИД, 1999.
- Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. М., 1994.
- И. М.* НСА: Тито је био Рус или Пољак // Политика. 20.VIII 2013. С. 7.
- Косановић Б.* Његош и Пушкин // Славистичке компаративне теме. Нови Сад: Old commerce, 2005.
- Косановић Б.* Пушкин и Његош о Карађорђу Петровићу // Руске теме. Нови Сад: Филозофски факултет, 2009. С. 100–114.
- Костјашов Ј.* Нова сведочења о животу Јована Балевећа // Зборник МС за историју. Нови Сад, 1998. Св. 57. С. 117–123.
- Мартиновић Д.* Др Јован Стефановић Балевећ. Самозвани цар Шћепан Мали // ЦАНУ, Гласник Одјељења друштвених наука. Књ. 16. Подгорица, 2004. С. 135–161.
- Петровић Р.* Шћепан Мали: загонетка је решена. Београд: Стручна књига, 2002.

Пушкинская энциклопедия 1799–1999. М.: Издательство АСТ, 1999.

Скатов Н. Пушкин. Русский гений. М.: Классика, 1999.

Станојевић Г. Шћепан Мали // Историја Црне Горе. Књ. III. Т. I. Титоград: Историјски институт ЦГ – НЈП Побједа, 1975. С. 373–394.

Фельдман О. Судьба драматургии Пушкина. М.: Искусство, 1975.

Цивьян Т. В. Лингвистические модели мира. М.: Наука, 1990.

Примечания

- ¹ Кстати сказать, долгое время (и после смерти Негоша) не было известно настоящее имя и происхождение этого загадочного человека. По новейшим сведениям это был Иван, то есть Йован Балевић, сын Стефана, авантюрист, родом из Черногории. Он окончил университет в Германии, поступил на чиновничью службу в Сремских Карловцах (тогдашняя Австрия), чтобы потом попытаться сделать военную карьеру в России [Костјашов 1999; Петровић 2002; Мартиновић 2004].

Е. А. Осипова

«Горный венец» Негоша в переводе Ю. П. Кузнецова

Непревзойденное по глубине мысли и силе воздействия на умы современников и потомков, творчество величайшего сербского поэта и мыслителя, «ловченского тайновидца», Петра II Петровича Негоша (1813–1851) и по сей день не утратило своей актуальности. Более того, в переломную эпоху, на рубеже веков и тысячелетий оно становится все более и более востребованным и значимым. Наиболее известным из произведений Негоша является драматическая поэма «Горный венец» (1847), посвященная кровавым и суровым событиям конца XVII – начала XVIII века: изгнанию потурченцев из Черногории.

Произведение это получило мировое признание: с тех пор, как поэма впервые была напечатана в Вене в 1847 г., она выдержала более 60 изданий и была переведена почти на все европейские языки, причем на некоторые из них по два и более раз. Так, по сведениям Черногорской академии наук и искусств, к 175-летию со дня рождения Негоша (1988 г.), «Горный венец» был переведен на 18 иностранных языков, включая и русский. Всего же поэма Негоша на русский язык была переведена целиком четыре раза и еще четыре раза в отрывках (согласно результатам исследования одного из крупнейших сербских русистов и славистов Радмило Мароевича). Первый полный перевод поэмы, выполненный славистом П. А. Лавровым в форме прозаического переложения, вышел в свет в 1887 г. под названием «Горный венок». Между тем, первый поэтический перевод, как считают исследователи, был сделан М. А. Зенкевичем (в изданиях 1948 и 1955 гг.). После этого последовал перевод

выдающегося русского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова (1988), а в 1996 г. – петербургского слависта Александра Александровича Шумилова. Большинство исследователей уделяют наибольшее внимание двум последним переводам поэмы, считая их, как пишет Р. Мароевич, «высшими выражениями двух различных поэтических традиций при передаче сербских фольклорных и фольклором вдохновленных поэтических произведений»¹.

Успешный перевод любого художественного, а тем более поэтического произведения всегда сопряжен с определенными трудностями, поскольку предполагает достижение максимально возможной верности оригиналу на всех языковых уровнях, особенно, когда речь заходит о системе поэтических образов. От переводчика требуется хорошее владение словом и несомненное поэтическое дарование. Важную роль играет и выбор произведения для перевода. Неслучайно, еще в конце XIX в. П. Кулаковский в своей речи о славянских мотивах в творчестве Пушкина отмечал: «Особенности таланта и отличительные свойства поэтического гения сказываются как в том, что он избирает для своих переводов, так и в том, как он воспользовался оригиналом, что он из него сделал, ибо *переводить* значит для поэта *творить*»².

Неизбежные расхождения, встречающиеся в разных переводах одного и того же поэтического текста, в значительной степени обусловлены особенностями художественного восприятия переводчиков. Исследовательница Л. П. Шаманская в своей кандидатской диссертации «В. А. Жуковский и Ф. Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы», размышляя на данную тему, пишет: «Творческая личность рассматривает поэтический мотив сквозь призму собственной индивидуальности, поэтому личность художника как бы накладывается на

образ изображаемой действительности» (М., 2001). Вполне очевидно, что данное высказывание тем более справедливо в отношении крупного художника, и в особенности великого поэта, который берется за перевод того или иного произведения. Характерно высказывание известного литературоведа В. В. Кожина уже применительно к поэтическим переводам Ю. П. Кузнецова: «...на них внятно запечатлелось творческое и человеческое своеобразие его личности, хотя и не с такой силой и глубиной, как на его собственных произведениях»³.

Художественный поэтический перевод, выполненный талантливым поэтом, способен обогатить отечественную культуру, в нашем случае – явиться ценным вкладом в сокровищницу русской литературы. Творческая переработка авторского текста позволяет создать поэтическое произведение, отражающее эстетические и мировоззренческие взгляды переводчика и художественные особенности той традиции, носителем которой он является: «Поэтический перевод предполагает включение переводного текста в живой литературный процесс, в культурную традицию и память литературы того языка, на котором осуществлен». Переводчик, «напитавшись смыслом и духом подлинника»⁴, создает новый поэтический текст с сохранением его содержательной, смысловой и эстетической стороны, но используя при этом свои художественные средства, иные языковые и стиховые формы.

Особенности различных переводов поэмы на русский язык до сих пор рассматривались, прежде всего, в работах сербских исследователей. Так, в 2001 г. Черногорская академия наук и искусств выпустила сборник статей, созданных на основе докладов, прозвучавших на одноименной научной конференции: «Перевод “Горного венца” на иностранные языки». Переводу поэмы на русский язык посвящены

четыре статьи: Миланы Радич-Дугонич «О переводе непере-
водимого: Русские переводы “Горного венца” Негоша»,
Л. И. Раздобудько-Чович «К вопросу о переводах устойчи-
вых словесных комплексов с соматическим компонентом на
близкородственный язык (на материале переводов “Горного
венца” на русский язык)», Бранимира Човича «Бинарное
противопоставление “славянизм” – “солецизм” в структуре
образа “Горного венца” Негоша и русские переводные эк-
виваленты», а также вышеупомянутая работа Радмило Ма-
роевича. В первых трех работах переводы поэмы рассмот-
рены на основе сравнительного анализа с точки зрения аде-
кватной передачи переводчиком сербских реалий и поня-
тий, а также стилевые особенности в передаче поэтических
образов главных персонажей поэмы и т. п.

Несомненно, перевод поэмы «Горный венец», как и дру-
гих произведений Негоша, – ответственное и многотрудное
дело, учитывая все многообразие художественных и жанро-
вых особенностей сербского гения. В связи с этим Р. Маро-
евич в своей статье отмечает: «перевести “Горный венец”,
поэтический шедевр, произведение глубоко символичное,
с максимальной концентрацией образов, передать в полной
мере его духовное и эмоциональное богатство, там, где
с эпическими мотивами переплетаются драматические и ли-
рические и где, что важнее всего, блестяще воплощена на-
родная мудрость, – такая задача по плечу лишь титану по-
этического перевода».

Блестяще осуществить перевод поэмы удалось Юрию
Поликарповичу Кузнецову, которого справедливо называют
одним из крупнейших поэтов XX столетия. Хорошо знако-
мый не только с его творчеством, но и с ним лично, Вадим
Валерьянович Кожинотзывался о нем как о «значитель-
ном, самом выдающемся русском поэте нашего времени»⁵.
В 2013 г. исполняется десять лет со дня кончины Юрия

Кузнецова и двадцать пять лет с момента создания им поэтического перевода поэмы «Горный венец», выполненного к 175-летию со дня рождения Петра II Петровича Негоша.

Большинство исследователей творчества Юрия Кузнецова отмечают следующую наиболее характерную особенность его поэзии – тяготение к эпике, к символу, обращение к мифологическим истокам русской культуры. «Русское национальное самосознание, русская история, пути и перепутья славянства воплотились в самобытнейшее поэтическое слово»⁶, – писал о его стихах Николай Дмитриев. И потому кажется весьма знаменательным, что именно Юрий Кузнецов взялся за перевод «Горного венца» – поэмы сербской национальной гордости и славы, воспевающей борьбу «за Крест честной и золотую свободу!»; неслучайно, это произведение называют «письменным памятником Косовскому завету». Проникновенны слова одного из героев поэмы, Вука Мичуновича, который, обращаясь к сердару Вукоте, запрещает тому говорить недостойные речи о Косове и недооценивать сербские жертвы:

Ты зачем про Косово твердишь нам?
Все на нем мы счастье потеряли,
только плоть да имя черногорца
из гробницы косовской воскресли
и в высоком встали поднебесье,
где царит Обилич над теньями.

Примечательно, что, собираясь на битву с потурченцами, от которых следует очистить Черногорию, сердар Вукота произносит своего рода заклятие, обращенное к тем, кто не явится на бой, – подобно князю Лазарю перед Косовской битвой:

Так запоминайте, черногорцы!
Кто начнет сражаться, будет лучшим;
кто предаст того, кто начал битву,
пусть все у него окаменеет!
И да превратит Господня сила
в его ниве семя в тяжкий камень,
в его жене детей в тяжкий камень,
пусть он производит прокаженных,
чтоб на них показывали пальцем!
И да пропадет его потомство,
как пропало у коней у пегих.
Чтоб ружья не стало в его доме,
чтобы род его мужчин лишился,
чтобы дом его травой покрылся!

Как утверждает сербский исследователь Видо Латкович, основой для написания произведения послужило, в первую очередь, народное предание: сербские эпические песни и сказания об освобождении Черногории от потурченцев, а главный герой поэмы – не какая-либо отдельная личность, а сам народ.

Поэма была написана Негошем сербским эпическим десятистопником, который Кузнецов перевел в строгом ритме пятистопного хоря с женской клаузулой:

Благо мени, моји соколови!
благо мени, јуначка свободо,
јутрос си ми дивно воскреснула
из гробовах нашијех предаках!

Благо мне, о соколы отчизны,
благо мне, юнацкая свобода!
Ты сегодня на заре воскресла
Из могил великих наших предков!

(слова владыки Данилы)

Одна из главных особенностей перевода Юрия Кузнецова – в умении наиболее удачно передать смысл и экспрессивное содержание высказываний действующих лиц. При этом переводчик зачастую не следовал за сербским текстом дословно, а использовал соответствующие русские фольклорные выражения, максимально точно передающие пафос и стилистическую окраску речей героев, добиваясь в результате и максимальной смысловой точности. Так, выражение «Коликe су с краја до краја» Ю. Кузнецов перевел словами: «И по всей Венеции великой», а «Ходио до Млетке Драшко» – «Он ходил в Венецию за море». Словосочетание «крваво људско разбојиште» в русском переводе значит как «поле смерти и кровавой сечи», а выражение сердаря Вукоты «У свет га оваквога нема» – «Нет такого на всем белом свете!» Однако чисто сербские знаковые реалии (юнак, гайдук, зеленая долама) переводчик бережно переносит на русскую почву. В этой связи стоит подчеркнуть, что большой сборник избранных переводов Ю. Кузнецова (куда вошел и «Горный венец» Негоша) так и называется – «Пересаженные цветы».

При переводе рассказа воеводы Драшко о некоторых венецианских обычаях Ю. Кузнецов использует – там, где это необходимо, – чисто русские разговорные выражения для сохранения красочности описания и экспрессии:

Боже драги, ту да видиш чуда!

Ту измиље некаквога пука,

то ни у сан никад доћ не може,

сви шарени као дивље мачке...

Боже милый, тут такое диво!

Выползает разбитной народец,

не приснится и во сне такое,

все пестры, подобно диким кошкам...

Или выражение «*Сви нуглови пунани празновах*» поэт перевел словами «*Голытьбою все углы забиты*» (из описания воеводы Драшко венецианских впечатлений).

Все найденные слова и выражения не только точно передают смысл оригинального текста, но и актуализируют его для русского культурного сознания, являясь при этом образцами высокой поэзии и художественной образности:

Чево ровное, гнездо юнацтва,
поле смерти и кровавой сечи,
многие войска твой прах взметали,
много вдов оставило в печали,
ты, костями белыми покрыто,
кровью человеческой омыто.

Или:

Ядовитый нрав и дикий разум
у свиньи, а не у человека,
у кого закон в кровавой сабле,
у того следы смердят геенной,

– читаем мы в письме владыки Данилы визирю.

Язык Негоша необычайно богат. Значительную часть произведения составляют многочисленные эмоционально-экспрессивные выражения и оценочные характеристики, требующие адекватного перевода, сохраняющего их стилистическую окраску и пафос высказывания:

Богатијех бјеше поголемо,
од богатства бјеху полућели,

– говорит воевода Драшко о венецианцах, –

Много видел среди них богатых,
от богатства, брат, они рехнулись.

Между тем Юрий Кузнецов сумел передать главное: эпическое величие, надмирную высоту и глубину поэзии Негоша. Донес до русского читателя архетипические черты сербской поэзии вообще, тот жар и высокую скорбь, древнюю красоту и суровую простоту, что завораживала Гете и Якоба Гримма, Пушкина и Мицкевича, восхищавшихся сербскими народными песнями»⁸.

Обращения поэта к истории сербского народа – через переводы сербских эпических песен и поэмы Негоша «Горный венец» – определенным образом обогатило и саму поэзию Юрия Кузнецова. Так, в 1995 г. им было написано стихотворение «Сербская песня», явившееся откликом на современную трагедию Сербии. Оно было написано в традициях народного поминального плача и начиналось словами:

Как случилось, как же так случилось!
Наше солнце в море завалилось.
Вспомню поле Косово и плачу,
Перед Богом слез своих не прячу.
Кто-то предал, ад и пламень лютый!
В спину солнца нож вонзил погнутый.
Кто нас предал, жги его лют пламень!
Знает только Бог и Черный камень...

Возможно, не в последнюю очередь на выбор жанра произведения повлиял предшествующий опыт поэтического перевода «Горного венца», в котором, как уже упоминалось, одним из наиболее удачных мест по праву считается перевод плача сестры Батрича.

«Горный венец» Юрия Кузнецова является классическим примером того, как один великий поэт перевел другого великого поэта, в известном смысле соперничая с ним, но всякий раз отдавая должное силе его поэтического гения и масштабам пророческого прозрения. Благодаря использованию

известных ему художественных средств переводчику удалось прекрасно справиться со своей задачей, создав блистательный по силе художественного воздействия и соответствия идейному замыслу автора поэтический перевод. В. В. Кожин назвал этот и другие, подобные ему переводы Ю. П. Кузнецова, «ярчайшими и весомейшими воплощениями русского поэтического слова, воссоздающего иной, почти неведомый нам мир»⁹. Своим переводом русский поэт актуализировал Негоша, а вместе с тем и его значение для сербской традиции и православного славянского мира в целом.

Велико и непреходяще влияние Негоша на сербское национальное самосознание (что косвенно подтверждается и всевозможными попытками извратить его подлинное значение, периодически предпринимаемыми «незалежными» националистами). Для всех же подлинных сербов Негош и в нынешние, нелегкие времена продолжает оставаться не только величайшим поэтом и гениальным мыслителем, но и духовным вождем и выдающимся политическим деятелем, законным наследником святосавской традиции сербского Православия и неувядаемой славы Косовских витязей. Как пишет в своей работе «Сербская идея» современный сербский мыслитель Ж. Познанович, «в разные эпохи, с момента возникновения сербского народа, сербская идея воплощалась по-разному и в разных личностях. Наиболее выдающиеся из них – святой Савва, святой князь Лазарь, Негош и владыка Николай (Велимирович). Самым характерным воплощением сербской идеи в истории является косовский завет: выбор в пользу Царствия Божия и правды его. Именно этим определяется сформировавшийся под непосредственным воздействием данной идеи менталитет сербского народа»¹⁰.

Творческое и духовное наследие величайшего сербского поэта, митрополита и правителя Черногории Петра II Петровича Негоша сегодня как никогда востребовано на сербской земле. Оно противостоит губительному духу времени и пагубе мира сего – в полном соответствии со знаменитым высказыванием русского мыслителя И. А. Ильина: «Национальный герой ведет свой народ даже из-за гроба».

Примечания

- ¹ См. статью Р. Мароевича «Русские переводы “Горного венца” последних десятилетий XX века: поэтическая и стиховедческая полемика Ю. Кузнецова и А. Шумилова» в коллективном труде «Перевод “Горного венца” на иностранные языки» (2001).
- ² Кулаковский П. Славянские мотивы в творчестве Пушкина. Речь к торжественному акту Императорского Варшавского университета 26 мая 1899 г. Варшава, 1899.
- ³ Кожин В. В. Перевод-соперничество // Кузнецов Ю. П. Пересаженные цветы: избранные переводы. М., 1990. С. 5.
- ⁴ П. А. Вяземский в предисловии к переводу «Адольфа» Б. Констана, осуществленному в 1829 г. Цит. по: Холмская О. Пушкин и переводческие дискуссии пушкинской поры // Мастерство перевода. Сб. статей. М., 1959. С. 365–366.
- ⁵ Кожин В. В. Перевод-соперничество. С. 6.
- ⁶ Дмитриев Н. «Я пришел и ухожу один...» / Статьи и воспоминания о Юрии Кузнецове // Роман-газета. 2007. № 22. С. 3.
- ⁷ «Русские переводы «Горного венца» последних десятилетий XX века: поэтическая и стиховедческая полемика Ю. Кузнецова и А. Шумилова // Перевод «Горного венца на иностранные языки».
- ⁸ Радович Р. Р. Нежје / Вступительная статья и перевод И. М. Числова. Белград, 2011 г. С. 28–29.
- ⁹ Кожин В. В. Перевод-соперничество. С. 7.
- ¹⁰ Познанович Ж. Сербская идея. М., 2000. С. 71–72.

М. Л. Бершадская

**«Горный венец» П. Негоша на сцене
Национального театра в Белграде
и Черногорского Национального театра
(Подгорица)**

Подавляющее большинство критиков и литературоведов, писавших о «Горном венце», утверждают, что это «историческое событие конца XVII в.» является драмой только по своим формальным признакам и потому предназначено для чтения, а не для постановки на сцене.

Тем не менее, первые попытки воплотить творение Негоша на сцене были предприняты еще при жизни поэта. Сохранился список актеров и тех ролей, которые они должны были исполнять в спектакле. Есть сведения о том, что в Будве были поставлены «Горный венец» и «Степан Малый», а любительская труппа из города Рисан, которую возглавлял известный театральный деятель и драматург Никола Джюркович, занималась подготовкой спектакля «Горный венец», премьера которого должна была состояться в начале 1851 г. Любительская труппа из Котора, которой руководил Мартин Стиевич, поставила на сцене отдельные отрывки из поэмы в 1863 г. в своем городе, а в 1865 г. в Рисане и Херцег-Нови. В Которе и Цетинье в 1871 г. местное Сербское певческое общество «Единство» подготовило музыкальный спектакль «Воскресение» по мотивам отдельных сцен из поэмы.

Йован Скерлич в своей «Истории новой сербской литературы» упоминает о постановке «Горного венца» в Карловцах (1897) и Нови-Саде (1902)¹.

Однако подлинные успехи в сценическом и музыкальном прочтении поэмы Негоша впервые были достигнуты только в 50-х годах XX в.

В 1951 г. в Югославии масштабно отмечали столетие со дня смерти поэта. Главные мероприятия проходили в Черногории. Здесь, на летней сцене под Орлиной скалой, где находится могила владыки Данилы, труппа под руководством актера и режиссера Национального театра в Белграде Радомира (Раше) Плаовича представила зрителям свою версию «Горного венца». На пресс-конференции перед началом спектакля Плаович сказал: «Широко известно многократно повторенное утверждение авторов комментариев, историков литературы и критиков о том, что «Горный венец» только по своим формальным признакам является драмой, а по сути – это эпос. Мы надеемся, что нам удастся (пусть даже в самой скромной степени) опровергнуть реализацией своего замысла <...> это ошибочное суждение и донести до наших зрителей как можно более ярко и понятно творение нашего самого великого классика»².

Постановка была восторженно встречена зрителями. Ее успеху, помимо интереснейшей режиссерской трактовки, способствовал и «звездный» состав труппы, объединившей лучших актеров всех национальных республик Югославии. Ведущий актер Хорватского Национального театра Милан Орлович (сердар Янко) после спектакля сказал журналистам: «Сейчас, при наличии драматургической версии Раши

Плаовича “Горный венец” можно ставить на любой сцене, в том числе и у нас в Хорватии»³.

Петар Причко, звезда Македонского Национального театра (Богдан Джюрашкович) заявил: «После моего возвращения в Македонию я приложу все усилия для того, чтобы версия Плаовича как можно скорее была переведена на македонский язык, дабы с помощью театра поближе познакомить македонцев с Негошем»⁴.

Вернувшись в Белград, Р. Плаович подготовил спектакль с актерами Национального театра, хором и оркестром оперы Национального театра и членами известной фольклорной группы, носившей имя Косты Абрашевича. Вот что писал об этой масштабной, необычайно яркой постановке известный черногорский поэт Мирко Баневич: «Адаптация “Горного венца”, выполненная Плаовичем в соответствии с требованиями современной сцены, является крупным художественным событием <...> Он сделал шаг вперед, значительный, большой шаг, далеко оторвавшись от всех прежних попыток инсценировать “Горный венец”. Ему удалось примирить две точки зрения: первую, немного нереальную, состоящую в том, что “...венец” надо ставить в том виде, в каком он был опубликован автором (что и делается в нынешних примитивных постановках и делалось раньше в Черногории и за ее пределами и что во всех случаях оказывалось неудачным), и вторую, предполагающую, что текст должен быть переработан, что из него должно быть отобрано только то, что соответствует требованиям сцены, даже если это и потребует значительного сокращения. Плаович переработал

текст, по-своему сгруппировал сцены, изменил их последовательность, разбил многие отрывки текста на более короткие, иногда приписав отдельные реплики другим лицам, для того чтобы действие было более живым, динамичным, но в главном, в основном он остался верен оригиналу.

<...> В целом постановка «Горного венца» Национальным театром в Белграде производит исключительно сильное впечатление. До сих пор мы не имели на сцене национальной драмы столь высокого постановочного уровня, великой драмы с такими гениальными сценами и фигурами героев и удивительной пластикой действия»⁵.

На сцене Черногорского Национального театра «Горный венец» был впервые поставлен режиссером Николой Вавичем в 1960 г. Премьера этого спектакля состоялась в Загребе: так черногорские театральные деятели откликнулись на столетний юбилей центрального хорватского театра. Вавич создал свой сценический вариант поэмы, стремясь как можно ярче «осовременить» текст, ограничить его романтическую патетику, заменив ее яркими колоритными сценами из жизни черногорского народа.

Следующую постановку «Горного венца» на сцене ЧНТ осуществил в 1973 г. режиссер Благота Эракович. Он также стремился «осовременить» эпическое начало негошевского текста, придавая при этом особое значение использованию хора и созданию необычного визуального фона, подчеркивающего значительность происходящих на сцене событий.

Новую версию «Горного венца» (1997) создал на сцене ЧНТ Бранислав Мичунович. Спектакли этого известного

черногорского режиссера всегда пользовались у зрителей большим успехом, вызвали оживленные дискуссии. Критики единодушно отмечали, что Мичунович увидел «историческое событие конца XVII в.» в свете трагического распада Югославии и военных действий, которые велись на ее территории в первой половине 90-х годов прошлого века. Поэт и театральный критик Сретан Перович охарактеризовал этот спектакль как «наиболее вызывающую и наиболее провокационную инсценировку негошевского “Горного венца”», для которой характерны «крайне осовремененная демифологизация и ироническое отношение к эпическому героизму негошевских героев»⁶.

Последнюю по времени инсценировку «Горного венца» на сцене ЧНТ осуществил известный словенский режиссер Диего де Бреа в декабре 2010 г. Его спектакль – это своеобразный «взгляд со стороны» на особенности черногорского национального характера, на связь философских проблем, затронутых Негошем, с онтологическими проблемами людей XXI века.

Заканчивая свой анализ четырех спектаклей ЧНТ, С. Перович справедливо указывает на то, что «Горный венец» по-прежнему «остаётся творческим вызовом для его постановщиков, источником размышлений о противоречивом характере и судьбе черногорского народа»⁷.

Замечательная поэма Негоша стала источником вдохновения не только для деятелей драматического театра, но и для представителей музыкального мира.

На стихи из «Горного венца» написаны вокальные произведения Я. Готоваца, С. Настасиевича, С. Пашчана, Б. Трудича.

Осенью 1942 г., за месяц до своей трагической гибели, подпольщик-антифашист Воислав Вучкович, находясь в оккупированном немцами Белграде, завершил свою «Героическую ораторию», основой которой послужили текст героической народной песни «Начало восстания против дахий» и отдельные отрывки из «Горного венца». Вучковичу удалось объединить эти два литературных источника в единое целое, в словах и музыке этой оратории композитор славил и черногорский народ, боровшийся за свою свободу в XVII в., и сербских повстанцев начала XIX в., и своих современников, ведущих героическую борьбу с фашизмом.

Наряду с вокальными произведениями и «Героической ораторией» на негошевских торжествах 1951 г. прозвучала «Кантата для хора, соло и оркестра» хорватского композитора Николы Херцигоня. В своей кантате Н. Херцигоня, бывший партизан, сумел необычайно образно и ярко воспеть героизм не только черногорцев XVII в., но и участников народно-освободительной борьбы.

После огромного успеха постановки «Горного венца» на сцене Национального театра в Белграде Херцигоня обратился к Плаовичу с предложением совместно написать либретто для сценической оратории, явившейся дальнейшей разработкой музыкальных тем кантаты. Плодом этой совместной работы стала постановка оратории «Горный венец» на оперной сцене Национального театра в Белграде (1957).

Режиссером спектакля был Плаович, дирижером – директор Оперы, известный музыкант Оскар Данон, исполнителем партии владыки Данилы – всемирно известный бас Мирослав Чангалович. Пользовавшийся огромной популярностью спектакль Н. Херцигона посвятил «памяти героев черногорских пролетарских бригад».

Й. Деретич, рассматривая художественную структуру поэмы, писал: «Циклическое, поэтапное развитие действия в “Горном венце” напоминает некоторым исследователям структуру музыкальных композиций. Четыре основных тематико-композиционных составляющих поэмы похожи на четыре части симфонии»⁸. Не исключено, что такие выводы упомянутых Деретичем исследователей были вызваны появлением музыкальных произведений Вучковича или Херцигона. В любом случае сценическая история «Горного венца» позволяет утверждать, что интермедальный подход к изучению этой поэмы может дать необычайно интересные результаты.

Примечания

- ¹ *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С. 174.
- ² *Glasnik Narodnog muzeja Crne Gore.* God. 9. Br. 9. Cetinje, 2005. S. 233.
- ³ *Ibidem.*
- ⁴ *Ibidem.*
- ⁵ *Banjević М.* «Gorski vijenac» na sceni Narodnog pozorišta u Beogradu // *Stvaranje.* Br. 1–2. Cetinje, 1952. S. 26–27.

- ⁶ Povodom dva vijeka od Njegoševog rođenja: Najveći biljeg Crne Gore // Pobjeda: [сайт]. 7. oktobra 2013 g. URL: <http://www.pobjeda.me/2013/10/07/povodom-dva-vijeka-od-njegosevog-rodenja-najveci-biljeg-crne-gore/#.UlgypNJHJcI> (дата обращения: 11.10.2013).
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ *Деретић Ј.* Историја српске књижевности. Београд, 2004. С. 650.

Радмило Н. Мароевич

**Функциональная перспектива предложения,
версификация и текстология поэмы Негоша
«Луч микрокосма»¹**

Введение

0. Предмет данной работы – явление, которое в славистике называется актуальным членением предложения, но все чаще используется термин функциональная перспектива предложения (который используется и нами).

0.1. Работа является продолжением нашего предыдущего текстологического исследования, опубликованного под названием «Некоторые вопросы критики текста “Луч микрокосма”» в авторском сборнике работ «Сербский язык сегодня» [Маројевић 2000: 359–400]. Позже мы подготовили акцентологическое издание стихотворения и серию работ «Просодически-интонационная интерпретация текста “Луч микрокосма”»; в «Гласнике Отделения искусств» опубликованы «Метрические константы» и «Усечения в стихосложении» [Маројевић 2011^a: 51–61 и 2012: 25–42].

0.2. Специфика данной работы заключается в том, что функциональная перспектива предложения рассматривается в нем как проблема просодии, интонации и стихосложения и как текстологическая проблема. Корпус работы ограничен только теми грамматическими омонимами, которые влияют на функциональную перспективу и на стихосложение – на

омонимы внутри системы частей речи (существительное или прилагательное, наречие или прилагательное, прилагательное или частица) и на омонимы в рамках парадигмы одного и того же слова (единственное или множественное число, мужской или женский род).

І. Существительное или прилагательное

1. Форма *смртноме* в 344-м стихе стихотворения «могу вредит смртноме погледу» – это прилагательное, *nomen adiectivum*, как оно обычно толкуется, или и существительное, *nomen substantivum*, как его интерпретируем мы (просодия была бы такой же, но интонация иная, то есть и функциональная перспектива предложения)?

1.1. Вот то, что мы в связи с этим писали в предыдущем текстологическом исследовании «Луча микрокосма» [Мароевић 2000: 371].

Форма *смртноме* в 344-м стихе:

Устав полет, искро божествена,
 круг смо давно прешли возможности:
 небесне су прешильасте зраке,
 могу вредит смртноме погледу

[ЛМ 341–344 (І 141–144)]

– может быть грамматически истолкована как прилагательное *смртни* в атрибутивной функции (синтагма *смртни поглед* в дательном падеже) или как непрямой объект (посессивный датив) существительного *смртни* ‘смертный, человек’. Радосав Бошкович так иллюстрирует значение прилагательного в указанном стихе: ‘который принадлежит смертному, смертнику’; другой пример также из «Луча микрокосма»: «Мјесто очих да два сунца никну / и идеју један вијек смртни / да по царству небовлаца прате»

[571–573 (II 21–23)] [Стевановић–Бошковић 1954: 200]. В решении этой грамматической двусмысленности мы склоняемся в пользу субстантивного значения и стих семантически интерпретируем следующим образом: ‘могут навредить взгляду человека’ (взгляду *смертного*). Другими словами, между семантической интерпретацией Бошковића и нашей нет никакой разницы, разница заключается в грамматическом истолковании формы (мы считаем, что *сртномe погледу* не конгруэнтная синтагма прилагательное–существительное, а что *сртномe* и *погледу* два существительных и два не прямых объекта, то есть конструкция, которую можно перевести из третьего лица в первое так *могу ми шкодити погледу*, с той лишь разницей, что вместо местоимения *ми* использован посессивный датив существительного *сртномe*). Помимо этого, мы считаем, что прилагательное *сѣтъ/тънь* было использовано не в значении ‘который принадлежит смертному’, а в значении ‘который относится к смерти, который заканчивается смертью’. В связи с этим в 572-м стихе выражение *сртни вијек* мы толкуем как фразеологизм со значением ‘земной век, жизнь тела’. Конечно, с позиций синхронии снова нет разницы между нашей семантической интерпретацией стиха и интерпретацией Бошковића, ведь (человеческий) земной век то же самое, что и ‘век, который положен смертному’.

1.2. В акцентологическом издании стихотворения, которое мы подготовили, приводится просодическая интерпретация стихов с точки зрения стихосложения (расширим контекст до целого предложения):

Устав *пóлет* || и́скро | божѣственā,
крѹг смо *дáвно* || прѣшли | возмо́жности:
не́беснѣ сѹ || *прѣ*шѣльасте | зра́ке –
*мо*ѹ вредѣит || *сртн*оме | по́глѣду,

не́беснї је || прѠстор | бѠсконечан,
во̀обра́за || сила – | делика̀тна!
[ЛМ 341–346 (I 141–146)]

с текстологическим замечанием:

344 *мо̀гѹ* – неудачное, с побочным ударением <...>; вредит (*смр̀тнѠме*) – *смр̀тнѠме* – это посессивный датив существительного *смр̀тнї* в значении ‘смертный’, а не прилагательное **смр̀тнї* (по̀глѠд), семантическое усечение цезуры.

В 344-м стихе, таким образом, форма *смр̀тнѠме* не является ни прилагательным, ни (конгруэнтным) атрибутом, а существительным и (непрямым) объектом. Точнее, это существительное в посессивном дативе, который обладает двойным грамматическим значением: не прямой объект – это близкий объект, который зависит от предиката *мо̀гѹ вредїт*, и одновременно неконгруэнтный атрибут, который зависит от дальнего объекта *по̀глѠду*.

Если бы мы предположили, что форма *смр̀тнѠме* прилагательное, то выявилось бы усечение цезуры, что изменило бы функциональную перспективу предложения. Значение было бы странным и немотивированным в тексте стихотворения: выражение **смр̀тнї по̀глѠд* должен был бы означать ‘взгляд смерти’, то есть взгляд, который убивает. Единственная «польза» от такого толкования была бы в том, что оно «подтверждало» бы семантизацию лексикографа, по которой прилагательное *смр̀тнї* имеет и деривационное значение ‘который относится к смерти’. Такая «польза» сомнительна: было бы не сложно доказать, что данное прилагательное такого значения не имеет и что в 344-м стихе форма *смр̀тнѠме* не прилагательное, а существительное.

1.3. Приведем из нашего анкетологического издания, готовящегося к печати, и другой пример, в котором Бошкович

видит прилагательное *смртни* в значении ‘который относится к смертному’ [Стеванович–Бошкович 1954: 200] в несколько более широком контексте:

Мјесто òчй^x || *да*̀*два* сѹнца | *ни*кнѹ
и *иде*ју || *један* вијек | *смртн*ї
да̀ по цѣрству || *не*бowlа¹ца | *пра*тѣ,
не би *ни*и || *сви*јетлї | *по*глѣди
вельчества || *не*беснѣ | *пре*лѣсти
свѣоликѣ || *мо*гли | *пре*гледѣти –
[ЛМ 571–576 (II 21–26)]

с текстологическом замечанием к соответствующему стиху:

572 *један* – неударное (в значении неопределенного члена), с побочным ударением <...>; *вијек смртн*ї – (авторский) фразеологизм (в метонимическом значении ‘век смертного’, то есть человеческий век), семантическое усечение такта.

Не было никаких сомнений в грамматическом определении формы *смртн*ї в 572-м стихе: *смртн*ї – прилагательное. Но оно, как и его праславянский предок *сѣть/тъпъ(ь)* (мог иметь неопределенную и определенную форму, как и сегодня в сербском), не имело деривационного значения ‘который относится к смертному’, а имело значение ‘который относится к смерти, который завершается смертью’. Выражение *смртни вијек* мы истолковали как фразеологизм в значении ‘земной век, телесная жизнь’ [см. пункт 1.1]. В текстологическом замечании мы указали, что это (авторский) фразеологизм (в метонимическом значении ‘век смертного’, то есть человеческий век). Существенной разницы между двумя нашими интерпретациями нет, как ее нет и между нашей интерпретацией лексического значения в выбранном контексте и интерпретацией Бошковича.

С точки зрения стихосложения важно указать частичную десемантизацию лексемы *један* (она принимает значение неопределенного члена из-за ослабленного ударения), а граница между вторым и третьим тактами «ослабляется» и оказывается после первого компонента фразеологизма, благодаря семантическому усечению такта (усечение двумя полными словами, с главными ударениями).

2. Является ли форма *смртна* в 299-м стихе стихотворения *nomen substantivum*, существительным, или *nomen adiectivum*, типографской ошибкой на месте определенного прилагательного *смртни или неопределенного *смртан?

2.1. Вот что мы писали по этому поводу в предыдущем текстологическом исследовании «Луча микрокосма» [Маројевић 2000: 369–371 (в приводимой здесь целиком цитате из указанного издания знак || показывает переход на новую страницу)].

Вслед за Б. Михаиловичем, который исправляет форму *смртна* в 299-м стихе на *смртни*, Александар Младенович в своих «Филологических замечаниях об издании “Луча микрокосма”» в этом стихе реконструирует неопределенное прилагательное в accusative единственного числа мужского рода *смртан* и значение ‘в смертное мгновение только исчез’; одновременно форму *смртна* [I 99] в издании, которое подготовили Бошкович и Банашевич, трактует как типографскую ошибку: «должно быть *смртан*» [Младенович–Флашар 1996: 105, 112]. Исправлять несуществующую типографскую ошибку, чтобы появилась «мысль» о том, что человеческое тело – *тяжелые оковы физические*, которые *исчезли* лишь благодаря смерти только «в смертное мгновение», не было никакого смысла, кроме как зафиксировать, что редактор-«филолог» не распознал possessive genitive существительного *смртан* ‘смертный’. Поэт действительно показал, что телесные физические оковы

существуют только «для краткой жизни смертного», то есть человека. Стих в издании Ковачевича сопровождается комментарием: «*smrtna* (čoveka)» [Kovačević 1934: 21]. Субстантивированное прилагательное *смртан*, *смртни*, хотя и не проиллюстрировано в приведенном стихе, лексикографически описано в обоих специализированных словарях: «смертный, человек» [Стеванович–Бошкович 1954: 200]; «тот, который умирает, человек» [Стеванович и др. 1983 II: 314–315].

Ссылаясь на второй том Собрания сочинений Негоша, подготовленный Божей Михаиловичем [Стварање, Цетиње, 1954, IX, № 2, 132], где форма *смртна* [I 99] исправлена на *смртни*, Младенович не воссоздал историю этого вопроса с самого начала: такое же исправление мы находим и в издании братьев Йовановичей, откуда его перенимает Решетар, а за ним и Вушович; при этом Милан Решетар по поводу выбранной формы *смртна* говорит: «наверняка она не стоит вместо *смртнога*» [Решетар 1926: 118]. Возвращение исходной формы начал Божидар Ковачевич: «предыдущие издания пишут: “*Za mah smrtni*”... (st. 299). Я привожу стих так, как он был дан в первом издании: “*Za mah smrtna*”..., ведь и далее будет прилагательное *smrtna* относиться к *čoveka*» [Kovačević 1934: XVI (Примечание)]. Иное понимание текста || первого издания привнес и Давид Богданович: *Za mah smrtna samo iznikao*, [Bogdanović 1918: 41].

Текстологическое решение Решетара оспорил и Никола Банашевич: «Решетар мог поверить, опираясь на сам текст “Луча”, что Негош меняет *смртни* как существительное, что может быть *смртна* вм[есто] *смртнога*, ведь в стихе 8 этой же песни: “Ока смртну отворит не дају”» [Банашевић 1950: 205]. Кроме Младеновича, все послевоенные исследователи оставляют аутентичную форму аккузатива именного склонения: *смртна* [Бошковић и др. 1953; Недић 1964; Ракочевић 1994].

На основании всего сказанного мы можем заключить, что в «Луче» присутствует не только посессивный генитив

Бесмртна существительного *Бесмртан* ‘бог’ [Маројеввић 2000: 366–369], но и посессивный генитив *смртна* существительного *смртан* ‘человек’. Приводим его в контексте целой строфы:

«Ја сам твоја искра бесамртна,
рече мени свијетла идеја.
«Водићу те к вјечноме огњишту
од којег сам и ја излећела,
већ теготни оков физически
збаци с себе [с:ѐбе], ослободи га се,
под туђијем не стењи бременом –
он је стручак слаби и нејаки
за мах смртна само изникао,
он је ручак гада пузећега»

[ЛМ 291–300 (I 91–100)].

ПРИМЕЧАНИЯ.

Никола Банашевич говорит, что проанализированный стих в издании братьев Йовановичей, которым он руководствовался, записан так: «За *њих смртни* само изникао» [Банашевић 1950: 204]. Так же стих записан и в издании [Јовановићи 1884], хранящемся в библиотеке САНИ². Так же написан стих и в издании [Радојичић 1931], которое – кроме редких новых типографских ошибок – верно передает издание братьев Йовановичей. Банашевич и далее говорит, что пользовался изданием братьев Йовановичей, в котором данный стих приведен так: «За мах *смртни* само изникао» [Банашевић 1950: 204]. А между этими двумя сообщениями об изданиях, которые мы разыскали, он пишет следующее: «В варианте, который предлагает Решетар, в тексте, в издании СКЗ³, в каком-то другом издании Йовановичей, которого мы не нашли, стоит:

За мах *смртним* само изникао,

– что не было бы столь бессмысленным и выглядело бы как домысел некоего редактора, если бы не было типографской ошибкой» [Банашевић 1950: 204]. Это и есть || типографская ошибка, или издательская [Решетар 1923: 11], но исправленная [Решетар 1926: 118]. То, что это типографская ошибка самого Решетара, а не свидетельство о существовании некоего третьего варианта издания братьев Йовановичей, точнее о третьем издании в Панчево, мы заключаем на основании того, что перед знаком], как было принято в практике того времени, Решетар приводит свои текстологические исправления и текстологические корректуры своих предшественников, принимаемые им самим, а в самом тексте и в издании 1923 г. стих записан так: «За мах смртни само изникао».

2.2. Дискуссия о рассматриваемом стихе продолжается нами и в критической оценке однотомника произведений Негоша, подготовленного Миро Вуксановичем [Маројевић 2011⁶: 769–770].

Вуксанович в одном стихе «Луча микрокосма» нашел текстологическое вмешательство новоиспеченного исследователя Негоша, Мата Пижурце (который, к слову, защищается, говоря: «я не считаю себя исследователем творчества Негоша») [Пижурца 2010: 83, 86–87]. Свой поступок исследователь объясняет так: «В одном месте <...> я сам применил находку Мата Пижурце <...> Так внимание переместилось на другую часть упомянутого стиха, в котором сказано: *за мах смртна самоизникао*, где вместо *само изникао* написано *самоизникао*» [Вуксановић 2010: 388].

А именно в стихе 299 (I 99) Вуксанович отступает от текстологии Младеновича: за мах смртан само изникао [Младеновић–Флашар 2004: 275], – которая точна во втором и неточна в первом полустишии, в пользу текстологии Пижурца: за мах смртна самоизникао [Вуксановић 2010: 145], которая неточна во втором и точна в первом полустишии.

Текстологическая интерпретация Симеона Милутиновича Сарайлии, в первом издании, была точна и в первом, и во втором полустишии: За махъ смртна само изникао [Томовић 1981: 14 (начальная нумерация страниц)].

В строфе, в которой искра бессмертная советует поэту сбросить «тяжелые оковы физические», то есть земное тело, ведь они существуют только для одного движения смертного. Существительное *мах* в стихе Негоша не значит ни «мох», ни «мгновение», оно обозначает ‘движение’ (краткая земная жизнь метафорически показана как движение тела). Форма *смртна* не прилагательное, конгруэнтный атрибут для *мах*, и его не нужно исправлять ни на «смртни», ни на «смртан», это посессивный генитив существительного (субстантивированного прилагательного) *смртан* в значении ‘смертный, человек, который смертен’.

Нужно знать стих Негоша, да и стихосложение вообще, чтобы понять инверсию и эффект усеченной цезуры, то есть почему поэт не написал ни *изникао само за мах смртна (была бы нарушена квантитативная клаузула), ни *само за мах смртна изникао (акцент был бы на четвертом слоге, а приименный генитив был бы отделен от главного существительного цезурой). Так, слово *само* в постпозиции, с эффектом усечения цезуры, мы находим и в «Горном венце»: Бог || из тебе само бегенише [ГВ 917], – и никому не приходило в голову, что последние два слова сливаются в составное слово *самобегенисати, *иако Бог може сам све*.

Если редактор и исследователь Негоша не знакомы со стихосложением, они должны были бы знать основную космогоническую концепцию поэта, должны были бы знать «Луч» как поэтическую концепцию: не существует ничего, что бы было оригинальным, что таким не может быть и человеческое тело – и «тяжелые оковы физические» сотворил Всевышний. В поэтическом языке Негоша не подтверждено ни прилагательное *самоникли*, ни языковой фантом, глагол *самоизнићи как составное слово в издании Пижурича.

2.3. Из акцентологического издания стихотворения, в котором данный стих в контексте строфы получает следующую просодическую интерпретацию с точки зрения стихосложения:

«Jâ сам *твòja* || и́скра | бесàмртнā»,
 рече *мèни* || сви́етлā | иде́[j]а,
 «вòдићу те || к вјечнòме | òгньишту
 од кòjег сам || и́ jā | изле́ела
вeћ те́готнй || òков | физическй
 зба́ци с *себе* – || освобòди га се,
 под ту́ђијем || не стèњи | брèменом –
òн је стру́чак || сла́би | и не́jакй
 за *мāх смртна* || са̀мо | и́зникао,
òн је рúчак || га̀да | пúзeћeга!» –

следует, что (генитив) *смртна* существительное, что подчеркивается в текстологических замечаниях:

299 за *мāх смртна* – (авторский) фразеологизм, метрический акцент на первом компоненте <...>; *смртна* (са̀мо) – фонетическое усечение цезуры <...>; са̀мо – частица, с побочным (но метрическим) ударением.

Форма са̀мо – частица, а стих имеет следующую фонетическую сегментацию – составное фонетическое слово стоит в середине, а два простых в начале и в конце: за мāх↓смртна^са̀мо↓изникао. Интонационная пауза – самая сильная внутри другого полустиха, в то время как в первом полустихе слабее, а на цезуре – нейтрализованная. Так как са̀мо частица, которая всегда имеет побочный акцент, усечение стиха фонетическое.

Сразу заметим, что фонетический анализ не сходится с метрическим: на форму са̀мо падает метрическое ударение, хотя оно и побочное, а на форму *смртна* – неметрическое, главное. Это происходит, потому что *мāх смртна* – некий вид (авторского) фразеологизма, метрическое ударение на

первом компоненте, а на слове *са̀мо* стоит единственное ударение во втором такте.

Текстологическое исправление, на которое опирались ранние редакторы, а из новых Младенович: за мах *смртна* [= смртан / смртни], – как мы видели, не имело смысла, поскольку стих приобрел значение того, что человеческое тело, *тяжелые оковы физические, исчезло* только из-за смерти, только «за смртан тренутак» [см. пункт 2.1]. В этом случае появилась бы инверсия в первом полустишии, которая также не имеет смысла с точки зрения поэзии – логическое ударение (= метрическое ударение) стояло бы на компоненте *мах*, который был бы выделен инверсией. Иными словами, текстологическое исправление издания братьев Йовановичей, которое Младенович попытался исправить, безосновательно – как с точки зрения стихосложения, так и с точки зрения функциональной перспективы синтагмы.

II. Наречие или частица, наречие или прилагательное

3. Какая разница между словом *са̀мо* в 299-м стихе, например, и словом *са̀мо* в 1416-м стихе?

3.1. В 299-м стихе «Луча микрокосма» «за ма̀х смртна || са̀мо | ѝзникао» [см пункт 2.3] слово *са̀мо*, как мы видели, частица, *particula*, с побочным ударением; фонетическая сегментация стиха – составное фонетическое слово в середине, а два простые в начале и в конце: за ма̀х↓смртна^са̀мо↓ѝзникао – не совпадает с метрическим.

Частица *са̀мо* зафиксирована и в других стихах «Луча микрокосма», ее функцию мы рассмотрим также на примере упомянутого стиха «Горного венца» [см. пункт 2.3]. Стих имеет следующую метрическую структуру: *Бòг* из тебе || са̀мо | бегèнишè [ГВ 917]; фонетическая сегментация стиха

– фонетически сложное слово в середине и два простых в начале и в конце: *Бòг↓из тѣбе^са̀мо↓бегѣнишѣ* – здесь также не совпадает с метрической.

Как частица форма *са̀мо* всегда имеет побочное ударение, а ударение, падающее на личное местоимение, в сочетании с частицей, которая подчеркивает его значение, трансформирует в главное. Предложно-падежное сочетание *из тѣбе*, поэтому акцентируется и имеет значение ‘из тебя, а не из других мест’. Усечение цезуры только фонетическое (цезуру сокращает слово с контекстуально главным ударением и слово с побочным ударением): пауза на цезуре нейтрализована, тогда как интонационная пауза связывает оба полустишия. Метрическое ударение в первом полустишии стоит на форме личного местоимения (из) *тѣбе*, на которое падает логическое ударение, тогда как ударение на существительном *Бòг* неметрическое.

3.2. В 1416-м стихе «Луча микрокосма» в то же время:

òтпаднѣка || нѣба | пòздрављајѹ,
кунѹ му се || *бит* дружина | вѣрна,
са̀мо свòју || ријеч | да̀ одржѣ –
да̀ ѿх крунѣ || самодржѣвијем
по̀ над једнѣм, || *ка̀ је* рекѣ, | ми́ром.

[ЛМ 1414–1418 (IV 204–208)],

– слово *са̀мо* – наречие, *adverbium*, в значении ‘с условием’, с основным ударением. В текстологическом замечании мы это и подчеркнули:

1416 *са̀мо* – наречие, под основным ударением, а не частица <...>; *свòју* (ријеч) – фонетически-семантическое усечение цезуры <...>; *свòју* – неударное, с побочным ударением.

На наречие *са̀мо* падает основное ударение, и это ударение в данном стихе метрическое. Это самостоятельное простое фонетическое слово. Посессивное местоимение имеет

побочное ударение и относится к существительному, как и союз относится к глагольной форме. Поэтому стих имеет три фонетических слова, одно простое, в начале, и два более сложных, в середине и в конце: са̀мо↓сво̀джу^ри́јеч↓да^одр`жй. Усечение цезуры фонетически-семантическое (цезуру сокращает слово, которое трансформирует свое основное ударение в побочное, в первом полустиишии, и слово с основным ударением, во втором полустиишии).

Если бы форма са̀мо была частицей, которой она не является, стих бы имел другую фонетическую сегментацию – простое фонетическое слово было бы в середине, а два сложных в начале и в конце: *са̀мо^сво̀джу↓ри́јеч↓да^одр`жй. Как частица форма са̀мо имела бы побочное ударение, а ударение на посессивном местоимении в комбинации с частицей, которая подчеркивает его значение, трансформировалось бы в главное. Форма сво̀джу была бы под ударением и имела бы значение ‘свою, а не кого-то другого’. Усечение цезуры было бы семантическим (цезуру сокращают слова с основным ударением в обоих полустихах). Изменилась бы и функциональная перспектива предложения: от паузы до цезуры интонационная пауза была бы больше только во втором полустихе.

Если форма са̀мо – наречие (чем она и является), то интонационная пауза на цезуре оказывается почти нейтрализована, когда паузы были бы внутри первого и второго полустиишия (в первом полустиишии она более ясно выражена). Из такой функциональной перспективы и нужно исходить в интерпретации 1416-го стиха «Луча микрокосма».

4. В 931-м стихе «Бјеше грдно једном мрачно царство» наречие, *adverbium*, [грдно] или прилагательное, *nomen adiectivum*; если это прилагательное, то определенное [грднб] или неопределенное [грдно]?

4.1. Вот что мы писали в связи с этим в предыдущем текстологическом исследовании «Луча микрокосма» [Маро-јевић 2000: 396].

В выборе, является форма *грдно* в 931-м стихе наречием, относящимся к предикату *раширило*, или прилагательным (определенная форма *грднѡ* или неопределенная форма *грдѡ*), атрибут грамматического субъекта *царство*, мы склоняемся к толкованию его как наречия и просодически его реконструируем:

Бјеше грдно [грдѡ] једном мрачно царство
свуда своју владу раширило

[ЛМ 931–932 (Ш 61–62)].

ПРИМЕЧАНИЯ.

Никола Банашевич указывает на «интересное» исправление в порядке слов в одном экземпляре «Луча» в бывшей придворной библиотеке в Цетинье в стихе 931 (Ш 61): над *грдно* написан номер 2, а над *једном* номер 1. Это исправление он оценивает так: «Я думаю, что и это исправление хорошее, ведь в напечатанном стихе слово *једном* отсоединяется, без ритмической необходимости, два атрибута, которые лучше дополняют друг друга, когда один стоит рядом с другим. Их в любом случае нужно отделить запятой, чтобы *грдно* не стало наречием и чтобы слово осталось прилагательным, что и было в напечатанном тексте», что отсылает к стиху «Ове грдне масе несмислене» [941 (Ш 71)] с обозначением «то же самое» [Банашевић 1950: 194].

Во-первых, то, что в 941-м стихе это прилагательное, не доказывает того, что и в 931-м стихе оно тоже является прилагательным. Во-вторых, нет никаких доказательств и нет причин считать, что исправления красными чернилами в цетинском экземпляре внесены рукой Негоша: сам Банашевич о номере 2 говорит: «не очень похоже на 2 из оригинала “Горного венца”». В-третьих, порядок слов из первого издания необходимо сохранить, чтобы форма *грдно*

осталась наречием – адвербиал в значении ‘очень’ к предикату *бјеше раширило*.

4.2. В тоническом издании стихотворения приведенные стихи поделены на такты, а курсивом выделены неметрические ударения:

Бјеше грдно || једно̄м | мра̄чно̄ ца̄рство
свуда̄ свдо̄ју || владу | рашӣрило

с текстологическим замечанием, в котором указано, что *грдно* – наречие:

931–932 усечение стиха <...> и инверсия: једно̄м *бјеше* мра̄чно̄ ца̄рство свуда̄ свдо̄ју владу грдно рашӣрило <...> (грдно – наречие, адвербиал к рашӣрило, а не прилагательное, атрибут к слову *ца̄рство*).

Текстологическое замечание имеет несколько функций: указывает на многократную инверсию и усечение стиха: компоненты предиката (*бјеше* рашӣрило) в начале одного и в конце другого стиха, наречие способа действия дистантно использовано в отношении действительного глагольного причастия как компонента предиката.

Стоит отметить, что Банашевич отошел от своей текстологической инновации и от предложенной пунктуации, в издании, которое подготовил вместе с Радосавом Бошковићем: *Бјеше грдно једном мрачно царство* [Бошковић и др. 1953: 276]. Мы предполагаем, что исправления своего коллеги Бошковић как лингвистический авторитет эпохи не принял. Двухзначность между тем осталась: если бы форма *грдно* была прилагательным, оно было бы определенного вида [грдно̄] и значило бы ‘огромное’, и не отделялось бы запятой, но создавало бы (очень необычно здесь) усечение цезуры. При этом такую интерпретацию контекст скорее исключает. Неопределенный вид [грдно] имел бы другое значение – ‘уродливо’.

III. Единственное или множественное число

5. Как нужно читать (и толковать) форму посессивного местоимения в 666-м стихе «и преливе њезине свјетлости», как единственное число, *singularis* и *femininum*, [њѣзинѣ] или как множественное число, *pluralis* и *masculinum*, [њѣзине]?

5.1. В предыдущем текстологическом исследовании «Луча микрокосма» [Маројевић 2000: 399] мы сделали следующие выводы. С точки зрения актуального членения или функциональной перспективы предложения читатель может стоять перед дилеммой, относится ли форма *њезине* в 666-м стихе к предыдущей форме существительного *преливе*, и тогда это был бы аккузатив множественного числа мужского рода, или к следующему существительному *свјетлости*, и тогда это генитив единственного числа женского рода. В этом случае просодическая реконструкция:

Величину горе трюнодржне
и преливе њезине [њѣзинѣ] свјетлости
сви погледи и воображења
у поъатност довести не могу
[ЛМ 665–668 (II 115–118)]

– достаточна для идентификации формы, а текстологическое замечание является только лишь дополнительным средством: генитив единственного числа, артибут существительного *свјетлости*.

5.2. В акцентологическом издании стихотворения, которое мы применили, упомянутые стихи поделены на такты (в 667-м стихе средний текст отсутствует, а курсивом обозначено неметрическое ударение) следующим образом:

Величину || gòrē | трюнодржнѣ
и прѣливе || њѣзинѣ | свјѣтлости

сви`по̀лѣди || и воображења
у по̀нѣтнѣст || довести | нѣ могу

– с текстологическим замечанием, которое непрямо указывает, что *нѣзинѣ* – форма единственного числа:

666 нѣзинѣ – атрибут к (ген.) свѣтлости, фонетически-семантическое усечение такта <...>, неударное, с побочным (но метрическим) ударением.

Если бы не было текстологического замечания с точки зрения актуального членения или функциональной перспективы предложения, читатель мог бы стоять перед дилеммой, относится ли форма *нѣзине* в 666-м стихе к предыдущему существительному *преливе*, и тогда это аккумулятив множественного числа мужского рода, или к следующему существительному *свѣтлости*, тогда это был бы генитив единственного числа женского рода. В первом случае, который не стоит брать в расчет, образовалась бы инверсия и усечение цезуры: синтаксическая пауза на границе между вторым и третьим тактами. Во втором случае, который подтверждается контекстом, нет ни инверсии, ни усечения цезуры: происходит усечение границы между вторым и третьим тактами (местоименная форма безударная, но имеет ослабленное, побочное ударение).

6. Возникает и другой вопрос: является ли в 149-м стихе «твар ти слаба дѣла не постиже» формой единственного числа, *singularis* (женский род, номинатив), или формой множественного числа, *pluralis* (средний род, аккумулятив), определенного [слаба̃] или неопределенного вида [слаба̃]?

6.1. В продолжение предыдущего текстологического исследования [Маројевић 2000: 399] мы делаем вывод, что просодическая реконструкция в то же время не достаточна для идентификации формы *слаба* и ее синтаксической функции в 149-м стихе:

О свевишњи творче непостажни, <...>
 твар ти слаба [слаб̄а] дјела не постиже
 [ЛМ 141, 149 (П 141, 149)].

Поэтому просодическая реконструкция должна сопровождаться текстологическим замечанием: номинатив единственного числа женского рода, атрибут существительного *твар* (а не атрибут в аккузативе множественного числа существительного *дјела!*).

6.2. В акцентологическом издании стихотворения, который мы подготовили, приведенные стихи поделены на три такта, курсивом обозначено неметрическое ударение, следующим образом:

О'Све̄вишњӣ, || тв̄орче | не̄пост̄ижњӣ, <...>
 тв̄ар ти *слаб̄а* || дјела | не п̄стижѐ,

с текстологическим замечанием, в котором прямо указывается, что *слаб̄а* – это форма единственного числа:

149 тв̄ар ти *слаб̄а* – метрическое ударение на первом компоненте, выделенном инверсией <...> (*слаб̄а* – это атрибут слова тв̄ар, а не дјела)

Сравнив нашу раннюю и нынешнюю орфографическую и пунктуационную интерпретации 141-го стиха, читатель заметит, что мы, между прочим, пришли к выводу, что форма *Све̄вишњӣ* – существительное, а не прилагательное, и что его необходимо писать с заглавной буквы и отделять запятой от формы *тв̄орче*. Во всех четырех контекстах в «Луче микрокосма» мы отталкивались от существительного, и ни разу от прилагательного, соответствующее основание в «Словаре “Луча микрокосма”» («Рјечнику Луче микрокосма»), который мы готовим к критическому изданию, гласит:

О свевишњи творче непостижни,
 у човјека искра беспредјелног
 ума твога огледа се свѣтла [св^нјѣтлā]
 [ЛМ 141–143 (П 141–143)],

и вместе с тем не будет лишним указать в текстологическом замечании, что в 143-м стихе не подтвержден генитив единственного числа мужского рода именного склонения как атрибут существительного *ума*, а как номинатив единственного числа женского рода определенного вида – атрибут существительного *искра* из предыдущего стиха.

7.2. В акцентологическом издании стихотворения, которое мы подготовили, приведенный стих поделен на такты следующим образом, курсивом обозначено неметрическое ударение:

*О*Свѣишњѣ, || твѡрче | нѣпостѣжнѣ,
 у чѡвѣка || и̋скра | бѣспредѣлнѡг
 ѹма *твѡга* || ѡглѣдā се | св^нјѣтлā

с текстологическим замечанием, в котором указано, что *св^нјѣтлā* - форма женского рода:

142–143 усечение стиха <...> и инверсия: у чѡвѣка [= у човјеку] се ѡглѣдā св^нјѣтлā и̋скра *твѡга* бѣспредѣлнѡг ѹма <...> (св^нјѣтлā је атрибут уз и̋скра); *твѡга* – неударное, с побочным ударением.

Текстологическое замечание имеет несколько функций: указывает на необычный пример «черногорского» аккумулятива в функции локатива, на множественную инверсию и усечение стиха: от главного существительного *и̋скра* отделены и «перенесены» в следующий стих и конгруэнтный (*св^нјѣтлā*), и неконгруэнтный атрибут (*ѹма*).

8. Возникает и другой, в этой работе последний, вопрос: в 457-м стихе стихотворения «кад им рука благодатна творца» форма мужского рода, masculinum, генитив единственного числа неопределенного вида [благодатна] или форма женского рода, femininum, номинатив единственного числа определенного [благодатнā] или неопределенного вида [благодатна]?

8.1. В предыдущем текстологическом исследовании «Луча микрокосма» [Маројевић 2000: 399] мы пришли к выводу, что просодическая реконструкция определенного вида достаточна для идентификации формы и в стихе:

како оно трудољубне пчеле
кад им рука благодатна [благодатнā] творца
са штедрошћу проспе ману [мању] слатку
[ЛМ 456–458 (I 256–258)],

– и, помимо этого, не будет излишним в текстологическом замечании указать, что в 457-м стихе форма *благодатна* не генитив единственного числа мужского рода именного склонения (атрибут существительного *творца*), а номинатив единственного числа женского рода – атрибут существительного *рука*.

8.2. В подготовленном к печати акцентологическом издании стихотворения приведенные стихи поделены на три такта, курсивом отмечены неметрические акценты:

ка̀ко *оно* || трудољубнѐ | пчѐле
ка̀д̄ *им* ру̀ка || бла̀годатнā | твѐрца
са штѐдрошћу || про̀спѐ | ма̀ну *сла̀ткѹ*

с текстологическим замечанием, в котором непрямо указывается, что *бла̀годатнā* - форма женского рода:

457 рѹка (благодѣтнѣ) – семантическое усечение цезуры
<...> (благодѣтнѣ – атрибут существительного рѹка);
инверсия: кад ѿм благодѣтнѣ рѹка творца.

Как атрибут существительного *рука*, атрибут мог бы стоять и в форме неопределенного вида, но предпочтение отдается определенному виду не только потому, что с его использованием просодически исключается двузначность, но и потому, что это постоянная характеристика речи автора. Сравнение с прямым порядком слов (без инверсии) подтверждает наше объяснение, как мы подчеркивали ранее, что просодия определенного вида достаточна. Была бы достаточна для компетентных филологов (но не для других читателей).

Пример показывает, в какой мере текстологический аспект нашей работы (и текстологический аспект критического издания) связан со стихосложением (усечение цезуры с помощью слов с главным ударением) и с изучением функциональной перспективы предложения (*благодѣтнѣ* – атрибут существительного *рѹка*): пауза в цезуре слабее синтаксической паузы во втором полустиишии, на границе между вторым и третьим тактами.

9. В заключение нам не остается ничего другого, кроме как подтвердить значение мультидисциплинарности в филологических исследованиях и в рассматриваемом корпусе: функциональная перспектива предложения (и его многолексемных частей) должна приниматься в расчет как важный критерий и в общей критической публикации, и в научном исследовании. Особенно же это необходимо в критическом издании поэмы Негоша «Луч микрокосма», которая на сербском языке проистекает из широкой и глубокой

славянској перспективи: без ове перспективе (диалектној – сербској, черногорској и герцеговинској; старославянској – и русској, и сербској; поетичкој – и русској, и сербској) ми не можемо је разумети, проучити и критички представити.

Перевод Евгени Шатко

Литература

- Банашевић 1950: *О издавању Луче микрокозма: С тумачењем неких стихова* / Н. Банашевић. – Наш језик, Београд, 1950, књ. I (нове серије), св. 5–6, с. 191–207.
- Bogdanović 1918: *Luča mikrokozma* / Spjevaо Petar II. Petrović Njegoš. Izdanje priredio David Bogdanović. Zagreb, 1918.
- Бошковић и др. 1953: *Пјесме. Луча микрокозма. Проза. Пријеводи* / Петар Петровић Његош. [Текст *Пјесама, Прозе и Пријевода* приредили за штампу Радован Лалић и Михаило Стевановић. Текст *Луче микрокозма* приредили за штампу Никола Банашевић и Радосав Бошковић. Биљешке и објашњења уз *Пјесме, Прозу и Пријевод* написао Радован Лалић. Биљешку уз *Лучу микрокозма* написао Никола Банашевић. Објашњења уз *Лучу микрокозма* написао Вуко Павићевић]. Београд, 1953. (Цјелокупна дјела П. П. Његоша. Књ. 2).
- Вуксановић 2010: Петар II Петровић Његош / Приредио Мирко Вуксановић. Нови Сад, 2010. (Десет векова српске књижевности. Књ. 30).
- Јовановићи 1884: *Луча микрокозма* / Од Петра II Петровића Његоша. Панчево: Накладом Књижаре браће Јовановића, [1884].
- Kovačević 1934: *Luča mikrokozma* / Petar Petrović Njegoš. [Priredio В. Kovačević]. Beograd, 1934.
- Маројевић 2000: Српски језик данас / Радмило Маројевић. Београд, 2000: *Нека питања критике текста Луче микрокозма*, с. 359–400.

- Маројевић 2011^а: *Прозодијско-интонациона интерпретација текста* Луче микрокозма: *Метричке константе* / Радмило Маројевић. – Гласник Одјелења умјетности / Црногорска академија наука и умјетности, Подгорица, 2011, књ. 29, с. 51–61.
- Маројевић 2011^б: «*Какво робље са сред Горе Црне?*» или *Његошева поезија у редакцији Мира Вуксановића*. [Приказ књиге: Вуксановић 2010] / Радмило Н. Маројевић. – Студије српске и словенске. Серија I. Српски језик, Београд, 2011, књ. XVI, с. 755–776.
- Маројевић 2012: *Прозодијско-интонациона интерпретација текста* Луче микрокозма: *Версолошка опкорачења* / Радмило Н. Маројевић. – Гласник Одјелења умјетности / Црногорска академија наука и умјетности, Подгорица, 2012, књ. 30, с. 25–42.
- Младеновић–Флашар 1996: *Луча микрокозма* / Петар II Петровић Његош. Приредили Александар Младеновић [и] Мирон Флашар. Цетиње, 1996.
- Младеновић–Флашар 2004: *Луча микрокозма* / Петар II Петровић Његош. Приредили Александар Младеновић [и] Мирон Флашар. Подгорица, 2004. (Сабрана дјела Петра II Петровића Његоша. Критичко издање. Књ. I).
- Недић 1964: *Пјесме. Луча микрокозма. Горски вијенац* / Петар Петровић Његош. [Редакција Владан Недић]. Нови Сад – Београд. [1964]. (Српска књижевност у сто књига. Књ. 21: Петар Петровић Његош, I).
- Пижурица 2010: *Напомене уз критичко издање ЦАНУ* Луче микрокозма, Горског вијенца и Лажног цара Шћепана Малог / Мато Пижурица. – Његошев зборник Матице српске, Нови Сад, 2010, књ. 1, с. 83–94.
- Радојичић 1931: *Луча микрокозма* / Од Петра П. [= II] Петровића Његоша. Никшић: Издање Књижаре «Прогрес» Милутина Радојичића, [1931].
- Ракочевић 1994: *Луча микрокозма* / Петар Петровић Његош.

- [Приредио Милоје Ракочевећ, Београд, 1994].
- Решетар 1923: *Луча микрокозма* / Петар Петровић-Његош. Приредио за штампу Милан Решетар. Београд, 1923.
- Решетар 1926: *Горски вијенац. Луча микрокозма. Шћепан Мали* / [Целокупна дела Петра Петровића Његоша. Књ. 1. Већа дела]. У редакцији Милана Решетара, Београд, 1926.
- Стевановић–Бошковић 1954: *Рјечник* [уз пјесничка дјела П. П. Његоша]. [Рјечник саставили Михаило Стевановић и Радосав Бошковић]. Београд, 1954. (Целокупна дјела П. П. Његоша. Књ. 6).
- Стевановић и др. 1983 I, II: *Речник језика Петра II Петровића Његоша*. [На корицама: *Речник Његошева језика*]. Израдили Михаило Стевановић и сарадници Милица Вујанић, Милан Одавић и Милосав Тешић. Књ. I–II. Београд, 1983.
- Томовић 1981: *Тумачења и објашњења Његошеве* Луче микрокозма / Слободан Томовић. Цетиње, 1981. – [Прикључено (са другом пагинацијом) фототипском издању:] *Луча микрокозма* / Одъ владыке црногорскога Петра Петровића Његоша. У Београду: Княжества србскога књигопечатњомъ, 1845. (Јубиларно издање: 130-годишњица пјесникове смрти).

Примечания

- ¹ Создано в рамках проекта 178014 «Динамика и структура современного сербского языка» при Министерстве просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии.
- ² САНИ – Сербская академия наук и искусств. – *Примеч. ред.*
- ³ Аббревиатура от «Српска књижевна задруга» – Сербское литературное объединение. – *Примеч. ред.*

А. Н. Петров

Восемь тезисов о Негоше

Сегодня, через двести лет после рождения поэта, общепризнано, что Петр Петрович II Негош стал и до сего дня остается самым крупным после средневекового архиепископа, просветителя и писателя Св. Саввы именем в истории сербской литературы.

Хотя долго считалось, что это высокое положение Негош заслужил прежде всего или даже исключительно благодаря своей сложной в жанровом отношении поэме «Горный венец» (*Горски вијенац*, 1847), все собственно литературные соображения склоняют нас к тому, чтобы признать великим произведением европейского и мирового масштаба еще одно произведение Негоша, близкое по жанру «Горному венцу», – «Луч микрокосма» (*Луча микрокосма*, 1845).

Значение «Луча микрокосма» оспаривается по двум причинам, обе из которых несправедливы. Во-первых, считают, что это не вполне оригинальное произведение. И, во-вторых, что оно написано, с точки зрения народного языка, литературные достоинства которого в полной мере подтвердил именно «Горный венец», – искусственным и в значительной мере «чужим» языком.

В связи с подобными утверждениями и имея в виду отношение между этими двумя произведениями, я предлагаю восемь тезисов:

1. «Потерянный рай» Мильтона и «Луч микрокосма» Негоша – тематически и жанрово сходные произведения, но по фабуле, сюжету и интерпретации библейского Адама они сильно различаются. Негош читал эпическое творение Мильтона по-русски и испытал его влияние – это становится очевидным, если сравнить некоторые отрывки, – но это обстоятельство, с точки зрения современной теории литературы, скорее следует признать достоинством. Благодаря мильтоновскому «подтексту» и «контексту», «Луч микрокосма» вписывается в великую эпическую традицию космологических текстов, причем вполне достойным образом.

2. В «Луче микрокосма» достаточно велико число славянизмов – из церковнославянского, славяносербского и/или рускославянского языка. Однако во время борьбы Вука Караджича и его последователей за народный язык в литературе поэма «Луч микрокосма» могла быть написана только тем языком, каким она написана, то есть с использованием всех упомянутых выше типов языка, или подъязыков. Иначе говоря, ее язык вполне адекватен ее теме.

3. Несмотря на языковые различия, «Луч микрокосма» и «Горный венец» создают одну и ту же картину мира, в которой первый занимает вершину языковой пирамиды (термин Н. И. Толстого), а второй – ее широкое основание.

4. «Луч микрокосма» и «Горный венец» составляют не два противопоставленных мира, космический и земной, как

считала Исидора Секулич, которая эти два мира прекрасно описала, а единое целое с двумя уровнями.

5. На этих двух плоскостях, как на двух сценах, верхней и нижней, разворачивается в сущности одно и то же действие, та же борьба добра и зла, которые в обоих произведениях даже как бы отражаются друг в друге. И предводители сил добра и зла в космическом и земном сражении отражаются друг в друге – отрицательные в отрицательных, положительные в положительных. Поэтому Негош на небесную сцену выводит земных полководцев, в том числе из стана зла: Александра Великого, Цезаря и Наполеона. Поэтому и их имена пишутся справа налево, как и имена небесных предводителей духов зла.

6. Если «Луч микрокосма» и «Горный венец» рассматривать в таком плане, то есть как единое произведение с описанием одной и той же борьбы добра и зла, света (в одном случае это лучи, в другом – искры) и тьмы, в которой имена и роли персонажей могут взаимно меняться, особенно у земных действующих лиц (оценка Наполеона), то обе поэмы мы можем воспринимать одним более сложным и более универсальным способом. Оба произведения, понятые как единое целое, значительно выигрывают в своем художественном качестве. Конечно, бесспорна и их ценность как отдельных произведений, в каждом из которых присутствуют оба содержательных плана (особенно в «Горном венце»).

7. Космическая (божественная) перспектива погружает некоторые исторически ограниченные национальные черты непосредственно в историю, тогда как другие национальные характеристики возвышаются до общечеловеческого уровня.

8. Негош и на освободительную борьбу собственного сербского народа смотрел как с конкретно-исторической, а потому исторически ограниченной, так и с универсальной точки зрения, которая преодолевает или даже отменяет историческую ограниченность.

Милутин Мичович

Оккупация и свобода в творчестве Негоша

В докладе рассматривается сложная проблема оккупации и свободы в поэтических произведениях П. Петровича Негоша.

В самом начале «Горного венца» показана жестокая попытка захвата черногорцев турками. В центре происходящих событий оказывается духовный лидер – владыка Данило, который, с одной стороны, глубоко переживает реальную ситуацию завоевания своего народа, а с другой – размышляет о собственной судьбе. Он глава народа, несущий ответственность за его будущее.

Через осознание сути исторического столкновения народов главный герой эпоса, владыка Данило, приходит к пониманию тяжести так называемой «внутренней оккупации» – овладения человеком тёмными силами, духовным забвением, ужасом одиночества. В «Луче микрокосма» это ощущение духовного забвения, угрозы смерти, натиска адских сил достигает кульминации в образе поэта. На грани самой бездны, в ощущении вселенского одиночества поэту является *искра бессмертная* в духе. Эта искра – основа и опора во вселенском пространстве одиночества. Эта *небесная искра* – начало свободы и духовного откровения. Это огненная искра, освобождающая от метафизической оккупации незнания, забвения и смерти.

В «Горном венце», этом героическом эпосе, искра, благодаря которой человек постигает смысл жизни

и подвига, тоже является опорой и движущей силой, поднимающей на подвиг освобождения от оккупанта земного. Искра бессмертная дарует храбрость, отвагу на жертвенном пути. Она становится свидетелем воскресения, и потому героизмом вдохновленные черногорцы идут в бой, как некогда шли на Косово.

О. А. Лысенко

П. Петрович Негош как олицетворение Косовской битвы

Вклад П. Петровича Негоша – поэта, светского и духовного правителя Черногории – в историческое, политическое и литературное развитие Черногории и Сербии трудно переоценить. Вероятно, поэтому существует и продолжает появляться так много произведений – в самых различных областях художественного творчества – о нем или по мотивам его сочинений. О Негоше писали: Й. Скерлич, Й. Деретич, В.Ст. Караджич, Л.П. Ненадович, А. Гаврилович, И. Секулич, П. Слиепчевич, Ж.Р. Првулович, М. Найданович, Д. Росандич, Д. Вученов, С. Величкович, С. Ракитич и многие другие. Говоря о важности П. Петровича Негоша для сербской и черногорской литературы, критика, как правило, рассматривает его личность и наследие через призму идеологической, тематической и жанровой преемственности в историческом развитии художественного слова. Мы хотим обратиться не к вопросу преемственности, а к тому, каким увидел образ Негоша самый яркий представитель литературного процесса XX века, выдающийся сербский прозаик и нобелевский лауреат 1961 года – Иво Андрич (1892–1975).

Иво Андрич помимо дипломатической работы и художественного творчества уделял значительное внимание истории литературы. Свои критические статьи он публиковал в различных (в том числе и специализированных) газетах и журналах, в этих работах отразился его интерес как к национальной, так и к иностранной литературе. Современники

отмечали верность Андрича-критика принципам реализма, необычайную зоркость и независимость в суждениях. А. Д. Романенко обращает внимание на документальность, достоверность, поэтичность и психологичность его критики, называет его эссе «стихотворениями в литературоведческой прозе», «балладами о судьбе главного героя»¹.

Многие ранние сочинения Андрича о литературе написаны в свободной форме эссе, а более поздние содержат больше наукообразности, строгих черт научного исследования. В основе тех и других – традиции, сформировавшие творчество писателя. Главными героями его литературоведческой эссеистики стали Негош и Вук Караджич. Именно они, по мнению Й. Деретича, «сыграли решающую роль в формировании понимания Андричем национальной истории, традиции и языка. Они для него были образцовыми писателями, образцами мышления и творчества на нашей исторической почве и на нашем языке, Негош как поэт нашей национальной судьбы <...> и Вук как кодификатор языка и подлинный реалист как в подходе к предметам, так и в способе мышления»². Не случайно, что Андрич так много размышлял о них на страницах своих работ.

Творчеству и личности П. Петровича Негоша И. Андрич посвятил девять эссе. Назовем лишь некоторые: «Негош в Италии» (1925), «Негош всегда с нами» (1947), «Гуманизм Негоша» (1947), «Несколько слов о Негоше как писателе» (1951), «Мгновенья над перепиской Негоша» (1963) и др. По словам Д. Брайковича, ни об одном литературном деятеле «И. Андрич не писал так часто и с таким пониманием, как о Негоше»³.

В своих работах Андрич затронул такие темы, как литературная работа владыки, личная жизнь с подробным описанием характера, изменившегося вследствие болезни, образ жизни, путешествия, обязанности политические и религиозные и т. п. Андрич называет Негоша «самым крупным поэтом, писавшим на нашем языке»⁴ («Мгновенья над перепиской Негоша»). Он приводит отрывки из переписки и цитаты из произведений, уделяя особое внимание гуманизму Негоша, его внутреннему конфликту между желанием творить и нести гармонию через искусство, с одной стороны, и необходимостью принимать жесткие меры в политической борьбе и борьбе за свободу, с другой. Этому «крупному» поэту приходилось заботиться «...о тревожном, угрожаемом, убогом, необразованном, гордом и самовольном народе»⁵, чтобы как минимум научить этих людей грамоте и решить их повседневные проблемы, а как максимум – преодолеть разрозненность племен и защитить национальные интересы как в борьбе с чужими, так и в борьбе со своими, не желавшими учиться, платить налоги или подчиняться. В целом же Иво Андрич, проанализировав обширную переписку владыки, увидел «образ Негоша-человека как пример подлинного величия»⁶.

Особого внимания заслуживает эссе под названием «Негош как трагический герой косовской идеи» (1935). Здесь Андрич пишет о том, что драма поэта и правителя как его внутренний конфликт началась не в 1830 году, когда юноша, которому и двадцати не исполнилось, принял монашеский постриг, бразды светского и церковного правления, поставил задачу централизации, определения границ

и создания атрибутов государственной власти. Началась эта драма на Косовской земле несколько веков назад и по сей день, по убеждению Андрича, воспринимается черногорцами как личная трагедия и судьба. «Все, что в тех горах рождалось, появлялось на свет с отголоском косовской крови во взгляде». Согласно видению Андрича, без трагедии сербского народа на Косово трагизм судьбы и творчества Негоша понять было бы трудно. Негош – прототип героя Косовской битвы, «олицетворение косовской битвы, поражения и несломленной надежды». Косово и Бог – именно эти два слова чаще всего употребляются в «Горном венце». Но Косовская традиция, живущая в черногорской реальности тех лет, отразилась не только на философских размышлениях и поэзии Негоша, но и на всей жизни поэта. Для Негоша «падение нашего царства» на Косовом поле – это событие, влияющее на любое решение всякого вопроса сегодняшнего дня, главный нравственно-политический аргумент и решающий фактор коллективной и личной судьбы. Андрич полагает, что в наследии Негоша в целом везде присутствует фатальный знак косовской судьбы, даже тогда, когда поэт не говорит об этом прямо; потому что этим знаком обусловлено все его поэтическое творчество⁷.

Приведенные примеры подчеркивают, что для Андрича творчество Негоша стало литературным эталоном, которому он посвятил значительную часть своей эссеистики, а отношение и восприятие личности выразилось в трагическом образе владыки, неразрывно связанном с памятью Косова и Косовской идеей.

Причину такого интереса к личности и творчеству Негоша – как со стороны Иво Андрича, так и со стороны современных читателей и ученых – удачно сформулировал другой выдающийся черногорский прозаик уже нашего времени – Борислав Пекич (1930–1992) в связи с премией им. П. Петровича Негоша, лауреатом которой он стал благодаря роману «Золотое руно» в 1987 г.: «В “Горном венце” и “Луче микрокосма” почти нет строк, правда которых, глубоко укоренившись в своем тяжелом и несчастном времени, не была бы применима и ко времени нашему, так же тяжелому и несчастному, не находила бы своего мифического, поэтического, философского и исторического оправдания»⁸. Именно поэтому изучение творчества Негоша каждый раз начинается заново: «Каждая эпоха по-своему читала Негоша, но ни его движущая сила не была исчерпана, ни его глубина исследована <...> Негоша цитировали, знали наизусть, но практически никто не заметил, что каждая эпоха открывает нового Негоша, нашего современника»⁹.

Примечания

- ¹ Андрич И. ...Человеку и Человечеству / Сост. А. Романенко. М., 1983. С. 470–471.
- ² Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983. С. 563.
- ³ Негош наш савременик / М. Мићовић. Никшић, 2002. С. 90.
- ⁴ Андрич И. ...Человеку и Человечеству. С. 121.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 124.
- ⁷ Andrić I. Njegoš kao tragični junak kosovske misli // Vreme: [сайт]. Br. 1151. 24. januar 2013. URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1094285> (дата обращения: 14.10.2013).

-
- ⁸ *Borislav Pečić*: [мемор.сайт] // *Pečić B.* Odmor od istorije. Deo LXV. Београд, 1993. URL: <http://www.borislavpekic.com/2011/05/beseda-na-prijemu-njegoseve.html> (дата обращения: 14.10.2013).
- ⁹ *Miḥoviḥ M.* Његош и савремена Црна Гора: [електронный документ]. С. 2. URL: <http://www.eparhija.me/riznica/11/njegos-i-savremena-crna-gora.pdf> (дата обращения: 14.10.2013).

Л. А. Мальцев

От Данте до Негоша: лики поэтической традиции Йоле Станишича

Йоле Станишич (р. 1929) – югославский поэт и историк литературы черногорского происхождения, который с 1961 г. живет и работает в России. Человек драматической судьбы, но исключительной для нашего времени преданности идеалам молодости, приверженности югославской идее и идее дружбы с Россией, Станишич опирается не только на идеологию интернационализма, на традиции революционной поэзии XX века, о чем он неоднократно заявлял¹, но и на литературное наследие славянского возрождения XIX века, в котором видное место занял соотечественник Станишича Петар II Петрович Негош (1813–1851).

Станишич является одним из последовательных приверженцев не только литературного, но и политического романтизма Негоша, по сути своей, диаметрально противоположного видению Бисмарка, выраженного в афоризме о политике как искусстве возможного. По этому поводу Станишич замечает: «И верно сказал И. Андрич о Негошевой строке “Нека буди што бити не може!” (“Пусть будет, чего быть не может!”): “Нигде – ни в мировой поэзии, ни в судьбе народа – я не нашел более могучего лозунга”»².

Политический максимализм Станишича подвергся крайне жестокому испытанию. С 1949 по 1951 гг. он был узником концентрационного лагеря на Голом Острове (Голи Оток – сербско-хорватск.), ставшего для тогдашнего руководства страны страшным инструментом укрепления власти, подавления политической оппозиции и, в том числе, борьбы с теми, кто, несмотря ни на что, сохранил приверженность идее союза и дружбы с Советским Союзом.

Осмысливать значение этого еще одного «белого пятна» XX столетия – дело историков, мы же остановимся на проблемах художественной оптики, тесно связанной с психологической природой памяти, сохраняющей, по убеждению Тадеуша Боровского, «только образы»³.

Поэзия Станишича неоднократно издавалась в нашей стране, но наиболее полное собрание его стихотворений, посвященное узникам Голого Острова, под названием «Голый Остров – дно ада» вышло в свет только в 2012 г. в издательстве «Вахазар» А. Б. Базилевского. В развернутом интервью редактору, выполняющем функцию прозаического комментария-послесловия к собранию стихотворений, автор дал емкую формулу субъективно-поэтического видения событий на Голем Острове: «Это художественный документ, поэтическое отражение глубочайшей трагедии, острейшее осуждение беззакония – палачества титовской эпохи. Реквием по убиенным и умершим от последствий пыток. Мозаика воплей, хроника страданий и завещание в духе этики моего народа: забвение – вторая смерть» (153).

Трагический опыт середины века, показавший эфемерность нравственного прогресса и ставящий человека лицом к лицу с его первобытной дикостью, звериной жестокостью, стал «вызовом» для мировой поэтической традиции. Перед человечеством, пережившим газовые печи Освенцима и вступающим в «пост-эпоху», об этом со всем радикализмом заявил немецкий философ Т. В. Адорно: это был вопрос не только о том, уместно или неуместно «писать стихи после Освенцима», но много более того – «можно ли после Освенцима жить дальше»⁴. То есть, с одной стороны, в новом историческом контексте для многих стала очевидной слабость традиционного инструментария изобразительности и выразительности слова (что объективно свидетельствовало о потребности обновления этого инструментария),

а, с другой, кризис самого принципа эстетического «отстранения», который после Освенцима не так уж легко было развести с обывательской «отстраненностью», равнодушием к трагедиям ближних и дальних людей.

Но, как убеждает художественная практика XX века, сохраняет свою актуальность альтернатива пессимистическо-фаталистическому диагнозу поражения искусства. Пройдя ад Голого Острова и пережив в своей судьбе убийство идеалов, Йоле Станишич не поддается идеологии обреченности. Наоборот, и фактурой произведений, и непосредственными декларациями он дает выражение упрямства поэзии, отказывается плыть по течению и признать, казалось бы, очевидное – капитуляцию поэзии перед историей. Программный тезис его творчества строится будто «от противного» по отношению к антипоэтической логике мира «после Освенцима»: «Суд поэзии имеет планетарное значение, – утверждает Станишич. – Правдивым поэтическим строкам не грозит ржавчина, не грозят забвение и смерть» (141). И здесь очевидна точка опоры поэта Югославии в поэзии «до» Освенцима, «до» Голого Острова – в мировой классической традиции от Данте до Негоша. Это видение Голого Острова как ада, отраженное и в названии книги, и в дантовских реминисценциях отдельных стихотворений, например: «В круге девятом девятое дно – / этот остров, мой остров, мой ад» (126) («Ненаписанное письмо», перевод автора), что образует явную параллель с Дантовым странствием по девятому кругу ада – кругу предательства. Знаменательно, что перед девятым кругом ада Данте задается вопросом о границе возможностей поэзии («Когда б мой стих был хриплый и скрипучий...»⁵), видимо, не без оснований опасаясь того, что описание последних стадий адских мук окажется неподвластно поэтическому слову.

В осмыслении поэтической традиции, ассоциирующей-ся с Голым Островом, Станишич не ограничивается именем Данте: «Для того чтобы выразить полноту ужасов новой инквизиции – необходимо было бы соединить гений Данте, Шекспира, Достоевского и Негоша. Может быть, в будущем появится такая личность» (149), – полагает поэт. В стихотворениях Станишича присутствует античная традиция в романтической интерпретации, о чем свидетельствует, например, стихотворение «Ядранский Прометей». Это национально-романтическая трактовка античного мифа, проявляющаяся в буквальном совпадении названий стихотворения Станишича и аллегорической поэмы сербского поэта-романтика XIX в. Лазы Костица «Адриатический Прометей», в котором свободолюбивый народ Сербии выступает в образе «славянского титана». Но в национальной трактовке мифа Станишич выходит за рамки романтизма XIX века, за рамки собственно сербской и сербско-черногорской литературы, он «локализирует» миф о Прометее, «привязывает» его к Голому Острову и вместе с тем хронологически раздвигает его рамки, придает ему историософский размах, охватывая всю историю в ее художественном изображении от сербского народного эпоса до поэзии Второй мировой войны, проявленной в основных интертекстуальных знаках: «Сеньскими бурями врезаны в склон / лица твоего раны, / все муки завязаны мертвым узлом – / от нас до Янковича Стояна. // Кровавый камень пялится сквозь года / в соленую яму, в слепую бездонную воду. / И мертвый Горан выходит из глыбы льда, / Чтобы спросить тебя: “Где же наша свобода...”» (85). Первый стих цитируемого фрагмента («сеньскими бурями врезаны в склон...») сигнализирует сезонно-климатические реалии Голого Острова (см. стихотворение «Стозубый ветер» и эпитафия к нему: «Сеньская буря грозно гудит. У нее острые ледяные зубы». Народное изречение)⁶.

В конце четверостишия задан историко-временной «горизонт» – «от нас до Янковича Стояна» – героя сербского эпоса, прошедшего через османский плен. И в конце напоминание о «мертвом Горане», хорватском поэте Иване Горане Ковачиче, герое национально-освободительного движения, убитом в 1943 г. усташами. Написанная им незадолго до смерти поэма «Яма» содержит рассказ случайно спасшегося человека, ставшего «голосом» погибших людей, погребенных в яме. Именно Ковачича Станишич считает своим предшественником, то есть, в Дантовой системе координат – «Вергилием»: «Фактически Ковачич – мой поэтический спаситель. Вопли Горана в моих стихах – это мои вопли. Горан в моей поэзии – это я» (152).

Обращает внимание полифоничность поэтического тона, иногда даже телеграфный, обрывочный характер реплик, «голосов убитых», криков палачей и воплей жертв. Станишич постоянно обращается и к ролевой лирике, чаще всего в форме диатрибы – гневного обращения, инвективы. Например, «зов скелета с оторванной рукой» (одноименное стихотворение), отрешенный монолог человека, заживо погребенного в яме («Мало того, что я в кандалах...»), страстная речь камня (стихотворение с библейско-метафорическим названием «Вопли камня»), обличительное слово неизвестного древнеримского легионера, заточенного два тысячелетия назад по приказу императора Диоклетиана («Замурованный крик»).

Поэтически воссозданный Станишичем лагерный антимир пропитан символикой и метафорикой: ключи ко многим символам хранит в себе творчество предшественников. Конечно, это уже упомянутый образ «ямы» – двояко прочитываемый в инфернальном контексте целого. С одной стороны, экзистенциальное ощущение погребения заживо, которое не изживается фактом физического освобождения

и которое герой стихотворения пожизненно носит в себе как неизлечимый комплекс: «Я – в яме, / самой большой и глубокой, / над ней вся ширь неба, / а у меня перспектива одна: сгнить в одиночестве, / истлеть безгласно / и без поминовения» (47). С другой – пророческая иносказательная рефлексия над историей своего отечества – «яма», в которой оказалась страна, народ: «Земля моя! / Ты томишься в густеющей тьме, / в проклятой яме-тюрьме, / без надежды и вида – / От Ловчена до Охрида!» («В сердцевине века», 73).

«Ловчен» и «Охрид» – еще один важный интертекстуально-историософский «перекресток» культурологических знаков югославяности: Охрид в Македонии как праисток кирилло-мефодиевской традиции и Ловчен в Черногории, ассоциирующийся с Негошем – демиургом национальной словесности Нового времени.

Ад Голого Острова – место, заведомо лишённое надежды, и именно с послевоенной катастрофой надежд связана символика и метафорика «ямы». Для стойкого приверженца коммунистических идей это, конечно же, ломка оптимистическо-утопической модели истории, предполагающей, при любых обстоятельствах, представление о гарантированном прогрессе. Лагерный ад создал альтернативную схему остановки, стагнации или даже движения вспять: «все муки завязаны мертвым узлом – / от нас до Янковича Стояна», – повторяемости одних и тех же кошмаров: «Может, история правда по кругу вертится / и во всем есть частица ужаса праисконного...» (57).

Но вопреки inferнальному закону абсолютной безнадежности, у Станишича сохраняется простор для надежды. Эта надежда опять-таки связана с опорой на традицию, в данном контексте речь идет о романтической героике черногорского характера в видении Негоша, в котором мрачное манихейское представление о мире под властью зла

парадоксальным образом не отрицает возможность надежды, наоборот: «...а надежда связывает душу / с небом чистым, как луч каплю с солнцем»⁷. Этот императив надежды, который Негош озвучивает устами своего героя игумена Стефана, является яркой иллюстрацией к тому «парадоксу надежды», о котором размышляет Э. Фромм, определяя надежду, прежде всего, как потенциал «напряженной, нерасстраченной активности», не сводящейся к одностороннему «упованию на время»⁸. С этой точки зрения заслуживает внимания воспоминание Станишича: «После возвращения с Голого Отока <...> я пытался некоторым достойным, благородным людям наедине рассказать хоть о частице пережитого ужаса. Это люди были моими родственниками по линии отца и матери, и все отвечали мне одно и то же: «Молчи, несчастный. Сейчас об этом говорить нельзя». А я все жил романтическими представлениями негошевской поэзии о вечном героизме черногорского народа. Но у Негоша есть и такая строка: «Уже людские груди охладели, в них умерла свобода» (165).

С поэтикой Негоша Станишича роднит обилие космических, природных наименований: небесных тел (солнце, звезды, луна), атмосферных явлений (тучи, облака, ветер), природных стихий – морского пейзажа (Ядран – Адриатика) и горного (гора Велебит). Часто космическая символика Станишича становится эсхатологически окрашенной: «Застыл над водой / мертвый месяц – / мраморная громада: / он упадет на мой дом, / на все, что есть у меня, / на друга и на брата» («Ночь распустила косы...», 59), что в родном для Станишича черногорском контексте созвучно классическому произведению «Горный венец», монологу владыки Данило, делящегося мрачными мыслями о политической судьбе Балкан под чужеземным игом: «...затворилось небо надо мною, / и напрасно я молюсь и плачу; / мир подлунный для

меня стал адом»⁹. Для инфернальной картины мира Станишича характерно полное вытеснение живой природы, абсолютный перевес смертоносного начала над жизнотворным. Движущими силами символического «антикосмоса» являются «камни» и «скелеты»: «скелеты» выкапывают, перевозят и дробят «камни» («отправка на фронт работ: зачем-то камень будить, покорять и в острый щебень дробить», 65), «камни» сдавливают, раскалывают и крошат «скелеты». Символика камня амбивалентна: с одной стороны, рабство и смерть, с другой – мужество, твердость духа (хотя и камни, как видим, крошатся), и, пожалуй, самый главный предикат «камня» – практически ничем не ограниченная «памятливость». В стихотворении «Вопли камня» память камня пронизывает всю историю от момента рождения Голого Острова до XX века. Монолог камня – непрерывная «жалоба» на скорбный удел: упасть с вершины Велебита, чтобы стать впоследствии орудием пыток: «Я, сломленный, другим ломаю кости» (110).

В «каменном» горном пейзаже топонимика Голого Острова сливается с родными Станишичу черногорскими акцентами. Это память о суровых реалиях истории и природы Черногории и, как следствие, «каменный», «кремневый» характер черногорца, воспитанная веками, передаваемая из поколения в поколение стойкость, способность мужественно переносить боль и страдание, чему в «Горном венце» дал выражение Негош: «Так удар находит искру в камне, / Без него она б дремала в камне»¹⁰. Отзвук этого крылатого слова есть у Станишича, но только в форме не аксиомы, а вопроса «Скоро ли высечет камень искры и гнева, и мести» (45) – т.е. терпеливого ожидания того дня и часа, когда переживаемая автором череда событий XX века ответит наконец этическим заповедям, сформулированным классиком национальной литературы.

С этими вопросами, равно как с именем Негоша, ассоциируется символ надежды Станишича – солнце. Уже не как поэт, а как литературовед, Станишич пишет в статье «Негош и Пушкин»: «Издавна в Черногории существовали народные легенды и песни, которые говорят, что в России рождается солнце. И это солнце великая славянская матушка посылает другим народам». Солнечную энергию в поэтическом воображении Негоша излучал Пушкин – «счастливый певец великого народа», о чем «языком космических образов», по словам Станишича, поведал Негош в стихотворении «Тени Александра Пушкина»¹¹.

Солнечный символ надежды находит своеобразную художественную реализацию, уже в другом историческом пейзаже и панораме, у Станишича. Стихотворение «Однажды утром в Малой Драге» – редкое соединение документальной точности и параболической всеобщности. С одной стороны, это быль, имитация странички из дневника, о чем говорит датировка, сопровождаемая метеорологическими сведениями: «Осенний день 1950 года, зыбкий, ветреный» (65). Память сохраняет лишь отдельные кусочки «мозаики», некоторые с поразительной точностью, некоторые сквозь туман. Фиксируется имя и фамилия палача – некто «Эсад Шабанец», но по каким-то причинам остается неизвестным имя жертвы, хотя уверенно идентифицируется национальность: «Он – безымянный – / один из многих убитых / в изломанной Черногории» (67).

С другой стороны, стихотворение можно назвать притчей о надежде: мысль о надежде – в ее полярном осмыслении – сквозной нитью пронизывает стихотворение. Это и, в полном соответствии с требованиями ада, принуждение забыть о надежде: «А ты никому не можешь доверить / скрытую тяжкую мысль: / “Расстанься со всякой надеждой остаться в живых...”» (65). И, наоборот, героизм надежды,

которая для гибнущего героя сильнее смерти: «Лик его / безнадежное время украсит. / Его надежду / на Красную Русь / даже смерть / не погасит» (67).

Причиной расправы с безымянным героем стихотворения послужила, на первый взгляд, случайная оговорка: «Будет ясный день – / видите, вон солнце с востока!», однозначно понятая лагерным начальством как «призыв к нашествию Красной Армии» (66). И этот несчастный случай служит поводом для горьких размышлений о том, что любое неосторожное слово, например, надежда на смену погоды, будет толковаться не в пользу говорящего: «Здесь каждое слово / расщепляют и рвут: / требуются только сомнение и отчаяние...» (65). Однако сам ход действий и развитие мысли – сюжет стихотворения – ведет к преобразению его смысла: растет понимание того, что реплика героя – не оговорка, а секретный «эзопов язык», по сути, верно расшифрованный палачами. Фраза, ставшая роковой для безымянного героя, является прозрачной аллюзией «Горного венца» Негоша, слов владыки Данилы: «Проясни над Черной Горой небо, / прогони ты тучу грозовую...»¹². Автор дает понять читателю, что безымянный герой в этой фразе до конца высказал себя, затронув глубинные пласты архетипической прапамяти своего народа и полностью ответив его непреложным морально-этическим требованиям: «Лик России / вечно хранят эти суровые горы. / Хранят завет: / “Не пятнай свою честь! / Не позорь / Солнце с Востока!”» (68).

Именно так языком символов, в этом отдельно взятом стихотворении и во всем поэтическом творчестве Станишича¹³, раскрывается концепция взаимности, выдвинутая еще в XIX веке идеологами славянского возрождения. Горячим приверженцем этой идеи был, как известно, Негош. С точки зрения традиции взаимности Голый Остров воспринимается как символ обособления, отчуждения, это, в сущности,

некая контртрадиция, одна из разновидностей «славянского ада». Таким образом, Станишич не только создает образы исторической памяти, но и приводит в движение предупреждающую, провидческую способность поэтического слова: или Югославия, славянский мир, человечество в целом останется архипелагом, состоящим из одиноких и враждебных друг другу «голых островов», или они обнаружат в себе сверхресурс взаимности, продолжая, по меткому суждению Иво Андрича, «тяжкий и святой путь восхождения от югославянства к человечеству»¹⁴.

Примечания

- ¹ «Я по природе интернационалист. Ощущаю духовное родство с Федерико Гарсиа Лоркой, Пабло Нерудой, Че Геварой, Яннисом Рицсом, Микисом Теодоракисом...» – см.: *Станишич Й.* Голый Остров – дно ада. М., 2012. С. 182. – Далее все ссылки на это издание приводятся с указанием страниц в тексте.
- ² *Станишич Й.* Негош и Пушкин // Россия. Запад. Восток. Встречные течения. СПб, 1996. С. 163. (Эта статья в исправленном виде приводится в настоящем сборнике целиком на с. 209–250. – *Примеч. ред.*)
- ³ *Боровский Т.* Прощание с Марией; Рассказы. М., 1989. URL: <http://www.belousenko.com/books/foreign/b> (дата обращения 27.07.2013).
- ⁴ *Адорно Т. В.* Негативная диалектика. М., 2003. С. 223.
- ⁵ *Данте А.* Божественная комедия. Ад. М., 1986. С. 152.
- ⁶ «Мы были плохо одеты, и сеньская буря пронизывала нас до костей. Казалась, она обстругивает нам кости» (172), – вспоминает Станишич.
- ⁷ *Негош П.* Горный венец. М., 1988. С. 132.
- ⁸ См.: *Фромм Э.* Революция надежды // *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 261–289.
- ⁹ *Негош П.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁰ Там же. С. 131–132.

-
- ¹¹ Станишич Й. Негош и Пушкин. С. 160.
- ¹² Негош П. Указ. соч. С. 72.
- ¹³ См. также стихотворения Станишича, не вошедшие в книгу «Гольый остров – дно ада», – «Пискаревское кладбище», «Малахов курган» в кн.: Антология сербской поэзии. Т. 2. М., 2004.
- ¹⁴ Цитируется по изданию: Сербские поэты XX века. Комментированная антология. М., 2011. С. 348.

III.

Йоле Станишич

Ловчен

*Ловчен – наш святой алтарь...
(Из старинной черногорской песни)*

Ты возвышаешься на берегу,
с вечностью споря,
крепость, омытая синевой
гневною моря, –
грудь Черногории, где сошлись
звезды и зори.

Это тебя окликают орлы
грозного роста,
по вечерам возвращаясь домой
в горные гнезда,
там, где трепещут, касаясь вершин,
зори и звезды.

Пусть не лепечут на склонах седых
певчие птицы:
вечер мечтает на плечи твои
облокотиться –
и загораются песни горы,
словно зарницы.

Здесь не запятнаны злобой врага
тропы и травы, –
в каменной крепости, в скопище скал
древней державы,
той, что на скалах писала тут
летопись славы!

Черногория

Ты – венок из камня и сосен,
дочь борьбы,
моя Черногория!
Недаром всегда
в твоём небе – просинь,
недаром – ветви лавра у моря.

Стрельба будила тебя до рассвета.
Ты кровью платила
за славу и счастье.
Люди твои умирали редко –
люди твои погибали часто.

На скалах легенды растут, как сосны...
Дым поднимался столбом в поднебесье, –
но никто
не сумел погасить
твое солнце,
твои молнии,
звезды твои
и песни!

Из костей и скал,
с кострами, с клинками –
крепости в заоблачной сини.
С твоих каменных плеч
Сыны окликали
через дальние дали
Русь – Россию.

Вихри сумели разрушить скалы,
но не надежды свободных предков!
Сыны твои
всегда погибали,
сыны твои
умирали редко...

Черепя молчали на скалах, на кольях.
Их солнце с зари до зари сушило.
Но ты поднималась,
моя Черногория,
ты камни
в оружие превратила!

Зубцы твоих гор не знали плена.
Гроза грохотала, свободе рада.
Ты слушала
поступь веков неизменную
под триумфальною аркой радуги,
соединяющей все вершины
и все, что сыны твои совершили!..

Страна моя
голосом пуль воспета,
она сдружила оружие с песней:
слава Негоша
с Ловчена светит,
словно вечный костер чудесный.

Он рос на Орлином камне

Рос Негош
на лютом камне,
где голодны
ветки и травы,
где огненной искрой блещет
в кремне
водяная капля,
где волки
боятся бездны,
а змеи –
орлиных взоров,
где молнии
на граните
находят сабли погибших...
И Негош шагнул
свободно,
и так он вздохнул
свободно –
что всюду
сама Свобода
навек в него влюблялась.
Звезда за звездой восходит
над голой вершиной горной...
И Негош глядит
на звезды,
глядит на людские судьбы,
глядит он сквозь ночь –
ведь сам он –
негаснущая звезда...

Ушел он,
поднялся в гору,
ушел с Орлиного камня –
и в Ловчене он остался,
но только по всей дороге
рассеял стихи...
Их сегодня
цитируют Жизнь и Смерть,
и гулко им вторит Вечность...
Поднялся Негош на Ловчен,
ведет диалог с веками,
с ним рядом
орлы летают,
змеятся молнии в клювах.

Завещание Негоша

Не плачьте по мне!
Ведь слезы
тучей покроют солнце,
тьму не разгонят слезы,
могильный яд не растопят;
ведь слезы спалить не смогут
враждебных крыльев,
не смогут
развеять заговор злобный
там, за чертою смерти,
и черных ворот тяжелых
они вовек не раскроют...

Я остаюсь на гребне
вершины Ловчена... С нею
мы пронесем друг друга
сквозь вечность
борьбы бесстрашной!

Стою на камне,
Врастаю
в его глубокие раны;
чело –
со звездами рядом.

Я остаюсь навеки
на этих орлиных скалах,
где первую спел я песню,
где на зеленый явор

Мандушич грозный повесил
ружье...
Где игумен Стефан
предрек борьбу и свободу.

Я знаю:
высокий Ловчен
в свои принимает недра
лишь молнии...
Я остаюсь на Ловчене,
Я – Радэ Петрович, Негош,
владыка, певец Черногории,
рабом никогда не бывший, –
даже твоим, Боже!

Негошев черногорец

Из камня его колыбель и очаг,
и в сердце – каменная печаль.

И гнев и любовь прорастают из камня,
и в каменной судороге рука,
и солнце сияет ему над веками,
и очи из камня смотрят в века.

И камень хранит весеннюю каплю
и каждую искру молний хранит,
и клятва свободы вверена камню,
над камнем свободы орел парит.

Надежда, как радуга, реет над бездной.
Он в камне по плечи. Но двинет плечом, –
он Родину, окаменелую книгу,
читает оралом, читает мечом.

Молитва Черногорца

Я одного желаю –
чтобы старость
не сгорбила меня
и не лишила б
мои глаза полуденного света,
не задушила б
болью на кровати.
Я умереть хочу
в бою,
чтоб гибель
в гремящий порох
обратила прах.

Не надо,
не ищите белый саван!
Мой сон накройте
знаменем солдатским,
тем, что прошито
пулями в бою.

О, только б мне
не угасать в постели,
там, где туман ложится на долину.
Я встретить смерть хочу в горах,
на скалах,
где молнии шлифуют острия.

Когда отвесную скалу облепит
снег белым покрывалом, пусть
в кремне огнем мое пылает сердце
и правнуков надеждой веселит,
как бы атаку продолжая. Пусть
из явора высоким строем гусли
и о моей судьбе заговорят.

Так я хочу.
Пусть над моей могилой
высокая зеленая сосна
фехтует
с полуночным ураганом
и голос мой
ведет с громами спор.

Так я хочу,
чтобы моя скала
перед Всевышним
встала непокорной,
чтоб тень от тучи
или тень забвенья
ее коснуться даже не могли.

Пусть я погибну на рассвете. Пусть
сияет солнце и сама погибель
не в прах, а в порох
превратит меня.

Сергей Сокуров

Пётр II Негош в русском сердце

(Отрывки из романа)

Предисловие к публикации

Несколько лет назад, работая над своим большим сочинением «Роман с Россией», я познакомился с личностью славного черногорца и настолько был пленён им – очарован, восхищён, что ввёл его в роман, как одного из главных героев. Я говорю о Петре II Негоше (Петар II Петровић Његош), родство с которым делает честь всему славянству, русскому – в первую очередь.

Лично готовясь к юбилею нашего общеславянского героя, равного героям античности, я вычленил из этого большого произведения сочинение меньшего размера под названием «Звезда неугасимая». В нём около 50 страниц. Не каждому изданию по силам такой объём. Поэтому я сделал также небольшую подборку глав, представленных здесь. Усечение полной ткани повествования требует некоторых пояснений.

Разумеется, это художественное произведение. Все образы, в том числе Великий Правитель и Великий Поэт Черногории, романизованы. Кроме реальных лиц прошлого, в повествование введён вымышленный образ – Дмитрий Каракорич-Рус. Это сын русского офицера Петра Борисова, нашедшего вторую родину на Црной Горе и женившегося на черногорке. Дмитрий с юных лет служит теократическому правителю, как его секретарь и доверенное лицо.

Пусть не смущают читателя, знакомого с описанным периодом истории Черногории, авторские домыслы. Повторяю, это не научное исследование, это художественное произведение, которое полностью размещено в интернет-издании «Хронос».

Сокуровъ~

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**СЛАВЯНСКИЙ БАСТИОН****Глава III. Црна Гора**

Путешествуешь ли из Лондона в Париж, оттуда – в Петербург через Стокгольм, затем, с заездом в Варшаву, направляешься в Вену – всё Европа, многолика, узнаваемая по платью, по манере поведения, по схожим образцам искусства и литературы. Местные народы перелистывают календари XIX века Христианской эры, их знать изъясняется в гостиных на французском языке. На этом небольшом «полуострове евразийского материка» императоры и короли посылают своих солдат друг на друга прусским шагом под губительный огонь шуваловских орудий, часто на английские деньги.

А спустишься Дунаем из Вены всего на шестьсот вёрст через европейский Будапешт в Белград, столицу зависимых от Порты сербов, окажешься на территории азиатского владыки. Султан управляет Балканским полуостровом, колыбелью европейской цивилизации, из Стамбула. Древний Византий давно забыл *дней Константиновых начало*, обзавёлся минаретами и сераями. Семибашенный замок, янычары, тонкие и прочные колья, как метод воспитания ослушников, протяжные, сдавленные вопли муэдзинов.

Если, оставив за спиной Белград, одолеть в полуденном направлении ещё две с половиной сотни вёрст горных дорог (вернее, бездорожья), окажешься на Адриатическом побережье. Здесь, в османской глубинке, обнаружится сюрприз в виде крохотной скалистой страны *Црна Гора*, называемой за её пределами чаще *Монтенегро*. Никем из соседей никогда за всю свою долгую историю *Черногория* до конца завоевана не была. Повернувшись спиной к католическому

и протестантскому Западу, презрительно глядя в близкое лицо ислама, упрямо продолжали жить славяне-черногорцы по «византийскому времени» раннего христианства.

И в начале века паровых машин племенная территория ещё не государство и правит на ней волей вооружённых мужчин, *скупицины*, светский и духовный владыка, в одном лице, по законам гор. Древнейший из законов – право на кровную месть. Вендетта и междоусобицы не дают дожить до старости четвертой части мужчин каждого поколения. Вторая четверть гибнет в войнах с турками. Только в сражениях с иноземцами и в праздники по случаю побед, да в церкви черногорцы едины. Признаёт брат брата по низкой цилиндрической шапочке чёрного цвета, с красным верхом, что называется *капа*, по православному кресту на груди, по однострунным гуслиам за спиной и всегда заряженному ружью в руке. С последним не расстаются и ночью, кладя у изголовья. *Вазда му е рука на оружью*. Каждый мальчишка, в семье ли воеводы он растёт или углежога, перво-наперво учится метко стрелять, пасти овец, сочинять героические песни по древним образцам и петь их, водя смычком-гудало по струне народного инструмента. Так же учатся с колыбели узнавать издали два лица: одно принадлежит тому, кому на роду написано тебя убить, другое – твоей жертве, назначенной нередко дедами задолго до рождения мстителя.

Црна Гора – природный бастион Динарского нагорья. Он возвышается над Адриатикой, местами отступая от берега, скалистыми уступами. Венчает эту неприступную цитадель «донжон Плутона» – вершина Боботов-Кук высотой в 2522 метра. Две стремительные горные реки, Пива и Тара, в глубоких каньонах, как Божьи рвы, охватывают царственную высоту горных сербов. Самые могущественные враги южных славян (а таковыми веками оставались турки-османы),

заглатывая их земли по всему Балканскому полуострову, неизменно ломали зубы на камнях Черногорского карстового плато. Его защитников будто не женщины рожали, а духи гор ваяли из того же камня. Если полчища завоевателей, бывало, овладевали долинами, их жители уходили вверх, за облака, откуда отступать некуда, выше только небо.

Оставались независимыми гребни хребтов, местами голые, лишённые почвы, белеющие известняком, местами зелёные от трав. И горные склоны, поросшие буковыми и дубовыми рощами, населённые оленями, кабанами, дикими козами, зайцами, всякой живой мелочью не доставались врагам. Высокогорные луга, освобождаясь от зимнего снега, давали пищу овцам, спасителям нации, едва насчитывавшей сто тысяч человек в свободных от турок пределах. Народ неизменно выживал и прирастал новыми поколениями. Ключки скудной почвы в расщелинах скал, на узких террасах горных потоков распаивались и худо-бедно кормили местное население и беженцев из долин кукурузой и пшеницей. Порте удавалось овладевать, бывало, надолго, основными житницами Черногории. Ими были плодородные почвы вокруг селений Никшич и Подгорица, Скадарская озёрная котловина, богатая краснозёмами. Там вызревали маслины, плоды гранатовых деревьев и виноград.

Но сердце Черногории всегда оставалось в горах. Они учили доблести, укрепляли тело, обостряли зрение стрелков, воспитывали презрение к смерти, ставили честь выше всех ценностей, усиливали любовь к Родине. *Весела ми майка!* И удивительная любовь к пению у горцев – от гор, что многозвучным эхом отзываются на голос певца, подхватывают мотив мощным хором.

Испытывая во всём материальном недостаток, обитая в бедной хижине, горец не считал себя нищим. Ведь ему безраздельно принадлежало всё это живописное Божье

творенье – мятежно вознесённые к звёздному небу скальные зубцы, будто сошники вспахивающие райские уголья. Православное мироощущение не препятствовало вере в мифических белых дев – хозяек рощ, озёр, рек и ручьёв, скал и отдельных камней, расщелин и пещер, горных троп. Они поселились здесь задолго до Христа. Эти *вилы* незримы, но голосисты. Они добры и суровы одновременно: предупреждают путников об опасности и жестоко наказывают ослушников. Их соблазнительные голоса способны заманить юнака туда, откуда нет выхода. Только однажды за все неисчислимые века лишь одну *вилу*, обитавшую в пещере на горе Ловчен, приручит, добром понудит служить себе избранный Богом черногорец. Но в году 1814, куда я завёл сейчас читателя, тому мальчику всего один год от роду. Подождём немного.

Россия со времени Петра Великого помогала православным родичам финансами. Русская дипломатия работала на престиж малого народа, оказывающего героическое сопротивление мощной мировой империи с повадками восточного хищника. Когда заканчивался Век Екатерины, объединённые силы племенных воевод нанесли сокрушительное поражение османским войскам при Крусах. Ходили слухи о лёгких орудиях, доставленных неизвестно какими путями, неизвестно от кого в руки православных. В годы Наполеоновских войн с помощью русской средиземноморской эскадры адмирала Сенявина черногорцы отвоевали берег Адриатического моря, что закрепило фактическую независимость горной области. Православные митрополиты в Цетинье, из рода Петровичей-Негошей, получивших второе имя по названию родного племени, были живым центром притяжения приверженцев греческого вероисповедания. Уже более ста лет они прибирали к своим рукам и светскую власть. В обществе, в котором клановые интересы

ставились выше племенных, а племенные превалировали над общенациональными, такая централизация была благом для народа.

Глава VI. Наперсник Негоша

<...>

Правящий представитель чёрного духовенства, будучи бездетным, в том году назвал своего наследника. Им стал третий племянник, двенадцатилетний Радивой. Он увидел свет в семье Томо Маркова Петровича, обитавшей в селении Негуши, у подошвы горной гряды Ловчен. Род Петровичей, из племени Негошей, уже почти 130 лет правил страной. Своеобразие династии было в передаче власти от дяди к племяннику, так как властным лицом являлся митрополит, «монарх в монашеской рясе». Полное имя сына Томо было Радивой Томов Петрович-Негош. Многодетная семья занимала обычный для деревни дом из камня под черепичной крышей, более просторный, чем у соседей, более опрятный и обставленный богаче. В отдельном покое отец-богатырь (всегда не молодой, сколько знал его сын) принимал гостей. *Еси ли здрав и еси ли рад гостима? – Здрав сам, а гостима увиек рад.* Мама по имени Ивана (всегда молодая на памяти сына) и сёстры Радивоя подавали кофе и вина, угощали заглянувших мимоходом и приезжих издалека – бараниной, овощами и фруктами, неповторимым окороком-пршуттом под крепчайшую ракию, после которой русская водка кажется водичкой. Школа гостеприимства на всю жизнь.

Не по годам серьёзный, уже не отрок, но ещё не юноша, Радивой обладал быстрым, впечатлительным умом, был отзывчив на страдания людей. В нём созревал склонный к созерцательности и размышлениям философ и поэт высокой пробы. Вот его бы в Санкт-Петербург, в знаменитый

Царскосельский Лицей! Да уж поздно... Пришлось начать образование племянника со школы в древнем городке Котор на берегу живописной Боко-Которской бухты Адриатического моря. Здесь Радивой быстро освоил грамматику сербского языка, разобрался в особенностях родного наречия, научился читать и писать на итальянском и немецком. В которском порту любознательный юнак слышал и усваивал на лету речи французских моряков и русских негоциантов. Кроме того, он проявил интерес к механике, географии и особый – к картографии. Ёмкой памятью и любовью к труду, любознательностью ко всему сущему в мире Радивой напоминал своему правящему дяде Петра Алексеевича Романова. Подобно северному властелину, юнак-южанин ни во что не ставил роскошь и комфорт, был неприхотлив в еде, неутомим в делах. Митрополит Пётр внимательно следил за успехами племянника. На второй год понял: которская школа исчерпана, пора перейти к «высшему образованию», доступному в маленьком отечестве.

Митрополит Пётр понимал: прошло время, когда будущий правитель страны воспитывался в плотном окружении чернецов и монашествующих чиновников. Для правильного развития наследника требовались теперь, по убеждению старого главы Црной Горы, высокообразованные светские наставники и сверстники из семей воевод и их приближённых, старейшин, белого духовенства, состоятельных землевладельцев и купцов. На ум приходили гетайры Александра Македонского, «потешные» однолетки русского царя Петра Алексеевича.

К будущим наперсникам наследника предъявили определённые требования. Мало управлять боевым конём; на скаку, привстав на стременах, попасть из ружья в подброшенное яблоко. Мало зажигательно петь сочиняемые на ходу песни, вести лёгкую беседу, плавать, словно рыба,

прыгать по скалам, подобно горному козлу. В этом всё́м был искусен Радивой сызмала, когда он, отпрыск знатного рода, как и все его однолетки из простонародья, пас овец своего отца за околицей родного селения Негуши. От сверстников, приближённых к наследнику, требовались ум и качества иного свойства. Каждому из них предстояли долгие испытания за письменным столом, среди изошрённых политиков, в многоязычном окружении друзей и недругов, в делах веры, международных отношений, просвещения, культуры, торговли, промышленности, земледелия. Словом, возле отрока, подготавливаемого к управлению страной, виделись достойные его подданные, друзья-советники. От приглашаемых на почётную игру-службу требовалось развивать в себе выявленные при отборе качества. А чтобы развитие пошло правильно и быстро, в нужном направлении, доверенные люди митрополита повсюду присматривали наставников.

<...>

Возле митрополита, в закатные годы его правления, образовался просвещённый кружок. В нём выделялся сербский поэт, историк и педагог, секретарь правителя Сима Милутинович, человек сложного характера, сдержанно-самолюбивый, жаркий оратор. Уроженец боснийского Сараево, он участвовал в восстании сербов против турецкого ига. Бежал в Россию, которую боготворил; одно время жил в Одессе, где встречался со ссыльным Пушкиным у общих знакомых.

Владыка доверил Милутиновичу воспитание наследника, а заодно надзор за наставниками и «гетайрами». В сопровождении гордых и взволнованных родителей, начали прибывать в Цетинье подростки, утверждённые правящим дядей быть товарищами его племянника Раде. Так звали близкие серьёзного мальчика Радивоя, ростом выше всех

своих сверстников при дворе старого Петра I Негоша. Он отличался яркой красотой: чёрные, с блеском, кудри до плеч, полные внутреннего огня глаза, цвета горной смолы, в которых, по словам всегда вдохновенного Милутиновича, *отражалось величие Божьего мира.*

<...>

Сима Милутинович предпочитал учить уму-разуму быстро взрослеющих мальчиков, воспитывать в них граждан своей страны методом «Афинской школы», совмещённым со спартанской закалкой. В тени гранатовых деревьев монастырского сада слово умелого и терпеливого педагога ненавязчиво проникало в юные умы и глубже – в сокровенные уголки души. Казалось, он знал наизусть творения всех мыслителей континента от Платона до Гёте. Боготворил Пушкина, часто повторял: «Пушкин – первый среди славянских певцов! Нет, первый в Европе! Вот увидите, он ещё удивит мир!»

Нередко наставник выводил ватагу подопечных в луга, в перелески по краям Цетинского поля. Бывало, седлали коней и достигали на рысях и вскачь отрогов горной гряды Ловчен. Однажды Раде едва не погиб, выпав из седла, но, преодолевая боль, взобрался на спину дикого скакуна и догнал товарищей. У подошвы гряды питомцы сараевца спешивались, разувались и босоногими, сбивая ступни в кровь, карабкались на скалистую Озёрскую вершину. «Ну, как Суворов в Альпах! Вы – его чудо-богатыри. Герои растут в горах, а в долинах – тыквы», – подбадривал немолодой уже учитель учеников, сам весь исцарапанный острыми камнями и колючками, сам весь в синяках.

С горы просматривалось Цетинское поле, зелёное вблизи и ярко-синее, растворяющееся в дымке у дальнего края. Там громоздились друг на друга прозрачные, чуть более плотные, чем чистое небо над ними, отроги Боботов-Кука.

На востоке, правее Цетинье, блестело под солнцем голубой сталью Скадарское озеро. А в морской берег закатной стороны вычурными заливами врезалась Боко-Которская бухта, с увалистыми берегами, наполненная густым ультрамарином.

Все эти прекрасные творения божественных сил, соединяясь в молодых душах с понятием родина, производили впечатление хорошей, доходчивой лекции на патриотическую тему. Для каждого ученика был свой ориентир в развёрнутой перед глазами панораме. Назывался он «малой родиной». Для Дмитрия Каракорича-Руса таковым служил в северной стороне отрог, скрывающийся за острым гребнем каньон Пивы. Радивой ощущал свои корни у подножия Ловченской гряды. Там, в селении Негуши, в каменных домах под черепичными крышами изначально жили его соплеменники-негуши. С орлиной высоты племенное гнездо выглядело красным пятнышком, размером с ноготь.

<...>

Каждый человек волею Бога предназначен какому-нибудь служению. Названный Негошич посвящался Им служению короткому, но яркому и разнообразному – государственному, поэтическому и духовно-религиозному.

<...>

Кроме занятий в саду, в стенах обители, в старинной монастырской библиотеке, с перерывами на еду и сон, кроме обязательных физических упражнений, наследник обладал изнуряющей «привилегией». Он обязан был *постигать учение государственности* непосредственно возле правителя.

Изо дня в день, когда его «потешные» отдыхали, он переписывал документы государственной важности (причём, обязан был вникать в них, давать им оценку перед владыкой). Радивой участвовал в совещаниях высших чиновников в рясах, присутствовал на советах воевод, нередко в сходах старейшин отдельных селений. Племянник писал письма

под диктовку старого дяди-митрополита. Иногда засыпал над столом, валился с ног у конторки. Вскакивал, доделывал работу. Никакого снисхождения племяннику!

А ведь ещё надо было записать, чтобы не забыть, стихотворение, что неожиданно, даже во сне, начинало звучать в нём, несказанно волнуя и мучая. Разве виноват Раде, что родился поэтом? Сима, старший друг, понимал подопечного. Секретарь митрополита был поэтом не столь одарённым, как его подопечный, но известным. И у него тоже накапливалась за день гора клочков бумаги с набрасываемыми мимоходом строфами.

– Выбери себе помощника, Радивой, вон как исхудал, – решает, наконец, Милутинович.

Юный раб дядиной канцелярии не колеблясь выбирает Каракорича-Руса. Для Дмитрия это упряжка на много лет.

За первые три года учения в «Школе Милутиновича» рослый мальчик Раде вымахивает в саженого юнака, на голову возвышающегося над любой толпой. Ещё он отличен мужественной красотой, вдохновенным выражением миндалевидных жгучих глаз. Чёрный шелковистый пух на верхней губе, на давно потерявших детскую округлость щеках – ещё не борода с усами. И в *речи*, произносимой тихим баритоном после ломки голоса, не всегда слышится *муж*, временами – *мальчик*. Таков наследник в пятнадцать лет. А всего два года спустя Радивой будет поражать окружающих рассуждениями зрелого человека о необходимости решительных реформ в стране, живущей византийскими снами.

И сербы *Црной Горы*, кто с тревогой, кто с надеждой, станут ждать перемен в Цетинье.

Они произойдут в конце 1830 года. Старый митрополит не осилит свой восемьдесят четвёртый год. Без малого полвека правил страной её духовный пастырь, первым из рода

Негошей наречённый Петром при постриге. Умирая, он завещал своему народу всегда держаться России, светоча православного мира. И просил соотечественников хотя бы на полгода, в знак траура о нём, отказаться от кровной мести и междоусобиц. Вскоре он был канонизирован и остался в народной памяти Пётром Святым.

В тот скорбный холодный день стекались на площадь перед монастырём в Цетинье людские толпы, прибыли представители всенародной скупщины, и названный покойным митрополитом наследник был провозглашён церковным и светским правителем святой для черногорцев земли.

Традиции Черногории требовали, чтобы мирянин, предназначенный в пастыри народа, стал монахом. Поэтому, сразу по смерти Петра I, Радивой Томов *замонашил*, приняв имя небесного покровителя покойного дяди. Вскоре юного чернеца посвятили в сан иеродиакона, затем архимандрита. За епископским саном ему предстояло выехать в Россию, ибо духовному и светскому правителю Црной Горы надлежало быть в звании митрополита...

Радивой остался на страницах предыстории нового правления. История его начала писаться от Петра II Негоша. И вновь кровью. Истомились, видать, черногорцы, следуя второму завету покойного митрополита. На шестом месяце то здесь, то там, точно табуны застоявшихся жеребцов, пошло племя на племя, оружием решая накопившиеся споры.

Но не для развлечения ума проходил Пётр II науку государственного управления в особых условиях *Црной Горы*. С бесстрашием, свойственным юности, семнадцатилетний *господарь* бросается в гущу схваток – увещевает, бранит, наказывает заводит заточением в подземелье Цетинского монастыря и смертью, волею господаря и согласно обычаям. К бунтарям он безжалостен, «как кардинал Ришелье»

(заметит впоследствии его биограф). В обыденной жизни приветливый, обходительный и невозмутимый, как и полагается монаху, он становится неузнаваемым в минуты опасности и при угрозе чести, собственной и его страны. Проявляются «огненный нрав» правящего иерарха, лютая ярость, решительность и железная воля. Он отдаёт распоряжения, словно палит сразу из нескольких ружей. Он постоянно находится на волоске от гибели.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: смута вокруг Боботов-Кука вызывает желание Стамбула отхватить под шумок у драчунов лакомый кусок, цетинское поле.

При угрозе вторжения черногорцы, как всегда, забывают о распрях. «К оружию!» – согласно звучит в селениях. Но времени мало. Негош с помощью надёжных воевод едва успеваает собрать небольшой отряд. Турок в десять раз больше. Они загодя делят плодородное поле и... терпят поражение в открытом сражении. Эта первая победа нового властителя над вековым врагом возносит его на крыльях государственного двуглавого орла выше, чем расправы над домашними смутьянами. Россия, охладевшая к своим православным подопечным после Тильзитского мира, вновь с интересом посмотрела в сторону Црной Горы глазами царя Николая Павловича, недавно сменившего на троне своего брата Александра, равнодушного к бедам маленького родственного народа. Цетинье стало общаться с Петербургом через консула Российской империи в хорватском городе Дубровнике, отошедшем Австрии.

<...>

Требовала решения и проблема *гувернадурства*. Век с небольшим назад, по настоянию сильной тогда Венеции, в Цетинье учредили светскую должность *гувернадура*, якобы для присмотра за сугубо зарубежными связями. Притом, должность наследственную. Исполнитель её, эдакий министр

иностранных дел, из рода в род мнил себя соправителем митрополита, хотя власть его была несравнимой с властью духовного лидера. Хитроумные дожи пристроили своего ставленника в безопасном месте – в контролируемом ими Которе; жалование ему выплачивалось из казны торговой республики. Наконец, содержание его взяли на себя австрийские власти. Естественно, делиться даже малой частью власти с нахлебниками католиков Пётр II не захотел, однако решил не торопиться.

На всю оставшуюся небольшую свою жизнь Негош сделает для себя вывод: Черногория способна вести успешные оборонительные войны. Однако наступательные ей в одиночку, без помощи России или полусвободной Сербии, не по силам. И ещё одно умозаключение: не видеть ему при жизни конца борьбы своих со своими. Горько. Первые три года правления всегда рядом мудрый, но стареющий, болезненный Сима Милутинович. Он больше чем секретарь, он вроде канцлера. Не покидает своего государя надёжный друг и единомышленник Дмитрий Каракорич-Рус. Сын военного инженера смекалист, лишён чувства страха, только очень уж юн даже рядом с Радивоем-Петром. Он и бывший учитель нередко оказываются на краю пропасти вместе с их решительным господином. То вдруг попадают в центр клубка дерущихся между собой, «по традиции», сторонников независимой Черногории, верных подданных цетинского владетеля. То с трудом выбираются из сетей опасных мечтателей об австрийской *Монтенегро* под властью кайзера Австрии и Папы. То сталкиваются с единоплеменниками, чьи отцы предпочли полумесяц православному кресту. Эти *потурченцы* нередко стояли насмерть за *пашалык* под властью Порты.

При новом правлении Дмитрий официально становится помощником секретаря Милутиновича и одним из советников первого лица страны. Ростом по плечо высокородному великану, он, не сказать что красив, но миловиден, типичный черногорец – смуглый, узколицый. Впрочем, кто мог помешать матери Дмитрия произвести на свет своё подобие? И отец, даром что русский, уроженцами *Црной Горы* принимался за своего. Живя в Цетинье, Дмитрий находил возможность гостить в доме над Пивой. Кроме того, отец иногда виделся с сыном в цетинском монастыре, оставшемся резиденцией нового правителя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТЕЧЕСТВА РАДИ

Глава VI. Подвижники Црной Горы

Правитель воинственного народа, его духовный пастырь, по возвращении в Цетинье из России, слышал в свой адрес не только слова благодарности за успешную миссию. Нередко раздавалось брюзжание подданных: мол, плохо старался наш православный, мог бы большего добиться. Даже указ Петра II учить детей в школах на казённый кошт подвергается критике: деньги ему некуда девать! Вообще, праздники не наступили. Умножились жалобы соотечественников друг на друга. Пришлось срочно диктовать ответы почти на тысячу писем, ходатайствовать за обиженных и оскорблённых, *примирять Черногорию с самой собою и с соседями*. Выделенные слова – из записей секретаря.

После «псковской обиды» Негош стал смотреть на Россию менее романтическими глазами. Как-то в ответ на замечание

венского посланца, дескать, Монтенегро столь же зависима от императора всероссийского, сколько любая из его губерний, владыка с раздражением ответил, что он не принадлежит ни России, ни Австрии, ни Турции. Отпустив посланца, сказал секретарю: «Россию люблю, но не люблю, когда мне по любому случаю дают понять цену русской помощи».

<...>

Замелькали для черногорских державников, от правителя страны до рядового четника, годы в трудной, по преимуществу рутинной работе по укреплению государства. Не часто происходили события, которые становятся народными праздниками, если за ними успех. Зато ушли в прошлое времена, когда пролитую кровь смывали дожди, и нация отступала далеко, в недоступную чужакам горную глубь, сдавала врагу непомерно много родной земли, теряла честь.

Негошу удалось обуздать своевольных воевод. Каждый старейшина мнил себя на своём пятачке суверенным государем. Всё чаще скупщина того или иного племени избирала в предводители человека, выдвинутого владыкой. Собрался на первое своё заседание Сенат. Гвардия начала учиться на собственных ошибках управлению страной. Кровная месть стала уходить не только из практики, но также из голов горцев. Маленькая черногорская армия, усиленная лёгкой вьючной артиллерией, обучалась одетыми в местное платье специалистами с военной выправкой. Появляясь в Черногории, они представлялись подданными каких-то экзотических государей, вроде князя Гурии или султана Старшего жуза, и записывались в армию вольнонаёмными. Они не сразу научались *штокавскому* наречию сербского языка, зато на русском между собой изъяснялись отлично, часто поминая мать. Видно, скучали по дому. Лишь некоторые из русскоязычных гостей говорили открыто: мы из России. Одним из них был улыбчивый, любознательный

Егор Ковалевский, ставший добрым знакомым Каракорича-Руса. Он появился в Черногории по заявке её правительства для разведки месторождений полезных ископаемых. Всюду, даже по столичным учреждениям, ходил с геологическим молотком, опираясь на него как на дорожную палку. Мимоходом открыл развалины древнеримского города Диоклеи. И как бы между прочим, помог черногорцам наладить у себя производство пороха.

<...>

Помощь из Петербурга, открытая и тайная, шла на нужды обороны, просвещения, народного хозяйства, мимо карманов знати и высших чиновников. Знаковым событием, увертюрой к неизбежному превращению митрополии в светское государство стал переезд правителя в построенную наконец резиденцию, вместившую и двор, и аппараты трёх ветвей власти. Сюда перенесли и символы просвещения – библиотеку, типографию, национальный музей. Селение при обители стало оформляться в столичный город. Монастырь остался резиденцией Петра II Негоша, как главного духовника ста тысяч прихожан православной церкви. В 1844 году Российский Святейший Синод возвёл тридцатилетнего архиерея в сан митрополита.

Во всех преобразованиях сказался авторитет национального поэта, коим Петра Негоша признали соотечественники, от мала до велика. Все сербы согласились с такой оценкой; всё больше просвещённых славян иных стран становились поклонниками его творчества. Петр Негош воспевал свой народ, его мужество, славную историю непокорённых славянских племён *Црной Горы*, труженика пшеничного и кукурузного поля, охотника, рыбака и пастуха. Дмитрий помогал своему другу и господину в издании литературного ежегодника «Горлица». В первом же выпуске читателю был представлен на языке оригинала Александр Пушкин

стихотворениями «Бонапарт и черногорцы» и «Песня о Георгии Черном». Только настоящий поэт способен добровольно отойти в сторону, пропуская вперёд себя собрата. Но свет поэзии Негоша достаточно силён – он виден, он узнаваем, его не затемнить иными, самыми мощными сияниями. Этот свет исходит с вершины черногорской поэзии под названием «Горный венец», из эпического сочинения «Свободиада», из фантастической поэмы «Луч микрокосма», из исторической драмы «Степан Малый», от самых мелких лирических стихотворений. Автор относится к литературному труду как к Богом заданному уроку, который необходимо выполнить в оправдание подаренной ему жизни.

Вдохновение накатывало на него волнами, всё чаще мощными валами. Он погружался в ритм звуков, в образы героев прошлого и настоящего, порождаемых его поэтическим воображением. Всегда мучительным был насильственный выход из этого состояния, когда того требовало служение народу. Поэт в Петре II вынужден был всегда уступать государственнику. Но иногда последний сдавался перед бурей рождающихся в нём строф.

Пришло время, когда стихотворец, смущаясь, обратился к другу-советнику с вопросом, имеет ли моральное право поводырь народа по личной причине удалиться от государственных дел на непродолжительное время. Дмитрий знал, поэт Негош в те дни готовил к печати «Великий триптихон». Ему нужен был полный покой. Свой ответ Каракорич-Рус облёк в форму мягкого дружеского приказа: «Дело святое, *Петар*. Уйди на время в затвор. Кто смеет осудить тебя? Ты монах».

Опасаясь, что господарь передумает, Дмитрий отвозит его лунной ночью, без охраны, на гребень горной гряды Ловчен. Там на сбережения владыки воздвигнута из тёсаного

камня скромная часовня-ротонда под низким византийским куполом в честь митрополита-предшественника. Покой в безлюдном просторе, бодрящий ветер настраивают Петра на поэтический лад. До этого *затвора* всего один раз он мог позволить себе несколько дней свободного творчества. Владыка не стал спиной к Черногории, которую он называл «гнездом воинственной гордости». Ведь куда ни повернись, всюду Черногория – от Боко-Которской бухты до северных гор, от утёсов Боботов-Кука до островов в Скадарском озере.

Здесь и случилось то «приручение *вилы*», о чём мимоходом сказано в главе «Црна Гора». Проводив глазами Дмитрия, поэт почувствовал, что он на горе не один. На затенённой стороне гряды появился белый силуэт женщины с распущенными волосами, в лёгком, развеваемом ветром одеянии до ступней ног. Вила, определил Пётр. «Что ты ищешь здесь, человек? – раздался вкрадчивый голос. – Иди ко мне, я вознагражу тебя за смелость». – «Благодарствую, добрая дева. Но я монах. И сочинитель песен. Будь моей сестрой, моей музой. Расскажи, что видела отсюда за прошедшие века. Какие лица, какие деяния запомнила. Я передам твой рассказ моему народу. Я расскажу о тебе. Ты станешь знаменита, не будешь так одинока на своей горе». – «Хорошо, чернец, – ответила вила после долгого молчания. – Иди за мной». И скрылась в пещере.

...Когда митрополит вышел, над грядой висело солнце. Внизу, в дымке, различались башни Цетинье, крыши селения Негуши, просматривалась заливы Боко-Которской бухты, вершины горных цепей, серпантины дорог в низинах. Поэт был возбуждён – размахивал руками, выкрикивал слова, на лету выстраивающиеся в ритмические строки. Вбежав в часовню, добровольный отшельник выложил на аналой из дорожного сундучка бумагу и письменные принадлежности.

На первом листе, посередине, брызгая чернилами, торопливо начертил: *Черногорец в плену у вилы*. Так, с помощью мифической девы, было зачато оригинальное творение сербской поэзии. В нём, по словам одного русского литератора, *в грандиозном историческом действе переживаются самые грозные часы в истории многострадального народа, проходят трагические судьбы создателей древнего сербского государства, деяния вождей и героев, в том числе «сербского Марса» – Георгия Чёрного*.

И всё-таки та вила, ставшая музой черногорского поэта, не могла, видимо, полностью изменить своей природе. Она не удержалась, проявила коварство, желая, видимо, удостоверить самой и доказать миру, что самый нравственно крепкий чернец в первую очередь человек. Только колдовство её сказало на Петре Негоше не сразу. Не было подходящего места и подходящих лиц. Правитель страны был удалён от мира и углублён в творческую работу. Не станем ему мешать. Спустимся с горной гряды на Цетинское поле, навестим местоблюстителя митрополита Черногории.

Глава VII. Коварство горной вилы

Оставшись без руководителя, Дмитрий Каракорич-Рус становится на несколько недель неофициальным хранителем Государственной печати. И тут с новой силой, пользуясь отсутствием крутого господаря, раздаются голоса недоброжелателей, напоминая о его неудачах. Дескать, *изгубил два острова в Шкодренском озере*, потерял целый отряд обученных солдат у Подгорицы, а хлебную долину стране так и не вернул.

Наперснику Негоша больно это слышать. Он был свидетелем кровавого сражения за остров Лесандру. Накануне туда прибыл господарь с личной охраной, секретарём и младшим братом. Албанские турки, накопив превосходящие

силы на своём берегу озера, высадились с лодок перед песчаным редутом, наспех возведённым небольшим отрядом солдат Его Высокопреосвященства. Атаке предшествовал обстрел защитников укрепления с десантных лодок из карронад. Один из новобранцев, узнав возвышающего над всеми митрополита, который только в церкви надевал ризы, бросился к нему за благословением и попал под турецкое ядро. Другое ядро взрывает песок у ног Негоша. Митрополит и его секретарь легко ранены, брат владыки сражён наповал. Осколки чугуна и свинцовая картечь из жеверданов осыпали черногорцев. Никого из них не пощадил горячий металл. Когда убитых оказалось больше, чем раненых, последние оставили остров. Не клочок каменистой земли, а рыбные ловли жалко было оставлять врагам. Но уходили, зная что вернуться...

Недруги не вспоминают дипломатическую победу господаря, когда он убедил визиря, во избежание лишних проблем для Стамбула, отказаться от захвата земель, остающихся под контролем правительства Черногории. Пытаются принизить торжество боевого крещения регулярной армии Црной Горы в бою у Грахово. Здесь Негош проявил талант полководца. Искусным маневром он воспрепятствовал соединению турок из Албании и Герцеговины, затем выбрал удачную позицию для своего 4-тысячного отряда. Имея перед собой трёхкратно превосходящего противника, черногорцы потеряли всего 11 человек убитыми и 20 ранеными. На поле боя турки оставили несколько сотен трупов. Смущало, что подданные православного господаря, верные дедовской традиции, бросились в атаку, навесив на себя головы турок, отрезанные в стычках. Владыка разводил руками: «Что поделаешь, я просвещённый государь варваров, хотя в глазах Европы сам варвар не меньший».

Патриотов Черногории обнадёживает очевидное: при беззаветной любви простых людей к Негошу, оппозиция начинаниям великого преобразователя не имеет в стране простора и достаточно сторонников.

<...>

Не всё поддаётся учёту. Как-то не думалось, что жизнь, в отличие от вина в бурдюке, расход которого можно контролировать, имеет свойство вдруг закончиться. Холодная часовня на гряде Ловчен, ловля рифмы на осеннем ветру, упорная работа над бумагой, с забвением сна и еды, вызвали у затворника кашель. Доктор, обследовав простуженного по возвращении его в Цетинье, озабоченно проворчал: «Вам надо беречься, господарь».

Из всех дельных советов этот – самый неисполняемый. А ведь врач отдавал себе отчёт, кому он советует. Негош тут же забыл о предостережении. Заболевание, обидевшись на такое невнимание, мстительно притаилось: погоди, уж тебе! Долгое время оно не давало о себе знать, лишь время от времени проявлялось покашливанием.

В один из тех редких дней, когда на границах Черногории и внутри её установилась тишина, господарь принял решение объехать страну – своими глазами увидеть, как выполняются новыми чиновниками и старостами решения митрополита и Сената, всмотреться в лица подданных. Что в их глазах? Каракоричу-Русу было велено следовать за хозяином. В столице, сторожить всё и всех, остался старый сенатор Црноевич, обладавший всевидящими глазами, верный как нянька.

Слух о той поездке мгновенно облетел страну, но сама поездка затянулась. Кавалькаде не давали проезда. В каждом селении разодетый по случаю народ высыпал к дороге. Под копыта не лезли, чтобы поцеловать руку главы местной православной церкви; целовали свою, кланяясь – таков

обычай. Голосовых связок и пороха не жалели. Вскинутые над головами стволы ружей, огонь, дым, грохот, эхо. Каждый норовит затащить митрополита, причт и свитских в свою хижину, как правило нищую, но хлебосольную. Многие с гусями, терзают струну смычком, поют – слов не разобрать. Лошадь под *Петаром* под стать всаднику – выше других скакунов в холке. Владыка одет как все: капа, куртка, короткие шаровары, чулки, опанки, но без оружия. На приветственные крики толпы, на поклоны митрополит отвечает: «Бог помага», – время от времени широким жестом совершает крестное знамение, звучно произнося «во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Могло показаться, что врагов у правителя больше нет. Они были, только прятались в укромных местах и здесь, под живыми масками. Когда останавливались на дневной отдых или ночлег, первым делом шли в церковь. Её глава надевал ризу поверх дорожного платья, служил молебен. Трапезничали на открытом месте всем миром, чтобы вдоволь наговориться до короткого сна. Одинаковым народным языком митрополит разговаривал со всяким. Для Дмитрия Каракорича-Руса это было не в новинку, поэтому в его дневнике мы не найдём отзыва на речи его господина. Но в то время путешествовал по Черногории русский этнограф Измаил Срезневский. Понаблюдав за митрополитом со стороны, он записал: *«Удивляешься ему как человеку и как правителю черногорцев. Говорит хорошо, умно, с чувством, с достоинством и без натяжки, и во всех словах видна любовь к народу так же, как и в обращении черногорская простота».*

<...>

Вот в эти дни и проявила своё коварство вила, которую поэт Пётр Негош назвал своей музой на Ловченской гряде. По завершении объезда державной территории, митрополит посетил принадлежащий ему в Которе дом. Чтобы не нанести

истине вреда сочинительством, давайте раскроем дневник Дмитрия на том месте, где в чернильных строках осталась история тех дней. Вот что написано рукой секретаря:

«Владыка, по обычаю своему, сидя в комнате у раскрытого окна, читал или писал что-нибудь; а в доме напротив, через узкую улицу, жила девушка, которая из любопытства заглядывалась на владыку из-за занавески. По всем вероятиям, владыка ей нравился; да и было поистине на что заглядеться, потому что владыка был красивейший из людей. И так она часто бросала свой взгляд на него, а он – ещё в молодых годах и в полной силе – не пренебрегал этими умильными взглядами. В такие сладкие минуты, когда природа берёт верх надо всем, когда человеком овладевает чувство, а поэтическое вдохновение летит по высотам, владыка, наш поэт, написал песню любви. Эту песню он постоянно носил за поясом и, когда мы воротились в Цетинье, прочитал её однажды мне. Песня эта отличалась от всех его песен; она представляла живую силу любви; в ней были все прелести и очарования, и она должна быть названа венцом его поэзии. Я стал просить, чтобы он позволил мне переписать. А он улыбнулся и говорит: «Зачем она тебе?». – «Она заслуживает быть напечатанною», – ответил я. – «А что скажут, владыка пишет песни любви? Не дам». Я горячо настаивал на своём. Владыка шутя прекратил мои просьбы: «Нетъешь да дьяволу!» Смеясь, свернул песню и опять засунул её за пояс. Неизвестно, что он сделал с нею после, а по всем вероятиям, сжег».

То ли ловченская вила пожалела о своём поступке, то ли Бог простил своё возлюбленное чадо – единственный образец любовной лирики поэта-чернеца спустя много лет нашёлся среди бумаг секретаря. Возможно, Дмитрий выпросил-таки «греховное» стихотворение, дав слово не

публиковать его при жизни своего господина. А возможно, сам автор тайно подкинул заветный листок в стол Дмитрия, когда почувствовал грозное приближение смерти.

Она уже была рядом. Последние месяцы приступы кашля стали следовать один за другим. На осунувшемся лице митрополита проступил румянец. Однажды, за игрой в бильярд, на глазах секретаря его *Петар* выхаркнул на платок сгусток крови. Главный лекарь двора воспользовался своим правом в определённых обстоятельствах приказывать: «Немедленно поезжайте в Италию, государь! У вас все признаки чахотки».

Правитель подчинился не сразу. Он не просто жил и работал, он служил Черногории. Угрозу для своей жизни митрополит видел не в чахотке. «Моя душа убила тело», – услышал Дмитрий от своего господина. И всё-таки пришлось ехать в признанную страну-курорт. Однако пресловутый «лечебный климат» не помог. Правда, любознательный черногорец не столько посещал модные клиники, сколько античные развалины, музеи и картинные галереи разных итальянских городов, от Венеции и Турина до Неаполя. Каракорич-Рус, сопровождавший его, отметил в дневнике, что больной государь целый час провёл перед полотном Рафаэля «Преображение». С трудом уговорили его нанести визит Папе (а вдруг, – надеялись православные, потерявшие от страха перед неминуемым, – произойдёт чудо). Негош вдребезги разбил надежды приближённых. Повидаться с Папой он был бы не прочь, но не мог согласиться на унижительную для православного человека процедуру – приложиться губами к веригам апостола Петра. В присутствии папского нунция он сказал: «Черногорцы цепи не целуют, мы рождены, чтобы рвать их». И повернувшись к своим произнёс тоном, не допускающим возражений: «Домой! Пора!»

Проезжая через Равенну, поэт Пётр Негош пожелал поклониться могиле Данте. Экипаж остановился возле часовни с треугольным фронтоном. Велев адъютанту ждать у входа, государь вошёл в гробницу и оказался возле роскошного мраморного саркофага. И вдруг его охватило неприятное чувство, будто он стал соучастником какого-то пошлого, оскорбительного для него обмана. И в это время за спиной послышалось дыхание. Обернулся. На него снизу вверх смотрел иссушенный внутренним огнём юноша с сумасшедшими глазами, какие бывают у поэтов, измученных постоянным звучанием рифмы в себе. «Не верьте им, синьор, – произнёс незнакомец. – Здесь нет великого Данте». И Негош сразу поверил. «Так где же он?» – «Идёмте, покажу». Незнакомец вывел черногорца к дороге, у которой высилась церковь святого Франциска, показал жестом в её сторону: «Там, за алтарём – и вдруг разволновался. – Идите туда, я спешу, мне надо записать... Вы поэт, синьор. Я сразу понял». С этими словами юноша бросился бежать, вызвав подозрение адъютанта.

За апсидой церкви, среди кустов и остатков немых каменных надгробий, Негош обнаружил ушедшую в землю серую потрескавшуюся плиту. С трудом разобрал пять букв – **Dante**.

– *Счастлив тот, кто будет жить в веках, и в этом высший смысл его рожденья,* – с чувством произнёс черногорский поэт.

– Что... Простите, что вы сказали, ваше высокопреосвященство? – спросил адъютант.

– Это не вам, это ему – из моей поэмы «Горный венец».

Митрополит, прожив без малого тридцать восемь лет, как и светоч его, Пушкин, скончался (*починал*, напишет местный хронист) 19 октября 1851 года. Умирающий совсем

потерял голос. Каракорич-Рус едва расслышал последние слова своего господина «Жалею... не совершил... славяне... под игом, – долгая пауза, слабеющее, прерывистое дыхание и фраза, сказанная по-русски. – *«Слава Тебе, Господи, показавшему нам свет!»*. Эта фраза окажется и в завещании.

В России в тот день выпускники Царскосельского лицея отмечали сороковую годовщину этой уникальной университетского типа школы. Преобразователь Черногории считал её образцом для высших учебных заведений своей страны.

Пётр завещал похоронить себя на Ловченской гряде, в часовне над пещерой, где встретил свою вилу-музу. Накопленные при монашеской жизни пятьдесят тысяч рублей он передал на нужды своего народа.

Когда гроб выносили за ворота обители, разыгралась непогода, какую в этих краях не помнили. Будто повторился Всемирный потоп: затяжной ливень, непрерывное полыхание молний, раскаты грома, от которых содрогались горы и сыпалась черепица с крыш, как в майские дни. А ведь заканчивалась осень. Не было никакой возможности поднять скорбную ношу на гору.

Преемник покойного митрополита Данило Петрович-Негош распорядился вернуть гроб подземелью монастырской церкви. Потом зачастили холодные дожди и распространился слух, будто турки, пользуясь моментом, готовят нападение на столицу. Теперь-то они могли выместить свою злобу на христианах, не покорившихся их силе. И на останках самого непокорного из всех черногорцев. К счастью, слухи не подтвердились.

Только через четыре года будет исполнена предсмертная воля митрополита, в уже совсем иной стране – в княжестве Черногория. Теократические правители останутся в анналах истории на страницах между 1697 и 1852 годами.

Данило Петрович-Негош объявит себя князем и станет править своим народом не как монах, а как монарх. Но в пешей траурной процессии на гребень гряды Ловчен князь посчитает достойным для себя занять место в тени гроба своего предшественника.

Перед выносом гроба за ворота его установили на постамент посреди монастырского двора, с вечера накануне наполненного людом. Стояли молча (только шелестели молитвы), неподвижно, тесно. И словно по команде расступились, дали проход столетнему старцу, прибывшему верхом на коне из селения Негуши. При появлении отца последнего из правивших митрополитов крышку гроба приоткрыли. Показалась жёлтая мумифицированная кисть руки. Старец приблизился и долгим поцелуем припал к руке сына, которого он называл святым отцом. К счастью для матери, она не пережила своего Раде, её *солнца*.

Крышку опустили. Уже навсегда. Патриарх рода Негошей Томо Марков Петрович отошёл с опущенной головой к группе провожающих, где стоял Каракорич-Рус. «Дмитрий, – тихо обратился к нему черногорский долгожитель, – забывать стал, старею... Напомни, из «Горного венца»... Те строки». Бывший секретарь и советник, не задумываясь отозвался, и стоявшие близко услышали: *«Счастлив тот, кто будет жить в веках, и в этом высший смысл его рожденья»*.

Сведения об авторах

Анисимов Максим Юрьевич

– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Аншаков Юрий Петрович

– доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского филиала Института российской истории РАН (Самара)

Артамонов Владимир Алексеевич

– кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Белов Михаил Валерьевич

– доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Бершадская Марианна Леонидовна

– кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Блудилина Наталья Даниловна

– доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, профессор Государственной академии славянской культуры

Вишняков Ярослав Валерьянович

– кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений МИД РФ

Косанович Богдан

– доктор филологических наук, профессор Новисадского университета (Сербия) и Университета Черногории (Никшич)

Лысенко Ольга Александровна

– славист, сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), переводчик

Мальцев Леонид Алексеевич

– доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Мароевич Радмило Новович

– доктор филологических наук, профессор Белградского университета, академик Международной Славянской Академии, президент Сербского фонда славянской письменности и славянской культуры

Мичович Милутин

– председатель литературного общества «Негош», заместитель председателя Союза писателей Черногории

Никифоров Константин Владимирович

– доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН

Осипова Елена Аркадьевна

– аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Петров Александр Николаевич

– поэт, переводчик, преподаватель Питтсбургского университета, главный редактор журнала «American Srbobran» (Белград)

Раич Сузана

– доктор исторических наук, профессор Белградского университета

Распопович Радослав

доктор исторических наук, директор Исторического института Черногории

Сокуров Сергей Анатольевич

– писатель, попечитель Международного Пушкинского фонда «Классика»

Созина Юлия Анатольевна

– кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Станишич Йоле

– черногорский поэт, публицист, литературовед, член Союза писателей России и Союза писателей Черногории, академик Международной Славянской Академии (Москва)

Струнина Наталия Григорьевна

– младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Хитрова Нина Ивановна

– доктор исторических наук (Москва)

Хлебникова Варвара Борисовна

– кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Содержание

От редколлегии 5

I

Н. И. Хитрова

Митрополит Петр II Петрович Негош и Россия 7

Ю. П. Аншаков

Внешняя политика Петра II Петровича Негоша ... 57

Я. В. Вишняков

Я.Н. Озерецковский и Петр II Петрович Негош 97

М. Ю. Анисимов

Русские контакты Петра II Петровича Негоша ... 119

В. А. Артамонов

Два славянских преобразователя: Петр I Великий
и Петр II Негош 129

Р. Распопович

Россия и государственная деятельность Петра II
Петровича-Негоша 149

М. В. Белов

Петр II Негош и черногорцы в русской путевой
прозе 1830–1840-х гг. 165

К. В. Никифоров

Планы по объединению сербских земель и Петр II
Петрович-Негош 177

В. Б. Хлебникова

Петр Негош как политик и человек в трудах
П. А. Ровинского 191

<i>Н. Г. Струнина</i>	
Никола Петрович-Негош как преемник Петра II Петровича-Негоша	203
<i>С. Раич</i>	
Сербско-черногорские отношения после Негоша – необходимость и препятствия	205
II	
<i>Й. Станишич</i>	
П. Петрович Негош и А. С. Пушкин	209
<i>Ю. А. Созина</i>	
Поэзия Негоша и Россия	251
<i>Н. Д. Блудилина</i>	
Начальная поэзия Негоша и русские историософические мифологемы	275
<i>Б. Косанович</i>	
Пушкин и Негош – величайшие национальные поэты	291
<i>Е. А. Осипова</i>	
«Горный венец» Негоша в переводе Ю. П. Кузнецова	305
<i>М. Л. Бершадская</i>	
«Горный венец» П. Негоша на сцене Национального театра в Белграде и Черногорского национального театра (Подгорица)	317
<i>Р. Н. Мароевич</i>	
Функциональная перспектива предложения, версификация и текстология поэмы Негоша «Луч микрокосма»	325

<i>А. Н. Петров</i>	
Восемь тезисов о Негоше	351
<i>М. Мичович</i>	
Оккупация и свобода в творчестве Негоша	355
<i>О. А. Лысенко</i>	
П. Петрович Негош как олицетворение Косовской битвы	357
<i>Л. А. Мальцев</i>	
От Данте до Негоша: лики поэтической традиции Йоле Станишича	363
III	
<i>Йоле Станишич</i>	
Ловчен	375
Черногория	376
Он рос на Орлином камне	378
Завещание Негоша	380
Негошев черногорец	382
Молитва черногорца	383
<i>Сергей Сокуров</i>	
Петр II Негош в русском сердце (Отрывки из романа)	385
Сведения об авторах	413

В серии «Slavica et Rossica»

вышли следующие издания:

*Поэтический мир славянства:
общие тенденции и творческие индивидуальности
(Исследования по славянской поэзии)*

Редколлегия: С. В. Никольский (отв. ред.), Р. Ф. Доронина, Ю. А. Созина,
Н. В. Шведова.

М.: ИСл РАН, 2006.

Россия в глазах славянского мира

Редколлегия: А. В. Липатов (отв. ред.), Н. С. Осипова, Ю. А. Созина.

М.: ИСл РАН, 2007.

*Славянский мир в глазах России.
Динамика восприятия и отражения в творчестве,
документальной и научной литературе*

Редколлегия: Л. Н. Будагова (отв. ред.), И. И. Калиганов, Н. С. Осипова,
Ю. А. Созина, Н. В. Шведова.

М.: ИСл РАН, 2011.

Янко Лаврин и Россия

Редколлегия: И. А. Герчикова, Ю. А. Созина (отв. ред.), Т. И. Чепелевская,
И. В. Чуркина.

М.: ИСл РАН, 2011.

*Библиография российской словенистики
(1990–2010)*

Авторы-составители: Ю. А. Созина и Т. И. Чепелевская.

М.: ИСл РАН, 2011.

Научное издание

**Петар II Петрович Негош –
митрополит, реформатор, поэт**

200 лет со дня рождения

Материалы международной научной конференции

Москва, 12–13 ноября 2013 г.

Ответственный редактор – Ю. А. Созина

На первой странице обложки:

Йосип Томици. Негош, 1837

Подписано в печать 1 ноября 2013 г. Объем 26,25 п. л.
Тираж 150 экз. Формат 60x84/16.